

universität
wien

DIPLOMARBEIT

Titel der Diplomarbeit

**По следам Гиппократы –
образ героя-врача в произведениях А.П. Чехова и В.В.
Вересаева**

Auf den Spuren von Hippokrates –
das Arztbild in den Werken von A.P. Čechov und V.V. Veresaev

Verfasserin:

Mag.iur. Karin Hermine Maria Traunmüller

angestrebter akademischer Grad:

Magistra der Philosophie (Mag.phil)

Wien, 2010

Studienkennzahl lt. Studienblatt: A 243 361

Studienrichtung lt. Studienblatt: Diplomstudium Slawistik/Russisch

Betreuer: Univ.-Prof. Dr. Fedor Poljakov

Маргарите Моисеевне Одесской

с глубоким уважением и искренней благодарностью

В знак благодарности за поддержку в написании данной работы.

В первую очередь выражаю глубокую и сердечную благодарность Маргарите Моисеевне Одесской за данный ею импульс к теме моей работы, за сближение с творчеством А.П. Чехова и предоставленную возможность участвовать в трех замечательных и незабываемых чеховских конференциях. Душевным подходом к своему делу и искренним желанием обучать и делиться своими знаниями, Маргарита Моисеевна меньше чем за полгода не только укрепила мой интерес и любовь к русской литературе, но и открыла мне весь спектр русской культуры, позволивший мне глубже понять ее, а также взглянуть на нее через новую призму восприятия и ощущения жизни. Свою чрезвычайную признательность выражаю и за проявленные ко мне внимание, чуткость и доброту, дававшие мне необыкновенное душевное спокойствие и уют, и превратившие мои пребывания в Москве в одни из самых светлых периодов моей жизни. Благодаря знакомству с Маргаритой Моисеевной и ее отзывчивому отношению ко мне, это время запечатлелось в моей памяти не только как насыщенное приятными и теплыми воспоминаниями, но также как обогатившее мою душу безграничным запасом человеческого тепла.

Также выражаю искреннюю благодарность Федору Борисовичу Полякову за руководство данной, по теме не совсем типичной для него работой. Большое спасибо ему за многолетние интересные занятия в Венском университете, поддержку во всех отношениях, всегда приятное общение, терпение, и, прежде всего, за сердечные и ободряющие разговоры о жизни.

Отдельное спасибо Светлане Ефимовой, Наталье Соколовой и Борису Павловскому за оказанную помощь в корректировании этой работы. Особенно благодарю Светлану Ефимовну за экскурсии по прекрасным местам Москвы, и, прежде всего, за интересные и вдохновляющие разговоры о русской литературе, обогащавшие меня более чем прочтение десятка книг.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	1
-------------------	---

Часть I – «**ВЕРЕСАЕВ В ЖИЗНИ**»

1. Введение	3
2. Очерк биографии и творчества Вересаева	
2.1. Вересаев до Октябрьской революции	7
2.2. Крымские годы Вересаева и своеобразное рождение романа «В тупике».....	18
2.3. Вересаев и советские годы его жизни	30
3. Вересаев и вопросы быта	38
4. Вересаев и другие	41
5. «(...) на это я имею претензию, – считаться честным писателем»	53

Часть II – «**СРЕДИ ДОКТОРОВ**»

1. Медицина и литература	
1.1. Введение	63
1.2. Врач как персонаж литературного произведения	68
1.3. Образ врача в русской литературе XIX века	71

2. Земская медицина	79
3. «Записки врача» Вересаева	
3.1. «Записки врача» в критике современников	82
3.2. Жанровая форма «Записок врача»	85
3.3. Краткий обзор содержания «Записок врача»	86
3.3.1. От студента-медика до врача	86
3.3.2. «Записки врача» и вопросы медицинской этики	91
3.4. Экскурс: «Записки врача» Вересаева – «Записки юного врача» Булгакова ...	93
4. «Жена-медицина» в жизни и творчестве А.П. Чехова. Очерк.....	100
5. Изображение врачей в произведениях – общие вопросы	
5.1. Отношение общества к врачам – на примере произведений «Записки врача», «Зеркало» и «Враги»	104
5.2. О равнодушных врачах	117
6. «(...) Иди к униженным, Или к обиженным, Там нужен ты (...)» – О высоких намерениях докторов-интеллигентов	
6.1. Об интеллигентах и писателях – связи А.П. Чехова и В.В. Вересаева с интеллигенцией	127
6.2. Русская интеллигенция – понятие и развитие	133
6.3. Земский врач – воплощение интеллигентского идеала	140
7. Доктора господина Чехова – Андрей Ефимыч Рагин, Михаил Львович Астров и Дмитрий Ионыч Старцев	

7.1. О хамах и благородных врачах	143
7.2. «Зачем вообще мешать людям умирать»? или «И в бочке живет хорошо» – Рагин и Палата № 6	144
7.3. «Одному богу известно, в чем наше настоящее призвание» – доктор Астров между врачеванием и лесоводством	153
7.4. Превращение – Как стал из Старцева Ионыч	160
8. Врачи в произведениях В.В. Вересаева – доктора Чуваев, Чеканов и Троицкий	
8.1. Медицинский лейтмотив Вересаева	168
8.2. «Давайте побеседуем о зайцах» – доктор Чуваев из повести «Товарищи» ...	170
8.3. О холере и «холерном» докторе Чеканове – «Без дороги»	177
8.4. «Что-то они сделают?» – Предчувствия доктора Троицкого («Поветрие») ...	190
9. Выводы	
9.1. Общие замечания	197
9.2. Изменение образа врача в творчестве А. Чехова и В. Вересаева по сравнению с русской литературой первой половины XIX века	197
9.3. Герой-доктор – разочарованный интеллигент	199
10. Deutsche Zusammenfassung	219
11. Указатель литературы	229
12. Abstract (deutsch)	248

Предисловие

Антон Чехов и Викентий Вересаев – современники, которых объединяла не только литературная деятельность, но и профессия врача. Однако если имя первого достигло мировой славы благодаря прежде всего его драматургическим произведениям и остается наследием и памятью для новых и новых поколений, то имя второго теряется в тени других русских писателей предшественников, современников и преемников. Творчество и имя писателя Вересаева, часто находящиеся в забвении, не получают должного внимания до наших дней. Если 150-летие со дня рождения Антона Чехова отмечается в этом году не только в России, но и далеко за рубежом, то не учитывается, что в этом году исполняется 65 лет со дня смерти Викентия Вересаева. Почти также долго не переиздавались основные произведения этого писателя, которые создают интересную картину общества, потому что долгая жизнь Вересаева сделала его свидетелем событий своего времени на фоне атмосферы постоянного угнетения литературы, которые миновали Антона Павловича Чехова.

По причине многолетнего игнорирования Вересаева в данной работе делается попытка более полного обзора его творчества и его личности. Работа разделена на две части. Первая часть полностью посвящена личности этого автора. Освящается его долгая жизнь, дается обзор его обширного творчества, показываются главные черты его характера, отразившиеся и в его литературной деятельности. Особое внимание уделяется роману «В тупике», который не переиздавался на протяжении 60 лет. Поскольку автор в свое время пользовался большим авторитетом среди русских писателей, отдельная глава уделяется его контактам с современниками. Отдельной главой рассматривается и отношение Вересаева к советскому режиму, так как этот вопрос в существующих о нем работах освещался недостаточно.

В центре второй части работы – персонаж доктора в избранных произведениях этих двух писателей-врачей – Вересаева и Чехова. Цель такого сравнения – через анализ избранных героев-врачей в произведениях двух авторов найти сходства и различия образов, а также осветить насколько эти персонажи отражают исторические обстоятельства. Вересаев и Чехов, будучи одновременно писателями и врачами, в своей

литературной деятельности пользовались знаниями, опытом и наблюдениями, полученными во время врачебной практики. Поэтому обоснованно исходить из того, что и изображенные ими врачи имели подлинные прототипы, а это дает читателю обширное представление о положении и переживаниях данной социальной и профессиональной группы.

Начиная с произведений первой половины XIX века дается обзор присутствующих в шедеврах русской литературы образов врачей и назначенных им функций, прослеживается, как роль этих персонажей в произведениях менялась на фоне изменений медицинского обслуживания и восприятия медицинской науки в обществе. Для лучшего понимания этих перемен необходимо коротко остановиться на истории русской медицины, а также на ее феномене, вызвавшем коренные изменения в этой области – на земской медицине, введение которой в 60-х годах XIX века резко повлияло на восприятие медицинских деятелей, а также и на самопонимание врачей, и на тот факт с какими ожиданиями они приступали к своей работе. На примере произведения Вересаева «Записки врача» рассматривается становление личности доктора при первых шагах на профессиональном поприще, а также и другие общие вопросы, связанные с профессией врача. Затем внимание уделяется общественной ситуации в конце XIX века, дается очерк о понятии и развитии «русской интеллигенции», показывается, как именно медицинские деятели стали прототипом этого слоя русского общества.

После отдельного анализа шести избранных докторов в творчестве Чехова и Вересаева делается вывод, в котором указывается, чем отличаются герои этих двух авторов не только от предшественников, но и по отношению к друг другу. Выделяя главные черты, характеризовавшие интеллигенцию, в данной работе показывается в какой степени они свойственны рассмотренным персонажам.

В работе все тексты А.П. Чехова приводятся по «Полному собранию сочинений и писем в 30 томах» (М.: Наука, 1974-1983. Соч.: В 18т., Письма: В.12т.). Тексты В.В. Вересаева, если нет особых указаний, цитируются по «Собранию сочинений в 5 томах» (М.: Правда, 1961). Ссылки даются в тексте с указанием тома и страницы. Роман «В тупике» цитируется по «Собранию сочинений в 4 томах» (М.: Правда, 1990. Т. 1). Ссылки даются в тексте также с указанием тома и страницы.

ЧАСТЬ I

«Вересаев в жизни»

1. Введение

Викентий Викентьевич Вересаев – поэт, писатель и литературовед, творчество которого мало знакомо не только за рубежом, но и в самой России. При этом именно этот в начале XX века вполне популярный писатель¹ держался на литературном поприще целых 60 лет. Он активно участвовал не только в литературной, но и в общественной жизни, общался с многочисленными писателями как дореволюционной, так и послереволюционной России. С первого появления его в печати со стихотворением «Раздумье» в журнале «Модный свет» в 1885 г. вплоть до своей смерти в 1945 г. он непрерывно занимался литературной деятельностью, создав произведения самых различных жанров. Начав как поэт, он оказался писателем, творчество которого стало крайне разнообразным, охватывая не только многочисленные рассказы, повести, романы и одну драму, но и литературоведческие работы о Пушкине и Гоголе, переводы из античной литературы, а также значительные произведения мемуарного характера. К последним относятся прежде всего его воспоминания «В юные годы» и «В студенческие годы», «Невыдуманные рассказы о прошлом», и литературные портреты, дающие сведения о литературной и общественно-политической жизни страны на протяжении более полувека. Первое собрание сочинений Вересаева в 5 томах вышло в 1898-1900 гг. Затем были изданы три полных собрания сочинений: в 4 томах в 1913 г., в 12 томах в 1928-1929 гг. и в 16 томах в 1929-1931 гг. Собрание сочинений в 5 томах вышло в свет в 1961 г., в 4 томах в 1948, 1985 и 1990 гг. Были изданы несколько отдельных и избранных изданий, а также более 150 сборников.²

Несмотря на популярность, которой Викентий Вересаев пользовался в начале XX века среди российских читателей, сегодня его имя почти забыто. По мнению Д.С.

¹ *Фохт-Бабушкин Ю.У.*, Викентий Вересаев // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). М., 2001. С.626.

² *Нольде В.М./ Зайончковский Е.А.*, Лжи не будет // *Вересаев В.В.*, В тупике. Сестры. М., 1990. С.397; см. также *Мелешко О.Ф.*, Предисловие РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 4. С.2а.

Дюрранта, Вересаев не получил должного признания ни от советских, ни от российских, ни от западных критиков и литературоведов³.

В первую очередь имя Вересаева связывается с «Записками врача» (1901). Известен он также как революционер и писатель реалистического направления, творчество которого считалось «достоянием великого социалистического народа»⁴. Но ни то, ни другое высказывание нельзя оставить без ограничений. Что касается отношения писателя к советской власти, то оно было не таким безконфликтным, как думалось бы при поверхностном знакомстве с его биографией. Вересаев был одним из первых писателей, обратившихся к марксизму, долгие годы он поддерживал революционное движение. После революции, которая разделила его творческий путь на две равные части, он не уехал из России. В отличие от многих своих коллег, его миновали репрессии Большого Террора, и в 1943 г. он был удостоен Сталинской премии. Однако такая трактовка Вересаева неверна: архивные документы и новейшие работы показывают его и в совершенно другом свете. Вересаев был не только человеком широко образованным с чутким характером, тонко реагировавшим на несправедливости всякого рода с готовностью помочь, но и человеком, отличавшимся необыкновенной прозорливостью, который ставил под вопрос то, чего не понимал. Кроме этого, он был человеком, который всегда высказывал свое мнение в случае несогласия с тем или другим мнением или явлением. На протяжении многих десятилетий Вересаев пользовался большим авторитетом среди писателей, и в то же время находился в положении одновременного признания и забвения с официальной стороны. Широкой общественности неизвестен тот факт, что на протяжении 60 лет не переиздавались основные его произведения – «Живая жизнь», «В тупике», «Сестры», а также его работы о Пушкине⁵ – которые теперь можно отнести к кругу «возвращенной литературы».

Творчество Вересаева ни в коем случае не исчерпывается «Записками врача», хотя именно это произведение, бесспорно, занимает почетное место среди его

³ Дюррант Д.С., «В священном лесу» // Вересаев В.В., В священном лесу: Драма в 9 картинах. Екатеринбург, 1995. С.126.

⁴ См. «Правда» от 16.1.1937 в связи с 70-летием Вересаева. Цитируется по Милонов Н.А., В.В. Вересаев и Тула. Тула, 1987. С.28.

⁵ Зайончковский Е.А., Реабилитировать литературное наследие В.В.Вересаева // Материалы II Вересаевских чтений. К 130-летию со дня рождения В.В.Вересаева. Тула, 1997. С.12.

многочисленного наследия. Произведения Вересаева в своей сумме представляют собой документальную ценность, описывающую различные аспекты жизни в России, состояние и перемены общества на протяжении нескольких десятилетий. Эта документальность вересаевского творчества в первую очередь связана с его стилем писать. Характерное для Вересаева стремление передать изнутри сложный процесс умственной жизни привело к тому, что он часто обращался к формам дневника или исповеди, записок или рассказа от первого лица. Это давало ему возможность раскрывать идейные позиции и внутренние переживания своих героев. Он также использовал и диалогические формы, позволяющие показать столкновение различных мнений по поводу важнейших общественных вопросов⁶. Наиболее любимым жанром Вересаева можно считать публицистическую повесть мемуарного характера — большинство героев в его произведениях имели вполне определенные прототипы.

Сильная склонность к документальности и к автобиографизму по мнению Ю. Фохт-Бабушкина вытекали из стремления писателя изобразить в своих произведениях только то, что он знал подробно и из собственного опыта⁷. Это обуславливало однако и некую ограниченность тематики — господствующим мотивом его творчества стала судьба русской интеллигенции. Для Вересаева характерно, что путем внутренних монологов или дневниковых записей и писем, он изображал лишь своих героев-интеллигентов, и между тем, отказывался от описания внутренней жизни других представителей общества. Так, например, его рассказы о крестьянстве, которые он написал на рубеже веков, ведутся от третьего лица. Главный герой этих рассказов встречается и разговаривает с кем-нибудь из народа — таким образом крестьяне изображаются так, как их видит интеллигент⁸.

Такая документальность не всегда была оценена критикой, иногда упрекавшая писателя в том, что он не художник, а просто «добросовестный протоколист эпохи»⁹.

⁶ Кондаков Б.В., Вересаев Викентий Викентьевич // Русские писатели 20 века. Биографический словарь. М., 2000. С.148; в том смысле и Бровман Г.А., В.В.Вересаев. Жизнь и творчество. М., 1959. С.36.

⁷ Фохт-Бабушкин, Викентий Вересаев. С.633.

⁸ Там же. С.633-634.

⁹ Там же. С.633. Исследователь приводит высказывание Боцяновского: «Вересаев по свойству своего таланта — не художник. Он пользуется беллетристической формой как средством пропаганды или просто изложения разного рода учений и теорий». См. Боцяновский В.Ф., В погоне за смыслом жизни // Максим Горький: pro et contra. СПб., 1997. С. 242.

Но именно любовь Вересаева к фактам как к самому интересному¹⁰, делает из его произведений ценные источники при изучении общественной жизни в России. Этот факт был отмечен американским исследователем В. Эджертоном, считавшим, что вересаевская честность и его художественные недостатки позволяют видеть его творчество как документальный материал к истории развития русской интеллигенции¹¹. Это, несомненно, верно и по отношению к изображению врачей, которые присутствуют во многих его произведениях. Можно полагать, что изображенные писателем врачи во многом отражают своих коллег в действительности. Поэтому именно его произведения, имеющие доктора как героя, представляют собой и важный материал при изучении истории медицины и образа врача. Вересаев – врач по профессии, подобно А. Чехову, хорошо знал о положении своих коллег-медиков. Он предоставил им почетное место не только в своих известных «Записках врача». Как будет показано во второй части данной работы, медицинские деятели играют значительную роль во многих его рассказах и повестях.

Ввиду того, что личности Вересаева не уделялось должного внимания, хотелось бы, прежде чем обратиться к медицинским деятелям в его творчестве и в творчестве А.П. Чехова, остановиться на его жизни, хотя биографий о Вересаеве существует несколько: среди них – написанная еще при жизни писателя в 1930 г. монография С. Вржосека «Жизнь и творчество В. Вересаева», работа И.М. Гейзера «В.В. Вересаев. Писатель-врач» (1957), рассматривающая медицинский аспект в его жизни и творчестве, монография Г. Бровмана «В.В. Вересаев. Жизнь и творчество» (1959), а также труд В.М. Нольде, племянницы писателя «Вересаев. Жизнь и творчество» (1986), в который впервые вошли и архивные документы. Тем не менее, эти работы сегодня можно считать устаревшими, так как освещают личность писателя односторонне из идеологически безупречной перспективы, исключая важные аспекты его жизни и умалчивают занятую им позицию в вопросе постепенной деформации литературной жизни в Советском Союзе. Более показательны в этом отношении новейшие работы Ю.

¹⁰ См. запись в дневнике. РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 4. Ед.хр. 122. Л.16; письмо Горькому от 20.1.1900, цитируется по *Фохт-Бабушкин*, Викентий Вересаев. С.634: «Лирика неизмеримо выигрывает, когда сопровождается фактами».

¹¹ *Edgerton W.*, The Evolution of the Russian Intelligentsia as reflected in the Works of V.V. Veresaev. Columbia University, 1949. С.1: «His limited creative imagination restricted the scope of his works almost entirely to the field of his own personal experiences».

Фохт-Бабушкина, включающие многочисленные предисловия и комментарии к произведениям Вересаева, а также его отрывок «Викентий Вересаев», входящий в издание РАН «Русская литература рубежа веков» 2001 г., и представляющей собой самый актуальный труд о писателе. Разъяснения дает и взгляд в работы писателей-современников, с которыми Вересаев общался.

2. Очерк биографии и творчества Вересаева

2.1. Вересаев до Октябрьской революции

Викентий Викентьевич Смидович родился 4/16 января 1867 г. вторым ребенком в семье тульского врача (псевдонимом «Вересаев» писатель начал пользоваться с 1892 г., употребляя фамилию, на которую он натолкнулся в одном из рассказов П. Гнедича (5, 329)¹²).

Род Смидовичей – польский дворянский род¹³, записанный в дворянскую родословную книгу города Каменец-Подольска и потерявший все имущество после участия деда Вересаева в польском восстании 1830/31 гг.¹⁴ Свое детство и отрочество Вересаев подробно описал в первой части своих воспоминаний «В юные годы», законченных в 1927 г.¹⁵ Судя по тому, какими теплыми красками Вересаев описал эти годы в кругу своих родных, семейное окружение и обращение родителей к детям, то отношения Смидовичей были благополучными и полными взаимной любви и уважения. Родители воспитывали своих детей к честности и, не смотря на то, что семья материально была более или менее хорошо обеспечена, к труду, оказывая, таким образом, сильное влияние на их характеры¹⁶. Хотя для братьев и сестер Смидовичей самым близким человеком была мать, именно отец, по признанию самого писателя, положительно воздействовал на его нравственное воспитание.

¹² Там же.

¹³ *Вересаев В.В.*, Автобиографическая справка // *Вересаев В.В.*, Собрание сочинений в 4 томах. М., 1990. Т.1. С.34.

¹⁴ *Старостина В.О.*, Из истории родословной В.В. Вересаева // Материалы II Вересаевских чтений. К 130-летию со дня рождения В.В. Вересаева. Тула, 1997. С.14.

¹⁵ *Кондаков.* С.146.

¹⁶ См. *Фохт-Бабушкин Ю.У.*, Миссия писателя – служение литературе и людям // *Вересаев В.В.*, Литературные портреты. М., 2000. С.12-15; также *Edgerton, C.2*: «The influence of Veresaev's parents and his home life in Tula seems to be reflected above all in two dominant traits of his character: his devotion to truth and his strong sense of duty».

Отец, Викентий Игнатьевич Смидович, пользовался в Туле большой популярностью как врач и общественный деятель — он был одним из инициаторов ежегодных съездов земских врачей и учредителем «Общества тульских врачей». По его инициативе открылась городская больница при обществе. Как член городской Думы, где он возглавлял санитарную комиссию, отец Вересаева внес значительный вклад в изучение санитарного состояния Тулы, ведя метеорологические наблюдения, изучая состояние грунтовых вод и их химического состава, а также активно участвуя в работах Статистического комитета¹⁷. Врача Смидовича в Туле уважали за готовность помочь, участие в общественных вопросах, внимание и сочувствие к бедным. Несомненно, что его деятельность и популярность производила впечатление на его сына, который с детства чувствовал уважение тульского общества к отцу¹⁸. Типичная для врачей того времени смерть В.И. Смидовича от сыпного тифа в 1894 г. вызвала реакции далеко за Тульским краем — некрологи печатались и в еженедельном петербургском журнале «Врач»¹⁹.

Именно отец внес большой вклад в образование своего сына, развивая в нем интерес к изучению немецкого языка, чтению и самостоятельному размышлению о жизни: «Несколько десятков лет уже прошло с тех пор. И только теперь я соображаю, как упорно и как незаметно папа работал над моим образованием и как много он на это тратил своего времени, которого у него было так мало» (5, 94). Вместе с отцом мальчик обсуждал прочитанные им книги и пересказывал их — привычка, которая с раннего возраста пробудила страсть к чтению и литературе. Он читал и многократно перечитывал произведения русских и иностранных писателей, занимался античной мифологией, позже изучал книги В. Белинского, Н. Добролюбова, А. Герцена, Д. Писарева²⁰. С детства мечтая стать писателем и целенаправленно к этому готовясь самостоятельным изучением творчества многочисленных авторов, Вересаев еще во

¹⁷ Гейзер И.М., В.В. Вересаев: Писатель-врач. М., 1957. С.11. Так же Старостина, С.15.

¹⁸ «Считался одним из лучших тульских врачей, практика была огромная, очень много было бесплатной: отец никому не отказывал, шел по первому зову и очень был популярен среди тульской бедноты. Когда приходилось с ним идти по бедняцким улицам (...) ему радостно и низко кланялись у своих убогих домишек мастеровые с зеленоватыми лицами и истощенные женщины. Хотелось, когда вырастешь, быть таким же, чтобы так же все любили» (5, 6).

¹⁹ Напр. «Врач» 1894, № 48, цитируется по Бровман, С.9: «Он принадлежал к тому редкому типу людей, которые, вместе с природным недюжинным умом, обладают обширным образованием, добрым сердцем, благородным характером и скромностью истинного философа».

²⁰ Королева Л.И., Книга и чтение в жизни В.В. Вересаева (по страницам «Воспоминаний») // Материалы II Вересаевских чтений. К 130-летию со дня рождения В.В. Вересаева. Тула 1997. С.51.

время обучения в гимназии начал заниматься переводами произведений И. Гете²¹, Г. Гейне, Ф. Шиллера, Т. Кернера, Ф. Горация²², а также писать стихотворения. Первым писателем в мире он считал Тургенева. Позже среди критиков был распространен взгляд на Вересаева как продолжателя тургеневской линии повествования, который разделял и Л. Толстой²³.

После окончания тульской классической гимназии в 1884 г. Вересаев, несмотря на медицинское окружение в котором он вырос, поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета с намерением изучать русскую литературу. Обучением, охватывавшем помимо других предметов и лекции по древним языкам, превосходное знание которых ему в поздние годы были очень кстати, он «занимался без любви»²⁴, но не ограничивался изучением обязательной программы. Одержимый стремлением и жадой проникнуть в суть мира и понять действительность в стране, он читал книги о русской общине, об артелях, о сектантстве, а также изучал политическую и художественную литературу прежде всего Н. Михайловского, Г. Успенского, В. Гаршина, Н. Минского и С. Надсона. Общественная ситуация, атмосфера угнетения, а также положение страдающего народа, перед которым он, как и многие его современники чувствовал долг, сильно возмущала его. Чувствуя потребность изменить это положение и неистовую ненависть к самодержавию, он был восхищен разными студенческими агитациями, направленными против правительства, хотя и не участвовал в них активно. Во время обучения в Петербурге Вересаев, поглощенный желанием «поближе изучить общество»²⁵, по-разному старался найти контакт с людьми. В своем стремлении найти собеседников для обсуждения волнующих его общественных проблем он не только посещал, но и сам организовал студенческие кружки, в которых

²¹ К интенсивной работе Вересаева над переводами Гете, которым писатель, по-видимому, отдавался и позже; см. *Donat S.*, „Es klang aber fast wie deine Lieder...“. Die russischen Nachdichtungen aus Goethes „West-östlichen Divan“. Göttingen, 2002. С.144-160. Автор статьи рассматривает незнакомые переводы Гете.

²² *Королева, С.49; Милонов, С.9.*

²³ См. примеры, приведенные в статье *Фохт-Бабушкина*, Викентий Вересаев. С.627; также *Вржосек С.*, Жизнь и творчество В. Вересаева. Л., 1930. С.192. Также письмо М.И. Водозовой Вересаеву: «Ваши рассказы ему (Толстому — К.Т.) очень понравились. Л.Н. говорил, что некоторые из них напоминают ему Тургенева, что в них столько чувств меры и красоты природы и видна искренняя и глубоко чувствующая душа (...)». РГАЛИ. Ф.1041. Оп.4. Ед.хр.215. Л.5. Однако Фохт-Бабушкин смягчает это мнение, аргументируя, что хотя и чувствуется влияние Тургенева прежде всего в первых рассказах, Вересаев рано начал искать собственную дорогу.

²⁴ *Вересаев*, Автобиографическая справка. С.36.

²⁵ Дневниковая запись от 7.1.1885 г.; цитируется по *Фохт-Бабушкин*, Викентий Вересаев. С.629.

принимал активное участие.

В 1888 г. Вересаеву была присвоена степень кандидата исторических наук за диссертацию на тему «Известия Татищева, относящиеся к XIV веку». К удивлению своих близких и к радости отца Вересаев решил продолжать учебу и поступить на медицинский факультет. Он сам в своих воспоминаниях объяснял этот шаг не только желанием помимо гуманитарных наук изучать и науки точные и реальные, но и практическими соображениями – он хотел иметь «знания прочные и всегда нужные», чтобы чувствовать себя независимым. Однако по словам Вересаева самая главная причина для дополнительного медицинского образования была связана именно с его долголетним желанием стать писателем: «Я мечтал стать писателем, и именно беллетристом. А писатель, изучая человека, должен быть совершенно ориентирован в строении и отправлениях его тела, во всех здоровых и болезненных состояниях как тела его, так и духа. И потом: я туго и трудно сходил с людьми и надеялся, что профессия врача облегчит мне такое сближение, даст возможность наблюдать людей в таких интимных проявлениях, в каких сторонний человек никогда их не сможет увидеть» (5, 296).

Неизвестно насколько мотив поступить на медицинский факультет действительно был обусловлен этими размышлениями, но, ввиду того, что Вересаев рос в семье врача и с детства был знаком с ежедневной работой доктора, быть может, что он именно медицинской деятельностью хотел усовершенствовать в себе и художника. Его надежды и предположение, что деятельность врача поможет ему как писателю, как будто бы подтвердил Антон Чехов, который через 15 лет после окончания университетского обучения высказался о том, каким положительным образом медицинские знания воздействовали на его писательские способности: «(...) занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня как для писателя может понять только тот, кто сам врач; они имели также и направляющее влияние, и, вероятно, благодаря близости к медицине, мне удалось избежать многих ошибок. Знакомство с естественными науками, с научным методом всегда держало меня настороже, и я старался, где было возможно, соотноситься с научными данными, а где невозможно – предпочитал не

писать вовсе (...)» (16, 271). И сам Вересаев в цикле «Записи для себя» (цикл, над которым писатель работал с 30-х гг. до своей смерти, и который представляет собой «заметки, нечто вроде записной книжки, куда входят афоризмы, отрывки из воспоминаний, различные записи интересных эпизодов»²⁶) повторил, что «писатель должен не наблюдать жизнь, а жить в жизни, наблюдать ее не снаружи, а изнутри», и подчеркнул, что начинающий писатель «не должен "жить" литературой»²⁷, а должен иметь какую-нибудь дополнительную, стойкую профессию.

В 1888 г. Вересаев поступил на медицинский факультет немецкого Дерптского университета. В отличие от Петербурга в Дерптском университете существовало разделение студентов на русских с одной стороны и организованных в своих корпорациях немецких студентов – с другой, что не способствовало развитию студенческой жизни. Поэтому Вересаев полностью отдался науке и изучению медицины. Многие из впечатлений, полученные им во время обучения на медицинском факультете вошли в произведение «Записки врача» (1901), которые будут подробнее обсуждены во второй части данной работы.

После окончания университета в 1894 г. Вересаев вернулся в родную Тулу заниматься врачебной деятельностью. Но немногим позже в том же году, он вернулся в Петербург, чтобы улучшить свои практические знания, работая в должности сверхштатного ординатора в Боткинской больнице до 1901 г.

Живя в Петербурге, Вересаев наблюдал разрастание марксистского движения, однако сам не увлекся им сразу. Не будучи убежденным ни в народнической теории, веру в которую он потерял еще в студенческие годы, ни в марксизме, он искал правильный путь без того, чтобы полностью примкнуть к тому или другому движению²⁸. Эта нерешимость Вересаева долго запутывала и критику, которая трактовала его то народником, то марксистом, то ни народником, ни марксистом: «Вересаев говорит народникам: *вы правы*, а марксистам: *не могу с вами не согласиться* (...) Вересаев – уклонный талант»²⁹.

²⁶ Беседа Вересаева с корреспондентом «Книжных новостей» в январе 1936 г.; цитируется по *Фохт-Бабушкин Ю.У.*, Примечания // *Вересаев В.В.*, Собрание сочинений в 4 томах. М., 1985. Т.4. С.487.

²⁷ *Вересаев В.В.*, Записи для себя // Там же. С.383.

²⁸ В том смысле и *Edgerton*, С.19.

²⁹ *Протопопов М.А.*, Беллетристы новейшей формации // *Русская мысль*. 1900. Кн. IV. С.241; цитируется по *Фохт-Бабушкин*, Викентий Вересаев. С.628.

Вересаев, без сомнений, обратился к марксизму после 1896 г. Позже он отмечал в своей автобиографической справке, что если его до того и не убеждала марксистская теория, то наконец убедила его «знаменитая июньская стачка петербургских ткачей, всех поразившая своею многочисленностью, выдержанностью и организованностью» и чувство прихода новых людей и надежд³⁰. После этого события марксизм для Вересаева стал «самым дорогим (...) учением», и Марксу он в области науки уделит то же место, что и Л. Толстому в искусстве, считая их вершиной духовной истории³¹. Он не только помогал агитационной работе «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», устроив в больничной библиотеке, которой он заведовал, склад нелегальных изданий, но и разрешал проведение собраний организации в своей квартире³². С 1899 г. Вересаев посещал марксистский литературный кружок, в который входили П.Б. Струве, М.И. Туган-Барабановский, А.М. Калмыкова, В.Я. Богучарский, П.П. Маслов и другие³³. В литературном кружке царила «раскаленная общественная атмосфера, страстные дебаты сначала с народниками, потом с бернштейнцами, согласное биение со все усиливающимся революционным пульсом, тесная связь с революционными низами» (5, 400). Тех же участников литературного кружка Вересаев встречал и на «Туган-Барабановских журфиксах», где собирались все тогдашние представители легального марксизма (5, 370).

Однако здесь нельзя не отметить и голоса, смягчающие участие Вересаева в революционном движении, а также его восхищение марксизмом. Интересными являются мемуары приятеля и коллеги писателя, доктора В.Н. Катина-Ярцева, который также некоторое время был членом «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Катин-Ярцев в своих воспоминаниях описывает не только встречи с Вересаевым, но и утверждает, что тот не вел столь активную работу в «Союзе»³⁴. Также стоит упомянуть сделанную В.Б. Катаевым заметку в связи с повестью «Поветрие» (1897), в которой Вересаев в прямой полемике столкнул народнические и марксистские идеи, и которая обычно рассматривается как произведение, в котором писатель становился на сторону

³⁰ Вересаев, Автобиографическая справка. С. 39.

³¹ См. дневниковая запись; цитируется по *Фохт-Бабушкин*, Викентий Вересаев. С.631.

³² Там же. С.632.

³³ Вересаев В.В., Литературные портреты. М., 2000. С.444. См. подробнее к марксистским журналам «Новое слово» и «Начало» и их членам там же. С.438-448.

³⁴ См. Катин-Ярцев В.Н., Тени прошлого – воспоминания // *Былое* № 25. М., 1924. С. 101-118. Цитируется по *Дюррант*. С.163.

нового движения³⁵, что позже было подтверждено и им самым. В. Катаев указывает на то, что все-таки чувствуется некая настороженность и смятение одного из протагонистов повести к новому течению. По мнению исследователя заслуживает внимание именно факт, что такие высказывания, как «жестокость нового учения», «проклятая зараза», а также мрачные предчувствия будущих последствий марксистской практики как раз звучат из уст близкого автору земского врача³⁶.

Вне сомнения остается тот факт, что Вересаев активно поддерживал революционное движение и общался с рабочими и революционной молодежью. Он был сторонником марксизма, не потеряв при этом способность правильно понять и оценить и точку зрения противников. Он не дал ослепить себя, а сохранил объективную манеру повествования, которая как раз превращает его произведения, в том числе и повесть «Поветрие», в зеркало самых разных настроений общества того времени.

В 1901 г. Вересаев был уволен из больницы за подписание адресованного министру внутренних дел протеста Союза взаимопомощи русских писателей против жестокой расправы с демонстрантами³⁷ и был сослан в Тулу. В течение двух последующих лет ему запрещалось жить в столичных городах. Однако в Туле писатель продолжал свою революционную деятельность, писал прокламации³⁸, несмотря на надзор полиции активно участвовал в работе местной социал-демократической рабочей партии и организуемых ею демонстрациях, и помогал комитету РСДРП материально³⁹.

Во время своего пребывания в Туле он имел возможность посетить в Ясной Поляне Л. Толстого, а также, вместе с М. Горьким, с которым Вересаев сблизился в конце 90-х гг., навестить А. Чехова в Ялте. Об этих встречах он написал мемуарные

³⁵ *Фохт-Бабушкин*, Викентий Вересаев. С.631.

³⁶ *Катаев В.Б.*, Реализм и натурализм // *Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов)*. Книга 1. М., 2001. С.216.

³⁷ См. *Фохт-Бабушкин Ю.У.*, Комментарии // *Вересаев В.В.*, Литературные портреты. М., 2000. С.502; также *Фидлер Ф.Ф.*, Из мира литераторов: Характеры и суждения. М., 2008. С.322.

³⁸ См. сохранившуюся в архиве писателя прокламацию «Овцы и люди»: «Неужели вы не понимаете, что хозяева России вы, а не царь, что вы имеете право жить по своим законам и по своей правде... Братья, великая война началась... На одной стороне стоит изнеженный жизненными благами, облитый русской кровью самодержавец... на другой стороне закаленный в нужде рабочий с мускулистыми, мозолистыми руками... Россия принадлежит нам... В великой войне с царем, которая идет по всей России, мы не отступим, пока не завоюем свободы... Долой самодержавие! Да здравствует Социал-Демократическая Республика!»; цитируется по *Нольде/ Зайончковский*, Лжи не будет. С.373.

³⁹ Там же. С.373-374.

очерки. Если Чехов раньше произведения Вересаева не одобрял⁴⁰, то к тому времени, после публикации «Записок врача» и рассказах о крестьянстве («Лизар» (1899), «К спеху» (1899), «За права» (1902), «Об одном доме» (1902) и др.), стал его ценить: «Вересаев врач, я познакомился с ним недавно, производит он очень хорошее впечатление» (П. 11, 231), писал А. Суворину, одновременно советуя ему почитать вересаевские рассказы. Одобрительно он высказался и в письме О.Л. Книппер, прося ее при случае передать Вересаеву, что тот ему «очень нравится» (П. 11, 289)⁴¹.

После вынужденного пребывания в Туле Вересаев побывал за границей, затем вернулся в Москву. Во время русско-японской войны, начатой правительством с уверенностью в быстрой и верной победе, но закончившейся унижительным поражением страны, Вересаев был мобилизован в качестве военного врача и отправлен в Маньчжурию, откуда он вернулся лишь в начале 1906 г. Его работа на полях войны и события, которые он наблюдал на Дальнем Востоке, легли в основу новых произведений, над которыми он начал работать сразу после возвращения. Так, уже в 1907-1908 гг. в сборниках «Знание» появились записки Вересаева «На войне» (позже названные «На японской войне»), представляющие собой почти дневник, который описывает войну с первых взрывов японских мин в гавани Порт-Артур до возвращения русских войск на родину⁴². Рассказы о войне – «Издали», «Враги», «Ломайло», «На отдыхе», «Исполнение земли», «В мышеловке» – печатались в то же время в разных журналах. В четвертом томе полного собрания сочинений, вышедшего в свет в 1913 г. эти рассказы были объединены писателем в цикл «Рассказы о войне» (позже этот цикл рассказов был переименован в «Рассказы о японской войне»).

Подобно тому, как А. Чехов смотрел на увиденное им на острове Сахалин глазами врача, Вересаев в этих своих произведениях не отказался от подробных описаний из области медицинского дела: с точностью врача он изображает раны, следствия ранений, критикуя, одновременно и недостатки в области санитарного

⁴⁰ См. письмо А.П. Чехова Л. Авиловой от 26.2.1899: «А Вересаев и Чириков мне совсем не нравятся. Это не писанье а чириканье; чирикают и надуваются. (...)»; а также письма к Горькому от 1. и 18.1.1899; в последнем однако он признал некий талант Вересаева: «Вересаев талантлив, но груб — и, кажется, умышленно. Груб зря, без всякой надобности.(...)» (П. 8, 107).

⁴¹ Из сохранившегося в архиве Вересаева письма О. Книппер от 25.4.1927, в котором она благодарит его за присланную ей книгу о Пушкине следует, что писатель с ней, по меньшей мере время от времени, поддерживал контакт и после смерти А. Чехова. См. РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 4. Ед.хр.273. Л.1.

⁴² Вржосек. С.115.

обслуживания⁴³. Поэтому его произведения о японской войне были восприняты как продолжение «Записок врача» относительно к военно-медицинскому ведомству⁴⁴.

За событиями революции 1905 г. Вересаев с самого начала следил с восхищением, однако после ее поражения прекратил верить в возможность преобразования общества путем революции, пытаясь найти причины ее неудачи и жестокости как в идеологии интеллигенции⁴⁵, так и в отсталости народа, в котором проснулись и победили биологические инстинкты, как только почувствовал свободу и некую власть в своих руках⁴⁶. Исследователи полагают⁴⁷, что Вересаеву, врачу по профессии, при всем прежнем увлечении марксистскими идеями, с самого начала казалось, что они слишком идеализируют человека, недооценивая факт, что сила биологического инстинкта в конце концов победит все, в том числе и все пролетарское движение с классовой борьбой⁴⁸. В результате, писатель обратился к раскрытию психологии героев в таких рассказах как «Проездом» (1903), «В путях» (1904), «На высоте» (1906) и др.⁴⁹ В общем считается, что не позже чем после неудачи революции 1905 г., Вересаев начал сомневаться во всемогуществе и правильности революционного пути развития страны⁵⁰, и не питал иллюзии по поводу революционных идей. Свои опасения он высказал в плохо принятой критикой всех политических движений повести «К жизни» (1908), в которой Вересаев, как подчеркивает Д.С. Дюррант, отказался от идеи надвигающегося политического переворота в убеждении, что Россия лишена элементов,

⁴³ См. подробнее Гейзер, В.В. Вересаев. С.47; в том смысле и *Вржосек*, С.117-119.

⁴⁴ *Вржосек*. С.117; Быстров В.Н., Вересаев // Русская литература XX века – Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь в 3 томах. М., 2005. Т.1. С.367.

⁴⁵ Дюррант. С.133.

⁴⁶ *Фохт-Бабушкин*, Викентий Вересаев. С.635; в том смысле и Дюррант, С.134.

⁴⁷ *Фохт-Бабушкин*, Викентий Вересаев. С.633; в том смысле и Дюррант, С.134.

⁴⁸ *Фохт-Бабушкин*, Викентий Вересаев. С.633.

⁴⁹ Кондаков, Вересаев. С.147.

⁵⁰ Там же; *Фохт-Бабушкин*, Викентий Вересаев. С.636. См. также Durrant J.S., V.V. Veresaev's Reaction To Nietzsche // *Germano-Slavica – A Canadian Journal of Germanic and Slavic Comparative Studies* 5 (1987). С.231. Данная статья посвящена третьей части произведения «Живая жизнь», названной «АПОЛЛОН И ДИОНИС (О Ницше)». Исследователь прослеживает отношение Вересаева к Ницше и его философии, подчеркивая, что писатель оставался скептическим по отношению к теориям как о воле к власти, так и о Сверхчеловеке. Вересаев указывал на то, что по его мнению, популярность немецкого философа распространяет извращение, неправильные представления об эллинизме и декадентский культ Дионисийского мистицизма. После анализа главных пунктов учений Ницше, с которыми Вересаев ведет полемику, Дюррант приходит к выводу, что Вересаев со своими взглядами сильно отличался от своих современников в России, находивших в ницшеанских доктринах силу и нормы для обретения смысла жизни. Вересаев в своей собственной философии был ближе к Толстому (а не к Ницше или Достоевскому), которого считал настоящим духовным наследником древнегреческих учений и мышления.

необходимых для успешной социальной революции⁵¹. Главный герой Чердынцев, от лица которого ведется рассказ, разочарованный неудачной революцией и задающий себе вопрос «Зачем жить?», размышляет о причинах поражения. Он приходит к выводу, что недооценивается роль и значение биологических инстинктов человека. Ю. Фохт-Бабушкин указывает на то, что Вересаев в этом произведении полемизировал с теми, кто видел в революции единственное условие создания нового общества⁵². Тем не менее, суть повести лежит глубже, и надо рассматривать ее и с философической точки зрения⁵³, так как в ней впервые нашла воплощение концепция «живой жизни»⁵⁴. Сам Вересаев замысел произведения объяснил так: «В долгих исканиях смысла жизни я в то время пришел наконец к твердым, самостоятельным, не книжным выводам, (...) давшим собственное, питающее меня до сих пор знание – в чем жизнь и в чем ее "смысл"? Я захотел все свои находения вложить в повесть (...)»⁵⁵. Главный герой после долгих исканий открывает для себя, что смысл жизни – в самой жизни и в самом природном течении быта, который человек должен чувствовать и хранить в себе⁵⁶.

Идею и концепцию «живой жизни», суть которой в первую очередь лежит в приоритете общечеловеческих ценностей и развитии человека, его естества и духовности, Вересаев продолжал в своей книге «Живая жизнь» (1909-1914), представляющей собой философско-критическое исследование на тему творчества и личности прежде всего Л. Толстого и Ф. Достоевского в первой (1910), и об эллинских трагиках и Ф. Ницше, во второй части (1914). Фохт-Бабушкин указывает на то, что Вересаев в этом произведении пересмотрел свои взгляды на мир и миссию художника в нем⁵⁷. В «Живой жизни» Вересаев обратил внимание на близость эстетических

⁵¹ Дюррант. С.134-135; в том смысле и Фохт-Бабушкин, Викентий Вересаев. С.636.

⁵² Фохт-Бабушкин, Викентий Вересаев. С.636.

⁵³ См. Edgerton, С.52-60; также Дюррант. С.135-138. Дюррант полагает, что Вересаев до определенной степени находился под влиянием А. Бергсона. Интерпретация реального времени имеет, по мнению исследователя, прямое отношение к нескольким работам писателя.

⁵⁴ Быстров, С.367.

⁵⁵ Вересаев, Записи для себя. С.393.

⁵⁶ Скотов Н.Н., Русская литература XX века. Биографический словарь в 3 томах. М., 2005. Т.1. С.367. К вопросу о влиянии А. Бергсона и вообще к трансформации мировосприятия по направлению от политической сферы к духовной см. Дюррант. С.136-137.

⁵⁷ Фохт-Бабушкин, Викентий Вересаев. С.637; подробнее об этом произведении см. там же. С.637-642. Важным в этой связи является письмо Вересаева исследователю Вржосек от 19.7.1923 г. (опубликованное в Вржосек. С.102): «Да, с начала десятых годов несомненный поворот душевный от неврастения, неприятия жизни, черноты в душе (...) От этого, – путем напряженной умственной работы и огромной работы над собой, переход к приятию жизни, ставшей не умственным, а органическим, ясность души, гармоничность и упорядоченность душевность переживаний».

установок Толстого и Бергсона, считавшего, что интеллект не в состоянии понять жизнь, а интуиции это под силу⁵⁸.

В течение десяти лет после русско-японской войны Вересаев не занимался медициной. Он совершил поездки в Австрию и Италию в 1907 г., где два месяца провел у скорбящего о своей жене Л. Андреева. Затем, 1909-1910 гг. он провел в Египте, где прожил в Гелуане подле Каира около полгода и на обратном пути посетил Грецию⁵⁹. В августе 1914 г. Вересаев был снова мобилизован в качестве военного врача. Некоторое время он был полковым врачом в городе Коломна, а затем остался в тылу и с 1914 по 1917 гг. заведовал одним из военно-санитарных дезинфекционных отрядов Московского железнодорожного узла⁶⁰.

Февральскую революцию 1917 г. он принял с надеждой, взяв на себя должность председателя Художественно-просветительской комиссии при Московском совете рабочих депутатов, которую выполнял с апреля по октябрь, отстаивая свободу художника от посягательств новой власти⁶¹. Тем не менее Вересаев, все ранние годы примыкавший к революционным кругам, сразу же после свержения царя предупреждал об опасности нового произвола и нового варварства, ничем не отличающихся от прежнего режима. Уже после Февральской революции им была опубликована серия публицистических брошюр «Бей его!» (О самосудах), «Темный пожар» (О свободе слова), «Надевать!» (Борьба за право), в которых он констатировал попытку под флагом революции заменить одну тиранию на другую, указывая на опасность продолжения существующих при царе практик, а из этого вытекающее процветание варварского отношения к человеческой личности⁶². В одной из этих работ, «Темный пожар», Вересаев, всегда выступавший за свободу слова и возможность высказать свое мнение, насколько бы оно не отличалось от преобладающих взглядов, подчеркивал необходимость соблюдения этого права, которое он видел под угрозой, чувствуя, что «(т)еперь каждый с озлоблением и презрением смотрит на другого, каждый хочет слушать только своих, а всем, кто возражает, кричит: "долой"!», и считая совершенно непозволительным «в свободной стране бороться с противником тем, что не даешь ему

⁵⁸ Солнцева Н.М., Иван Шмелев. Жизнь и творчество. *Жизнеописание*. М., 2007. С.257.

⁵⁹ *Вржосек*. С.122.

⁶⁰ Там же. С. 156.

⁶¹ *Фохт-Бабушкин*, Викентий Вересаев. С.643.

⁶² Там же. С.643.

говорить»⁶³. Уже к середине 1917 г. он предостерегал перед ограничением права выражать свои мнения и взгляды: «Зачинается на Руси темный подземный пожар, – пожар злобной ненависти ко всякому чужому мнению: люди стремятся зажать друг другу рот, скрутить, сократить, не дать пикнуть. И пожар только еще начинает разгораться (...)»⁶⁴. Вересаев сразу понял, что «Темная часть народа поняла ее (только что наступавшую свободу – *К.Т.*) так: всякий делай, что хочешь, законов никаких не надо исполнять», и требовал «дружно сплотиться вокруг выбранной нами власти, подчиняться ей и строго исполнять ее законы и распоряжения. Свободная страна отличается от рабской именно тем, что свободный гражданин исполняет законы по доброй воле, а не из под палки (...)»⁶⁵.

Многие мотивы из этих трех работ, звучащих как предупреждение того, что наступило в следующие десятилетия, нашли отражение в романе «В тупике», которому были суждены не только непростой выход в свет, но и сложный путь существования.

2.2. Крымские годы Вересаева и своеобразное рождение романа «В тупике»

В 1918 г. Вересаев с женой уехали на свою дачу в Коктебель с намерением остаться там на три месяца. Однако в Крыму их застала гражданская война, поэтому вернуться в Москву супругам удалось лишь в 1921 г., после трех бурных лет, в течение которых писатель стал свидетелем событий сражений и повторного перехода Крыма «из рук в руки» противоположных властей⁶⁶. Условия жизни для него, как и для других жителей, были тяжелыми: Вересаев работал врачом, объезжая больных на велосипеде и получая за свою деятельность яйца или сало⁶⁷, сам перенес испанский грипп и цингу, шесть раз стал жертвой ограбления (из того раз отрядом красногвардейцев), был арестован белыми⁶⁸; в октябре 1919 г. в газете «Агит-РОСТА» даже был напечатан некролог В.В. Вересаеву, якобы расстрелянному денikinцами⁶⁹. В апреле 1919 г., после

⁶³ Вересаев В.В., Темный пожар (О свободе слова), М., 1917. С.10.

⁶⁴ Там же. С.13.

⁶⁵ Вересаев В.В., Бей его! (О самосудах). М., 1917. С.16.

⁶⁶ Вересаев, Автобиографическая справка. С.40.

⁶⁷ Эренбург И.Г., Собрание сочинений в 9 томах. М., 1966. Т.8. С.306-307.

⁶⁸ Вересаев, Автобиографическая справка. С.40; Вржосек, С.164; Нольде/ Зайончковский., Лжи не будет. С.376.

⁶⁹ Галушкин А.Ю. (Отв. ред.), Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т.1. Ч.1. Москва и Петроград 1917-1920 гг. М., 2005. С.457.

установления в Крыму Советской власти, писатель был избран членом Коллегии Феодосийского отдела народного образования, он заведовал отделом литературы и искусства и вел культурно-просветительную работу⁷⁰. Затем, после повторного прихода белогвардейцев, продолжал поддерживать Москву, разрешая на его даче проведение подпольной областной партийной конференции большевиков⁷¹. Тем не менее, по свидетельству И. Эренбурга, Вересаев в оказании поддержки большевикам не закрывал глаза на окружающую его действительность, а «страдал от грубости и примитивизма», и хотя «в борьбе против белогвардейцев все его симпатии были на стороне Москвы, (...) многого он не понимал и не принимал»⁷².

Несмотря на тяжелые условия жизни, с которыми писатель столкнулся в это время, годы пребывания в Коктебеле были для него и годы активной творческой деятельности: он написал рассказ «Состязание», первую свою пьесу «В священном лесу», и начал работу над романом «В тупике», в котором отразились впечатления его пребывания в Крыму. Роман является одним из первых произведений русской литературы, в котором отражена тема гражданской войны.

Работу над романом Вересаев продолжал и после возвращения в Москву. Он был полностью поглощен в работу, как свидетельствуют его письма М. Новицкой⁷³: «(...) Работаю, наверное, как никогда не работал»⁷⁴; «Как странно! Никогда, за всю мою жизнь, и в молодости, не было у меня такого наплыва вдохновения, как этот год, при писании (...) моего романа!»⁷⁵; «Весь я сейчас живу в моем романе (...)»⁷⁶.

По признанию самого писателя, роман содержал «сцены (...) очень острые – чрезвычайки, реквизиции, подвалы, выселения»⁷⁷, и рисовал большевиков самыми

⁷⁰ Нольде В.М./ Зайончковский Е.А., Азбука гласности. В.В. Вересаев «В тупике» // Огонек № 30 (1988). С.30.

⁷¹ Там же. См. также Нольде/ Зайончковский, Лжи не будет. С.376.

⁷² Эренбург, С.306-307.

⁷³ С М. Новицкой, которая позже жила в Киеве, Вересаева связывали очень близкие отношения. Переписка, которая началась после возвращения Вересаева в Москву, продолжалась до самой смерти писателя и дает сведения не только о личной жизни, но и литературной деятельности. С М. Новицкой писатель разделял свои мысли и проблемы, которые он, по видимому, не мог или не хотел обсуждать со своей больной женой. Многочисленные письма Вересаева, охватывающие период нескольких десятилетий, поступили в архив РГАЛИ лишь после 2000 г.

⁷⁴ Письмо от 5.6.1922. РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 5. Ед.хр. 13. Л.22.

⁷⁵ Письмо от 24.10.1922. РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 5. Ед.хр. 13. Л.25.

⁷⁶ РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 5. Ед.хр. 13. Л.28.

⁷⁷ Письмо Вересаева М. Новицкой от 24.1.1923. РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 5. Ед.хр. 13. Л.28.

разнообразными красками, что «за одни сцены меня следовало посадить в подвал, а за другие предложить в партию», как вспоминал Вересаев слова одного партийца⁷⁸. В 1923 г. «В тупике» был опубликован, причем его публикация вызвала бурные реакции не только в СССР, но и за рубежом, где роман был воспринят как контрреволюционное произведение. Было подчеркнуто то, что произведение показывает трагедию русской либеральной и радикальной интеллигенции. Позже подчеркивалось, что оно может быть сравнено с романом «Доктор Живаго» Б. Пастернака⁷⁹. Горький, прочитавший роман в Сорренто, писал Вересаеву, что «здесь эту книгу хвалили за ее контрреволюционность»⁸⁰. Сам Вересаев в своих воспоминаниях говорил, что по поводу английского перевода романа в газете "Times" писали: «Говорили, что в СССР нет свободы печати; мы же из предисловия романа с удивлением узнали, что автор романа – не эмигрант, не сидит в советской тюрьме, а благополучно живет и здравствует в Москве»⁸¹. В другой англоязычной газете предполагалось, что автор романа наверное уже покинул Россию⁸².

На самом деле, если автор родину и не покинул, то издание романа «В тупике» все-таки оказалось непростым. В 1922 г. он начал публиковаться в журнале «Красная новь», потому что печатать отдельной книгой «такую контрреволюцию» никто из издателей не решился⁸³. Когда редактор альманаха «Недра» и влиятельный партийный издатель Н.С. Ангарский, с которым Вересаева связывали дружеские отношения, хотел открыть первый номер сборника именно этим произведением, цензура не хотела его

⁷⁸ Вересаев В.В., В тупике // Огонек № 30 (1988). С.30.

⁷⁹ Chamberlin W.H., The Tragedy of the Russian Intelligentsia // Russian Review Vol 18, Nr 2 (1959), С. 89, 93; также Chamberlin W.H., Soviet Russia. Boston, 1930. С.341: «Probably the best picture of the poignant tragedy of the intelligentsia in the period of the Russian civil war, a picture that is all the more true and convincing because it reflects some of the author's experiences».

⁸⁰ Горький А.М., Письма к писателям и И.П. Ладыжникову. М., 1959 // Архив А.М. Горького. Т. VII. С.124.

⁸¹ Вересаев, Литературные портреты. С.485. Эта часть воспоминаний впервые была опубликована в журнале «Огонек» (№ 30) в 1988г.

⁸² См. РГАЛИ Фонд 1041, Оп. 4. Ед.хр. 34: «Two Novels of Russia in Her Torment – „The Deadlock“: (...) The author was a Bolshevik official. Presumably he is no longer a Bolshevik or in Russia, since his picture of the Reds is not more flattering than his picture of the Whites. Not that he appears to try for impartiality: it is simply that prejudice and partisanship do not count with him. (...) he looks at Russia as a tragic victim of circumstances of fate, and upon the Russian people (...) as helpless instruments of the divine craftsman (...) His tale is focused in the experience of a little place and a small group of people». /курсив мой – К.Т./.

⁸³ Боть В.И., Гражданская война в жизни и творчестве В.В. Вересаев // Материалы II Вересаевских чтений. К 130-летию со дня рождения В.В. Вересаева. Тула, 1997. С.35; Нольде В.М./ Зайончковский Е.А., Комментарии к воспоминаниям Вересаева «В тупике» // Огонек № 30 (1988). С.30.

пропускать и запрещала категорически⁸⁴. Тогда Ангарский посоветовался с председателем Моссовета Л.Б. Каменевым, объясняя ему, что «Роман очень актуален, злободневен. События, описанные в нем, сложны и противоречивы, но уверен, что вызовут большой интерес у читающей публики»⁸⁵. Каменев согласился ознакомиться с произведением и назначил чтение романа на 1 января 1923 г. в своей квартире в присутствии Ф. Дзержинского, И. Сталина, Г. Сокольникова, Д. Курского, В. Куйбышева и других, то есть всего тогдашнего Совнаркома без В. Ленина, Л. Троцкого и А. Луначарского. Происшествия того вечера Вересаев подробно описал как в письме М. Новицкой от 24.1.1923 г.⁸⁶, так и в отрывке воспоминаний, написанных в 1938 г., но опубликованных лишь в 1988 г. в журнале «Огонек». После чтения нескольких частей романа – Вересаев сам признавал, что среди прочитанных им отрывков преобладали негативные и темные сцены по отношению к большевикам, – большинство присутствующих на него стали нападать и обвинять его в непонимании революции, рисуя ее с обывательской точки зрения и нагромождая непропорционально отрицательные явления⁸⁷. «Честили меня так, что небу было жарко, – зачем я не смотрю на события как коммунист», резюмировал Вересаев реакцию слушателей в письме М. Новицкой⁸⁸. Тем не менее, после бурной дискуссии, в течение которой одобрительно к роману отнеслись лишь Сталин и прежде всего Дзержинский⁸⁹, было принято решение разрешить произведение к печати.

В 1923 г. «В тупике» был опубликован полностью, и в течение следующего десятилетия издавался еще семь раз⁹⁰, хотя при каждом новом издании требовалось повторное «вмешательство свыше, чтобы пропустить роман» через Главлит⁹¹. Уже в 1923 г. в «Бюллетене ГЛАВЛИТА № 3» была высказана необходимость подвергнуть

⁸⁴ Ангарская М.Н., По следам отца. [Об обществ. деятеле, просветителе, критике и изд. Н. С. Клеостове-Ангарском]. М., 1992. С.270.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 5. Ед.хр. 13. Л.28, 28 об.

⁸⁷ Так, Л. Каменев дивился тому, «как современные беллетристы любят изображать действия ЧК». Вместо изображения «подвигов на фронте гражданской войны, строительства», они предпочитают «лживые измышления о якобы зверствах ЧК». Огонек № 30 (1988). С.30.

⁸⁸ РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 5. Ед.хр. 13. Л. 28.

⁸⁹ «Вересаев – призванный бытописатель русской интеллигенции. И в этом новом своем романе он очень точно, правдиво и объективно рисует как ту интеллигенцию, которая пошла с нами, так и ту, которая шла против нас. Что касается упрека в том, что он будто бы клеветает на ЧК, то, товарищи, между нами – то ли еще бывало!». См. Вересаев, В тупике // Огонек. С.30.

⁹⁰ Фохт-Бабушкин, Комментарии // Вересаев В.В., Собрание сочинений в 4 томах. Т.1. М., 1990. С.605.

⁹¹ Вересаев, В тупике // Огонек. С.30.

роман «В Тупике» существенным поправкам. Было отмечено, что «(р)еволюционная власть, большевики, выступают в 1-й части романа отрывочно, но в чертах непривлекательных и грубых. Во 2-й части романа эта тема значительно сгущена. Черты произвола, самозванства представителей новой власти, политическая бестактность и трусость, местами мотивы антисемитизма (от автора) и кое-где выступающая беспомощность так называемых "идейных" большевиков в иных случаях позволяет читателю расшифровать заглавие романа и в приложении к революции, "вызвавшей темные силы" (по толкованию автора) и "сумевшей пока ими овладеть". Заключительная сцена 2-й части романа вносит мотив примирения и утверждения нового, но эта сцена исключительно декларативна и потому не убедительна. Роман Вересаева требовал бы, по мнению Главлита, существенных поправок, особенно во 2-й части, где автор в своем стремлении к объективности не нашел верной меры, получилось неумышленное искажение»⁹². Тем не менее на протяжении 20-ых гг. роман продолжал издаваться, хотя последнее издание по словам Вересаева уже было «пощипано цензурой»⁹³.

В основу романа «В тупике», который как и большинство произведений Вересаева во многом автобиографичен, легли события, свидетелем которых автор стал во время трехлетнего пребывания в Крыму, где революционные и контрреволюционные силы столкнулись с особенной жестокостью и жгучестью. Писатель сохранил в произведении свою объективную манеру повествования, не преувеличивая и не сгущая красок⁹⁴, что и отличало его роман, как указал П. Милюков, от произведений других писателей, не принявших революцию: «(...) в этом отношении "В тупике" отличается от "Солнца мертвых" Шмелева, – произведения, пропитанного сосредоточенной ненавистью и отчаянием»⁹⁵. Именно эта объективность и привела в растерянность критиков в СССР, где роман был воспринят по разному и в самых противоположных

⁹² Бюллетень Главлита № 3. Май 1923г. Цитируется по *Блюм А.В.* (Сост.), *Цензура в СССР. Документы 1917-1991*. Бохум, 1999. С.60-61.

⁹³ *Фохт-Бабушкин*, Комментарии // *Вересаев*, Собрание сочинений, 1990. С.605. *Блюм А.В.*, Index Librorum Prohibitorum русских писателей 1917-1991 (Часть 1. А-Ж) // Новое литературное обозрение № 53 (2002). С.442, где приводится, что до 1931 г. выходили издания романа, который также был включен в Полное собрание сочинений 1929 г.

⁹⁴ *Пруссакова И.В.*, Речь очевидца. В. Вересаева. «В тупике» // *Нева* № 11 (1994). С.275; в этом смысле и *Милюков П.Н.*, Очерки по истории русской культуры. Т.2. Париж, 1931. С.427: «Картина перехода Крыма от белых к красным и от красных к белым нарисована Вересаевым со всей возможной объективностью».

⁹⁵ *Милюков*, С.427.

смыслах. Часть критиков иронизировала, что в тупике оказался сам автор, обвиняя его, что «с самого начала до конца» стоит «на стороне *меньшевистского* крыла русских марксистов», частично даже упрекая его в том, что им «искажена действительность»⁹⁶. Другие же извиняли Вересаева тем, что он, хотя и не эмигрировал, но «пытается сопутствовать революции», все таки «не свой, а чужой», так как «не слился», «не сросся» с ней⁹⁷. Однако было и немалое количество положительных отзывов, как со стороны критиков, так и со стороны общественности. Биограф и знакомый Вересаева С. Вржосек в вышедшей в свет в 1930 г. биографии писателя назвал роман «одним из лучших достижений его творчества и ценнейшим литературным документом о жизни революционного времени», оценивая, что Вересаев показал «действительно прошедшее перед его глазами, стараясь сохранить при этом максимальную объективность»⁹⁸. Вржосек обратил особое внимание и на стиль романа: «Весь он написан маленькими сценками и отрывками, иногда – в несколько строк, но каждый такой отрывок дает целостное художественное впечатление, а все вместе слагаются, как цветные камни мозаики, в широкую картину революционного времени»⁹⁹. Положительно отозвался о романе и В. Львов-Рогачевский, отмечая, что роман «более чем художественное произведение: это – документ эпохи и яркое свидетельство сдвига в переживаниях старшего поколения»¹⁰⁰. Также А. Воронский, который в опубликованной в «Правде» статье «В тисках», посвященной публикации романа, выделил его над другими произведениями того периода, хваля автора за верное изображение событий¹⁰¹.

⁹⁶ См. подробнее *Фохт-Бабушкин*, Комментарии // *Вересаев*, Собрание сочинений. 1990. С.603.

⁹⁷ *Окунев Я.*, Братья – писатели // *Журналист* № 7 (1923); цитируется по *Фохт-Бабушкин*, Комментарии // *Вересаев*, Собрание сочинений. 1990. С.603.

⁹⁸ *Вржосек*. С.164.

⁹⁹ Там же. С.201-202.

¹⁰⁰ *Львов-Рогачевский В.*, Новейшая русская литература. М.-Л., 1926. С.348.

¹⁰¹ *Воронский А.*, «В тисках», цитируется по *Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т.1.Ч.2. Москва и Петроград. 1921-1922 гг. М., 2005. С.629*: «Написаны отрывки превосходно. Есть у них толстовская простота, дающая отдых после "сконцентрированной", "отстраненной", нервной, неровной, взбаламученной, манерной беллетристики наших дней, – бережливость, любовное и строгое отношение к слову, большая работа и тщательность отделки ...Особенно типичны и мастерски удаются... диалоги, споры и интеллигентские разговоры, передающие основные общественно-политическое настроение...». В западноевропейском литературоведении роман в общем считали одним из лучших произведений Вересаева, подчеркивая прежде всего точную постановку проблемы, изложение искания решений, однако без указания правильного пути; см. *Lo Gatto E.*, *Histoire de la littérature russe – des origines à nos jours*. Paris, 1965. С.557-558; в том смысле и *Freeborn R.*, *The Russian Revolutionary Novel – Turgenyev to Pasternak*. Cambridge, 1982. С.140: „(...) it makes use of the methods of descriptive writing, dialogue and narrative that are commonly to be found in realistic novels (...) it has an authenticity and truthfulness that make it one of the most valuable studies of the dilemma of choice and conscience (...)“; *Edgerton*, С.62: „the best novel

Несмотря на столь положительные и похвальные отзывы, в общем критика оставалась по отношению к нему неоднозначной и не знала, как трактовать роман. Тем не менее можно исходить из того, что произведение было известным значительной части советской общественности. Из сохраняемых в РГАЛИ писем читателей Вересаеву того периода, содержащих весьма одобрительные отзывы, следует не только популярность самого писателя, но и его романа¹⁰². Роман «В тупике» в 20-ые гг. даже был темой для школьных сочинений¹⁰³. С 30-ых гг. же, с деформацией общественной и литературной жизни, роман не только больше не издавался, но и вообще был изъят из общих фондов библиотек и книготорговой сети, и тем самым был удостоен такой же участи, как и многие другие произведения русской литературы¹⁰⁴. В советских источниках, в общем не уделявших много внимания творчеству Вересаева после революции, роман «В тупике» либо совсем не упоминается¹⁰⁵, либо считается неуспешным¹⁰⁶. Роман не упоминается ни в предисловии к собранию сочинений 1947/48 гг., ни в библиографии Вересаева, которой было отведено 67 страниц в справочнике «Русские советские

Veresaev ever wrote, and perhaps the only one that has a real claim to lasting value“; см. также *Klimenko M.*, *Prozrachnost'* by Viacheslav I.Ivanov, *Aleksandr Blok/Andrej Belyj* by Ivanov-Razumnik, *V tupike* by V. Veresaev // *The Slavic and East European Journal* 13 (1969) 381: «(...) V tupike is remarkable for the attitude of its author to the reality of the October Revolution (...) The events are seen by a representative of the Russian intelligentsia (maybe the author himself), a medical doctor whose attitude towards life is marked by a pure idealism, altruism, and highly sacrificed service to society (...) It is significant that this book about the Great Revolution came from the pen of a man who, though he had the opportunity to leave Russia after the Revolution, stayed in the country. His book could not be popular either with the Reds or with the Whites (...)».

¹⁰² См. напр. РГАЛИ Фонд 1041. Оп.4. Дело 465 (Письмо читателя от 7.3.1926): «Ведь "В тупике" как будто единственное произведение наших дней, которое прочитано всеми, потому что перестали говорить о нем, но и оно повидимому является «лебединою песню» – не Вашего, а той народнической романтики, которая заполняла собой всю дооктябрьскую полосу. (...) «В тупике» есть одно из самых искренних произведений в современной литературе (...) нам нужно откровенно говорить, это облегчит наше взаимопонимание. Нам нужна художественная литература, которая ставила бы большие вопросы прямо и помогала бы их разрешать»; также РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 4. Дело 468. Л.78-81об: «ни одна книга не произвела на меня так глубокое, сильное и прекрасное впечатление, как Ваш роман "В тупике" (...) чрезвычайно ценное и положительное качество и достоинство книги – это необыкновенная точность и правдивость описанных событий».

¹⁰³ См. Письмо ученицы, которая должна была написать школьное сочинение на тему: «В чем по мнению Вересаева тот тупик, в котором оказалась наша интеллигенция с наступлением октябрьской революции в романе "В тупике"?». РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 4. Дело 463. Л. 28.

¹⁰⁴ Следует отметить, что роман «В тупике» с 1938 г. был запрещен и в фашистской Германии. См. *Liste des schädlichen und unerwünschten Schrifttums, Stand vom 31. Dezember 1938. Leipzig 1938. С.158.*

¹⁰⁵ *Михайловский Б.В.*, *Русская литература XX века. С девяностых годов XIX века до 1917 г. М., 1939. С.213-220*; *Волков А.*, *Очерки русской литературы конца XIX и начала XX веков. М., 1952. С.320-349*; *Муратова К.Д.*, *Вересаев // История русской литературы, в 10 тт., АН СССР. М./Л., 1954. Т.10. С.494-513.*

¹⁰⁶ *Русская литература XX века. Дооктябрьский период. Пособие для студентов. Под.ред. И.Т. Крука и Н.Е. Крутиковой. М., 1985. С.187.*

писатели-прозаики», где также не указана ни одна работа о романе¹⁰⁷.

Произведение, которому долгие годы не уделялось должного внимания как со стороны литературоведов, так и со стороны читателей, было опубликовано вновь лишь в 1990 г. Роман по прежнему остается неизвестным широкому кругу общественности, что и требует краткого его изображения в рамках данной работы¹⁰⁸.

Действие романа охватывает период перехода власти от белых к красным и снова от красных к белым, и сосредоточено вокруг фигуры Ивана Ильича Сартанова и его семьи¹⁰⁹. С революцией в семье Сартановых начался разлад. Старшая дочь Вера становилась убежденной коммунисткой и живет в Петрограде, и Сартанов полностью прерывает контакт с дочерью и не желает видеться с ней.

Сартанов, известный земский врач, был сослан в царские времена в Сибирь за революционную деятельность и публичное осуждение смертной казни. Во время Первой мировой войны был снова арестован за выступления против «бойны» и подведение статистики убитых и раненых на фронте. Сразу после революции, которую Сартанов ждал много лет, ему предоставляется возможность ознакомиться с методами и намерениями новых власть имущих. После выступления с протестом против большевистских расстрелов на съезде врачей его арестовали. Однако с помощью фальшивого паспорта ему удалось сбежать и перебраться в Крым, где он, разочарованный и потерявший веру в революцию¹¹⁰, пытается выжить вместе с женой и младшей дочерью Катей в скромных условиях. Сартанов, в общем являющийся пассивным героем, категорически отвергает большевизм, указывая на совершенные большевиками зверства в России, на подавление свободы мысли и резюмируя его суть словами «грабь, хватай, что увидишь, не упуская своего! Брось работать и

¹⁰⁷ Русские советские писатели-прозаики. Библиографический указатель. М., 1971. Т.7 (доп.). Ч.1. С.161-227.

¹⁰⁸ Подробнее см. прежде всего *Эджертон В.*, Актуальность романа В.В.Вересаева «В тупике» // Русская литература XX века. Исследования американских ученых. СПб, 1993. Под.ред. *Аверина Б. и Нитраура Э.*, С.215-233; а также *Пруссакова*. С.275-280.

¹⁰⁹ Роман «В тупике» цитируется по изданию: *Вересаев В.В.*, Собрание сочинений в 4 томах. М., 1990. Т.1. В скобках после цитат указывается страница.

¹¹⁰ «И вот теперь все разбито, все затоптано! Что пред этим прежние поражения! За самыми черными тучами, за самыми слякотными туманами чувствовалось вечно живое, жаркое солнце революции. А теперь замутилось солнце и гаснет, мы морально разбиты, революция заплевана, стала прибыльным ремеслом хама, сладостною утехой садиста. И на это все смотреть, это все видеть – и стоять, сложив руки на груди, и сознать, что нечего тебе тут делать. И что нет тебе места...» (412).

бездельничай. И только о себе самом думай» (385). Младшая дочь Катя, которая мечется между сестрой и отцом, не разделяя, однако, ни то ни другое убеждение полностью, остается на нейтральной полосе по отношению к новым событиям и, объективно наблюдая все происходящее, представляет ключевую фигуру в романе. Хотя Вересаев в романе «В тупике» и знакомит читателя со всеми слоями русского, в следствие революции дезинтегрирующегося общества, создав десятки персонажей и не теряя из виду ни рабочих, ни крестьян¹¹¹, все таки в центре его пристального внимания находится интеллигенция, которая показана под властью белых, затем после захвата большевиками, и после повторного перехода власти к белым¹¹². И именно через призму главной героини Кати Сартановой писатель рассматривает фундаментальные проблемы и переживания, с которыми столкнулась большая часть интеллигенции. Глазами Кати изображено и большинство событий.

В первой части романа, деревня Артматлук (в реальности – Коктебель) находится под защитой белых сил. Жизнь ранее привилегированных жителей однако уже резко изменилась, проходя под девизом выжить и обеспечить себя и семью¹¹³. Хотя и не все оказываются в одинаковом положении (у одних еще остались ценности, которых можно продать; другие, как профессор Дмитревский, известный физик, подрабатывает, паяя мужикам кастрюли; Иван Сартанов, который время от времени получает за лечение скромное вознаграждение), они боятся будущего, страдая беднотой и чувствуя надвигающую, грозящую им опасность со стороны большевиков. Кроме Сартановых, читатель знакомится и с другими персонажами: с сыном профессора Дмитревского, Дмитрием, который служит в добровольческой армии, не смотря на то, что он устал от жестокостей, которым стал свидетель, и уже не верит в идею, за которую он воюет; с двоюродным братом Кати, Леонидом Седым, большевиком, оправдывающем все жестокости тем, что «революция – не миндальный пряник» и «всегда делается так»

¹¹¹ Как правильно подчеркнула И. Пруссакова, Вересаев изображает массы не как неразличимое единство, а благодаря его тонкой наблюдательности делает различия, показывая как выращенных из крестьян адептов режима, в любое время готовых идти грабить, но так же таких, которые видят новую власть как помеху в организации их труда. См. подробнее *Пруссакова, С.276*.

¹¹² *Edgerton, С.66*: „(...) his breadth of vision is incomparably broader than in any of his earlier works, and the reader never loses sight of the peasants and workers whose collective power constitutes the great explosive energy of the revolution“.

¹¹³ «Муж и жена с очумелыми глазами, полными отчаяния и усталости. С утренней зари и до поздней ночи оба беспомощно трепались в колесе домашнего хозяйства, неумелые и растерянные. (...) Она доила корову, которой смертельно боялась. (...) Катя помнила их два года назад. Счастливая, милая семья на уютной своей дачке, с детками (...) Теперь – лицо старухи (...)» (420).

(418); с Белозеровым, знаменитым бывшим певцом Государственного театра в Петербурге, скупавшего свечи по 25 копеек за фунт, и продающего их по два рубля своим друзьям; с адвокатом Миримановым, бескомпромиссным врагом большевизма, сын которого работает среди красногвардейцев как шпион белых. И это лишь некоторые из многочисленным персонажей.

Во второй части романа Вересаев показывает тех же героев после захвата Артматлука большевиками. Обобщенный образ создается следующим: «(...) Муж и жена. И по-прежнему очумелые глаза, полные отчаяния. И по-прежнему бешеная, неумелая работа по хозяйству с зари до поздней ночи. У них отобрали лучшую одежду, наложили контрибуцию в три тысячи рублей (...)» (515). Тем не менее, Вересаев со свойственной ему точностью различает отдельных персонажей, показывая, каким разным образом складывались их отношения с новой властью. Если некоторые, как Сартанов, продолжают возражать большевикам, то другие, как Белозеров, который, посвящает себя служению большевикам, уверяя всех, что «по душе он всегда был коммунистом». Вересаев показывает и другой аспект личности Белозерова – что он не останавливается и перед доносами, и что после повторного прихода к власти белых он опять станет на их сторону, выступая на их концертах. Показан и персонаж профессора Дмитревского, у которого Катя работает секретарем при условии, что будет соблюдаться свобода слова и печати. Дмитревский взял на себя должность комиссара народного образования округа. Он сотрудничает с новой властью, не продав, однако, свою душу, и не поддается, как многие, слепой преданности.

Хотя Вересаев в первой части романа описывает жестокости как красногвардейцев, так и добровольческой армии, то именно сквозь вторую часть произвол большевистской власти, преобладающее бесправие, отсутствие какого бы то ни было порядка, неуважение к личности и негуманное отношение к людям проходит красной нитью. Вместе с Катей читатель становится свидетелем нечеловеческих выселений, бесправных арестов и заключений, насилия и жестокости, равнодушия большевистских активистов, издевательств и акций нападения «на буржуазию для изъятия излишков» (470).

Работая в отделе народного образования, Катя постоянно размышляет над событиями, в гуще которых она показана, и пытается понять окружающую ее

действительность. Обладая сильным характером и нравственным мужеством, она является активной героиней романа. Катя постоянно борется за устранение несправедливостей всякого рода, не обращая никакого внимания на то, кем эти несправедливости были совершены, она смотрит на вещи объективно. Без колебаний, она идет к председателю местного ревкома, чтобы ходатайствовать за безвинно арестованного адвоката Мириманова, она смело высказывается против того, что у мужиков отбирается хлеб. Когда ее задерживают и сажают в подвал за то, что она спросила деспотичного заведующего жилотдела Зайдберга, когда кончится «это хамское царство», она не пугается, а наоборот, на допросе смело критикует условия заключенных и действия некоторых большевистских начальников.

Катя, также как и ее отец заключенная в царской тюрьме за революционную деятельность, не принимала старую систему с ее несправедливостями. И именно из этого чувства справедливости, которое побуждало ее к осуждению бывшего порядка, не может она принять и новую систему. Она возражает Леониду: «Если бы вы были другие (...) Зачем вы эту грязь разводите вокруг себя, эту кровь? Это хамство, это издевательство над людьми? Ведь такого циничного надругательства над жизнью никогда не было! Вы так все обставили, что только хамы и карьеристы могут к вам идти, и те, кому власть как вино. И все человеческие слова отскакивают от вас (...) вы эту грязь именно разводите, вы нарочно играете на самых подлых, эгоистических инстинктах, стараетесь разжечь их, а не боретесь с ними. Вы вперед забегаете, вы хуже тех, к кому приноравливаетесь (...) Ведь самодержавие, – само самодержавие, с вами сравнить, было гуманно и благородно» (507-509).

Именно в персонажах Леонида и Кати сталкиваются два противоположных полюса. Именно их диалоги показывают всю трагедию тогдашних событий. И Катя, и Леонид ждали революцию, возлагая большие надежды на изменения в лучшую сторону с приходом новой власти. Однако Катя надеялась на лучший мир для всех¹¹⁴, и при всех обстоятельствах она выступает за соблюдение гуманистических ценностей. Леонид же в своих действиях придерживается принципа «Cum finis est licitus, etiam media sunt licita». Убивать, уничтожать – все для него легитимно, если, по его мнению, это нужно.

¹¹⁴ «Но мне всегда думалось: рабочий класс строит новый мир, в котором всем было бы хорошо. А вы так: чтобы тем, кому было плохо, было хорошо, а тем, кому было хорошо, было плохо. Для чего это?» (488).

И хотя он спасает Сарганова от расстрела, освобождает Катю из тюрьмы, затевает народный суд над бандитами, ограбившими купца Агапова, он объясняет Кате: «(...) Подготовительная, начальная стадия революции и сама революция – две совсем разные вещи. Там *самоотвержение, высокий идеализм, чистый, молодой порыв*. Таковы были девятисотые годы с первой революцией нашей. Но тогда шли десятки, – ну сотни тысяч. А теперь поперли миллионы. Некультурные, дикие, озлобленные. Не за человечество они идут, не за лучшее будущее, а за себя, – просто за самых себя, – полные злобы, мести, жадности. (...) В этом-то и сила всякой настоящей революции. Пойми ты, что *старая психология идейного нашего революционера-интеллигента здесь не только не нужна, а вредна, опасна...* (...) Ну вот ты, например (...) ты видела, что рабочие, крестьяне угнетены, страдают, – и ты возмущалась. (...) Но теперь угнетены буржуазия, интеллигенция, ты возмущаешься за них. (...) Источник, из которого шло твое революционное настроение потек по другому направлению. А мы идем за рабочих не потому, что они какие-то лучшие люди. (...) А потому, что классный эгоизм толкает их на разрушение всяких классов и на создание нового мира. И со старою меркою подходить тут нельзя. Вот почему *наша милая, отзывчивая интеллигенция со своею чистенькою моралью оказалась не у дел* (...) Для нас вопрос только один, первый и последний: нужно это для революции? Нужно. И нечего тогда разговаривать (...)» (508-509) /курсив мой — К.Т./.

Вероятно, что и Вересаев, принадлежавший именно к упомянутой группе «милей, отзывчивой интеллигенции», тоже оказался «не у дел», потому что он, воспитанный на гуманистических идеалах, как и Катя, не мог смириться с результатом революции, представлявшего лишь продолжение прежнего режима и даже в намного более обостренной форме.

Итак, в романе «В тупике» Вересаев продолжал предупреждать об опасности проявления всех отрицательных явлений, о которых он писал уже в 1917 г. Вересаевское предупреждение звучит из каждой строки романа, при описании всех персонажей. И. Эренбург, прочитав роман, нашел в нем «мысли Викентия Викентевича, вложенные в уста то ученого-демократа, то его дочери большевички»¹¹⁵.

Как и сам Вересаев, Катя верна принципу справедливости. Она не может принять новые несправедливости такими, какими она их видит и какими они предстают перед

¹¹⁵ Эренбург, С.307.

ней, она не может стать на сторону ни тех ни других, ни большевиков, ни меньшевиков. После возвращения белых несправедливости большевиков сменяются новыми. Так, казакам три дня позволено грабить город, добровольцы, в свою очередь, отнимают ценности; продолжаются обыски, аресты, казни. И Катя, раньше заступившаяся за своих знакомых у большевиков, таким же образом пытается защитить схваченного за сотрудничество академика Дмитревского. Она, всегда одинаково относившаяся к нечеловеческим поступкам как царского режима, так и большевиков и белых, неспособна решительно принять какую-нибудь сторону, задавая тот же вопрос «Почему так?» как Дмитрию, так и своей сестре, и Леониду. Никакая сторона не оправдывает ее ожиданий, и действительность не соответствует тому, на что она надеялась, сидя в царских тюрьмах за революционную деятельность. Дорога и цель, которых так усердно искали все предшествующие ей героини произведений Вересаева, оказались ложными и, в конце концов, не оправдали ни ее ожидания, ни ее надежды. Для нее, как для многих других, «Революция превратилась в грязь», оставив жизнь без цели, изжитой, как резюмирует Сарганов перед смертью (582). И Катя, после смерти матери и казни сестры белыми, потерявшая отца как последнего близкого человека, «однажды утром, ни с кем не простившись, уехала из поселка, неизвестно куда» (583).

Таким образом, роман «В тупике», помимо объективного изображения событий без всякой партийности к той или другой стороне, в первую очередь является обвинением в нарушении демократических принципов, в издевательствах над личностью, в пренебрежении гуманизма. Как было сказано американским исследователем В. Эджертоном, Вересаев в этом ни контрреволюционном, ни идеализирующем революцию произведении, затрагивает «общие вопросы о добре и зле, о правде и лжи, о разлагающем воздействии неограниченной бесконтрольной власти»¹¹⁶. И именно эти общие вопросы гуманизма делают из этого романа произведение вневременной актуальности.

2.3. Вересаев и советские годы его жизни

После октябрьской революции Вересаев, как один из немногих писателей,

¹¹⁶ Эджертон. С.231.

участвовавших в товариществе «Знание»¹¹⁷, остался в России. В 1921 г. он вернулся на постоянное жительство в Москву. Иван Шмелев, тогда уже решивший на тот момент не возвращаться, в письме Вересаеву, который, по-видимому надеялся на то, что писателям удастся сохранить творческую волю, рассуждал о том, что «писателю беспартийному (...) каюк (...) Писателю, истинному художнику, если хотят, чтобы его энергия и все существо его тщилося создавать ценности вне времени и политич[еских] перестроений, – ему д[олжна] б[ыть] предоставлена полная воля в творчестве. Ибо истинное худож[ественное] произведение не собыется ни на памфлет, ни на пасквиль, как Вы писали мне. Мож[ет] быть, в России и дозволят писателю писать не только отвечающее пролетарскому укладу, м[ожет] быть! Но пока не вижу органов печати с таким правом. Вы сами писали, что готовы были получить протест по поводу отрывков из Ваш[его] романа «В тупике» (...)»¹¹⁸.

Если для Шмелева было ясным, что он в существующих условиях не может работать, то Вересаев в это время пытался продолжать свою литературную деятельность и при новых обстоятельствах. Быть может, он еще надеялся, что со временем новая власть создаст для писателей ситуацию творческой свободы, и именно поэтому в первые годы советской власти по-прежнему продолжал активно участвовать в литературной жизни. Некоторое время он входил в редколлегию журнала «Недра», был редактором художественного отдела журнала «Красная новь», а также входил он и в литературную подсекцию Государственного ученого совета¹¹⁹. В 1925 г. Вересаев был избран председателем Всероссийского союза писателей, когда было решено координировать работу Петроградского/Ленинградского и Московского отделения, хотя, как он сам признавал, «многих качеств, необходимых для такого поста (...) не имел (...)»¹²⁰. На посту он оставался приблизительно до 1930 г., помогая и поддерживая прежде всего молодых литераторов¹²¹.

¹¹⁷ *Lauer R.*, *Kleine Geschichte der russischen Literatur*. München, 2005. С.158.

¹¹⁸ *Волкова Н.Б.*, Последний мой крик – спасите. Письма И.С. Шмелева В.В. Вересаеву 1921 г. // *Встречи с прошлым*. Вып. 8. М., 1996. С. 184, 189-190.

¹¹⁹ См. *Вересаев*, *Литературные портреты*. С.426.

¹²⁰ Там же. С.433; *Фохт-Бабушкин*, *Комментарии // Вересаев*, *Литературные портреты*. С.516. Фохт-Бабушкин указывает на то, что деятельность ВСП изучена плохо и недостаточно.

¹²¹ *Нольде В.М./ Зайончковский Е.А.*, Послесловие к публикации писем М.А. Булгакова В.В. Вересаеву // *Знамя* № 1 (1988). С.172. Ю. Фохт-Бабушкин однако упоминает, что Вересаев стоял в главе Союза до 1932 г. См. *Фохт-Бабушкин*, *Миссия писателя*. С.514.

Однако после проблем вокруг издания романа «В тупике», Вересаев на некоторое время отдалился от современности, как он сообщил в письме Горькому в мае 1925 г.¹²². Вересаев сосредоточил свое внимание на своих воспоминаниях и на работах о Пушкине. Но сам писатель признавался, что причина такого поворота в его творчестве была прежде всего во внутренних мотивах¹²³. Общая линия его исканий, которая началась для него с Толстого, Достоевского, Гомера и греческих трагиков, Ницше и древне-эллинской религии, обсужденных в произведении «Живая жизнь», привела его к Пушкину, в котором он надеялся «найти самого высшего, лучезарно-просветленного носителя "живой жизни", подлиннейше увенчанной редкой у человека способности претворять в своем сознании жизнь в красоту и радость»¹²⁴. В следующие годы возникли многочисленные работы, посвященные жизни и творчеству поэта — в 1923 г. статья «К психологии пушкинского творчества», в 1924 г. беллетристические комментарии «Поэт», в 1925 г. статья «Об автобиографичности Пушкина», затем, в 1926-27 гг. вышли отдельные выпуски книги «Пушкин в жизни», которая была переиздана в сокращенном виде лишь в 1987 г., в 1929 г. «В двух планах», и в 1937 г. была издана книга «Спутники Пушкина» (без сокращений эта книга была переиздана в 1993 г.), в которой он дал литературные портреты всех лиц, с которыми сталкивался поэт.

В работе над пушкинским творчеством Вересаева прежде всего интересовала проблема соотношения «художественного» и «бытового», и возможности отождествления их. При этом Вересаев отвергал полное единство творца и его творчества¹²⁵. Как полагала И.А. Трухачева, по мнению Вересаева, процесс художественного творчества поднимается над обыденной жизнью, над простым, обычным человеческим мышлением. В смысле двуплановости, к идее которой Вересаев пришел в связи с работами о творчестве многих художников, в том числе и над

¹²² См. Письмо Вересаева Горькому от 23.5.1925. Цитируется по *Фохт-Бабушкин Ю.У.*, В.В. Вересаев — Легенды и реальность // *Вересаев В.В.*, Сочинения в четырех томах. Т.1. М., 1990. С.22: «Слышал я, что вы пишете большой роман из современной жизни. Очень интересно. *Трудно это сейчас* почти до непреодолимости, — *столько* и внутренних и внешних *препятствий*. Первых даже еще больше. Я махнул рукой и занялся изучением Пушкина, писанием воспоминаний, — самое стариковское дело» /курсив мой — К.Т./.

¹²³ *Трухачева И.А.*, Работы В.В. Вересаева о Пушкине в контексте современности // Материалы II Вересаевских чтений. К 130-летию со дня рождения В.В. Вересаева. Тула, 1997. С.26.

¹²⁴ *Вересаев В.В.*, В двух планах. Статьи о Пушкине. М., 1929. С.5.

¹²⁵ *Трухачева*, С.27.

творчеством Толстого, писатель — с одной стороны человек, а с другой стороны гений, художник¹²⁶: «(...) то, что в жизни, в непосредственном переживании человека было затемнено страстью или пристрастием, что было мелко, серо, нередко дрянно, пошло и даже грязно, все это у поэта претворялось в божественную незатемнённую душу, глубочайшее благородство и целомудренную чистоту»¹²⁷. Пушкинисты, которые именно в 30-ых гг. вообще не обращали внимание на личность Пушкина, лишая его в своих статьях каких бы то ни было личных мотивов или взглядов, не согласились с такой трактовкой поэта и критически отнеслись к книге Вересаева «Пушкин в жизни»¹²⁸, представляющей собой свод биографических реалий, почерпнутых из различных документов, писем, мемуаров¹²⁹ (соответственное произведение о Гоголе «Гоголь в жизни» Вересаев написал в 1933 г.).

Несмотря на интерес к Пушкину и на работу над своими воспоминаниями, Вересаев в эти годы все-таки создал ряд беллетристических произведений современного содержания, среди них рассказы «Исанка» (1927), «Мимоходом» (1929), «Болезнь Марины» (1930). В середине 1920-х гг. он нанялся на московскую калошную фабрику «Красный Богатырь» за Сокольниками, где прожил и проработал полтора года, наблюдая производство и жизнь рабочих, чтобы после четырехлетней работы написать новый роман «Сестры» (1933)¹³⁰. Идея написания романа возникла у Вересаева после того, как он получил письмо от комсомолки, присланное писателю в 1924 г.. Во время их встречи девушка не только рассказала писателю о своих переживаниях, но и передала Вересаеву свой дневник, который в последствии лег в основу первой части романа, главная тема которого — события первой пятилетки с ее пафосом строительства¹³¹. В новом романе Вересаев показал повседневную жизнь молодых интеллигентов и рабочих, влияние новой идеологии на сознание молодых героев, а также процесс расхождения действительности и коммунистических постулатов¹³².

¹²⁶ Там же. С.28-29.

¹²⁷ Вересаев В.В., Поэт. М., 1924, С.172; см. также Вересаев, В двух планах. С.140: «В жизни — суетный, раздражительный, легкомысленный, циничный, до безумия ослепляемый страстью. В поэзии — серьезный, несравненно-мудрый и ослепительно-светлый, — 'весь выше мира и страстей'».

¹²⁸ Петелин В.В., Комментарии // Булгаков М.А., Собрание сочинений в 8 томах. М., 2004. Т.5. С.622.

¹²⁹ Быстров. С.368.

¹³⁰ Фохт-Бабушкин, Викентий Вересаев, С.644; также письмо Вересаева М. Новицкой от 28.3.1933. РГАЛИ Фонд 1941. Оп. 5. Ед.хр. 13. Л.38.

¹³¹ См. к возникновению романа «Сестры» Вересаев, Литературные портреты. С.485-487.

¹³² Кондаков. С.147.

Закончив роман, Вересаев сам осознал, что он не пройдет сквозь фильтр цензуры. Соответственно, напечатать роман отказался ряд издательств, пока, к удивлению самого писателя («Чудом каким-то проскочили мои "Сестры"»¹³³), роман не был одобрен заведующим отделом печати и пропаганды при ЦК партии, А.И. Стецком¹³⁴. Однако роман был подвергнут изменениям и «вышел в свет с сильно изуродованным концом»¹³⁵. В подлинной версии комсомолец Юрка, участвовавший в раскулачивании, переоценивает происходящие вокруг него события после того как он наблюдает сцену, что у маленького ребенка отняли валенки. Он кончает жизнь самоубийством.

Вересаев писал, что на примере этого произведения он смог «воочию мог убедиться, как работою Главлита отражение живой подлинной действительности превращается в слащавую лакированную ложь»¹³⁶. Но если писатель и согласился на большинство цензурных поправок¹³⁷, роман, как пишет В.В. Перхин, все же донес до читателя информацию о «сплошной коллективизации»¹³⁸. 10.000 напечатанных экземпляров романа разошлись быстро, но новое издание выпустить уже не позволили, наоборот: Вересаева «в газетах щедро облили помоями»¹³⁹. По официальному мнению книга представляла собой «клеветническое изображение ленинского комсомола, полно грубейших политических ошибок»¹⁴⁰. Сам писатель был обвинен в пропаганде «авангардизма и комчванства», «биологизме» и «очернением» советского строя¹⁴¹. Впоследствии был запрещен не только новый роман. С новой точки зрения критики, выдвигавшей против Вересаева самые грозные политические обвинения в клевете на советскую действительность, снова показался проблематичным и предыдущий роман «В тупике». В итоге, оба произведения были изъяты из продажи и из общих фондов

¹³³ Недатированное письмо Вересаева М. Новицкой от 1935 г. РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 5. Ед.хр. 14. Л.2.

¹³⁴ *Вересаев*, Литературные портреты. С.487.

¹³⁵ См. письмо Вересаев М. Новицкой от 28.3.1933. РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 5. Ед.хр. 13. Л.28; к цензурным поправкам см. также *Вересаев*, Литературные портреты. С.487-490.

¹³⁶ Там же. С.489.

¹³⁷ См. *Вересаев*, Литературные портреты. С.490: «Но первые пятнадцать листов были уже отпечатаны, и в них остался весь тот "динамит", который старался вытравить Главлит. Я видел, что эта победа такая большая, что для нее можно пожертвовать третьей частью (...)».

¹³⁸ *Перхин В.В.*, Русская литературная критика 1930-х годов. Критика и общественное сознание эпохи. СПб, 1997. С.28.

¹³⁹ Недатированное письмо Вересаева М. Новицкой от 1935 г. РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 5. Ед.хр. 14. Л.2.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ *Вересаев*, Литературные портреты С.491; *Кондаков*, С.147.

библиотек. Для самого Вересаева началось время, в котором он со всей силой чувствовал свою изоляцию: запланированное и обещанное Гослитиздатом издание полного собрания сочинений по поводу 50-летия его литературной деятельности в 1935 г. не состоялось. Более того, его юбилей вовсе не отмечался. «Эх, правда, правда, – главный и любимейший герой Льва Толстого, выгнали тебя вон из русской литературы», записал он в дневнике¹⁴².

После того, как его романы были запрещены к переизданию, следующие 12 лет, вплоть до своей смерти, Вересаев не написал больше ни одного беллетристического произведения. Он полностью погрузился в работу над Пушкиным. Он также выступал с лекциями «Жизнь Пушкина», «Толстой – человек», «Илиада и Одиссея Гомера», «Творческий путь Пушкина»¹⁴³, создал большое количество мемуарных очерков, и занимался переводами. Его изоляция от читателя и его игнорирование официальной стороной огорчали его, как видно из письма, написанного Вересаевым по поводу неожиданного для него празднования его 70-летия в 1937 г. Тронутый решением властей официально отметить его юбилей, он одновременно высказал свое удивление, указывая на то, что предыдущий юбилей его литературной деятельности, которому он, собственно, придавал больше значения, не отмечался совсем: «(...) в день моего 50-летия, был формальный "заговор молчания". Чего же я с тех пор сделал, чтобы вдруг так изменилось отношение ко мне "общественности"? Написал пару статей о Пушкине, и его краткую биографию. Неужели только за это и можно меня чествовать?»¹⁴⁴.

В общем, можно исходить из того, что Вересаев с 30-х гг. вел достаточно уединенную жизнь – он отдалился от официальных литературных действий¹⁴⁵, полностью посвятив себя чтению лекций о Пушкине. Как вспоминали его родственники, писатель в эти годы сильно переживал потерю своих родственников, друзей и знакомых, заступался за них, обращаясь к Л. Берии¹⁴⁶. При издании своих

¹⁴² Запись в дневнике цитируется по *Зайончковский, Реабилитировать литературное наследие В.В. Вересаева*, С.11.

¹⁴³ Письмо М. Новицкой от 4.2.1938. РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 5. Ед.хр. 19. Л.14.

¹⁴⁴ Письмо М. Новицкой от 15.1.1937. РГАЛИ Фонд 1041. Оп.5. Ед.хр.17. Л.4.

¹⁴⁵ См. например недатированное письмо А. Грину с 1928 г. РГАЛИ, Фонд 127. Оп.1. Ед.хр. 84. Л.11: «Я теперь к редакции "Недр" не имею никакого отношения»; также письмо Б. Садовскому от 5.12.1931. РГАЛИ Фонд 464. Оп. 1. Ед.хр. 37. Л.6: «К сожалению, сейчас никаких связей в верхах не имею и таким путем ничего не смогу добиться (...) напр. Союза писателей, но я уже года (?) ушел из правления и никаких с ним связей теперь не имею».

¹⁴⁶ *Нольде/ Зайончковский, Лжи не будет*. С.385. В РГАЛИ хранится копия одного обращения Вересаева в

работ о Пушкине, также как и других статей, он сталкивался со всяческими проблемами и актами очевидного произвола¹⁴⁷, что не оставляло его безразличным. Это доказывают и фразы из его писем, написанных в то время: «(...) я был очень подавлен случившимся (...)»¹⁴⁸, «(...) на душе все время было грустно от хамства людского»¹⁴⁹, «Очевидно, на меня наложен какой-то тайный запрет»¹⁵⁰.

В последние годы жизни писатель полностью посвятил себя работе в области художественного перевода, которым он увлекся еще в отрочестве. Уже в 1919 г. ему была присуждена премия имени А.С. Пушкина за переводы поэм Гесиода «Работы и дни» («Труды и дни») и «Происхождение богов»¹⁵¹. В 1937 г., в возрасте 70-и лет Вересаев начал переводить «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, над которыми работал до своей смерти. Эти произведения были изданы в 1949 и 1953 гг. Процесс своей работы над переводами Вересаев описал в письме М. Новицкой¹⁵²: «Вы, кажется, видели мои тетрадки с переводами Гомера. На левой стороне тетрадки карандашом я пишу черновой перевод, а кончив целую песню, затем переписываю ее чернилами на правой стороне. Это, как вы понимаете, не механическая переписка, а обработка текста, и другой человек мне тут помочь не может (...)».

После начала Великой Отечественной Войны Вересаев с супругой переехал в Грузию, где они жили до 1943 г. сначала в Нальчике, а затем в Тбилиси¹⁵³. В Грузии Вересаев также активно участвовал в литературной жизни. Он познакомился с представителями грузинской литературы – Ш. Дадиянином, С.М. Данелием, Г. Абзианидзе, и принимал участие в различных писательских бригадах, организуемых Союзом писателей Грузии. Писатели выступали в военных госпиталях, воинских частях, и перед студентами¹⁵⁴. В 1943 г. в Грузии его застала весть о неожиданном для

секретариат Берии от 1939 г. РГАЛИ Фонд 1041. Оп.4. Ед.хр. 500.

¹⁴⁷ См. напр. письмо М. Новицкой от 26.1.1937 г. (РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 5. Ед.хр.17. Л.12), в котором писал о том, что написанную им биографию о Пушкине, которая первоначально вызывала восхищение, вдруг решили не печатать, т.к. он упоминал, что был в жизни поэта период, когда он примирился с царем и видел в искусстве самоцель.

¹⁴⁸ Там же. Л.12 об.

¹⁴⁹ Письмо М. Новицкой от 7.4.1937. РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 5. Ед.хр.17. Л.42.

¹⁵⁰ См. письмо М. Новицкой от 14.2.1940. РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 5. Ед.хр.22. Л.22 об.

¹⁵¹ *Дмитренко С.Ф.*, Российские литературные премии // *Николюкин А.Н.* (главный ред и сост), Литературная энциклопедия, М., 2001, С.905-906.

¹⁵² Письмо М. Новицкой от 8 ноября 1940г. РГАЛИ Фонд 1041, Оп. 5, Ед.хр. 23, Л. 33.

¹⁵³ См. письмо Вересаев М. Новицкой от 11.12.1943 г. РГАЛИ Фонд 1041. Оп.5. Ед.хр. 25. Л.1.

¹⁵⁴ *Кузнецова Л.И.*, В.В. Вересаев в годы Великой Отечественной Войны // Материалы II Вересаевских чтений. К. 130-летию со дня рождения В.В. Вересаева. Тула, 1997. С.40-41.

него присуждении ему, вместе с Александром Серафимовичом, Сталинской премии 1-й степени «За многолетние выдающиеся заслуги в области литературы». Премию он, по видимому, оценил прежде всего как материальную помощь, как лаконически сообщал в письмах того периода: «Всякое было, – жили зиму в нетопленной комнате, сильно убавился в весе, но в марте этого года я получил Сталинскую премию, и это лауреатство сразу улучшило и материальное мое положение (...)»¹⁵⁵; «Лауреатство оказалось всего удобнее не только полученными деньгами, а вообще большими привилегиями (...)»¹⁵⁶. По всей видимости присуждение премии скорее возмущало Вересаева. Как писатель рассказал своим родственникам, после звонка из редакции «Известия», из которого он узнал о своем лауреатстве, он не спал всю ночь, мучительно спрашивая себя: «за что? Какую на старости лет я мог совершить подлость, за которую меня награждает Сталин?»¹⁵⁷. В то время, когда А. Серафимович по поводу присуждения премии в газетах «Правда» и «Известия» напечатал отзыв, в котором он говорил о жестоких временах, пережитых вместе с Вересаевым, когда при царизме их «топтали, наступали сапогами на горло, душили самые чистые и молодые порывы...», а также о том, что книги Вересаева являются общенародным достоянием, то Вересаев записал в своем дневнике: «Удивительно... Когда это нас „топтали, наступали сапогами на горло“, как могли душить „самые лучшие, самые чистые и молодые порывы“? При всех цензурных рогатках *можно было достаточно и проявлять себя, – не то, что позже, где выход был только один, – честно молчать.* (...) Горько читать. Труды невыразимого стоило протащить каждую мою книгу даже в самом ничтожном тираже, и я прочною стеною был отгорожен от читателя»¹⁵⁸ /курсив мой – К.Т./.

Если Вересаев и нашел в себе возможность продолжать заниматься литературой далеко от беллетристики, то все-таки тот факт, что он не мог писать по-прежнему на актуальные темы, несомненно, огорчал его.

Викентий Вересаев умер в июне 1945 г., после тех 12 лет, в течении которых он не написал ни одного рассказа, ни одной повести, а полностью ушел в мир античной литературы и Пушкина.

¹⁵⁵ См. письмо М. Новицкой от 11.12.1943 г. РГАЛИ Фонд 1041. Оп.5.Ед.хр. 25. Л.10б.

¹⁵⁶ См. письмо М. Новицкой от 5.1.1944 г. РГАЛИ Фонд 1041. Оп.5.Ед.хр. 25. Л.10об.

¹⁵⁷ Цитируется по *Нольде/ Зайончковский*, Лжи не будет. С.385.

¹⁵⁸ Цитируется по *Нольде/ Зайончковский*, Лжи не будет. С.385-386.

3. Вересаев и вопросы быта

Викентий Вересаев всегда проявлял большой интерес к общественным вопросам. Так, в 1926 г. в издательстве «Недра» вышла брошюра Вересаева под названием «Об обрядах новых и старых (К художественному оформлению быта)», которая в дальнейшем не публиковалась¹⁵⁹. Сокращенная версия была напечатана в том же году в журнале «Красная Новь», в которой писатель критиковал беспомощность, убогость, скуку и пустоту «новых советских обрядов» при похоронах, рождении ребенка и свадьбе, не боясь и не стесняясь выразить положительный эффект прежних обрядов на душу человека и то, что «огромное действенное значение обряда великолепно учитывала церковь»¹⁶⁰. Обсуждая сначала смысл и цель обряда как такового, Вересаев приходил к выводу, что обряд – прежде всего «условное действие, символически отражающее наше чувство и (...) воспитывающее нас в направлении облагораживания и углубления этого чувства», а также «облегчает проявление наших чувств»¹⁶¹. Рассматривая в первую очередь похоронный обряд, писатель констатировал, что именно церковь хорошо учитывала потребности человеческого духа, собираться вместе как в радостные, так и печальные моменты, удовлетворяя эти требования проведением величественных, потрясающих душу обрядов. По мнению писателя, новыми обрядами, возникшими после октябрьской революции, значение которых Вересаев определил лишь в отвлечении людей от старой церковной обрядности, достичь прежнего, необходимого для человеческой души эффекта было невозможным: «Нет и отдаленного представления об огромнейшем психологическом и агитационном значении обряда. (...) И новые обряды эти поражают, убивают душу своею убогостью и бездарностью»¹⁶². Вересаев откровенно высказал свое несогласие с гражданскими похоронами, распространяющими давящую тяжесть, работающими по шаблону «взяли, отвезли, закопали», и которые предлагали посетителям лишь «неизбежный похоронный

¹⁵⁹ См. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов 1917-1991. Электронный ресурс <http://opentextnn.ru/censorship/russia/sov/libraries/books/blum/ilp/?id=306> (30.9.2009).

¹⁶⁰ Вересаев В.В., К художественному оформлению быта (Об обрядах старых и новых) // Красная Новь № 1 (1926). С.161, 162. Данная работа была прочитана Вересаевым на пленуме Государственной Академии Художественных Наук в качестве доклада в ноябре 1925 г.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же. С.163.

марш Шопена. И опять речи. И больше ничего нет». Люди, присутствующие на таких похоронах, «решительно не знают, что им делать», и чувство, которое «привело их к гробу, остается неоформленным»¹⁶³.

Подобно Вересаев критиковал и бесцерковную свадьбу, указывая на то, что свадьба у всех народов – это веселый и пышный праздник. Он высказал свое мнение, что «красная свадьба» являясь простым актом с одной лишь регистрацией, не в состоянии вызвать у будущих супругов восторга, а также выразить серьезность и важность совершаемого. И именно это, по мнению Вересаева, способствовало легкому отношению к браку. «Что легко связать, то так же легко и развязать»¹⁶⁴, констатировал он, предсказывая потерю устойчивости союза между супругами. Как в связи с похоронами, так и в связи со свадьбой Вересаев выступил за необходимость создания новых ритуалов, которые заменили бы старые обряды, но, одновременно, также как раньше, выдвинули бы присутствующих из роли наблюдателей в роль активных участников. И брошюра, и статья долгие годы были запрещены. Помимо общей критики убогости новых советских обрядов, претензии по всей видимости вызывало и упоминание в брошюре о том, какие подарки дарились на свадьбах¹⁶⁵.

Но не только обряды вызывали интерес Вересаева: в 1940 г. в газете «Известия» была опубликована его статья «Разрушение идолов», посвященная вопросу равноправия женщин. Вересаев отметил, что несмотря на все приравнивания положения женщин, именно бытовые мелочи продолжают наваливаться на женщин: «оба – и муж, и жена – работают. И все-таки: муж, вернувшись домой, садится за газету, а жена становится за примус, ночью стирает в кухне белье, штопает носки мужу (...) Он (муж – *К.Т.*) не умеет свертеть котлет, не умеет носки себе заштопать, не умеет перепеленать ребенка, не умеет, – и теперь еще это бывает! – даже постелить за собою постель и вынести ночную посуду. (...) Медленно, но эволюция в этой области совершается. Еще пятнадцать лет назад невозможно было встретить на улице мужчину с грудным ребенком на руках. Теперь это стало самым обычным явлением (...)»¹⁶⁶. Эта статья вызвала горячую дискуссию. Отзывы женщин, написавших Вересаеву о том, как

¹⁶³ Там же. С.165.

¹⁶⁴ Там же. С.172.

¹⁶⁵ По-видимому, негодование вызвало упоминание, что на свадьбу дарится «История РКП (б)» Г. Зиновьева. См. <http://opentextnn.ru/censorship/russia/sov/libraries/books/blum/ilp/?id=306> (30.9.2009)

¹⁶⁶ См. РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 2. Ед.хр.1. Л.1, 1об.

положительно его статья повлияла на мужчин, многочисленны¹⁶⁷. Здесь следует указать на то, что героини в произведениях Вересаева обычно играют важную роль: это сильные характеры, с определенными идеями и убеждениями. В своей активности героини не только ни в чем не уступают героям-мужчинам, но и наоборот, часто даже превосходят их в отношении стойкости и воли. Среди таких героинь несомненно следует отметить Наташу из рассказов «Без дороги» и «Поветрие», а также Катю из романа «В тупике».

Вересаев, будучи человеком высоких нравственных качеств, на протяжении всей своей жизни страдал от грубого поведения людей по отношению друг к другу. В своих заметках «О культурности в быту» и «О культурности на производстве», с которыми он выступал по радио, он сделал попытку напомнить людям не только об уважительном отношении к другим, но также и об отношении к самим себе.

Вересаев жаловался на то, что хотя и есть много культурных людей в России, «нет еще той всеобщей АТМОСФЕРЫ культурности, которая делает трудным для людей некультурных проявлять себя, которая тем самым незаметно воспитывает их и прививает им культурные навыки»¹⁶⁸. На примере маленьких сцен он разъясняет правильное поведение в разных ситуациях, критикует привычку везде и всегда опаздывать, действовать без предупредительного отношения к согражданам¹⁶⁹.

¹⁶⁷ См. Письма читателей Вересаеву. РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 2. Дело 473. Напр. Л. 12, 17, 18, 22.

¹⁶⁸ Беседы о культурности/ О культурности в быту. РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 4. Ед.хр.65. Л.20, 21.

¹⁶⁹ РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 1. Ед.хр. 26. см. напр. следующие сцены:

1. «Вы распечатали письмо. Но ведь оно адресовано вашему мужу». - «У нас с ним нет друг от друга секретов». - «А уверены ли вы, что тот, кто пишет вашему мужу, не имеет секретов от вас?». Многие говорят о том, что не имеют от близких никаких секретов. У мужа нет секретов от жены, у жены – от ее давнишней подруги, у подруги – от ее мужа... И где тогда самая важная государственная, военная, врачебная тайна?» (Л.8);

2. «Остановятся двое-трое на самой середине тротуара и беседуют. И нет им никакого дела, что мешают движению. Или вот очереди к троллейбусу или автобусу. Трудно даже понять, почему это делается, но обязательно все становятся поперек тротуара, оставляя в конце узенький проход для двух встречных пешеходных потоков. Тут особенно удивительно, что и самим им нет в этом ни удобства, ни выгоды. Какая разница разговаривающим отойти в сторонку, какая разница ожидающим стать не поперек тротуара, а вдоль? Просто, глубочайшие равнодушие к интересам других» (Л.11-12);

3. Интересным в этом цикле и отрывок о курении, одновременно являющийся и воспоминаниями об А.П. Чехове: «Вот еще – курение. Нет на свете никого, кто бы не знал, как вредно даже здоровому человеку находиться в накурленном воздухе. И нечего уже говорить о больных туберкулезом легких, расстройством сердечной деятельности и т.п. И все-таки люди беззастенчиво курят и в общежитиях, и на работе, и в гостях. (...) Весною тысяча девятьсот третьего года я был у Антона Павловича Чехова в Ялте. В его кабинете висела надпись крупными буквами: ПРОСЯТ НЕ КУРИТЬ. Меня эта надпись прямо потрясла. Вы понимаете? Ведь посетители Чехова, наверное, тепло любят его, ведь все они прекрасно знают, что Чехов болен тяжелой формой туберкулеза легких, – и вот деликатному Чехову приходится вывешенною надписью безмолвно просить своих «почитателей» не курить в его

Вересаева можно по праву считать человеком безупречного поведения. Он всегда относился к другим с большим уважением и тактом. Поэтому в следующей главе, посвященной контактам Вересаева с современниками, я бы хотела по-подробней обратиться к этой части биографии писателя, потому что в подробном обзрении эта тематика не была затронута ни в одной из существующих биографий писателя.

4. Вересаев и другие

Викентия Вересаева ни в коем случае нельзя представлять себе как писателя, живущего и творящего изолированно, наоборот: он активно включался в литературную жизнь своего времени, и в контактах со своими современниками не ограничивался на посещениях разных кружков. Со многими он общался и лично, поддерживая переписку в течение десятилетий. Среди его долголетних корреспондентов – М. Горький, М. Булгаков, Л. Андреев, И. Шмелев и другие.

Со студенческих времен активно и с большим энтузиазмом участвовавший в митингах сокурсников, Вересаев с таким же восторгом посещал и многочисленные литературные кружки, сотрудничал в журналах «Жизнь», «Начало», «Новое слово», «Мир божий», и находился в переписке с сотрудниками журнала «Русское богатство»¹⁷⁰. Помимо выше упомянутого марксистского литературного кружка, действовавшего активно в Петербурге в конце 1890-х гг.¹⁷¹, присутствию и участию Вересаева в течение двух десятилетий могли радоваться и многие другие литературные собрания, о деятельности которых он сам оставил мемуарные очерки.

Во время работы в петербургской больнице, писатель некоторое время принимал участие в существующих в 1890-е и в начале 1900-х гг. в Петербурге так называемых «Михайловских вечерах». Вечера проводились в день рождения (15.11.) и на именины (6.12.) Н.К. Михайловского в его квартире¹⁷². Он также принимал участие в существовавшем в 1893-1900-е гг. кружке «"Русского богатства" четвергах», в который

комнате! Сами они без этой надписи не способны догадаться, что Чехову их курение вредно. До чего же люди уверены в своем праве отравлять окружающим кровь и легких!» (Л.14)

¹⁷⁰ Мелешко О.Ф., Предисловие РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 4. С.4.

¹⁷¹ Шруба М., Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890-1917 годов: Словарь. М., 2004. С.114.

¹⁷² Там же. С.124.

входили сотрудники и авторы этого журнала.

В Москве Вересаев посещал так называемые «Свентицкие субботы», которые проходили у инженера-путейца Свентицкого в начале 1900-х гг.¹⁷³. До 1914 г. он участвовал и в существующих «Вечерах Зайцевых»¹⁷⁴. Писатель был постоянным участником «Литературно-художественного кружка», который в период своего существования с 1898 по 1917 гг. насчитывал «более 700 членов и 54.875 посещений в год»¹⁷⁵ и в котором принимали участие такие знаменитости как например К. Станиславский, М. Ермолова, Ф. Шаляпин, Л. Собинов, А. Южин, В. Серов, В. Вазнецов и другие¹⁷⁶. Этот кружок был объединением писателей, актеров, художников, музыкантов, ученых и считался центром всей литературной, художественной и научной жизни Москвы.

Вересаев был членом основанного в 1907 г. «Общества деятелей периодической печати и литературы» (ОДППиЛ), объединявшего газетных и журнальных работников, писателей и причастных к литературе общественных деятелей. ОДППиЛ организовывало публичные лекции, литературные вечера и литературные конкурсы. Целью общества, в члены которого не допускались сотрудники монархических изданий, была «товарищеская взаимопомощь» и охрана «этических интересов работников печати и литературы»¹⁷⁷.

Активно Вересаев участвовал и в литературном кружке Н. Телешова «Среда», куда его пригласил Леонид Андреев. Личное знакомство писателей состоялось в Ялте в 1903 г. Их последующие после знакомства отношения можно назвать дружескими. До 1916 г. они поддерживали переписку, в которой затронули самые разные темы. Андреев высоко ценил качества характера Вересаева¹⁷⁸, поэтому не удивляет тот факт, что после смерти своей жены, он пригласил к себе в Капри именно его¹⁷⁹. Вересаев же в

¹⁷³ Московский Парнас: Кружки, салоны, журфиксы Серебряного века (1890-1922). Сост. примеч. указ. Т.Ф. Прокопова. М., 2006. С.680.

¹⁷⁴ Там же. С.649.

¹⁷⁵ Шруба, С.107.

¹⁷⁶ См. Вересаев В.В., Московский литературно-художественный кружок // Московский Парнас. С.251.

¹⁷⁷ Шруба, С.143.

¹⁷⁸ См. заметку Андреева, опубликованную «Курьером», в которой тот приводит, что Вересаев – «человек с широким общественным кругозором и чуткой совестью», «смелый борец за правду и человечность». Цитируется по Фохт-Бабушкин, Комментарии // Литературные портреты. С.501. К работе в «Курьере» Л. Андреев пригласил Вересаева уже в 1901г.

¹⁷⁹ Руднев А.П., В. Вересаев и Л. Андреев: к истории личных и литературных отношений // Материалы II

мемуарном очерке об Андрееве подчеркивал, что не смотря на то, что они были разные, их в то время связывало «'чувство зависимости' — зависимости 'души' человека от сил, стоящих выше его, — среды, наследственности, физиологии, возраста» (5, 398). Однако их отношения начали охлаждаться уже 1907 г. по причине разногласий, касающихся жизненных вопросов, а также после того как Андреев примкнул к декадентству. Затем переписка и общение полностью прекратились. Несмотря на это, Вересаев в написанном им мемуарном очерке отдал должное творчеству и личности Андреева. С большой теплотой он описал общение с ним именно в первые годы их знакомства.

Итак, в «Среде», кроме Андреева и Вересаева, участвовали и Ив. Бунин, Н.Д. Телешов, Н.И. Тимковский, А.С. Серафимович, И.А. Белоусов, В.А. Гольцев. Время от времени приходили в кружок и А.П. Чехов, В.Г. Короленко, М. Горький, А.И. Куприн, С.Я. Елпатьевский и Е.Н. Чириков, Ф.И. Шаляпин, а также артисты Художественного театра (5, 399), произведения которых печатались в сборниках товарищества «Знание»¹⁸⁰. На собраниях читались и обсуждались не только еще неопубликованные произведения авторов, но и велись дискуссии о политических событиях и общественных явлениях. Инициатором подобных, внелитературных дискуссий часто бывал именно Вересаев, как вспоминал И. Белоусов: «Вспоминаю протесты и петиции на неправильные действия тогдашнего правительства, инициатором которых являлся Викентий Викентьевич Вересаев-Смидович. Он и всю «Среду» направлял по этому пути, хотя «Среда» неохотно впускала политику в свои чисто литературные беседы»¹⁸¹.

С увеличением разногласий среди членов кружка, частота собраний уменьшилась после 1906 г.¹⁸². Вересаев стал одним из учредителей «Книгоиздательства писателей», в коллективное руководство которого он входил, а также был его председателем с 1911 по 1918 гг. Объединение возникло по инициативе группы писателей реалистического направления, большей части связанных с кружками «Среда» и «Молодая Среда»¹⁸³. О целях и задачах «Книгоиздательства» Вересаев писал Горькому, подчеркивая, что «произведения антижизненные, антиобщественные и

Вересаевских чтений. К 130-летию со дня рождения В.В. Вересаева. Тула, 1997. С.24.

¹⁸⁰ Шруба, С.56-57.

¹⁸¹ Белоусов И., Ушедшая Москва // Московский парнас. С.190.

¹⁸² Шруба, С.229.

¹⁸³ Там же. С.72-74; Вржосек, С.122; Телешов Н., Записки писателя. «Среда». Литературный кружок // Московский парнас. С.41-42.

нехудожественные безусловно исключаются», а также подчеркивая тот факт, что ведется «борьба за ясность и простоту языка»¹⁸⁴. За десять лет в издательстве было издано около 400 книг в сериях «Народно-школьная библиотека», «Дешевая библиотека», «Библиотека иностранных писателей», а также восемь сборников «Слово», которые Вересаев редактировал вместе с И. Буниным и Н. Телешовым¹⁸⁵. Направление издательства было, естественно, реалистическое. Лишь один раз, когда в 1915-1917 гг. выпускалось четырехтомное собрание произведений Андреева, Вересаев, по всей видимости по личным причинам, согласился опубликовать в издательстве сочинения представителя лагеря модернизма¹⁸⁶. После Октябрьской революции товарищество продолжало свою деятельность, но было ликвидировано в 1923 г.¹⁸⁷. По воспоминаниям М. Ангарской, деятельность самого книгоиздательства не была лишена конфликтов: не раз затевались споры между Вересаевым с его сторонниками – с одной стороны, и группой «Среда», возглавляемой Телешевым и братьями Буниным, с другой стороны, которые пытались ограничить Вересаева и оспаривали те требования, которые тот предъявлял к писателям¹⁸⁸. Как писала М. Ангарская, Вересаева, которого называли «Каменный мост» за нерушимость взглядов, несмотря на его корректность, скромность и сдержанность, выделяло и некое самолюбие и принципиальность, которые не раз подводили его к угрозе ухода от редакторских дел и которые, по видимому, привели и к тому, что Вересаев подал на Серафимовича в товарищеский суд, когда тот при встрече не протянул ему руку¹⁸⁹. Споры возникали прежде всего с Ив. Буниным, которого Вересаев позже, наряду с М. Горьким и А. Луначарским, считал самым тщеславным человеком: «Иван Бунин тщеславен, как истерическая красавица женщина. Он везде бесцеремонно проталкивается на первое место, не стесняясь, требует себе повсюду особых отличий (...) Так убежден в своей очаровательности, что не боится показаться даже смешным (...)»¹⁹⁰. Вересаев, хотя и высоко ценил творчество Бунина (тот, в свою

¹⁸⁴ Письмо Вересаева Горькому от 1.8.1912. Цитируется по *Нольде/Зайончковский. Лжи не будет*. С.375.

¹⁸⁵ Московский парнас. С.659; *Телешов*, С. 46.

¹⁸⁶ *Фохт-Бабушкин*, Комментарии // Литературные портреты. С.501.

¹⁸⁷ *Шруба*. С.72-74.

¹⁸⁸ *Ангарская*, С.231. Следует отметить, что Вересаев, по-видимому, был человеком, не стесняющимся подвергать критике произведения, которые он считал не хорошими. Так, в своей рецензии греческих переводов В. Иванова в 1915 г., он резко критиковал не только язык и тон, но и реконструкцию текста, оценив лишь безукоризненную передачу размера. См. *Завьялов С.*, Вячеслав Иванов – переводчик греческой лирики // *Новое литературное обозрение* № 95 (2009) С.166.

¹⁸⁹ *Ангарская*, С.231, 233-234.

¹⁹⁰ *Вересаев*, Литературные портреты. С.416.

очередь, также с уважением и не раз отзывался о литературно-общественной деятельности Вересаева¹⁹¹), не мог наладить с ним хорошие личные отношения, и категорически отказывался уступать его капризам¹⁹².

Во время трехлетнего пребывания в Крыму, Вересаев общался с другими проживавшими там писателями, среди которых можно выделить С.Н. Сергеева-Ценского, М. Волошина и Ив. Шмелева. По возвращению в Москву в 1921 г., Вересаев вступился за них в Госиздате, рассказав Н.О. Мещерскому об их убогом положении¹⁹³. Со многими из них он продолжал поддерживать контакт. Так, с М. Волошиным, дом которого находился недалеко от кокетельской дачи Вересаевых, он поддерживал постоянную переписку до 1931 г. Вересаев в своем мемуарном очерке описал Волошина как человека «большого ума и огромнейшей образованности» с непреодолимым влечением к парадоксам, а также человеком, который ему казался то «глубоким, просветительным мудрецом», то «просто шарлатаном, не имеющим в душе ничего серьезно заветного»¹⁹⁴. Вересаев помог организовать Волошину чтение лекций по истории культуры солдатам красной армии в Феодосии¹⁹⁵, и, по просьбе последнего, стал его литературным представителем в Москве. Многие произведения Волошина могли появиться в печати лишь благодаря стараниям и связям Вересаева¹⁹⁶. Тот, как пишет биограф В. Купченко, еще осенью 1923 г. посоветовал Волошину написать полуофициальное письмо председателю Совета труда и обороны, а также председателю Моссовета Л.Б. Каменеву, и даже намеревался устроить Волошину чтение его стихов в Кремле¹⁹⁷. Из писем Волошина вытекает, что Вересаев из Москвы всячески старался помочь своему коллеге как в делах лечения болезней, получения академических пайков, сохранении дома, так и в публикации стихов¹⁹⁸.

За помощью к вернувшемуся в столицу Вересаеву обращался и Иван Шмелев, с

¹⁹¹ *Фохт-Бабушкин*, Комментарии // Литературные портреты. С.513.

¹⁹² М. Ангарская приводит пример, когда Бунин настаивал на том, чтобы на обложке сборника фамилии авторов печатались не в том порядке, в котором печатались произведения, а по алфавиту, и он, таким образом, был бы первым. Вересаев же этому требованию сопротивлялся и не уступил. См. *Ангарская*, С.232.

¹⁹³ Там же. С.256-257.

¹⁹⁴ *Вересаев*, Литературные портреты. С.469, 476-477.

¹⁹⁵ *Walker B.*, Maximilian Voloshin and the Russian Literary Circle. Culture and Survival in Revolutionary Times. Bloomington, 2005. С.145-146.

¹⁹⁶ *Фохт-Бабушкин*, Комментарии // Литературные портреты. С.523.

¹⁹⁷ *Фрезинский Б.Я.*, Писатели и советские вожди. Избранные сюжеты 1919-1960 годов. М., 2008. С.50.

¹⁹⁸ *Марков А.*, Магия старой книги. Записки библиографа. М., 2004. С.251.

которым Вересаев был знаком не только по причине совместного участия в «Среде» и в «Книгоиздательстве писателей в Москве», но с которым он общался и в Крыму¹⁹⁹. Писатели продолжали переписку в течение 10 лет до 1923 г., то есть еще после переезда Шмелева в Париж. В архиве Вересаева сохранилось 23 письма, из которых три письма затрагивают тему пребывания Шмелева в Крыму и гибели его сына. Эти письма хранились в секретном отделе РГАЛИ, тогда ЦГАЛИ²⁰⁰. Письма 1921 г., частично посылаемые с помощью К.Т. Тренева, полностью были опубликованы в 1996 г. В этих письмах Шмелев просил не только помочь ему узнать о судьбе сына через П.Г. Смидовича, троюродного брата Вересаева и члена Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК), но и разделял с ним свое отчаяние и смятение, болезнь и неспособность писать, бедноту и тяжелые условия жизни, которые испытывал вместе с женой. Подробно объяснял и излагал Шмелев и свои мотивы желания на некоторое время уехать из России, подчеркивая, что он не мог бы писать по заданию, согласно которому произведение должно иметь «какое-нибудь отношение к эпохе, (...) иметь идейную связь с сдвигом социальным». Из писем Шмелева чувствуется, что он не только доверял Вересаеву и ценил его, но и то, что слова и письма последнего помогали ему в тяжелое время²⁰¹. Насколько Вересаев действительно смог помочь Шмелеву неизвестно, однако письма показывают, что он был человеком, который умел сострадать чужому горю и к которому можно было обращаться за помощью.

В основном Вересаев переписывался с писателями, примыкавшими, как он сам к реалистическому направлению, но все-таки среди его корреспондентов были также и представители других литературных школ. Кроме Волошина, Вересаев некоторое время общался и с Валерием Брюсовым, и с Федором Сологубом, о которых он написал мемуарные очерки. Так, с Брюсовым Вересаев был знаком вследствие участия в «Обществе деятелей периодической печати и литературы» и в Литературно-художественном кружке, а затем, в 20-ые гг., он встречался с ним в литературной

¹⁹⁹ Солнцева, С.44, 80; Волкова, С.166.

²⁰⁰ Волкова, С.168-169.

²⁰¹ См. например октябрьское письмо 1921 г., цитируется по «Последний мой крик – спасите!» С. 182. «О, дорогой, благодарю за попытку ободрить и смягчить боль. Родной Вы, редкий человек в наши дни (...)»; ноябрьское письмо 1921 г., С.184: «Оно (письмо – К.Т.) явилось для меня светл[ым] лучиком. Я почувствовал в своем пустынном житии (...), что еще есть люди, которые тебе близки, хотя и по твоему любимому – искусству» (...) «Я чувствую Вас, В[икентий] В[икентьевич] – Вы отзовесь».

секции в ГУСе. В своем очерке Вересаев много внимания уделил изменению мировоззрения Брюсова после революции, указывая на то, что он стал типичным «примазавшимся», что «нутром» Брюсов был «совершенно не большевик», считая его попытки думать «как нужно», жалостными и смешными²⁰². Тем не менее, в целом очерк написан с большим уважением к Брюсову, хотя Вересаевым был подчеркнут тот факт, что они принадлежали к различным литературным школам.

Достаточно близкие отношения в 20-х гг. на краткое время сложились между Вересаевым и Федором Сологубом. В очерке Вересаев признавал, что их «души перекликнулись», хотя и были «во всем диаметрально противоположны»²⁰³. Переписку писатели начали в связи с деятельностью Союза писателей, ленинградскую секцию которого возглавлял Сологуб. В 1926 г. они познакомились лично, поддерживая контакт до смерти Сологуба в 1927 г. Вересаев не только морально поддерживал Сологуба во время болезни, но, по-видимому, помогал ему и деньгами²⁰⁴. Письма Сологуба, включенные в написанный Вересаевым очерк, наполнены высоким уважением и симпатией как к труду (Сологуб оценил как «Гомеровы гимны», так и роман «В тупике» и работы над Пушкиным), так и к доброте Вересаева, как одной из основных черт его характера. Исходя из содержания писем, Вересаев относился к Сологубу также с большой симпатией.

Близкие отношения долгие годы складывались между Вересаевым и Максимом Горьким. На рубеже веков критика ставила обоих писателей рядом, характеризуя их как «властителей дум русского читателя», и характеризуя их, как представителей той же «школы и закваски»²⁰⁵, частично высказывая мнение, что творчество Вересаева «нечто между Чеховым и Горьким»²⁰⁶. После первой личной встречи в 1899 г., писатели в следующие годы несколько раз встречались в Петербурге и, занимая не только близкую общественную позицию, но и взаимно высоко оценивая творчество друг друга, сблизилась и тесно сотрудничали: так, Вересаев участвовал в сборниках издательства «Знание», совладельцем которого был Горький²⁰⁷. Горький, в свою очередь, участвовал

²⁰² Вересаев, Литературные портреты. С.424-427.

²⁰³ Там же. С.428-429.

²⁰⁴ См. Фохт-Бабушкин, Комментарии // Литературные портреты. С.517.

²⁰⁵ Цитируется по Фохт-Бабушкин, Легенды и реальность. С.10.

²⁰⁶ Боцяновский Вл., Смидович // Энциклопедический словарь. Т. IV, дополнительный. СПб., Брокгауз-Ефрон, 1907. С.637.

²⁰⁷ К подробному сотрудничеству Вересаева в сборниках и возникшему финансовому конфликту см.

в «Книгоиздательстве писателей». Письма дают сведения о взаимной симпатии, о развивающихся человеческих и творческих связях в течение многих лет, и прежде всего о том, как высоко Горький ценил Вересаева²⁰⁸. Однако после окончательного возвращения Горького в СССР в 1928 г. их переписка прекратилась, и до смерти Горького они больше не встречались. Вересаев оставил наброски воспоминаний о Горьком, написанных в 1938-1939 гг. и полностью опубликованных лишь в 90-ых гг.²⁰⁹. В своих воспоминаниях Вересаев высказал свое явное несогласие не только с занятой Горьким позицией в русской литературе после его переезда в СССР, но и вообще критиковал его характер и поведение, указывая на то, что было «совсем два разных Горьких: когда с ним с глазу на глаз – простой, естественный, задушевный. Когда в окружении поклонников – ломающийся, неестественный, самодовольный»²¹⁰, а также «очень злопамятный; жадно любивший славу и восхваления, но умевший надевать на себя личину великой скромности; сильно любивший деньги и самый изысканный комфорт; яростно гремел против мещанства, а сам не жил как мещанин только потому, что жил как владетельный принц»²¹¹. После возвращения в СССР Горький, став «полнейшим диктатором всей русской литературы», Вересаеву «стал (...) неприятным»²¹². Прежде всего «канонизация» Горького властью вызывала у Вересаева возмущение.

Фохт-Бабушкин, Комментарии // Литературные портреты. С.505-507.

²⁰⁸ См. напр. письмо Горького Вересаеву от 3.6.1925. Цитируется по *Фохт-Бабушкин, Комментарии // Литературные портреты. С.505*: «(...) просто так случилось, что мы, идя одним путем, шли далеко, – физически, географически далеко друг от друга и редко встречались – вот и все. Но я всегда чувствовал в лице Вашего спутника, коего привык уважать и за твердость шага, и за неуклонность со своей тропы. К Андрееву, к Бунину я был ближе, чем к Вам, часто видел их, жил с ними, но, проверяя мои симпатии, чувствовал Вас яснее, чем их»; также ответ Вересаева от 30.6.1925. Там же. С.505: «(...) действительно из всех наших литературных сверстников мы с Вами идем по тропам наиболее близким друг к другу... Мы с Вами могли бы, кажется, говорить, не раздражаясь, о самых острых вопросах современности и оказались бы на точках весьма близких (...)».

²⁰⁹ *Фохт-Бабушкин, Комментарии // Литературные портреты. С.507.*

²¹⁰ Там же. С.409.

²¹¹ Там же. С.415. Следует, однако, отметить, что часть этих воспоминаний была написана во время, когда Вересаев, отвращенный эволюцией Горького, давно порвал с ним. Как это часто бывает при написании мемуаров, вероятно, что воспоминания на более ранние события изменились под влиянием более поздних. Возможно, что свое недовольство, связанное с проблемами издания собственных произведений, Вересаев перенес на Горького. Естественно, что доминирующее положение Горького в русской литературе могло лишь огорчать Вересаева, испытывавшего в свою очередь всяческие проблемы при издании своих произведений.

²¹² Вересаев прежде всего осуждал, что «(...) цензура вычеркивала всякие сколько-нибудь отрицательные отзывы о его (Горького – *К.Т.*) произведениях (...)», а также факт, что Горький «не имел мужества отказаться от присвоения его имени Художественному театру, которому, конечно, должно было быть присвоено имя Чехова (...)»; см. *Вересаев, Литературные портреты. С.413.*

В 20-ые гг. начались и близкие отношения Вересаева с Михаилом Булгаковым, с которым он лично познакомился в 1923 г., и с которым вел переписку до 1939 г. Из писем становится ясно, как высоко Булгаков, относившийся с большим доверием к Вересаеву, ценил его не только за его творчество, но и за человеческие качества²¹³. Булгаков разделял с Вересаевым свои переживания и заботы, свои мысли относительно желания уехать за границу, свое отчаяние, которое так часто испытывал. Писал он и о своих безрезультатных письмах Сталину, о своих успехах и не успехах в театре, о горечи, что его не печатают, а также о своем здоровье. Вересаев, в свою очередь, письма Булгакова хранил и рассматривал как ценные исторические свидетельства, как важный литературный памятник, объявляя родственникам свое желание опубликовать их, как только это станет возможным и творчество Булгакова получит всеобщее признание²¹⁴. Его желание исполнилось – письма Булгакова были полностью опубликованы в первом номере журнала «Знамя» за 1988 г.²¹⁵.

Тем не менее, в 1924 г., Вересаев выступил против публикации романа Булгакова «Белая гвардия» в журнале «Недра». Вересаев в то время входил в редколлегию журнала. Он основывал свое мнение на том, что направленность романа по идеологическим причинам не подходит для данного издания, хотя и отметил достоинства романа, мастерство, объективность и честность Булгакова в показе событий и действующих лиц, белых офицеров. П.Н. Зайцев, который в свою очередь был бы готов напечатать роман в «Недре», вспоминал что «(...) В.В. Вересаев не оспаривал талантливость автора, но направленность романа, по его мнению, по идеологическим причинам нам не подходила (...)», и видел возможную причину отказа Вересаева в том, что «(м)ожет быть, Вересаев вспомнил, как был совсем недавно принят его собственный роман "В тупике"»²¹⁶. Вполне возможно, что Вересаев, сам

²¹³ См. напр. письмо от 22.7.1931. Цитируется по Знамя №1 (1988). С.164: «(...) В тот темный год, когда я был раздавлен и мне по картам выходило одно – поставить точку, выстрелив в себя, Вы пришли и подняли мой дух. (...) Наши встречи, беседы, Вы, Викентий Викентьевич, так дороги и интересны! За то, что бремя стеснения с меня снимаете – спасибо Вам»; письмо от 2.8.1933; письмо от 6.3.1934. Там же: «(...) наши беседы облегчали меня».

²¹⁴ Нольде/ Зайончковский, Послесловие // Знамя С.172; Виленский Ю.Г., Доктор Булгаков. Киев, 1991. С.207.

²¹⁵ Шесть писем, касающиеся совместной работы Булгакова и Вересаева над пьесой о Пушкине были вместе с ответами Вересаева опубликованы Е.С. Булгаковой в журнале «Вопросы литературы» №3 (1965).

²¹⁶ Воспоминания П.Н. Зайцева. Цитируются по Чудакова М.О., Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988, С.229-230.

испытывавший трудности при публикации своего романа и знавший требования высших инстанций, сразу же понял, что произведение Булгакова не могло быть пропущено цензурой. Зато он приветствовал повесть «Роковые яйца»²¹⁷ и поддерживал Н. Ангарского при его решении одобрить «Собачье сердце»²¹⁸. Когда Булгаков после прекращения публикации «Белой гвардии» в журнале «Россия» в 1925 г., и после того, как его произведения «Дьяволиада» и «Роковые яйца» оказались под обстрелом критики, находился в тяжелой ситуации, Вересаев не только пытался всячески подбодрить его, но помог ему и материально²¹⁹. Помогал он ему и в 1929 г., когда были запрещены булгаковские пьесы «Дни Турбиных», «Зойкина квартира» и «Багровый остров»²²⁰, а также в 1932 г., когда Булгаков был в состоянии душевного кризиса.

В 1934 г., по инициативе Булгакова, писатели приступили к работе над совместной пьесой «Александр Пушкин» («Последние дни»), решив приурочить драму к 100-летию со дня гибели А.С. Пушкина²²¹. Как полагала Е.С. Булгакова, Булгаков пригласил Вересаева для разработки материала из благодарности за то, что тот в тяжелое время предложил в долг деньги²²². Вересаев взял на себя разработку исторического фона, Булгаков – драматическую сторону: «Соединение авторов, по моему, очень удачно: у меня – (...) знание Пушкина и его эпохи, у Булгакова – (...) знание сцены и огромный драматургический талант. Сработались с ним (...)»²²³. Но через некоторое время между писателями возникли серьезные разногласия – Вересаев начал настаивать на изменениях в драматургической области. По причине этих разногласий Вересаев отказался подписать завершенную работу, так что в итоге на титуле значилось лишь имя Булгакова²²⁴. Однако творческое разногласие не нанесло

²¹⁷ Виленский, С.200; предисловие к публикации писем М.А. Булгакова В.В. Вересаеву // Знамя №1 (1988), С.161-173, здесь С.161.

²¹⁸ Ангарская, С.269.

²¹⁹ См. Письмо Вересаева Булгакову. Цитируется по Виленский, С.200: «Поймите, я это делаю вовсе не лично для Вас, а желая сберечь хоть немного крупную художественную силу, которой Вы являетесь носителем. Ввиду той травли, которая сейчас ведется против Вас, Вам приятно будет узнать, что Горький (...) очень Вас заметил и ценит».

²²⁰ См. предисловие к публикации писем М.А. Булгакова В.В. Вересаеву // Знамя №1 (1988), С.161-173, здесь С.161; Лесс А., Непрочитанные страницы. М., 1966. С.254.

²²¹ Виленский, С.215; см. также запись Е.С. Булгаковой в дневнике от 18.10.1934 г., Булгакова Е.С., Из дневниковых и мемуарных записей 1933-1970 гг. // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С.401-402.

²²² Запись в дневнике Е.С. Булгаковой от 25.8.1934г, цитируется по Петелин, С.624.

²²³ Письмо Вересаева М. Новицкой от 2.4.1935. РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 5. Ед.хр. № 14. Л.4.

²²⁴ Виленский, С.215.

ущерб личным отношениям. Вересаев и затем все время с участием следил за успехами и неудачами Булгакова, с большим сожалением отмечая снятие пьесы «Мольер». После посещения тяжело больного Булгакова Вересаев с участием описывал состояние его здоровья²²⁵.

Вересаев постоянно всячески помогал и поддерживал молодых писателей, пытаясь помочь им при публикации их произведений. Он никогда не отказывал в советах тем, кто к нему обращался. Так, например, Вересаев рекомендовал А.С. Грину, печатать свои произведения в журналах «Новый мир», «Известия» или «Красная Нива», добавляя, что там платят «хорошо и без задержки»²²⁶, между тем как посылать свои произведения в редакцию «Недра» отсоветовал²²⁷. Опубликовать свои произведения Вересаев помогал и Б.А. Садовскому, пытаясь устроить их в разных журналах²²⁸.

С 1938 по 1941 гг. с Вересаевым вел переписку поэт и религиозный деятель Александр Добролюбов. Благодаря письмам дошли до современного читателя последние стихи Добролюбова²²⁹, по поводу которых он советовался с Вересаевым. Добролюбов посылал Вересаеву не только стихотворения, но и выписки из тетрадей своих дневников²³⁰. Вересаев советовал, перечислял недостатки, говорил ему о форме, очень приветствовал стихотворение «Яблонь в цвету». Вересаев обсуждал произведения Добролюбова и с Борисом Пастернаком, которому они также понравились²³¹. Но Добролюбов не был исключением: многие писатели обращались к Вересаеву за советом, присылали ему свои произведения для оценки. Он никому не отказывал. Самое последнее выступление Вересаева в печати в «Литературной газете» 1944 г. посвящено детскому писателю И.Д. Василенко, который начал свою литературную деятельность в возрасте 42 лет, и обратился к Вересаеву за советом. Тот одобрительно высказался о писателе, считая его очень талантливым «со своим языком,

²²⁵ См. письмо М. Новицкой от 16.3.1936. РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 5. Ед.хр. № 15. Л.21 об.; письмо М. Новицкой от 22.11.1939. РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 5. Ед.хр. № 22. Л.21, 21 об.

²²⁶ Письмо Вересаева А.С. Грину из 1925 г. РГАЛИ Фонд 127. Оп. 1. Ед.хр. 84. Л.2.

²²⁷ Письмо Вересаева А.С. Грину из 1928 г. Там же. Л. 11-12.

²²⁸ Письмо Вересаева от 20.3.1926. РГАЛИ Фонд 464. Оп. 1. Ед.хр. 37. Л.1; также письмо от 24.5.1926. Л. 2; также недатированное письмо начала 30-х гг. Там же. Л.7.

²²⁹ *Иванова Е.В., Добролюбов А.М. // Русские писатели XX века. Биографический словарь. М., 2000. С.234.*

²³⁰ См. РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 4. Ед.хр.240. Л.4 об. Там же. Ед.хр. 241. Л.34-39 об.

²³¹ Письмо Л. Пастернака В.В. Вересаеву. РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 4. Ед.хр. 4. Л.1-1об.

с великолепной выдумкой, с живыми образами»²³².

При оказании помощи Вересаев не ограничивался творческими советами. Он помогал и в тяжелых личных ситуациях. Так, в 1932 г. он без всякой просьбы прислал тяжело больному Александру Грину, всеми покинутому и не получавшему от литературного фонда писательской пенсии, 250 рублей, чтобы хоть как-то облегчить тяжелую финансовую ситуацию²³³.

Со свойственной ему скромностью и деликатностью Вересаев при оказании денежной поддержки находил формулировки, позволяющие не чувствовать получателю денег никакого стыда или неловкости при их принятии. Если он уверял Булгакова, что присылает деньги с желанием сохранить его талант, то объяснял например Б. Садовскому, что положенные ему самому деньги не мог и принять, и хотел отказаться, но затем передумал: «Посылаю их Вам, и прошу Вас иметь в виду, что я этим себя ничего (?) не мешаю, так как для себя бы их не принял»²³⁴.

Скольким людям Вересаев оказал помощь, наверное останется неизвестным. Помогал он любым способом – то поддержкой при публикации в журналах, то советами по литературным вопросам, то материально, или просто теплым словом, при этом не стараясь поставить себя в центр внимания за свои усилия. Но факт, что он был готов помочь, часто даже по собственной инициативе, не подлежит сомнению. Прямо трогательно читать воспоминания Анастасии Цветаевой, которая также узнала на себе готовность помочь Вересаева: «Узнав, что я живу на одном служебном пайке и помощью Марины (...) Викентий Викентьевич Вересаев вдруг принес мне львиную долю своего академического пайка. Он втащил ее на четвертый этаж, сам уже пожилой и слабый, и смущено, добро тыкая мне в руки что-то в бумаге и кусок мешковины? из него – баранью кость с длинным скосом сырого мяса, и мы долго держали под чем-то огорченные руки, на которые тонко сыпалась из прорвавшейся газеты крупа... Мы стояли в слабо освещенной передней, и Вересаев не хотел входить, как я, тронутая до слез, ни звала. – "Не могу, не могу, спешу очень... Поздно... В другой раз!" Так и не

²³² Вересаев В.В., О детском писателе И. Василенко // Литературная газета от 11.11.1944; см. подробнее воспоминания Берзер А.С., История одной статьи // Вопросы литературы 11 (1984). С.177-184.

²³³ См. Заметка Н.Н. Грин. РГАЛИ. Фонд 12.. Оп.1. Ед.хр. 84. Л.1; также письмо Вересаева Н.Н. Грин от апреля 1932 г. Там же. Ед.хр. 84. Л.1-2.

²³⁴ См. письмо Вересаева Б.А. Садовскому от 24.5.1926. РГАЛИ Фонд 464. Оп. 1. Ед.хр. 37. Л.2-2 об.

вошел, а сходил медленно полутемной лестницей, глуше и глуше шагая, пока не стукнула внизу дверь. А я все стояла и плакала, облокотясь о перила, каюсь, что мало, недостаточно поблагодарила... ведь у себя отнял у своих... Для тех дней (еще до начала нэпа) это был редкий поступок. Я даже не была его другом, мы были только знакомы, встречались в писательских кружках»²³⁵.

С уверенностью можно сказать, что А. Цветаева не была единственной, которой Вересаев, с детства движимый чувством уважения и сочувствия к другим, помог.

5. «(...) на это я имею претензию, – считаться честным писателем»²³⁶

Воспитанный на гуманистических идеалах и справедливости, Вересаев считал честность одним из самых важных качеств. Честность Вересаева проявлялась как в жизненных ситуациях, так и в его литературной деятельности. Писать честно – это было важнейшим принципом его творчества.

В написанной в 1921 г. лекции «Что нужно для того, чтобы быть писателем», Вересаев не раз подчеркивал необходимость писателя оставаться собою, доверяя своим переживаниям и настроениям, и избегая копирования форм великих писательских примеров: «Нужно быть самым собою, нужно быть правдивым и искренним, нужно развиваться и расти нравственно, нужно уметь видеть и слышать»²³⁷. Эти принципы Вересаев соблюдал и относительно себя: он пытался писать о том, что он считал правдой, не подвергая ее никакому приукрашиванию, изображая действительность такой, какой она являлась, не останавливаясь и перед изображением малопривлекательных наблюдений. Он очень внимательно смотрел на жизнь вокруг себя, и со многим, что происходило в стране, как в области литературы, так и в общественной жизни, не соглашался. Это подтверждают его письма и дневниковые записи. Этот факт также подтверждают в своих воспоминаниях люди, знавшие писателя лично. Так, американский журналист Уильям Чемберлин, с 1922 по 1934 гг. работавший в Москве корреспондентом при «The Christian Science Monitor» и высоко ценивший

²³⁵ Цветаева А., Воспоминания. М., 1998. Т.2. С.616.

²³⁶ См. письмо Вересаева А.Г. Горнфельду от 31.5.1936 г.; цитируется по Нольде/ Зайончковский, Лжи не будет. С.385.

²³⁷ Вересаев В.В., Что нужно для того, чтобы быть писателем? Лекции для литературной студии // Собрание сочинений в 4 томах. М., 1990. Т.1. С.63.

Вересаева за его нравственные качества²³⁸, вспоминал разговоры с писателем, из которых следует, что тот полностью осознавал ограничения и силу пропаганды, которые насаждались гражданам СССР. По поводу огромной волны протестов, которую вызвало приведение в исполнение смертной казни двух рабочих-анархистов, выходцев из Италии, Н. Сакко и Б. Ванцетти в США, Вересаев заметил, что если они действительно были невинными, то их наказание, конечно, надо считать несправедливостью. Оправдывая протесты, Вересаев однако указал на то, что ему кажется неправильным и ханжеским протестовать против этого случая, когда в то же самое время нельзя возражать против других, в итоге намного более худших ситуаций и инцидентов, существующих в собственной стране²³⁹. Когда Чемберлин показал Вересаеву список бакалей, которую получали безработные лица и их семьи в Милуоки, тот удивился, сказав, что нет в России ни одного рабочего, который получил бы такое множество еды и фруктов, и добавил, что советские газеты пишут о том, как безработные в США умирают от голода²⁴⁰.

Вересаев, уже в молодые годы выработавший в себе неистовую «ненависть к самодержавию, возмущение его угнетением и злодействами» (5, 268), по видимому, испытывал такие же чувства и к новой системе с ее цензурой и атмосферой общего утеснения. Однако он хотел продолжать литературную деятельность, хотел писать, как подчеркивал в сохранившемся в архиве наброске, посвященном А. Луначарскому, в котором объяснил свое сотрудничество в советских журналах «Красная новь» и «Печать и революция». В отличие от других писателей, считавших, что нельзя сотрудничать в журналах цензоров и предпочитавших, чтобы их не печатали совсем, Вересаев ситуацию оценил по-другому: «Когда в последние годы встал передо мною вопрос о сотрудничестве в советских изданиях, я долго размышлял и пришел к такому выводу: других журналов нет, выбор: либо молчать, либо сотрудничать с ними». Молчать Вересаеву не хотелось: «Раз нет другой возможности работать, нужно работать с ними, — конечно, ни в чем к ним не подлаживаясь и высказывая свое. Как в

²³⁸ *Chamberlin*, *The Tragedy of the Russian Intelligentsia*. C.94: «He was a human being of rare quality, deeply cultured without affectation, erudite without pedantry, and a man of crystal clear integrity».

²³⁹ *Chamberlin W.H.*, *Russian Recollections* // *Russian Review*, Vol 21, Nr 4 (1962), C.342: «(...) Yet it seems wrong and hypocritical somehow to protest against this when we can rise no public voice against far worse things that are happening here in Russia».

²⁴⁰ Там же.

университетах и школах царского времени: раз нельзя иметь вольных университетов и школ, – работай в казенных, пока тебя терпят и не прогнали. Говорят: своим сотрудничеством вы поддерживаете журналы и все идеи, которые они проводят. О, боже мой! Идеи эти до того уже долбятся на всех перекрестках, до того затрепались от частого и бездарного употребления, что самый ярый враг их может пожелать только одно: еще! Еще! Чтоб уж окончательно они всем осточертели! И чтоб всякая свободная мысль стала для читателей струею чистого воздуха в этой душной, застоявшейся атмосфере. И поэтому с чистою совестью я пошел сотрудничать в их журналы: пусть там, хоть насколько возможно, раздастся человеческое слово. Будут печатать – хорошо; не будут – нечего делать; а подлаживаться не стану; а молчать со злорадною мыслью: "Ну-ка, как вы без нас обойдетесь?" – просто преступно. Но все-таки приходилось выбирать лучшее: в журналах полемика с другими взглядами ведется более академично и культурно, чем в газетах; и от сотрудничества в последних я уклонялся»²⁴¹.

Желание Вересаева писать звучит также из письма, присланного М. Булгакову в 1932 г., когда тот был в состоянии душевного кризиса: «И разве может он, на изломе всего своего существа, сказать себе: 'Меня не печатают – бросаю писать'. Это глубокая ошибка. (...) для меня совершенно несомненно, что одна из причин Вашей тяжелой душевной угнетенности – в этом воздержании от писания»²⁴². Вересаев как раз и продолжал писать. Но, в отличие от некоторых других писателей, приспособившихся к обстановке и требованиям сверху, Вересаев отказался создавать лживые или полуправдивые произведения. Он продолжал писать по-своему, не отходя от своего решения, которое он принял в молодости, о чем свидетельствует запись в его дневнике, сделанная в возрасте 23 лет: «Лжи не будет, – я научился не жалеть себя!» (5, 315). На протяжении своей долгой деятельности он действительно пытался писать лишь то, что он сам считал правдой, оставаясь честным даже если ценой за честность была собственная слава. Как Вересаев рассказал В. Чемберлину, один знакомый партийный деятель объявил ему, что если бы он в конце романа «В тупике» из главной героини Кати сделал коммунистку, то произведение получило бы высокое приветствие с

²⁴¹ *Фохт-Бабушкин*, Комментарии // Литературные портреты. С.510-511.

²⁴² Письмо Вересаева Булгакову от 12.8.1931 г.; цитируется по *Чудакова М.О.*, О мемуарах и мемуаристах (Вместо послесловия) // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С.513.

официальной стороны²⁴³. Но писатель не изменил концовки романа – он позволил Кате «уехать, неизвестно куда» – таким образом обрекая себя заранее на трудности, которые появлялись снова и снова при каждом новом издании, и привели в итоге к окончательному запрету романа.

В пользу Вересаева говорит то, что он, как опытный писатель, хорошо знал, какого содержания должно быть произведение, чтобы пройти цензуру. Этим знанием Вересаев пользовался, давая советы молодым писателям, которые обращались к нему за помощью²⁴⁴. Сам же создал такие произведения, как «В тупике» или «Сестры», хорошо осознавая, как тяжело будет их опубликовать. Но писать по-другому Вересаев не мог. И менять сюжет произведения так, чтобы возможность его публикации не подлежала никакому сомнению, противостояло его честности и нравственным качествам. Если Вересаеву и хотелось продолжать работать, то он не собирался платить за эту возможность любой ценой. Отказываться от честности он не собирался и когда почувствовал, что политическая ситуация больше не позволяла писать на актуальные темы искренне, он, в отличие от некоторых своих коллег, не пошел на компромисс, а нашел для себя возможность работать в другой области. Высказанное В. Чемберлином в 1962 г. предположение, что писатель обратился к работе над Пушкиным и к античным переводам, когда стало невозможным правдиво писать о современности²⁴⁵, подтверждают два письма Вересаева середины 30-ых гг.: «Беллетристику я бросил, – не стоит писать. Занимаюсь "Спутниками Пушкина" (...)»²⁴⁶; «(...) Писать беллетристику я бросил. Можно писать только по определенному штампу, а я так не умею (...)»²⁴⁷.

Обращаясь к другим творческим областям, Вересаев мог оставаться верным своим принципам и не отказываться полностью от литературной деятельности. Честность он ценил и у других, как становится ясно, например, из письма М. Новицкой по поводу предстоящей смерти Г.И. Чулкова, который поддерживал контакт с

²⁴³ *Chamberlin*, The Tragedy of the Russian Intelligentsia. С.94; *Chamberlin*, Russian Recollections. С.341.

²⁴⁴ См. напр. письмо Вересаева Б.А. Садовскому от 20.3.1926 г., РГАЛИ Фонд 464. Оп.1. Ед.хр. 37. Л.1: «(...) насчет «Н.Н. Пушкиной» я очень сконфужен (...) там все Бог и Господь. А этих слов все нынешние редакции боятся еще больше, чем в прежние времена черта (...)».

²⁴⁵ *Chamberlin*, Russian Recollections. С.342-343: «a broad range of cultural interests that made it possible for him, when the Stalinite political atmosphere became too hostile to writing honestly on contemporary life, to find refuge in translating Homeric hymns or publishing specialized studies in Pushkin».

²⁴⁶ См. письмо С.С. Лозовской от 25.5.1934 г.; цитируется по *Нольде/ Зайончковский*, Лжи не будет. С.385.

²⁴⁷ Недатированное письмо 1934 или 1935 гг. М. Новицкой. РГАЛИ Фонд 1041. Оп. 5. Ед.хр. № 14. Л.2.

Вересаевым²⁴⁸. Подобно Вересаеву Чулков также в поздние годы обратился к истории и к исследованию творчества Пушкина, Тютчева и Достоевского. Как признался Вересаев, Чулков привлекал его тем, что смел «Думать по своему, идти своей дорогой»²⁴⁹.

Своей дорогой шел и Вересаев и никаким новым требованиям к содержанию не поддавался. Высказанные Вересаевым в 1917 г. опасения по поводу угнетения свободы слова и замены одной цензуры другой, осуществились уже в первые годы существования СССР. Борьба «с противником тем, что не даешь ему говорить»²⁵⁰ охватила не только общественную, но прежде всего и литературную жизнь. Вересаев не раз высказывал свое возмущение репрессиями, которым подвергалась русская литература, и стремлением власти ограничить творческую свободу писателя, руководя таким образом литературой и ее развитием.

В 1925 г., вскоре после спорного издания его романа «В тупике», он, отвечая на анкету «Что говорят писатели о постановлении ЦК ВКП (б)» в журнале «Журналист», откровенно заговорил об «основной болезни» того времени: *«отсутствие у современного писателя художественной честности. Вызывается эта болезнь совершенно невозможными требованиями, предъявляемыми писателю инстанциями, от которых зависит напечатание его вещей. Цензор говорит романисту: "Этого несимпатичного коммуниста сделайте беспартийным; в душу этой беспартийной героини внесите побольше разложения; этого симпатичного коммуниста сделайте поумнее, — тогда я ваш роман пропущу"»*²⁵¹ /курсив мой – К.Т./ Вересаев в своем недолгом ответе объективно критиковал такое насаждение цензуры властью. В результате, от такого контроля страдала прежде всего литература: «такое систематическое насиливание художественной совести даром для писателя не проходит. Такое систематическое равнение писателей под один ранжир не проходит даром для литературы»²⁵². Вересаев не боялся указать на то, что «молчат такие крупные художники слова, как Ф. Сологуб, Макс. Волошин, А. Ахматова» лишь потому, что они идеологически чужды правящей партии, и подчеркнул, что «если бы сейчас (...) явился

²⁴⁸ Марков. С.365.

²⁴⁹ Письмо от 9.12.1938. РГАЛИ Фонд 1041. ОП.5. Ед.хр. 20. Л.42.

²⁵⁰ Вересаев, Темный пожар. С.10.

²⁵¹ См. ответ Вересаева на анкету журнала «Журналист» // Журналист № 8-9 (1925), С. 30.

²⁵² Там же.

Достоевский, такой чуждый современным устремлениям и в то же время такой необходимый в своей испепеляющей огненности, то и ему пришлось бы складывать в свой письменный стол одну за другою рукописи своих романов с запретительным штампом Главлита».

В отличие от соответственных протестов других писателей, слова Вересаева тогда проникли в печать, однако с подборкой редакции, ввиду «единодушного одобрения линии ЦК партии со стороны писателей различных художественных направлений» удивляющейся некоторым отдельным высказываниям старых писателей против "руководства" и "руководительства": «Такие отклики, как, например, Вересаева, Ив. Новикова и других представляют тот интерес, что они выявляют настроение небольшой группы писателей, которые до сих пор воспринимают нашу советскую действительность все еще не без глухого недовольства... В этих речах против "руководства", в этих попытках изобразить замученную русскую литературу, сгорающей на жертвенном огне редакторской и цензурской ограниченности, слышны на самом деле все те же старческие ворчливые припевы о "систематическом насиловании писательской свободы"»²⁵³.

«Духовную свободу» Вересаев считал «воздухом» каждого писателя²⁵⁴, и увеличивающиеся ограничение и угнетение этой свободы могло наполнять его лишь обидой. Примечательно, что в 1927 г. Вересаев не выступил против тайно пересланного И. Бунину анонимного обращения «К писателям мира»²⁵⁵, которое содержало

²⁵³ Цитируется по Блюм, Цензура в СССР. С.101. На ответ Вересаева указал и П.И. Лебедев-Полянский в докладной записке Оргбюро ЦК ВКП (б) «О деятельности Главлита». См. *Бабиченко Д.Л.* (Сост.), "Счастье литературы". Государство и писатели. 1925-1938. М., 1997. С.36.

²⁵⁴ Вересаев, «Что нужно для того, чтобы стать писателем?». С.56.

²⁵⁵ *Максименков Л.*, Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие). Часть II. Теория и практика восприятия советского эксперимента западной интеллигенцией // Вопросы литературы 3 (2004). С.318. См. отрывок из письма, цитируется по *Партис З.*, Приглашение к Бунину // Слово № 56; <http://magazines.russ.ru/slovo/2006/52/pa21.html> (08.03.2010): «Почему вы, прозорливцы, проникающие в глубины души человеческой, в душу эпох и народов, вы, ухо, глаз и совесть мира, почему вы проходите мимо нас, обреченных грызть цепи нашей тюрьмы? Почему вы, воспитанные на творениях также и наших гениев слова, молчите, когда идет удушение нашей литературы в ее зрелых плодах и ее зародышах? Послушайте нас, откликнитесь! Нам нужна только ваша моральная поддержка, ваше моральное осуждение жесточайшей из деспотий, которой является коммунистическая власть в России. Ваш голос нужен не только нам и России. Подумайте и о самих себе: с дьявольской энергией, во всей своей величине, видимой только нам, ваши народы толкаются на тот же путь ужасов и крови, на который десять лет тому назад был толкнут наш народ. Мы лично гибнем. Многие из нас уже не в состоянии передать пережитый нами страшный опыт потомкам. Познайте его, изучите, вы, свободные! Сделайте это- нам легче будет умирать. Из нашей могилы заклиная вас: вслушайтесь,

коллективный протест группы писателей против большевистско-цензурного террора и было опубликовано 17.7.1927 г. в газете «Возрождение» в Париже.

Вересаев с первых же лет советской власти чувствовал, что новая система не только ничем не отличалась от предыдущей, но оказалась намного хуже. И это не только по отношению к писательской свободе. Цензура сменила цензуру. Даже если призыв и протест Вересаева и был напечатан в 1925 г., то скоро и он смог лично убедиться в том, как работал цензурный аппарат. Немного спустя, ему самому пришлось почувствовать ограничительную власть Главлита. И через несколько лет, он сам мог складывать некоторые из своих произведений в письменный стол.

Тем не менее, Вересаев продолжал выступать против того, чтобы запреты на издательство произведений тех или иных писателей ограничивались редакторами до самой смерти. Еще в мае 1941 г., т.е. в то время, когда он давно повернулся спиной к беллетристике и ушел в работу над античными переводами, Вересаев в «Литературной газете» хотел опубликовать статью под названием «Она выстрелила дважды. Об авторах и редакторах». Однако статья, начинающая словами «Это – два враждебных лагеря», свой путь в газету не нашла, а была снабжена надписью «Совершенно секретно» и отправлена в ЦК для ознакомления вместе с сопроводительным письмом первого секретаря Союза писателей А. Фадеевым, считавшем ее выпуск в свет невозможным. Статья была запрещена, и ее публикация состоялась лишь с опозданием в 56 лет в 1997 г.²⁵⁶ И в этой статье Вересаев еще раз доказал, что с преобладающими практиками тогдашней системы не соглашался, констатируя среди редакторов «все большее стремление диктаторски исправлять и переделывать по своему вкусу произведения авторов», являющихся в таких ситуациях беззащитной, страдающей стороной. На примере своих собственных произведений Вересаев показал, каким образом редакторы предпринимали не только ненужные стилистические поправки. Так, в одном из рассказов писателя, занимающем всего чуть больше трех страниц, было сделано сто сорок две поправки такого рода как «она выстрелила дважды», вместо «она выстрелила два раза». Но если Вересаев в первую очередь обращался к редакторским поправкам стилистического рода, то, читая статью, становится ясным, что редакторы не

вчитайтесь, вдумайтесь в наше слово!».

²⁵⁶ См. *Вересаев В.В.*, Она выстрелила дважды. Об авторах и редакторах // Литературная газета № 50 (1997). С.12.

останавливались и перед поправками, которые касались содержания произведений. На это Вересаев намекнул как бы мимоходом, приводя свой опыт в связи с его выбором для «избранных сочинений» по поводу его 50-летней деятельности, который был модифицирован значительно: «Такой-то рассказ неинтересен – выбросить. Такая-то повесть производит мрачное впечатление – переделать конец. Такой-то рассказ – чистейшая мистика. Рассказ "За гранью", – выбросить, так как в нем описываются предсмертные переживания полковника царской службы (...) Рассказ "Лизар" можно поместить после тщательной обработки (...)». Приводя такие примеры, Вересаев дает ясное представление о том, как далеко заходили редакторы при обработке произведений. Это чувствовал и Фадеев, разделивший приложенное письмо на две части, чтобы, по мнению Д.Л. Бабиченко, сохранить объективность по отношению к статье Вересаева²⁵⁷. Если он в первой части признавал факт некоего произвола редакторов при их работе, то в другой он определенно осуждал писателя за присутствующую в статье «заднюю мысль» «(...) дискредитировать редакторов, как работников на службе у советского государства, как проводников политики нашего государства, как людей, стоящих на страже государственных интересов». Вересаев, отмечал Фадеев далее, «не может вслух сказать, что его "угнетает" контроль Главлита, политические требования наших журналов и издательств, и он прикрывается вопросами стиля и вообще художественной стороной дела. А общий тон статьи – вопль о "свободе печати" в буржуазном смысле». Тем не менее, как полагал Бабиченко, было решено не трогать Вересаева²⁵⁸ – наоборот: два года спустя он был устроен Сталинской премии.

Интересно, что Вересаев долгие годы мог более или менее работать без нападок на свою личность. Чемберлин полагал²⁵⁹, и можно, наверное, присоединиться к его мнению, что перед серьезными проблемами, с которыми сталкивались другие писатели, Вересаева до определенной меры защищал факт, что его троюродный, и родной брат его жены, П.Г. Смидович, был не только крупным революционером и большевиком, но и членом ВЦИК²⁶⁰. Благодаря брату, а также своей собственной революционной

²⁵⁷ Бабиченко Д.Л., Писатели и цензоры. М., 1994, С.55.

²⁵⁸ Там же. С.56.

²⁵⁹ Chamberlin, Russian Recollections. С.341.

²⁶⁰ См. статью о П.Г. Смидовиче в Большой Советской Энциклопедии. 3-е издание. М., 1976. Т.23. С.1812-1813: «Смидович Петр Геморганович: 1874-1935 (...) с 1902 г. агент «Искры»; с 1903 г. в

деятельности, у Вересаева были значительные связи с влиятельными деятелями власти. По воспоминаниям А. Аренштейна, Вересаев с женой бывали и у Луначарских, которые, также как и П. Смидович, жили в Кремле²⁶¹. Именно эти связи и влияние, которыми обладал Вересаев, помогали ему находить возможности публиковать свои произведения. Вероятно, этими контактами он пользовался и в пользу обращающихся к нему за помощью других писателей, насколько это было возможным, хотя и ему самому не всегда помогли его связи и авторитет, которым пользовался: «(...) у меня есть некое имя, я имею возможность предъявлять ультиматумы, – и все-таки вот сколько приходится преодолевать препятствий, глупых и ненужных, чтоб отстоять свое право писать по-своему или добиться напечатания своей книги (...)»²⁶².

Хотя Вересаев в своей литературной деятельности не приспособлялся под политическим давлением, не поддавался идеологическому конформизму и требованиям «сверху» и не стеснялся критиковать те или другие обстоятельства, то публично он никогда не выступал с антисоветскими высказываниями. В первые годы он пытался сотрудничать и участвовать в официальной литературной жизни. Только когда он почувствовал, что больше нельзя работать без приспособления к идеологическим требованиям, что наложенные на писателей требования ограничили творческую свободу настолько, что было невозможным оставаться верным честности, когда он не «мог быть собою», тогда он оставил беллетристику и занялся переводами и Пушкиным. Вересаев не подгонял «свои живые ощущения и переживания» к «азбуке коммунизма и к требованиям приверженцев истинно-пролетарского искусства», не старался «натаскивать на себя соответственные настроения с целью стать истинным голосом пролетариата», о чем и предупреждал писателей в своей лекции «Что нужно для того,

России, один из организаторов подпольной типографии «Искры» в Умани; участвовал в вооруженном восстании в Москве в 1905г. (...) После февр. 1917г. член Московского К-та РСРП(б), член Президиума Исполкома Моссовета; Делегат 7-й (Апр.) конференции и 6-го съезда РСДРП(б); в октябрьские дни 1917 сл.Моск.ВРК, затем член Президиума ВЦИК и ВСНХ. В 1918г пред. Моссовета, 1919 пред. Моск.губ.совнархоза; 1920: член советской делегации на мирных переговорах с Польшей; участвовал в ликвидации антоновщины и Кронштадтского антисоветского мятежа 1921; был член ВЦИК, член Президиума ВЦИК и ЦИК СССР, работал пред. К-та содействия народностям северных окраин при ЦИК СССР. Делегат 8, 10-17-го съездов партии, на 10-м съезде избирался сл. ЦКК; награжден орденом Ленина; похоронен на Красной площади у Кремлевской стены».

²⁶¹ Аренштейн А., Ранним московским утром. М., 1967. С.97. Жена П.Г. Смидовича первоначально была женой брата А. Луначарского, П.В. Луначарского, с которым на рубеже веков был знаком и сам Вересаев. См. *Фохт-Бабушкин*, Комментарии // Литературные портреты. С.515.

²⁶² Вересаев, Она выстрелила дважды. С.12.

чтобы стать писателем?»²⁶³. «Хочешь стать художником, – будь самим собою; не хочешь быть самим собою – не будешь художником»²⁶⁴. Этот девиз руководил его творчеством. Как только ему стало невозможным «честно писать», он «честно молчал»²⁶⁵, и поэтому продолжил свою литературную деятельность в другой области. Наделенный необыкновенной прозорливостью он осознал, что ситуация развилась до такой степени, что писателю оставались две дороги – либо приспособиться к требованиям, либо совсем прекратить писать. А так как Вересаева не устраивала ни одна, ни другая альтернатива, он полностью обратился к другой области работы, что позволило ему продолжить свой творческий и профессиональный путь до самой смерти. Его корректность, такт и честность не позволяли ему уступать своим принципам ради славы.

«Я помню, как в очень трудную пору своей жизни один из писателей сказал просветленно: "Пойду к Вересаеву". В переводе на обычный язык это значило: "Пойду к справедливому человеку". И, сколько мне помнится, вернулся он от Вересаева утешенный. В поисках абсолютной справедливости он не ошибся в адресате»²⁶⁶, так и подобно описывали Вересаева его современники.

Справедливость, честность и готовность помочь – качества, отличавшие этого писателя-реалиста, который на протяжении долгих лет остался верным не только литературной деятельности. Верным оставался он и медицине, работая врачом не только в безопасном пространстве Тулы и Петербурга, но и в Донецком бассейне во время эпидемии холеры 1892 г., а также на полях русско-японской войны. Подобно А.П. Чехову, Вересаев продолжал заниматься медициной, что и отразилось на его творчестве. Герои-врачи присутствуют во многих произведениях, и так как Вересаев был склонен к документальности, обосновано считать, что его произведения правдиво изображают настроения и положение медицинских деятелей того времени. Именно одновременная работа в литературе и медицине, точные знания медицинского мира «изнутри» этих двух современников дают обширное представление о врачах и их деятельности в контексте времени.

²⁶³ Вересаев, Что нужно для того чтобы стать писателем? С. 57-58.

²⁶⁴ Там же. С. 58.

²⁶⁵ Запись Вересаева в дневнике. Цитируется по Нольде/ Зайончковский. Лжи не будет. С. 386.

²⁶⁶ Лидин В., Люди и встречи. Цитируется по Фокин П./ Князева С., Серебряный век. Портретная галерея культурных героев рубежа XIX-XX веков: в 3 томах. СПб., 2007. Т. 1. С. 272

ЧАСТЬ II

«Среди докторов»

*В великих естествоиспытателях и врачах
всегда есть что-то мечтательное, фантастическое,
какое-то стремление к всеобщему и, как правило,
тяга к искусству, часто они были в то же время
и поэтами, художниками, музыкантами²⁶⁷.*

Теодор Бильрот

1829-1894

1. Медицина и литература

1.1. Введение

На первый взгляд, медицина как наука естественная, использующая определенные и точные методы, и литература, как направление искусства и художественное изображение мира – это очень разные сферы, которые однако, без сомнения, имеют и точки пересечения. На протяжении всей своей истории литература часто связана с медициной, что и не удивительно, ведь болезнь и смерть – неотъемлемые части человеческого существования.

Присутствие медицинской тематики в художественных текстах, восходящее к античности, можно считать универсальным феноменом мировой литературы²⁶⁸, который является важным фактором при изучении культуры, так как он отражает отношение общества к медицине и к врачам, а также влияет на суждение о том, что и кого данное общество считает здоровым²⁶⁹.

²⁶⁷ Цитируется по Каган-Пономарев М.Я., Литераторы-врачи: Очерки и подходы с приложением Библиографического словаря. М., 2007. С. 251.

²⁶⁸ Caswell P./ Goodwin S.W., Death and the Individual // Seigneuret J.-CH., Dictionary of Literary Themes and Motifs. New York, 1988. С. 328-346.

²⁶⁹ Богданов К.А., Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII-XIX веков. М., 2005. С. 14, 17.

Взаимовлияние гуманитарных и естественных наук, в том числе и связь между литературой и медициной, стало в последние десятилетия (сначала в США, а затем и в Западной Европе) предметом особой гуманитарной дисциплины – «литература и медицина». Цель этого направления состоит в ознакомлении студентов медицинского отделения с гуманитарными науками, прежде всего литературой с одной стороны и, с другой, в объединении как собственно литературоведческих работ, посвященных медицинским темам, так и работ, в которых акцентируются пересечения медицинского и литературного дискурсов в сфере психологии, истории идей, культуры и т.д.²⁷⁰.

Началом централизованного изучения отрасли «литература и медицина» Е. Неклюдова считает аннотированную библиографию Д. Траутманна и К. Полларда²⁷¹, статью Г. Руссо о литературе и медицине как «области исследования»²⁷² и выход в свет первого номера журнала «Literature and Medicine», за которым последовали и другие журналы, посвященные данной теме²⁷³. Кроме того, существует целый ряд антологий, предметом которых является медицинская тема в художественном произведении²⁷⁴.

Медицина не только занимает важное место в многочисленных литературных произведениях, но и является «первой» профессией многих писателей – приведенная цифра врачей-литераторов в мировой литературе сильно отличается в зависимости от источника, колеблясь между 120 и 500²⁷⁵, среди них – Владимир Даль, Михаил Булгаков, Василий Аксенов, Франсуа Рабле, Фридрих Шиллер, Альфред Дёблин, Артур

²⁷⁰ Богданов С. 17-18, также Неклюдова Е., «воскрешение Аполлона» - literature and medicine - генезис, история, методология // Богданов К./ Мурашов Ю./ Николози Р., Русская литература и медицина. М., 2006. С. 16-18.

²⁷¹ Trautmann J./ Pollard K., Literature and Medicine: An Annotated Bibliography. Pittsburgh, 1982.

²⁷² Rousseau G.S., Literature and Medicine: The State of the Field // Isis 1981, Vol. 72 (3), С. 406-424.

²⁷³ Среди которых, прежде всего, надо считать британский *Journal of Medical Humanities*, а также классические медицинские журналы *The Lancet* и *Academic Medicine*, которые регулярно публикуют статьи литературно-гуманитарного направления.

²⁷⁴ Среди них, прежде всего: Ceccio J., *Medicine in Literature*. New York, 1978; Cousins N. (Ed.), *The Physician in literature*. Philadelphia, 1981; Reynolds R./ Stone J. (Ed.), *On doctoring: Stories, poems, essays*. New York, 1995; Moore A. (Ed.), *The missing medical text: Human Patient Care*. Melbourne, 1978; Gordon R. (Ed.), *The literary companion to medicine: An anthology of prose and poetry*. New York, 1996. Однако Неклюдова (С. 18-19) обращает внимание на то, что единственное различие подобных антологий, набор произведений которых почти не меняется – во всех повторяются такие фамилии как Э. Хемингуэй, В. Вильямс, Г. Флобер, Дж. Элиот, А. Чехов, Ф. Кафка и Ш. Бронте – состоит лишь в принципе деления сборника на тематические главы.

²⁷⁵ Каган-Пономарев, С. 10. Число отличается в зависимости от того, каких писателей исследователи включают в свои перечисления: включают ли они лишь тех, которые закончили медицинский факультет и занимались врачебной практикой, или также тех, кто начал медицинское обучение, но не закончил.

Шницлер, Артур Конан Дойл, Владислав Ванчура, Мирослав Голуб, а также многие другие²⁷⁶. Найти причину феномена, почему из такого количества врачей вышли и многие писатели, наверное принадлежит психологам. Но очевидно, что врачи, в силу своей деятельности часто переживают ситуации в которых речь идет о жизни и смерти. Врачи не только более, чем представители других профессий размышляют о жизни и сути существования, но еще и привыкают точнее анализировать окружающий их мир и людей. Именно в этой способности наблюдать А. Цветава находила и сходство между писателями-врачами Антоном Чеховым и Викентием Вересаевым²⁷⁷. Оба получили медицинское образование в последние два десятилетия XIX века – Чехов в 1884 г., Вересаев – десять лет спустя. И хотя их мотивы для литературной и медицинской деятельности были разными – если первый хотел стать врачом, а литературой начал заниматься прежде всего для того, чтобы подработать и таким образом обеспечить семью²⁷⁸, то второй с детства мечтал стать писателем и получил первое образование на историко-филологическом факультете – в творчестве обоих отразилось их знание медицинского мира.

Период, в который и Вересаев, и Чехов приступили к медицинской практике, был периодом больших перемен в области медицины. Эти перемены были обусловлены как общеευропейскими процессами, так и чисто российским явлением: развитие естественных наук способствовало формированию различных направлений в медицине, и, вследствие, и развитию профессии врача²⁷⁹. Благодаря революционным открытиям в области медицины – следует упомянуть, например, открытие возбудителя туберкулеза, а также холерного вибриона Р. Кохом в 80-ых годах – в общем росли значимость и возможности медицинской науки. Но также индустриализация привела к

²⁷⁶ Библиографический словарь писателей-врачей приводит в своей книге *Каган-Пономарев, С.* 252-368; см. также *Klimpel V., Schriftsteller-Ärzte. Biographisch-bibliographisches Lexikon von den Anfängen bis zur Gegenwart.* Hürtgenwald, 1999; также von *Engelhardt D./ Gerigk H.J., Ärzte // von Jagow B./ Steger F.* (Hrsg.), *Literatur und Medizin. Ein Lexikon.* Göttingen, 2005. С. 15-23.

²⁷⁷ См. *Цветаева А.,* Воспоминания. С. 316: «Высокий плотный человек (В. Вересаев – К.Т.) в потертом синем костюме. Ему понадобилась какая-то книга. Дружески поздоровались. Сквозь пенсне благожелательно, с сердечным вниманием смотрели его глаза на говорящего с ним. Мне показалось, что он похож на Чехова. Нет, сходства в чертах не было. Разве это в небольшой бородке. Позднее я поняла, в чем дело: и тот и другой были и писатель и врач, вот эта двойная внимательность к собеседнику – и врачебная и писательская – роднила Вересаева с Чеховым (...).»

²⁷⁸ *Шубин Б.М.,* Доктор А.П. Чехов. М., 1982; также *Труайя А.,* Антон Чехов. М., 2007. С. 56.

²⁷⁹ *Ковелина Т.А.,* Образ врача в культуре. Ростов-на-Дону, 2006. С. 42-43; *Frieden N.M.,* Russian Physicians in an Era of Reforms. Princeton, 1981. С. 201.

возникновению новых организованных форм медицинской помощи²⁸⁰. В России же медицинское обслуживание начало особенно меняться с развитием земской медицины. Все эти перемены не остались без последствий для медицинских деятелей – именно к концу XIX века в России наметилась эмансипация врачебного сознания, вследствие которой врачи начали освобождаться от прежнего подчинения государству и впервые критически высказывались по разным общественным вопросам в журналах²⁸¹. Ввиду этих явлений Х. Мюллер-Диц правильно полагал, что творчество как Чехова, так и Вересаева надо рассматривать именно в связи с данными изменениями в области медицины²⁸².

Писатели, занимающиеся медициной, несомненно, и для своей литературной деятельности черпали и черпают сведения из опыта, накопленного при врачебной практике, а также из медицинских знаний, которые делают возможным особый подход не только к медицинской теме, но быть может, и к общим вопросам жизни. Ведь как писал А.Б. Фохт в своих воспоминаниях о Чехове, «медицина (...) многое берет из жизни, (...) цель которой так прекрасно охарактеризовал Гёте: "Цель медицины как науки постигнуть жизни сложный ход". Действительно, врачу, как никому другому, близки интересы жизни, ему легче ориентироваться в типах, легче проникать в тайники человеческой души»²⁸³. В связи с Чеховым было отмечено, что его медицинская деятельность отразилась не только в сюжетах его произведений, а также в его точном, аналитическом стиле²⁸⁴.

Конечно, к медицинской тематике обращаются и писатели, не обладающие специальными знаниями этой области. Это вполне естественно, так как здоровье и болезни касаются всех. Но если такой автор может изобразить соответственные проблемы и вопросы лишь с точки зрения пациента, и, таким образом односторонне, то писатель-врач, в силу слияния в нем как больного, так и доктора, способен к изложению всей проблематики более объективным образом. М. Маклиллен в одной из своих статей, опубликованных в британском медицинском журнале *The Lancet*, выделил три

²⁸⁰ Ковелина, С. 42-43.

²⁸¹ Müller-Dietz H., Medizinische Sujets bei A.P. Čechov // Kluge Rolf-Dieter (Hrsg.) Anton P. Čechov – Werk und Wirkung. Wiesbaden, 1990. С. 475.

²⁸² Там же.

²⁸³ Федоров И.В., Из воспоминаний профессора А.Б. Фохта об А.П. Чехове и московском университете // Клиническая медицина № 1 (1960). С. 145.

²⁸⁴ Мирский М.Б., Доктор Чехов. М., 2003. С. 107.

типа литературных произведений, созданных врачами-писателями: рассказы о случаях из реальной врачебной практики, рассказы о случаях из практики с долей вымысла, и беллетристические произведения²⁸⁵. Он считает, что медицинское образование для писателя полезно тем, что оно расширяет его кругозор, разрешает ему занять привилегированное место наблюдателя и одновременно участника, и переносить свои истории из одной области в другую²⁸⁶.

Однако медицинская тематика в литературных произведениях, как например герой-врач, герой-больной и тема болезни, обычно является не главным, а подчиненным главной идее произведения сюжетом, создавая таким образом фон данного действия. Лишь в самых редких случаях основная идея состоит в изображении чисто медицинских вопросов, как например деятельности врача²⁸⁷. Тем не менее, по моему мнению, читая произведения писателей-врачей, можно составить себе представление о существующей ситуации в области медицины в соответствующий период, а также о положении социальной группы врачей. Естественно, что автор при выборе персонажей в своем творчестве прибегает к профессиям, которые ему знакомы лучше остальных. Поэтому именно изображение врачей писателями-врачами представляет ценный источник при изучении переживаний и настроений медицинских деятелей определенного общества. Образ врача в первую очередь является творением, созданным культурой на фоне исторических и культурных обстоятельств²⁸⁸, и поэтому в его изображении отражаются преобладающие в данном периоде общественные настроения. Именно пореформенный период и, в частности, последние десятилетия XIX в. в России были периодом коренных преобразований во всех сферах русской жизни. Эти годы характеризованы быстрой индустриализацией и связанной с ней

²⁸⁵ McLellan M., Literature and Medicine: physician-writers // The Lancet 340 (1997), цитируется по Неклюдова Е., «воскрешение Аполлона». С. 24.

²⁸⁶ Там же. С. 24; см. также Паустовский К.Г., Как я писал «Колхиду». М., 1972. С. 309: «Каждый писатель должен, кроме своей писательской профессии, иметь еще хотя бы одну профессию (...) Возьмите хотя бы какие прекрасные писатели вышли из врачей: Чехов, Дюамель. Почему? Потому что врачебная профессия дала им колоссальное знание живых людей»; в общем к взаимоотношению между творчеством и деятельностью с психологической точки зрения см. Дружинин В.Н., Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие. М., 2001. С. 32-41.

²⁸⁷ Rammelmeyer A., Arzt, Kranker und Krankheit in der russischen schönen Literatur des 19. Jahrhunderts // Artelt W./ Rüegg W., Der Arzt und der Kranke in der Gesellschaft des 19. Jahrhunderts. Stuttgart, 1967. С. 117, 139; также Kluge R.-D., Zynische Ärzte in A.P. Čechovs Dramen // Kataev V.B./ Kluge R.-D./ Nohejl R. (Hrsg.), Anton P. Čechov – Philosophische und religiöse Dimensionen im Leben und Werk. Vorträge des Zweiten Internationalen Čechov-Symposiums Badenweiler, 20.-24. Oktober 1994. München, 1997. С. 91.

²⁸⁸ Ковелина, С. 49.

интенсивной урбанизацией, заменой крепостного права экономическим принуждением, преобразованием системы политического действия, повлекшего за собой более обширные возможности политически и социально организовать, публиковать и структурировать самостоятельную деятельность, зарождением серебряного века, ростом слоя интеллигенции, а также перемен в общественной мысли, крушения прежних идеалов и поиском новых путей²⁸⁹. После убийства царя Александра II в 1881 г. период надежд 60-ых и 70-ых гг. сменил период реакции, автократии, цензуры, арестов, а также ограничений в образовании и общественной жизни. Время рубежа веков было временем внедрения в сознание русского общества различных философских идей, направлений, течений, подвергающим переоценке практически все устои российской жизни.

Перемены происходили и в русской литературе: после «золотого» века наступил «серебряный», большие романы сменили «малые жанры». Эпоха «безвременья», по мнению современников страдающая недостатком характеров, больше не давала светлых и сильных фигур, вокруг которых могли бы возникать большие произведения как в предшествующие десятилетия. Писатели обратились к очерку, рассказу и повести, сосредоточиваясь на бытовом элементе и описании «среднего» человека. И если Чехова возмущал факт, что он не написал роман, то именно его рассказы и повести до сих пор пользуются всемирной славой. Повести и рассказы стали одним из главных жанров и Вересаева, хотя он в своем творчестве не ограничился на них. Таким образом, этих двух писателей связывает не только их медицинская профессия, но их связывает прежде всего время, в котором они жили и начали заниматься литературной деятельностью.

1.2. Врач как персонаж литературного произведения

Медицинская тематика в литературе влечет за собой, как правило, присутствие врача в произведении, которое тесно связано с профессиональным аспектом жизни героя. В отличие, например, от чиновников всякого рода, которые «служили» и чья конкретная деятельность обычно не определялась²⁹⁰, врач в представлении читателя

²⁸⁹ *Confino M.*, On Intellectuals and Intellectual Traditions in Eighteenth- and Nineteenth-Century Russia // *Daedalus*, Vol. 101, No. 2, Intellectuals and Tradition (Spring 1972). С. 139; также *Соколов А.В.*, Поколения русской интеллигенции. СПб., 2009. С. 357.

²⁹⁰ *Неклюдова Е.С.*, Домашний врач и женские тайны // *Богданов К.А./ Панченко А.А.*, Мифология и

ассоциируется с практикой своей деятельности, поэтому даже факт нелечения и полного игнорирования доктором своих обязанностей, является, по мнению Е. Неклюдовой, значимой характеристикой его как персонажа²⁹¹. С философско-культурологической точки зрения под профессией можно понимать не только деятельность, требующую от субъекта определенной подготовки и специальных знаний²⁹², но и конкретную группу людей, объединенных направленностью своей деятельности и целей, а также сферу приложения способностей и способ самореализации, как и качество личности, делающее человека отличным от других²⁹³.

По поводу русского романа XIX века Ю.М. Лотман писал, что «элементы текста — наименования предметов, действия, имена персонажей и т.п. — попадают в структуру данного сюжета, уже будучи отягчены предшествующей социально-культурной и литературной семиотикой (...) Каждая 'вещь' в тексте, каждое лицо и имя, то есть все, что сопряжено в культурном сознании с определенным значением, таит в себе в свернутом виде спектр возможных сюжетных ходов»²⁹⁴. Присутствие врача в произведении не случайно, так как автор через образ врача стремится выразить общие, для данной культуры характерные черты. В этом смысле в художественном образе врача переплетаются как индивидуальные особенности конкретного героя, так и типичные черты, присущие данной социальной группе. Поэтому следует исходить из того, что произведение, в котором присутствует герой-врач, независимо от своего автора, отражает объективную реальность жизни медицинских деятелей²⁹⁵.

Кроме того, сквозь призму художественного образа врача раскрываются не только важнейшие проблемы медицинской профессии, нравственной культуры врача и его социальной ответственности, но и жизненные вопросы и правда жизни всего общества со всеми ее коллизиями, взлетами и падениями. Т. Ковелина полагает, что именно врач, который по своей деятельности постоянно связан с ценностью жизни и по

повседневность: гендерный подход в антропологических дисциплинах (Материалы конференции 19-21 апреля 2001 г.). СПб., 2001. С. 362.

²⁹¹ Неклюдова, Домашний врач. С. 362.

²⁹² Струмилин С.Н., Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 12.

²⁹³ Ковелина, С. 13.

²⁹⁴ Лотман Ю.М., Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю.М., Избранные статьи в 3 томах. Таллин, 1993. Т. 3. С. 94.

²⁹⁵ Ковелина, С. 188; в том же смысле Медведева Л.М., Художественная литература как саморефлексия медицинской интеллигенции // Сборник II. Межвузовской конференции студентов и молодых ученых Волгоградской области 1995 г. Волгоград, 1995. С. 35.

«Клятве Гиппократата» призван облегчить человеческие страдания, даже за пределами своего медицинского занятия становится конгломератом человеческих отношений и судеб²⁹⁶. Об этом свидетельствует и факт, что автор, как правило, не описывает или лишь на втором плане описывает профессиональную деятельность врача, а применяет его образ либо для выполнения каких-нибудь сюжетных функций (как, например, функции посредника или собеседника), либо для выражения общих идей, взглядов или настроений. Чисто лечебная функция врача обыкновенно является второстепенной, служащей лишь фоном для действия произведения, или отсутствует вообще, т.е. автор характеристикой героя как врача вызывает у читателя представление о повседневной деятельности персонажа, не изображая ее подробно²⁹⁷. Профессия – не только часть личности, отличающая человека от других людей, но и явление, отражающее самые разные культурные и исторические изменения. Поэтому изображение всякой профессии в литературном произведении, в том числе и врача, дает важные объяснения о состоянии общества определенного периода.

Изображение врачей в литературных произведениях – всеобщий феномен мировой литературы. Однако нельзя не принимать во внимание прежде всего культурные различия, так как, по мнению Ковелиной, «художественные образы врачей не служат простыми иллюстрациями нравственных или политических принципов художника, но являются *отражением всей системы культурных ценностей и общественной жизни конкретной исторической эпохи*»²⁹⁸ /курсив мой – К.Т./. Поэтому при изучении литературного образа врача в русской литературе необходимо учитывать все обстоятельства данного периода. Было бы, по-моему, неправильным, пытаться уравнивать врачей франко-, англо-, немецко- и русскоязычной литературы, хотя конечно, нельзя не обратить внимание на то, что некие черты врачей являются универсальными.

Таким образом, медицинская профессия А. Чехова и В. Вересаева, а также близость их литературной деятельности по времени оправдывает, по-моему мнению,

²⁹⁶ Ковелина, С. 189.

²⁹⁷ См. Kluge, Zynische Ärzte. С. 91: «(...) die Berufsbezeichnung 'Arzt' ist (...) nicht akzidentiell. Sie charakterisiert ihren Träger, zeigt ihn im Umgang mit Patienten und Hilfesuchenden, unterstellt ihm spezifische intellektuelle und diagnostische Fähigkeiten und rückt ihn in ein bestimmtes ethisches Erwartungsfeld. Die Ärzte sind Ansprechpartner und Berater in Lebenskrisen, in Not, Bedrohung und Furcht. Von ihnen wird am ehesten Hilfsbereitschaft und menschliches Verständnis erwartet, also die Entsprechung einer Verhaltensmaxime, die man allgemein und unscharf als ärztliche Ethik bezeichnet».

²⁹⁸ Ковелина, С. 205.

сравнение присутствующих в некоторых из их произведений героев-врачей. Эти персонажи, по всей вероятности, ввиду особого знания авторов из области врачебной деятельности, верно отражают ситуацию и положение медиков в российском обществе того времени, а также их переживания и мысли. Но образ врача в русской литературе существовал давно до появления произведений Чехова и Вересаева. Поэтому следует вернуться на несколько десятилетий назад, чтобы рассмотреть, отличаются ли герои-врачи данных авторов от предыдущих.

1.3. Образ врача в русской литературе XIX века

Русская литература знает множество героев-врачей, изображенных на страницах произведений целого ряда писателей. К образу врача обращались, если назвать лишь некоторых и наверное самых известных, например, М.Ю. Лермонтов («Пир Асмодея», доктор Вернер из романа «Герой нашего времени»), И.С. Тургенев («Уездный лекарь», «Смерть», «Отцы и дети»), Л.Н. Толстой («Анна Каренина», «Смерть Ивана Ильича»), А.И. Куприн («Добрый доктор», «Жрец», «Доктор»), позже Б.Л. Пастернак («Доктор Живаго») и другие. Изображение врача в русской литературе, по мнению К. Богданова, в значительной степени определяет представление не только о медицине, но и самом русском обществе²⁹⁹. Кроме того, оно отражает и положение социальной группы врачей, так что при любом анализе произведения необходимо учитывать ситуацию как в медицине, так и в обществе.

В русской культуре на протяжении многих веков в области исцеления важную роль играли представители народной медицины, прежде всего знахари и повитухи³⁰⁰, что не изменилось и после начала развития государственных форм подготовки врачей с середины XVIII века. Образ врача в обществе был в большей степени мифологическим и фольклорная традиция, например в «народных драмах» и кукольных представлениях, изображала врача как «привычный объект комедийного и небезобидного вышучивания»³⁰¹. Врач был воспринят как чужак, от которого зависит здоровье и жизнь

²⁹⁹ Богданов, С. 11.

³⁰⁰ Ковелина, С. 46; также Ramer S.C., The zemstvo and public health // Emmons T./ Vucinich W.S., The Zemstvo in Russia – An experiment in local self-government. Cambridge, 1982. С. 284-285; Самойлов В.О., История российской медицины. М., 1997. С. 15.

³⁰¹ Богданов, С. 384.

других людей и которому приписывалась способность не только вылечить, но и «напустить» болезнь³⁰². Нельзя недооценивать и тот факт, что до середины XIX века представителями городского врачебного слоя большей частью являлись иностранцы, которых приглашали цари начиная с XVI века³⁰³. Именно засилье иностранных врачей, по мнению К. Богданова, привело к тому, что в общественном сознании медицинская профессия связывалась с непониманием русской жизни. Этим объясняется скептическое и даже враждебное отношение к врачам и медицине в русской культуре XVIII и XIX вв³⁰⁴. Если иностранные врачи, служившие при царском дворе, почитались на уровне знатных бояр и дворян³⁰⁵, то положение военных и сельских русских врачей, представлявших собой замкнутый слой общества и не интересовавшихся политической или общественной деятельностью, было низким³⁰⁶.

На фоне этого не может удивить то обстоятельство, что многие литературные герои-врачи, прежде всего первой половины XIX века, являются или иностранцами, или они, по меньшей мере, иностранного происхождения – среди них, например, доктор Блументрост в романе И.И. Лажечникова «Последний новик», доктора Крестьян Иванович Рутеншпиц и Герценштубе, если назвать лишь двух из 12 врачей Ф.М. Достоевского с немецкими именами³⁰⁷, доктор Вернер из романа «Герой нашего времени», по фамилии которого несомненно можно судить, что он немецкого происхождения, хотя и подчеркивается, что он русский, а также гоголевский Христиан Иванович Гибнер, который «по русски ни слова не знает», и лишь два раза в течение действия выдает «звук, отчасти похожий на букву *и* и несколько на *е*»³⁰⁸. У А.И. Герцена, в общем интересовавшимся именно фигурой русского врача³⁰⁹, которого он изображает приятным, положительным образом прежде всего в «Записках молодого

³⁰² Попов Г., Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева. СПб., 1903. С. 112, примечание 3.

³⁰³ Самойлов, С. 16; см. также Карамзин Н.М., Русская старина // Вестник Европы № 20 (1803). С. 270: «При Годунове были уже в Москве иностранные медики, которые лечили как царя, так знатнейших бояр».

³⁰⁴ Богданов, С. 27-29.

³⁰⁵ Ковелина, С. 46.

³⁰⁶ Merten S., Die Entstehung des Realismus aus der Poetik der Medizin. Die russische Literatur der 40er bis 60er Jahre des 19. Jahrhunderts. Wiesbaden, 2003. С. 199.

³⁰⁷ Passage Ch., Character names in Dostoevsky's fiction. Ardis, 1982. С. 110. Passage в общем насчитал 18 именованных врачей в творчестве Достоевского.

³⁰⁸ Гоголь Н.В., Собрание сочинений в 8-и томах. М., 1984. Т. 4. С. 10-11.

³⁰⁹ Rammelmeyer С. 132; Kluge, Zynische Ärzte. С. 92.

человека», а также под фамилией Крупов в романе «Кто виноват» и в повести «Доктор Крупов», также не отсутствует старый немецкий врач, заведующий домом умалишенных, который «добрейший человек в мире, но, без сомнения, более поврежденный, нежели половина больных его (...) надевал, например, на себя один шейный и два петличных ордена для того, чтобы пройти по палатам безумных (...)»³¹⁰.

На этом месте следует упомянуть и самого известного в России немецкого доктора – Федора Петровича Гааза, в 1813 г. поселившегося в Москве на постоянное место жительства, где он стал членом тюремного комитета и главным врачом московских тюрем, посвятив свою жизнь облегчению участи заключенных и ссыльных. Фигура этого «святого доктора», как его стали называть, вызывала интерес многих писателей: имя Гааза встречается в первой книге воспоминаний Герцена «Былое и думы», в письмах А. Чехова, М. Горького, и прежде всего в записных книжках, черновых рукописях «Преступления и наказания» и в «Дневнике писателя» Ф. Достоевского, посвятившему Гаазу следующие строки в романе «Идиот»³¹¹: «В Москве жил один старик, один "генерал", то есть действительный статский советник, с немецким именем, он всю свою жизнь таскался по острогам и по преступникам; каждая пересыльная партия в Сибирь знала заранее, что на Воробьевых горах её посетит 'старенький генерал'... Он давал деньги, присылал необходимые вещи – портянки, подвёртки, холста, приносил иногда душеспасительные книжки...». Еще в 70-ые гг. XX века Лев Копелев, отчасти под впечатлением личного опыта тюремной жизни, снова обратился к этому врачу и написал книгу «Святой доктор Федор Петрович», в которой пересказал жизнь доктора Гааза, особенно подчеркивая его борьбу с предрассудками, его безграничную любовь к людям и готовность помогать каждому ближнему независимо от его положения и статуса. Пафос произведения, необходимость уважения личности во всех ситуациях, которую так самоотверженно и бескорыстно соблюдал Гааз, звучит как вневременный призыв ко всем продолжать его путь.

В своих исследованиях об образе врача в русской литературе первой половины XIX века Е. Неклюдова обобщила черты, которые по ее мнению присущи многим героям-врачам³¹². Так в литературе этого периода врач обычно является персонажем

³¹⁰ Герцен А.И., Доктор Крупов // Герцен А.И., Избранное. М., 1989. Худож. Лит., С. 303-304.

³¹¹ Копелев Л.З., Святой доктор Федор Петрович. Лондон, 1985. С. 126, 155-156.

³¹² Неклюдова, Домашний врач. С. 363-369.

второстепенным³¹³ и неподвижным³¹⁴, который не меняется ни внешне, ни внутренне³¹⁵. Врач лишен роли активного участника³¹⁶, хотя он и вовлечен в центральную линию произведения, однако не принимает в ней активного участия, и следовательно, в первую очередь дополняет и раскрывает суть изображенного события или характеристики главных персонажей. Внешняя наружность врача нередко бывает не благополучной; часто существуют физические недуги³¹⁷. Так например, Вернер «мал ростом, и худ, и слаб, (...) одна нога была у него короче другой, как у Байрона; (...) голова его казалась огромна (...)»³¹⁸.

На этом месте нельзя не упомянуть и два крайне различных образа античного врача, созданных Гиппократом с одной стороны, и Платоном с другой. Гиппократ рисовал образ врача как идеал духовного и физического единства – врач в этой концепции обладает «мудростью, врач-философ подобен Богу», он вежлив, так как «суровость в обращении мешает доступности к врачу, как для здоровых, так и для больных», также врач должен быть сам как телесно здоров, так и внешне привлекателен³¹⁹. Если для Гиппократа врач – служитель жизни, то для Платона важно, чтобы врач служил идеалу справедливости, что прежде всего выражалось в отрицании продления жизни смертельно больному человеку. Платоновский образ врача отличается от гиппократовского и во внешнем плане: телесность врача не играет никакой роли. Хороший врач может быть и тот, кто от «природы был бы не слишком здоровым»³²⁰.

Таким образом, писатели при описании внешних недугов в общем следуют платоновскому образу врача. Платоновский образ мы видим и у А.П. Чехова. У доктора Рагина из «Палаты № 6» «наружность (...) тяжелая, грубая, мужицкая (...) лицо суровое, покрыто синими жилками, глаза маленькие, нос красный» (8, 82). Кирилов из рассказа «Враги» «высок, сутуловат, (...) лицо (...) некрасивое», его «толстые, как у

³¹³ Тмарченко Н.Д., Герой // Николюкин А.Н., Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 175-176: «(...) лица "второго плана" воспринимаются как "служебные", необходимые не сами по себе, а для понимания лиц "первого плана".»

³¹⁴ Лотман Ю.М., Структура художественного текста. М., 1970. С. 287: «Неподвижные (...) подчиняются классификации и утверждают ее собой. Переход через границы для них запрещен».

³¹⁵ Неклюдова, Домашний врач. С. 363.

³¹⁶ Неклюдова, Образ доктора в русской литературе XIX века // Русская филология. № 10. Тарту, 1999. С. 64-66.

³¹⁷ Там же. С. 65.

³¹⁸ Лермонтов М.Ю., Собрание сочинений в 4 томах. М., 1976. Т. 4. С. 69.

³¹⁹ Гиппократ, Избранные книги. М., 1994. С. 112.

³²⁰ Платон, Сочинения. М., 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 194.

негра, губы, орлиный нос» выражают «что-то неприятно резкое, неласковое и суровое» (6, 38).

Е. Неклюдова далее указывает на то, что врач обычно ведет одинокую жизнь. С одной стороны он лишен семьи и часто вообще какой-либо личной истории, иногда врач лишен даже имени и изображен лишь как «доктор». С другой стороны, он является оторванным от почвы и общества, что может быть объяснено как иностранным происхождением, так и использованием иностранного языка – латыни, а также тем, что из-за своего образования, способности вылечить больного, знание причин смерти – именно из-за присущего ему особого знания, его окружают и некие тайны. Из этого одиночества и особенных знаний, связанных с человеческим существованием, и следует, что в тех произведениях, в которых врач играет не совсем пассивную роль, главная сюжетная функция врача – функция конфиденнта³²¹. Так например, функция доктора Вернера состоит не в лечении людей, а в том, что он единственный персонаж романа того же склада ума, что и Печорин. Вернер является печоринским собеседником и устанавливает контакт между главными героями³²². Конфиденциальную роль врача можно также объяснить тем, что он обязан соблюдать врачебную тайну. Безусловно, это способствует тому, что он и за пределами своей профессиональной деятельности видится как дискретный человек, которому можно доверять и изливать душу.

Врачам часто приписывались объясняемое знанием естественных наук, материалистическое мировоззрение, некий цинизм и сдержанное отношение к обществу. Прототипом скептического и дистанцирующегося от остальных людей врача, Р. Клуге³²³ считает опять же лермонтовского доктора Вернера – «человек замечательный по многим причинам (...) скептик и материалист, как все почти медики, а вместе с этим поэт (...)», который обыкновенно «насмехался над своими больными», относящийся «снисходительно (...) как к человеку, больному, так и к возможностям медицины: человек преувеличивает страдания, а медицина отделяется незамысловатыми средствами вроде кисло-серных ванн, а то и обещаниями, что, мол, до свадьбы заживет»³²⁴. Традицию циничного и насмешливого врача продолжал, по мнению

³²¹ Неклюдова, Домашний врач. С. 363-364; также Неклюдова, Образ врача. С. 64-67.

³²² Неклюдова, Образ врача. С. 64.

³²³ Kluge, С. 91.

³²⁴ Аникин А.А., Образ врача в русской классике. Электронный ресурс: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37293.php> (06.10.2009).

исследователя, прежде всего в драматических произведениях и Чехов³²⁵.

Если роль докторов в произведениях долгое время была незначительной, то, как полагает К. Богданов, с середины XIX века литературный образ врача начал меняться. Присущая именно литературе XVIII века комичность в образе врача начала исчезать и герой-врач стал воплощением прогресса и знания, дающего возможность видеть наперед и оценивать ситуацию³²⁶.

Следует упомянуть, что Д.И. Писарев, который, как и Н.Г. Чернышевский, пропагандировал естественные науки и подчеркивал необходимость их изучения, иллюстрировал свои размышления о конфликте поколений именно примером понимания врачебной профессии³²⁷. Разницу между врачами «старого» и «нового» поколения Писарев видел в том, что первые занимались своей деятельностью механически и с целью заработать как можно больше, вторые же рассматривали свою профессию как призвание и страсть: «Когда человек старого закала занимается медицинскою практикою, то его эгоизм выражается в том, что он старается сделать в день как можно больше визитов и приобрести как можно больше зелененьких и синеньких бумажек; он эксплуатирует своих пациентов. (...) Новый человек занимается медициной не иначе, как *по страстному влечению*; для него дорог каждый час, потому что каждый час посвящается любимому изучению; для него деньги составляют только средство, которым поддерживает свою жизнь, чтобы иметь возможность отдавать эту жизнь труду. Перед постелью больного он является *мыслителем*, разрешающим научный вопрос»³²⁸ /курсив мой – К.Т./.

Прототипом врача нового поколения и одним из самых известных врачей в русской литературе, без сомнения, является тургеневский Базаров. Базаров – представитель «нового времени», он заботится о благе бедных и вступает в конфликт с

³²⁵ См. Kluge, С. 91-97.

³²⁶ Богданов, С. 236. Исследователь признает, что существуют немногочисленные исключения.

³²⁷ Merten, С. 189.

³²⁸ Писарев Д.И., Мыслящий пролетариат // Литературная критика в 3 томах. Статьи и рецензии 1864-1865. Л., 1985. Т. 2. С. 357; главные черты этого «нового человека» Писарев видел в следующих трех положениях, которые тесно связаны между собой: «1. Новые люди пристрастились к общепользному труду. 2. Личная польза новых людей совпадает с общею пользою, и эгоизм их вмещает в себе самую широкую любовь к человечеству. 3. Ум новых людей находится в самой полной гармонии с их чувством, потому что ни ум, ни чувство их не искажены хроническою враждою против остальных людей. А все это вместе может быть выражено еще короче: новыми людьми называются мыслящие работники, любящие свою работу»; Писарев, С. 369.

представителями старого поколения³²⁹. Базаров, в отличие от некоторых своих предшественников в русской литературе, уже не является пассивным, второстепенным персонажем – он активный герой, человек действий и носитель определенных идей и взглядов. Именно эти качества сделали его идеалом шестидесятников³³⁰. Прежде всего Д.Н. Овсянко-Куликовский подчеркивал значение Базарова для российского общества в целом: «'Идея' базаровского нигилизма, кажущегося беспринципным, такова: 'русскому человеку' прежде всего нужны труд, знание, энергия, критика и отрицание всех старых предрассудков, шаблонных понятий, ему нужно подавить апатию, лень, безволие, – вылечиться от обломовщины (...) Базаровщина явилась, без всякого сомнения, новым и в высокой степени благотворным началом в стране...»³³¹.

Изменение литературного образа врача объяснимо новыми исследованиями и прогрессом в области медицины и отношением общества к этой науке. Вследствие анатомо-физиологических и патолого-анатомических исследований в сфере клинической медицины и хирургии³³², а также социально-исторических событий (холерные эпидемии, Отечественная и Крымская война), медицина становилась более прогрессирующей областью наук в России³³³. Во-вторых, профессия врача после расширения приема студентов в университеты на медицинских факультетах перестала быть профессией преимущественно для иностранцев и представителей высших сословий, так что и русские разного социального происхождения смогли заниматься врачебной деятельностью³³⁴. Этот рост сословия врачей из, как правило, небогатых дворян и мещан-разночинцев³³⁵ привел к тому, что понимание врача позже основывалось на возникшем в русской культуре XIX века образе интеллигента³³⁶: «Медицина не пользуется большим уважением в высших слоях общества. На нее большею частью смотрят как на ремесло. Оттого медицину избирают своей профессией

³²⁹ Merten C. 197; Rammelmeyer, C. 138.

³³⁰ Rammelmeyer, C. 138.

³³¹ Овсянко-Куликовский Д.Н., Базаров как отрицатель и как общественно-психологический и национальный тип // Овсянко-Куликовский Д.Н., История русской интеллигенции. Собрание сочинений в 9 томах, Т. 8. С. 53-80.

³³² Мирский М.Б., Хирургия от древности до современности. Очерки истории. М., 2000. С. 314.

³³³ Богданов, С. 234.

³³⁴ Merten, C. 199; Самойлов, С. 121, цитируя И.М. Сеченова: «Если до 60-х гг. было почти невозможно русскому развиваться в самостоятельного работника (врача – К.Т.) без обучения на Западе (...), то теперь – они развиваются на месте».

³³⁵ Богданов, С. 235.

³³⁶ Ковелина, С. 46.

большую часть люди бедные, которые смотрят на нее как на единственно доступное им средство 'выйти в люди' и добиться более или менее обеспеченного положения»³³⁷.

С 60-ых гг. медицинская профессия начала являться идеологическим институтом³³⁸. И врач стал просвещенной и глубоко нравственной личностью, не желающей мириться с произволом царской власти и стремящейся культивировать среди народных масс чувство гражданственности, патриотизма и свободомыслия³³⁹. Современниками профессия врача начала восприниматься как знамение нового времени, символизируя идеологический и политический прогресс³⁴⁰. В последние десятилетия XIX в. престиж врачей начал подниматься и идеализироваться в обществе, в котором начала распространяться вера в общественную эффективность медицинской науки³⁴¹. Тем не менее, врач одновременно виделся и как личность растерянная, подавленная собственным существованием в пореформенной России, боящаяся ответственности и проявления собственной воли. Этот факт, как полагает Ковелина, можно объяснить как культурно-исторической, так и социально-экономической ситуацией, которая привела одних врачей к радикально-революционным настроениям, других – к душевному разладу, а третьих к героическому служению своему профессиональному долгу³⁴².

Прежде всего врач был воспринят как представитель интеллигенции, которую характеризовало беспокойство за интересы народа и его просвещение³⁴³. Это отразилось и в художественной литературе, обращающей особое внимание на следующие черты, присущие именно медицинской интеллигенции: прочные медицинские знания и умения, творческий подход, милосердие, доброта, душевность, бескорыстие, готовность в любую минуту прийти на помощь, человечность, и

³³⁷ Практическое приложение 1862, С. 241-256, цитируется по *Богданов*, С. 235, сноска 4.

³³⁸ *Vucinich A.C.*, *Science in Russian Culture, 1861-1917*. Stanford, 1970. С. 228-230; однако К. Богданов указывает на то, что с утверждением такого рода без поправок согласиться нельзя. Он признает наличие различий, касающихся роли медицины и трансмиссий медицинских идей, между дореформенной Россией и Западом, причем самым очевидным отличием видит диссонанс между институализацией и популяризацией медицины, а также кардинальную роль идеологии и, в частности, художественной литературы в пропаганде медицинского знания; *Богданов*, С. 11.

³³⁹ *Ковелина*, С. 46-47.

³⁴⁰ *Богданов*, С. 235.

³⁴¹ *Merten*, С. 199.

³⁴² *Ковелина*, С. 46-47.

³⁴³ *Медведева*, С. 37.

самопожертвование³⁴⁴. Именно в литературе 1880-1910 гг., по мнению Л. Трубецкой, наблюдается сильная тенденция к изображению как врачей, так и душевнобольных, при этом в двойном смысле: образ врача как представителя интеллигенции, стоящего в оппозиции к отсталому и лишенному всяких средств народу, и образ душевнобольного, чьи страдания и заключение являлись метафорой для социального негодования конца века. Таких героев мы видим в произведениях «Красный цветок» Гаршина, «Призрак» Андреева, «Черный монах» и «Палата № 6» Чехова³⁴⁵.

Изменившееся во второй половине отношение общества к врачам и медицине, а также интерес самих врачей к общественной деятельности и участию в медицинских и общественных реформах, тесно связано с возникновением земской медицины³⁴⁶. Возникновение земской медицины считается национальным достижением России. Вместе с реформами 60-ых гг. она глубоко изменила существующую до этого ситуацию.

2. Земская медицина – миф русской медицины

Главной переменной в российской медицине явилось развитие земской медицины после введения земско-хозяйственного самоуправления в 34 из 89 губерний империи в 1864 году³⁴⁷. Земства, органы местного самоуправления, управляли многими аспектами повседневной жизни³⁴⁸ и в частности, медицинским обслуживанием, которое, хотя и являлось лишь факультативной функцией земства, со временем становилось все более и более важным видом земской деятельности³⁴⁹. Эта переориентация происходила под влиянием потребностей жизни и благодаря высказываниям передовых врачей, которые, под влиянием идей служения народу, характерным для демократического настроения русского общества 60-х гг., видели необходимость создания определённой системы медицинского обслуживания населения. Самым большим достижением земской медицины, впервые сделавшей доступной организованную медицинскую помощь

³⁴⁴ Там же.

³⁴⁵ *Troubetzkoy L.*, *Récits de deux médecins: Veresaev et Bulgakov* // *Revue des Études Slaves* 65 (1993). С. 254.

³⁴⁶ *Merten, C.* 199-200.

³⁴⁷ *Сорокина Т.С.* История медицины. В 2 томах. М., 1992. Т. 2. С. 272; *Shmuel G.*, *The liberation Movement in Russia 1900-1905*. Cambridge, 1973. С. 6.

³⁴⁸ Функции земства см. *Fischer G.*, *Russian Liberalism – From Gentry to Intelligentsia*. Cambridge, 1958. С.9-10.

³⁴⁹ *Мирский М.Б.*, «Медицина России X-XX веков – Очерк истории». М., 2005. С. 307.

сельскому населению, которое составляло в России свыше 90%³⁵⁰, являлась бесплатная медицинская помощь, хотя вначале и бралась плата за лечение в больницах и амбулаториях. Но под влиянием врачей, эта плата постоянно понижалась, до тех пор пока денежные отношения между врачами и пациентами не были полностью отменены, и врачи получили материальное обеспечение от земской управы³⁵¹. Бесплатное медицинское обслуживание являлось моральным стремлением врачей³⁵² и принесло положительные результаты, а именно – эта бесплатность подействовала на готовность населения обращаться за врачебным советом, что дало врачам возможность эффективно бороться с эпидемиями³⁵³.

В первые годы существования земской медицины преобладал разъездной тип оказания врачебной помощи, при котором земский врач жил в уездном городе и день или два лечил в больнице, в другие же дни он посещал больных в близлежащих деревнях, проводя день или меньше на каждом пункте. Но скоро эта система, по причине сопротивления врачей, которые при такой организации теряли слишком много времени на разъезды, была отменена в пользу стационарной. При этом уезды разделились на несколько медицинских участков, в центре которых открывалась больница с амбулаторией. Врач ежедневно в назначенное время принимал в земском участке, а к больным выезжал в случае необходимости или по вызову³⁵⁴. Таким образом появилось одно из самых больших достижений земской медицины – участковое обслуживание сельского населения, при котором выигрывали как больные, так и медицинский персонал. Благодаря этому был создан необходимый минимум условий для лечебной и санитарной деятельности, хотя условия для работы врачей от губернии к губернии отличались³⁵⁵. Если по расчетам медицинских деятелей требовалась одна больница на 10 тысяч человек, а радиус обслуживания не должен был превышать 10 верст, то в реальности ситуация оказывалась иной: еще в 1914 г. в среднем одна

³⁵⁰ Там же.

³⁵¹ Там же, С. 315; *Ramer*, С. 280; см. так же *Шубин*, С. 68.

³⁵² См. например высказывание А.И. Шингаревым на X Пироговском съезде: «Принцип бесплатности медицинской помощи (...) есть величайшее приобретение русских земских врачей, русской земской медицины (...) главная причина – общественное благо (...) другая причина необходимости бесплатной медицинской помощи это – моральное влияние на врача», цитируется по *Мирский*, Медицина России. С. 315.

³⁵³ Там же; см. также *Ramer*; С. 281.

³⁵⁴ *Сорокина*, С.273; также *Самойлов*, С. 126.

³⁵⁵ *Пирумова Н.М.*, Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX века. М., 1986. С. 120.

больница приходилась на 25 тысяч человек, а участок часто превышал 17 верст³⁵⁶. Но с постоянным увеличением числа врачей, уменьшалось число пациентов на одного врача – в 34 губерниях, в которых было введено земско-хозяйственное самоуправление в 1864 г., число земских врачей выросло с 1.196 в 1880 г. на 2.492 в 1897 г.³⁵⁷. Тем не менее, число земских врачей оставалось малым.

В земских больницах лечили больных с разными заболеваниями, на прием приходили и взрослые, и дети, принимались одновременно пациенты и с острыми, и с хроническими заболеваниями, делалось множество самых разнообразных операций. Поэтому сложился тип земского врача как врача-универсала, обладающего широким кругом знаний и практических навыков³⁵⁸. Достаточно взглянуть на произведения Чехова, чтобы убедиться в разнообразии деятельности земского врача: так, в рассказе «Неприятность» доктор Овчинников «вскрыл на багровой руке два гнойника и наложил повязку, потом отправился в женскую половину, где сделал одной бабе операцию в глазу (...) после пришел старик с дурной болезнью, потом баба с тремя ребятишками в чесотке, и работа закипела» (7, 146-147).

Идеализированный образ земского врача стал мифом русской медицины³⁵⁹: «Если мысленно охватить итоги земской медицины, то, что она дала простому народу, прежде всего встает в благодарной памяти прекрасная фигура земского врача, того врача, который в 60-70-х годах XIX в. пошел в деревню служить русскому крестьянству»³⁶⁰. Если образ врача и идеализировался в обществе, то в художественных произведениях он нередко очень далек от этого идеала. Но прежде чем рассмотреть некоторых созданных Чеховым и Вересаевым героев-врачей на фоне медицинской и общественной жизни конца XIX века, я хотела бы обратиться к «Запискам врача» Вересаева с целью получить первое представление о ситуации в медицине того времени, а также о переживаниях молодого, приступившего к работе врача. Первые переживания врача были также хорошо знакомы и молодому А.П. Чехову. В «Записках врача» автор не только представил картину русской медицины на рубеже двух веков, но

³⁵⁶ Мирский, Медицина России. С. 308.

³⁵⁷ Пирумова С. 118.

³⁵⁸ Мирский, Медицина России. С. 309.

³⁵⁹ Frieden, Russian Physicians. С. 123.

³⁶⁰ Страшун И.Д., Полвека земской медицины // Очерки истории русской общественной медицины. М., 1965. С. 30.

и создал «обобщенный образ русского врача»³⁶¹, проследив духовное развитие студента медицинского факультета и его постепенное развитие и становление в течение первых лет врачебной практики. Читая «Записки», создается картина внутреннего мира врача, открываются его переживания, его мысли и надежды. Таким образом, для читателя открывается душа врача и становится понятным его поведение.

3. «Записки врача» Вересаева

3.1. «Записки врача» в критике современников

«Записки врача» являются самым известным произведением Вересаева. К. Богданов считает публикацию этого произведения литературным событием, пробудившим большой читательский интерес к медицине и ее общественной роли³⁶². М.А. Бородин, анализируя раннюю прозу Вересаева в контексте журнала «Мир Божий», где были опубликованы наиболее значимые произведения писателя рубежа веков, пришла к выводу, что одной из ведущих тем журнала в период между 1892 и 1906 гг. была именно медицинская тематика. С медицинской темой были связаны и опубликованные произведения других писателей, как например «По новому пути» Д.Н. Мамина-Сибиряка или С. Жеромского, а также публицистические статьи³⁶³. Ввиду этого направления не удивляет, что и «Записки врача» публиковались в первых пяти номерах журнала «Мир божий» за 1901 г.³⁶⁴. Интерес к медицине, по мнению редакции журнала, объяснялся тем, что медицина способна излечить, воспитать, изменить человека в лучшую сторону, что с ней связано не только здоровье, но и душа, а также условия существования человека³⁶⁵. Быть может, что именно в процессе глубокой трансформации мышления и поиска новых путей на рубеже веков, возрастал и интерес к медицине как к дисциплине, соединяющей тело и душу.

Над «Записками врача», которые сначала были задуманы как «Записки студента-медика»³⁶⁶, Вересаев работал с 1892 по 1900 г., собирая большое количество не только

³⁶¹ Бородин М.А., Ранняя проза В.В. Вересаева в литературном контексте журнала «Мир Божий», Автореф. дисс.канд.филол. наук. Тверь, 2008. С. 13.

³⁶² Там же. С. 31-32.

³⁶³ Там же. С. 11.

³⁶⁴ Бровман, С. 91.

³⁶⁵ Цитируется по Бородин, С. 12.

³⁶⁶ Гейзер, В.В. Вересаев. С. 78; Нольде В.М., Вересаев – жизнь и творчество. Тула, 1986. С. 46-47.

наблюдений и фактов из практики своей работы, а также работы знакомых врачей, но и разного материала – русского и зарубежного – по самым разным вопросам из медицинской области³⁶⁷. После изучения медицинской литературы, материалов и статистических отчетов, писем врачей и протоколов научных медицинских обществ³⁶⁸, Вересаеву удалось создать в этом произведении не только обзор состояния медицины в конце XIX в., но и, в частности, состояния медицины в России, а также затронуть актуальные вопросы XXI в. Однако Вересаев долго сомневался, имеет ли он право опубликовать свои «Записки», не нанеся этим поступком вред авторитету врачей, медицине, и обществу в целом³⁶⁹. Тем не менее он решил, что публиковать свое произведение необходимо, считая, что затронутыми им вопросами «мучится каждый врач», и «систематичное замалчивание (...) продолжает делать очень недоброе дело (...) Вопросы решаются в одиночку и втихомолку (...) а чаще всего заглушаются без всякого разрешения» (Предисловие к первому изданию: 1, 245).

Произведение Вересаева вызвало более ста откликов не только в русской, но и в иностранной печати³⁷⁰. Переводы на английский, французский, немецкий языки появились вскоре после первой публикации произведения³⁷¹. Ввиду такого широкого интереса и развернувшейся полемики не удивляет, что «Записки» были переизданы 14 раз при жизни писателя, из которых 9 раз до 1917 г.³⁷², а также и то, что им было посвящено около двадцати отдельных книг и брошюр, причем реакции официальной врачебной прессы были враждебными³⁷³. Вересаева упрекали за то, что своим произведением он только усилит существующее недоверие большей части населения к медицине и врачам (1, 244), называли его «дегенератом»³⁷⁴, «дикарем» с громадным самомнением, несомненным эгоизмом, носящим в себе все признаки вырождения³⁷⁵ и «неучем»³⁷⁶, а произведение лживым и низменным. Отрицательной являлась и часть

³⁶⁷ Нольде, С. 47.

³⁶⁸ Гейзер, В.В. Вересаев. С. 78.

³⁶⁹ Нольде, С. 48.

³⁷⁰ Гейзер, В.В. Вересаев. С. 80, Милонов, С. 24.

³⁷¹ Юдин Б.Г., Человек в медицинском эксперименте: перечитывая В.В. Вересаева // Вопросы истории и естествознания и техники, № 4 (2001). С. 25.

³⁷² Troubetzkoy, С. 254.

³⁷³ Бровман, С. 91; Гейзер, В.В. Вересаев. С. 80.

³⁷⁴ Одесские новости, № 5501, 21/XII, 1901 г.; цитируется по Гейзер, В.В. Вересаев. С. 81.

³⁷⁵ Вельяминов Н.А., цитируется по Гейзер, В.В. Вересаев. С. 81.

³⁷⁶ Мороховец Л.З., "Записки врача" В. Вересаева в свете профессиональной критики. Труды кафедры истории и энциклопедии медицины Московского университета. Т.1. М., 1903; больше нападок на

зарубежной критики – в Германии, например, писалось, что Вересаев своим произведением выставил на позор все врачебное сословие, облил грязью своих коллег-медиков³⁷⁷, возложив ответственность за ошибки некоторых на весь медицинский мир³⁷⁸. Хорошо оценила «Записки врача» группа врачей-делегатов Пироговского съезда, проходившего в 1902 г. в Москве³⁷⁹. Так например, санитарный земский деятель Д. Жбанков, с которым Вересаев долгие годы находился в переписке³⁸⁰, писал, что Вересаев в своем произведении дал «очень яркую картину врачебного дела, картину очень полезную и поучительную не только для публики (...) но и для специалистов». Он указал на то, что самые враждебные нападки на автора шли от столичных врачей, между тем как со стороны земских врачей, которые работали в совсем других условиях чем их городские коллеги, осуждения Вересаева почти не было³⁸¹.

Если большая часть врачебной прессы отнеслась критически к «Запискам», то литературная критика оценила пафос произведения³⁸² и хвалила автора за его «почестности взглядов, по горячей любви к человеку, по святой жалости к людским страданиям редкую, исключительную книгу»³⁸³. Положительно отозвались, например, Л. Андреев («Курьер» 6.12.1901), В. Шулятиков («Курьер» 10.11.1901), А.И. Богданович («Мир Божий» 1901, №1 отд. II), а также П. Боборыкин³⁸⁴.

Вересаев еще в декабре 1901 г. в газете «Россия» опубликовал письмо в редакцию под заглавием «Моим критикам», затем в 1902 г. в журнале «Мир Божий»

Вересаева содержали и другие работы врачей, среди них *Фармаковский Н.В.*, За и против «Записок врача» Вересаева, СПб., 1902; *Хейсин М.Л.*, К вопросу о врачах. Красноярск, 1902; цитируется по *Гейзер, В.В.* Вересаев. С. 80, 82.

³⁷⁷ Dr. Külz L., Antwort auf die Beichten des Arztes Weressajew. Leipzig, 1902; цитируется по *Rammelmeyer A.*, С. 151.

³⁷⁸ Dr. Nassauer M., Frankfurter Zeitung, 24.5.1902, цитируется по *Rammelmeyer A.*, С. 151.

³⁷⁹ *Гейзер, В.В.* Вересаев. С. 86.

³⁸⁰ *Антюфеева И.Н.*, Писатели-врачи Д.Н. Жбанков, А.П. Чехов, В.В. Вересаев // Культура. Филология. Методика: Сборник трудов в честь 60-летия профессора Г.С. Меркина. Смоленск, 2000. С. 71.

³⁸¹ *Жбанков Д.*, О врачах. По поводу «Записок врача» // Мир божий 1902, № 7, С. 55.

³⁸² *Кабанова Н.П.*, Вересаев // Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 424.

³⁸³ Русское слово, 18/XII 1901 г., С. 348; см. также Русские ведомости, 1901, № 344, цитируется по *Гейзер, В.В.* Вересаев. С. 82-83: «Книга г. Вересаева — замечательно правдивое произведение, против которого могут восставать только пристрастные специалисты, недовольные раскрытием тайны, покрывающей их жреческое величие; это — необыкновенно полезная книга, и к автору ее читатели должны чувствовать глубокую благодарность»; а также Наблюдатель 1902, № 1: «(...) книга г. Вересаева — правдивая и печальная книга о наших медиках и медицинской науке ... Честные врачи, преданные своему делу, будут благодарны Вересаеву, указавшему на проблемы в самом медицинском образовании и недостатки в корпоративной этике наших врачей».

³⁸⁴ *Гейзер, В.В.* Вересаев. С. 83.

обширный текст «По поводу 'Записок врача' – Ответ моим критикам», в которых он оправдывает свое произведение и затронутые в нем вопросы. В своих воспоминаниях он подчеркивал, что хотя и не любил это свое произведение, считая его написанным вяло, неврастенично и плаксиво, но не отказывался от всего того, что он описал в произведении: «(...) все это нужно было написать, но можно было выразить мужественнее (...)» (5, 437).

3.2. Жанровая форма «Записок врача»

«Записки врача» Вересаева соединяют рассказ молодого врача с биографическим отчетом, признанием и популистским очерком³⁸⁵, связывая беллетристическое повествование с элементами публицистики³⁸⁶. Таким образом, нельзя говорить о «Записках врача» как о чисто художественном произведении. Как отмечает М.А. Бородина, в литературоведении укрепились мнение, что «Записки врача» – не публицистика в чистом виде, но и не художественная проза в обычном понимании этого слова³⁸⁷. Скорее Вересаев создал эссеистическое произведение, соединяя бытовую достоверность, исходящую из фактического и документального материала, с философской обобщенностью, образной конкретностью и пластичностью, свойственным художественной литературе³⁸⁸. По мнению исследовательницы, в творчестве Вересаева, прибегнувшем к этой форме и в связи с тематикой русско-японской войны, жанр записок обрел особую глубину и завершенность, так как он сочетает в себе не только размышления о пережитом и подразумевает выражение личного отношения описываемому³⁸⁹ и, таким образом, элементы мемуаров, автобиографий, воспоминаний, но включает их в художественный текст, повествующий о жизни и профессиональном становлении главного героя, аналитических размышлений и философских эссе, в качестве иллюстративного материала, включая живые портреты, бытовые сцены и небольшие новеллы³⁹⁰. Кроме того, текст наполнен

³⁸⁵ *Troubetzkoy L.*, С. 255.

³⁸⁶ *Быстров, С.* 367; также *Finke M.C.*, *Seeing Chekhov: life and art.* Ithaca/ London, 2005. С. 53.

³⁸⁷ *Бородина, С.* 13.

³⁸⁸ Там же.

³⁸⁹ *А.Н. Записки // Николукин А.Н.* (главный ред. и сост.), *Литературная энциклопедия.* М., 2001. С. 276.

³⁹⁰ *Штейман М.С.*, В. Вересаев и М. Булгаков (Проблема традиции и новаторства) // *Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.* Вып. 9. Елец, 2005. С. 291.

документальным и научным материалом, функция которого лежит в расширении и углублении знания читателя.

У Вересаева в органический сплав соединяются в равной степени документальность и философичность, очерк и художественность³⁹¹. «Записки врача» – единственное в своем роде произведение, которое находится на грани между художественным и научным трудом. Профессор психиатрии И.А. Сикорский указал на то, что как противники, так и защитники Вересаева совершали ошибки при классификации «Записок врача»: первые тем, что видели его как медицинское, а не как художественное произведение, следовательно рассматривая его как нападение на медицину; вторые же тем, что определили его за чисто научно-медицинский труд, и на этой основе делали выводы о врачах, врачебном искусстве и врачебной профессии³⁹². Сикорский признавал, что то, «что переживал этот врач (герой «Записок» – К.Т.) в широких размерах, переживает всякий вообще врач в той или иной степени, особенно в начале своей карьеры. В этом отношении книга Вересаева может быть названа зеркалом профессиональной совести (...)»³⁹³.

3.3. Краткий обзор содержания «Записок врача»

3.3.1. От студента-медика до врача

В «Записках врача» повествование ведется от лица молодого врача, не имеющего в произведении собственного имени, который окончил медицинский факультет семь лет назад и еще не стал «человеком профессии, привыкшем ко всему» (1, 255). Он «обыкновенный средний врач со средним умом и знаниями» (1, 255). Становление молодого рассказчика как личности и его становление как врача проходит красной нитью сквозь произведение. На фоне этого становления раскрываются многочисленные вопросы из области медицинской науки и практики. Вересаев описывает сложности работы врача, первый опыт и впечатления, начиная с времен обучения на медицинском факультете. На протяжении всего произведения читатель является свидетелем

³⁹¹ Бородин, С. 14, 20.

³⁹² Сикорский И.А., О книге В. Вересаева «Записки врача» (Что дает эта книга науке, литературе и жизни) // Вопросы нервно-психической медицины. Т. 7. 1902. С. 483, 502.

³⁹³ Там же. С. 502.

формирования главного героя, проходя вместе с ним этапы его жизненного пути со студенческих лет, и становится свидетелем накопления первого опыта и его попыток решения проблем, с которыми герой сталкивается в начале своей трудовой практики.

Сквозь призму начинающего врача Вересаев излагает и раскрывает комплексные вопросы не только медицинского, но и общественного значения с которыми сталкивается молодой герой. Он описывает переживания, которые характерны наверное и для большинства студентов-медиков в наше время. В этом смысле вересаевское произведение – вневременное, так как многие из затронутых вопросов в той или иной форме являются актуальными и сегодня. Как отмечает М. Бородина, Вересаев, соединяя художественность и документальность, изобразил духовное саморазвитие, которое через ошибки и слабости приводит героя к мудрости³⁹⁴. На собственном опыте он учится справляться с различными ситуациями и трудностями, через этот опыт у героя вырабатываются определенные формы поведения.

Хотя в произведении и заметен сильный автобиографический элемент, сам Вересаев охарактеризовал его следующим образом: «Книга эта – не автобиография, много переживаний и действий приписано мною себе, тогда как я наблюдал их у других. Однако основные впечатления соответствуют действительности» (5, 311)³⁹⁵. Ю. Фохт-Бабушкин, подробно изучавший наследие писателя, подтвердил, что многие рассуждения героя дословно переписаны из дневника 1890-1900 гг. и что судьба главного героя сильно отражает судьбу самого автора³⁹⁶.

Герой-рассказчик начинает свое описание с того, как уже с первых теоретических занятий на медицинском факультете меняется его восприятие мира, как знание естественных наук, и знания анатомии в частности, воздействуют на его ощущение своего окружения (1, 256-257). Благодаря этим знаниям он замечает детали и подробности, которые раньше не привлекали его внимания: о красивой, нравящейся ему девушке он в то же время знает, что «на ее мозге те же извилины, что и на сотнях виденных мною мозгов, мускулы ее так же насквозь пропитаны жиром, который делает

³⁹⁴ Бородина, С. 13.

³⁹⁵ См. также Вересаев В.В., По поводу 'Записок врача' (Ответ моим критикам) 1903 (1, 426): «Конечно, мои 'Записки' суть только 'Записки врача Вересаева'. Но само собою понятно, что я не стал бы их публиковать, если бы видел в них отрывок из своей автобиографии (...)».

³⁹⁶ Фохт-Бабушкин, Викентий Вересаев. С. 633.

столь неприятным препариование женских трупов, и вообще в ней нет решительно ничего привлекательного и поэтического» (1, 257). Из такого, словами Чехова, умения «мыслить по-медицински» (П. 3, 37) исходит и М.Я. Каган-Пономарев при изучении творчества литераторов-врачей, полагая, что любое систематическое обучение необратимо форматирует некоторым образом мышление обучаемого, и что медицинское образование, таким образом, влияет на характер человека и его восприятие мира³⁹⁷.

Но еще больше, чем знания анатомии, на молодого студента влияют страдания живых людей, с которыми он сталкивается с первых же дней практических занятий и которые, как он начинает понимать, приобретаются так легко, что избежать их невозможно: «(...) меня поразило, какая существует масса страданий, какое разнообразие самых утонченных, невероятных мук заготовила нам природа, – мук, при одном взгляде на которые на душе становилось жутко (...) Страдание, страдание без конца, страдание во всевозможных видах и формах – вот в чем вся суть и вся жизнь человеческого организма» (1, 258, 262).

Увиденные страдания и постепенное осознание, что медицина не только лечит и воскрешает, но во многих ситуациях является и просто немощной, бессильной, лживой и несовершенной, он начинает терять доверие и уважение к своей будущей профессии – в него проникает медицинский нигилизм (1, 273-276). Однако после первого отчаяния и упадка духа он убеждается в том, что все таки медицина и, в частности, он сам своей деятельностью, многое может сделать, что и возвращает его веру: «Отношение мое к медицине резко изменилось. Приступая к ее изучению, я ждал от нее всего; увидев, что всего медицина делать не может, я заключил, что она не может делать ничего; теперь я видел, как много все-таки может она, и это "многое" преисполняло меня доверием и уважением к науке, которую я так еще недавно презирал до глубины души» (1, 278).

После университета молодой врач пытается жить частной практикой, уверенный в том, что научные приобретения медицины громадны и что он, как врач, сможет помочь (1, 329). Но на практике он снова сталкивается с несовершенством и беспомощностью медицины, с проблемой, как правильно поставить диагноз и с сомнениями, как на больного будут влиять предписанные им средства (1, 329-333). Он снова падает духом, разочарованный шаткостью и неуверенностью медицины, теряет

³⁹⁷ Каган-Пономарев, С. 11.

веру в свою деятельность, чувствуя сильную фрустрацию (1, 336). В общем, в первые годы обучения и работы в медицине, как в университете, так и на практике, его отношение к ней колеблется между двумя крайне противоположными полюсами – то он верит в ее всемогущество, то отрицает ее совсем и видит в ней лишь несовершенства и беспомощность. При этом ему кажется, что он постоянно обманывает общество. Следует указать на то, что об обмане общества размышляет и доктор Рагин из рассказа Чехова «Палата № 6» (8, 84-85). Рагину кажется, что он каждый год обманывает 12.000 приходящих больных. Но если у Рагина это ощущение было вызвано скорее существующими условиями в его больнице, а также приобретается вследствие многолетней практики и, в конце концов, ведет к тому, что он прекращает работать, то у героя из «Записок врача» оно связано с начальными трудностями и сомнениями, а также разочарованием от бессилия своей деятельности. У героя Вересаева это чувство проходит со временем, когда ему удастся смириться с тем, что медицина, несмотря на все несовершенства и то, что она не всегда способна помочь, все-таки нужна и полезна больным (1, 335, 338).

Начало практической деятельности врача является для главного героя, как наверное и для большинства начинающих врачей всех времен, весьма тяжелым – он чувствует огромную ответственность и испытывает чувство страха перед больным, чья жизнь и душа ему совсем неизвестны, и чьи организмы и симптомы отличаются друг от друга, даже если у больных одно и то же заболевание: «(...) каждый больной предстает передо мною во всем богатстве и разнообразии своих индивидуальных особенностей и отклонений от средней нормы. Что могу я знать об них? Двое на вид совершенно одинаково здоровых людей промочили себе ноги; один получил насморк, другой – острый суставной ревматизм ... Почему?» (1, 331). Герой видит, что нельзя лечить по шаблонам, и это укрепляет его неуверенность в своих способностях.

Именно метод индивидуализации каждого отдельного случая, выработанный профессором Московского университета Г.А. Захарьиным³⁹⁸, лекции которого слушал и Чехов, стал одним из самых важнейших в медицинском обучении того времени. Если Захарьин требовал, чтобы врачи усвоили навык индивидуализировать каждый новый случай, представляющий невиданные прежде особенности, и придавали большое

³⁹⁸ *Мирский*, Доктор Чехов. С. 15; о деятельности Захарьина см. *Самойлов*, С. 119-121.

значение подробному расспросу больного о его образе жизни, лечению не болезни, а конкретного больного³⁹⁹, то именно Чехов освоил этот подход и для своей литературной деятельности – принцип индивидуализации каждого отдельного случая стал одним из важнейших принципов его творчества. Чехов избегал шаблонных решений, которыми можно было бы решать проблемы его героев, не предлагал помогающие в каждой ситуации универсальные средства, а уделял особое внимание психике каждого из своих героев⁴⁰⁰. Вересаев в течение обучения на медицинском факультете ознакомился с этим методом индивидуализации (лекции по внутренней медицине он слушал именно у ординатора Захарьина (5, 338)), но как раз эта способность, которая достигается лишь опытом, для начинающего героя-врача «Записок» является самой сложной (1, 290). Он сталкивается с большой трудностью правильно поставить диагноз, находится в постоянной неуверенности, правильно ли он оценил состояние своего пациента и после сделанной им ошибки, повлекшей за собой смерть ребенка, решает поступить в петербургскую больницу, чтобы под наблюдением опытных врачей улучшить свои знания (1, 293). Вересаев на этом месте обвиняет медицинское обучение в том, что молодой, закончивший медицинский факультет врач приступает к практике совсем неподготовленный, и требует, чтобы с самого начала учебы студенты проходили практику дополнительно к теоретическим занятиям (1, 303).

Описывая не только свои переживания по отношению к медицине, но и его подвергающийся перемене подход к больным, герой показывает как развивалось и менялось его отношение к своим пациентам с течением времени и с приобретенным опытом. Если его сначала поражало страдание и он тяжело переживал его (1, 258), то позже он осознал, что должен равнодушнее относиться к больным. Поэтому он пытался найти ту грань между состраданием и здоровым равнодушием, с которой мог бы жить и он сам, и больной. Он старается относиться более безразлично к больному, не принимать близко к сердцу его муки. Но и это сначала оказывается непростым (1, 395-396), и ему потребуется многолетняя практика, пока у него выработается особенное отношение к пациентам, а также выработается способность не обращать внимания на

³⁹⁹ Захарьин Г.А., Клинические лекции и избранные статьи. М., 1889. С. 3, 10; подробнее о школе Захарьина см. Меве Е.Б., Медицина в творчестве А.П. Чехова. Киев, 1989. С. 15-17.

⁴⁰⁰ См. об этом Катаев В.Б., Проза Чехова – проблемы интерпретации. М., 1979. С. 87-97; см. также письмо Чехова Суворину: «Всё зависит от индивидуальности каждого отдельного случая» (П. 2, 42).

ненависть родственников и самого пациента, которому он не смог помочь (1, 390-397).

Многие из описанных Вересаевым переживаний своего героя, несомненно, являются основными в опыте врачей – прежде всего русских врачей конца XIX – начала XX вв.⁴⁰¹. Возможно и в наше время, в той или иной форме такие переживания испытывают и большинство студентов медицинского факультета, или только что приступившие к медицинской практике молодые врачи.

В своем произведении Вересаев не ограничивается только одной точкой зрения молодого героя. Он сопоставляет переживания и мнения главного героя со взглядами опытного профессора, известного хирурга, а также родственников, переживающих за своих близких, и самого больного. Тем самым автор дает читателю возможность, ознакомиться с разными сторонами восприятия одного целого. Именно эта обширная перспектива способствует обширному и объективному изображению медицинского мира в произведении.

3.3.2. «Записки врача» и вопросы медицинской этики

«Записки врача» не исчерпываются описанием формирования профессионального становления молодого врача. Кроме личных переживаний героя читатель знакомится как с состоянием медицинской науки, так и важными вопросами того времени, касающихся данной науки. Подробное изложение и обсуждение этих вопросов в рамках данной работы невозможно. Вересаев детально описывает применяемые в то время методы лечения и операции, указывает на новые исследования и ссылается при обсуждении разных вопросов на мнение знаменитых ученых России и зарубежья.

Рассуждения, мысли и высказывания Вересаева по некоторым медицинским вопросам тесно связаны с состоянием медицины на рубеже XIX-XX вв., но многие из затронутых вопросов, а прежде всего те, которые касаются медицинской этики – эти вопросы являются вневременными и поэтому они актуальны всегда⁴⁰².

Вересаев раскрывает в своем произведении ту сторону медицины, которая часто

⁴⁰¹ Так и *Finke*, С. 58.

⁴⁰² На данную тему см. *Юдин*, С. 24-37.

не обсуждается публично. В этом, по мнению Бородиной, и лежит новаторство вересаевских записок – в обращении к закрытым, «стыдливym» и к профессиональным аспектам медицины⁴⁰³. Речь идет о врачебных ошибках – откровенно об ошибках, вытекающих либо из неподготовленности молодого врача, либо из неправильно поставленного диагноза, либо из применения неподходящих методов лечения.

Заметное место Вересаев уделяет проблеме медицинских экспериментов и прежде всего «врачебным опытам на живых людях» (1, 315). Этой теме посвящена отдельная восьмая глава произведения. Вересаев в отношении данной проблематики ограничивается экспериментами из области венерологии, приводя примеры из разных стран, включая Россию, свидетельствующие о том, что данные эксперименты проводились систематическим образом (1, 315, 326). Вересаев выступает как гуманист, защитник прав человека, резко осуждая тех представителей медицинской профессии, которые, злоупотребляя своими полномочиями, в стремлении достижения славы, экспериментируют на людях, заведомо зная, что тем самым могут нанести им вред. Он решительно высказывается против опытов над людьми, критикуя, что такие процессы не находят достаточного обсуждения и отпора в области медицины. Вересаев уделяет внимание размышлениям о необходимости живосечения (1, 330 сл., 344). Обсуждаются также проблемы исследования на материале больных (1, 264, 267), опасность применения новых, еще не вполне проверенных лекарств, проблемы вскрытий, которые относились для него к особенно противоречивым. С одной стороны, вскрытия необходимы для развития медицины, но с другой, противоречат чести умершего и чувствам его близких, которые воспринимают данную практику как поругание и из-за страха часто не желали приводить больных в больницу (1, 264).

Вересаев идет в своем произведении за пределы медицины. Он обращается к вопросам общественного значения: он критикует воспитание человека, прежде всего девушек, потому что из-за стыдливости по отношению к своему телу и как следствие такого воспитания является отказ пациенток от врачебной помощи (1, 383-387). В «Записках врача» много рассуждений о взаимосвязи между человеческим организмом и природой. Так, например, обсуждается прогрессирующая независимость человека от природы и этот факт влечет за собой не только значительные перемены человеческого

⁴⁰³ Бородина, С. 20.

организма, но и полную зависимость людей от медицины (1, 367-381). В этом Вересаев видит опасность вырождения человека (1, 368 сл.). Вересаев как бы предвидел те проблемы со здоровьем, с которыми человечество борется в наше время. Он обращает внимание на ненужность физического труда в условиях городской жизни и предупреждает, что человеку, принимающему выгоды культуры, необходимо сохранить связь с природой и развиваться физически (1, 380). Связь с природой является для Вересаева важным и неотъемлемым фактором жизни, на котором он заостряет свое внимание и в своих произведениях, начиная с первого рассказа «Загадка». Д. Дюррант говорит о разработанной писателем концепции, которая способствовала пониманию человека как составляющей части природы и представляющей собой одно целое⁴⁰⁴.

3.4. Экскурс: «Записки врача» Вересаева – «Записки юного врача» Булгакова

Личное знакомство и хорошие отношения между Вересаевым и его младшим коллегой Михаилом Булгаковым являются, по-моему мнению, хорошим поводом для того, чтобы также кратко ознакомиться и с записками последнего, которые были напечатаны спустя 25 лет после произведения Вересаева в журналах «Красная панорама» и «Медицинский работник»⁴⁰⁵. Опираясь на сведения разных источников, можно исходить из того, что Булгаков работал над этим произведением с 1918 г. «Записки юного врача» – цикл, состоящий из семи рассказов, повествование в которых ведется от лица молодого доктора, рассказывающем о своих приключениях и опыте с начала практики. Как показывает М.О. Чудакова, те операции, которые делает герой «Записок», были сделаны и самым Булгаковым⁴⁰⁶. Этот факт позволяет сделать вывод, что в произведении присутствуют некие автобиографические элементы из жизни писателя, который с 1917 по 1918 г. работал в земской больнице в Никольском⁴⁰⁷.

Л. Трубецкой в своей статье «*Récits de deux médecins: Veresaev et Bulgakov*» полагает, что произведение Булгакова надо рассматривать как полемический ответ «Запискам» Вересаева, с которыми он, видимо, был знаком долгое время. В дневнике Булгакова есть запись, что он в 1922 г. присутствовал на состоявшемся в МГУ диспуте

⁴⁰⁴ Дюррант. С. 139-140.

⁴⁰⁵ Виленский, С. 123.

⁴⁰⁶ Чудакова, Жизнеописание. С. 56.

⁴⁰⁷ Яблоков Е.А., Комментарии // Булгаков М.А., Собрание сочинений в 8 томах. М., 2008. Т. 2. С. 546.

по поводу «Записок врача»⁴⁰⁸. Он высоко оценил произведение Вересаева, о чем дает сведение письмо, написанное им в 1925 г.: «(...) я верю, и совершенно искренно, что я буду держать в руках Вашу новую книгу и она также взволнует меня, как много лет назад меня на первом пороге трудной лестницы взволновали "Записки врача"»⁴⁰⁹.

В обоих произведениях центральной темой являются переживания молодого врача, только что приступившего к работе после теоретического обучения в университете и в страхе ожидающего первых своих пациентов. Оба героя чувствуют себя неподготовленными. Но если у Вересаева упрек в недостатках медицинского обучения высказан прямо, то у Булгакова он слышится сквозь мысли молодого героя: «(...) очень многих блестящих девственно инструментов назначение мне вовсе не известно (...)» (270); «(...) как ей (роженице – *К.Т.*) нужно помогать, я не знаю, потому что вблизи роды видел только два раза в своей жизни в клинике (...)» (286); «(...) я кончил факультет с отличием, но отличие само по себе, а грыжа сама по себе. Один раз я видел, как профессор делал операцию ущемленной грыжи. Он делал, а я сидел в амфитеатре» (295); «Я никогда до сих пор не видел дифтерита» (298) и т.д. И Вересаев, и Булгаков убеждены, что учебные заведения не в состоянии выпускать вполне подготовленных к самостоятельной работе людей. Эту мысль Булгаков в общем виде повторяет и в «Жизни господина де Мольера»⁴¹⁰. Молодой герой у Булгакова приезжает в больницу с минимальными практическими знаниями, что приводит к состоянию постоянного напряжения и чувства неуверенности в себе. С юмористической окраской описывается, как он перед операциями быстро бежит к себе в квартиру и, хватаясь за книгу, бегло заглядывает в учебник, чтобы припомнить когда-то выученное то о поперечном положении, то о трахеотомии.

Как показывает Л. Трубецкой, Булгаков в своих «Записках» затрагивает многие из тех вопросов, которых касался и Вересаев, но трансформирует их, и таким образом меняет не только нарративную форму, но и сюжетную компоненту произведения. Сцена полного сомнения и неуверенности в ожидании первых пациентов у Вересаева

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ Письмо М.А. Булгакова В.В. Вересаеву от 6.12.1925 г. // Знамя № 1 (1988), С. 162; мнение, что «Записки врача» Вересаева повлияли на Булгакова при написании «Записок юного врача» разделяют также Нольде и Зайончковский, Послесловие // Знамя С. 172; недавно и *Finke*, С. 56; *Яблоков*, С. 546.

⁴¹⁰ *Штейман*, С. 289.

выдержана в форме внутреннего монолога⁴¹¹, между тем как соответствующие размышления булгаковский врач ведет в форме диалога с внутренним голосом «страх», воображая себе самые разные случаи: «... А гнойный аппендицит? Га! А дифтерийный круп у деревенских ребят? (...) А...а...роды! Роды-то забыл! Неправильное положение. Что ж я буду делать? А? (...) Тут-то тебе грыжу и привезут, – бухнул суровый голос в мозгу (...)» (272⁴¹²). Именно драматизм этого диалога придает ему ироническую и, в том числе забавную оценку, полностью отсутствующую у Вересаева⁴¹³.

Помимо отличающихся жанров двух произведений, разницу надо видеть и в характере героев – врач у Булгакова обладает неиссякаемым чувством юмора и тонкой иронии, и именно эта способность даже в тяжелых ситуациях замечать смешное, пропитывает рассказы оптимизмом и жизнерадостностью. Он не меньше переживает свои первые, самостоятельные шаги на врачебном поприще, но не падает духом, сохраняя в себе силы для борьбы с каждым новым случаем. Внешне он может сохранять уверенность, что помогает не только ему самому, но вселяет доверие в его способности его помощникам, а также его пациентам: «(...) движения мои были уверены и правильны, а беспокойствие свое я постарался спрятать как можно глубже и ничем его не проявлять» (286). Его личность в таких ситуациях раздваивается: он думает одно, но говорит и делает другое⁴¹⁴. Герой Вересаева же в большой мере неуверенный в себе и, как полагал И.А. Сикорский, колеблющийся, нерешительный и неспособный управлять собою: «Повсюду воля у него заменяется и замещается то волнениями, то размышлениями во всех тех случаях, где надлежит быть воле на первом плане». Он человек со слабой волей, «неполный или недоразвившийся» характер⁴¹⁵. На

⁴¹¹ «Я ждал их – и в то же время больше всего боялся именно того, чтобы они не явились. Каждый звонок заставлял испуганно биться мое сердце, и я с облегчением вздыхал, узнав, что звонился не больной. Сумею ли я правильно поставить диагноз, сумею ли назначить лечение? (...) Хорошо, если у больного окажется такая болезнь, при которой можно будет ждать: тогда я пропишу что-нибудь безразличное и потом справлюсь дома, что в данном случае следует делать (...) Я приходил в ужас при одной мысли – что если меня позовут на роды? (...)» (1, 282, 288)

⁴¹² В следующем все ссылки на «Записки юного врача» приводятся по собранию сочинений М.А. Булгакова (М.: Астрель, 2008, Т. 2). Ссылки даются в тексте с указанием страницы.

⁴¹³ Troubetzkoy, С. 256-257.

⁴¹⁴ «(...) подумал: "Ну, вот и все! Мне легче. Я сказал, предложил (...) Они отказались, и я спасен". И только что подумал, как другой кто-то за меня чужим голосом вымолвил: "Что вы, с ума сошли? Как это так не согласны? Губите девочку. Соглашайтесь. Как вам не жаль"?»; «Внутри себя я думал так: "Что же я делаю? Ведь я зарежу девочку". А говорил иное: "Ну скорей, скорей соглашайтесь!"» (298-299).

⁴¹⁵ Там же. С. 485.

появляющиеся трудности он реагирует очень тонко и переживает их сильно, что мешает ему сохранить то спокойствие, которое необходимо для выполнения предстоящих перед ним задач.

Разность характеров проявляется и в отличии, указанным Трубецкой, считавшей, что произведения расходятся также в сюжете: хотя оба героя сталкиваются с противоречием между медицинской теорией и практикой, герой Вересаева по причине неспособности правильно поставить диагноз совершает роковые ошибки, в то время как герой Булгакова в начале практики сталкивается с однозначно определяемыми заболеваниями, которые он, хотя и внутренне сильно сомневается в правильности своих действий, на внешний вид лечит самоуверенно, ведомый каким-то форс-мажором. В рассказе «Полотенце с петухом» он лечит перелом ноги, в «Стальном горле» он сталкивается с дифтерийным крупом и принимает тяжелые роды в рассказе «Крещение поворотом». Подобно тому, как ему везет при постановке правильного диагноза, все принятые им лечебные меры и операции заканчиваются успешно – у Булгакова больные выживают, и единственная в рассказе «Вьюга» упомянутая смерть пациентки наступает до приезда врача. Если заболевания в «Записках юного врача» кажутся более однозначными, чем в произведении Вересаева, то все-равно, это тяжелые, сложные случаи, требующие опыта и медицинских знаний, которых у 23-летнего выпускника университета нет. Факт, что у него все получается, может, по-моему, быть объяснен тем, что герой хотя и не уверен в своих способностях, в решительные минуты сохраняет здравый смысл и, до определенной степени, доверяет интуиции и вдохновению: «За меня работал только мой здравый смысл, подхлестнутый необычайностью обстановки» (278); «решимость овладела мной и в голове у меня был совершенно определенный и твердый план» (290). Эта разница в характерах, выражающаяся в критических ситуациях, показана прежде всего при первой проведенной трахеотомии обоих героев, описанной диаметрально-противоположным образом⁴¹⁶. У Вересаева герой с самого начала операции впадает в панику⁴¹⁷, что осложняет введение трубки в трахею.

⁴¹⁶ Troubetzkoy, С. 258; в этом же смысле и Штейман, С. 292; однако, другого мнения придерживается Каган-Пономарев (С. 202-203), который объясняет сходства между произведениями ни реминисценцией, ни полемикой Булгакова с Вересаевым, а простым фактом, что речь в обоих ситуациях идет о стандартной, и в конце 19 – начале 20 века в медицинской практике сильно распространенной операцией, так что причину пунктов пересечений скорее следует искать в медицинской ситуации того времени.

⁴¹⁷ «С первым же разрезом, который я провел по белому, пухлому горлу девочки, я почувствовал, что не в

Следствием плохо проведенной операции, несмотря на все усилия исправить сделанную ошибку, является смерть девочки. У героя в «Стальном горле» также затруднения найти трахею, но он решается наудачу ввести трубку, что ему и удастся⁴¹⁸.

Кроме борьбы с болезнями, герою «Записок юного врача» приходится бороться с недоверием населения, не всегда убежденным в способности медицины помочь, а также с полным непониманием назначенных лечебных мер. Как удачные анекдоты звучат действительно произошедшие случаи и примеры больных, выпивших то все капли «беладонны», то съевших десять порошков хинина сразу или эпизод о роженице, которой в родовой канал ввели сахар, чтобы таким способом выманить младенца на сладкое. Более серьезно описывается безразличие больных сифилисом, не осознающих значение своего диагноза, прося только средство от захрипевшей глотки. Если отношения между булгаковским врачом и крестьянским населением не всегда были беспрепятственными, то ему своей бодростью и решительностью, а также успехом в своей деятельности удается добиться хорошей репутации и доверия народа.

Произведение Булгакова проникнуто большим гуманизмом, настоящей борьбой врача за каждого из своих пациентов и любовью к человеку: «(...) и нес в себе одну мысль – как его спасти? И этого – спасти. И этого! Всех. Шел бой. Каждый день он начинался утром при бледном свете снега, а кончался при желтом мигании пылкой лампы-молнии» (306). Таким образом, этот врач, работающий в глуши России в девяти верстах от станции железной дороги и сорока верстах от уездного города, воплощает в себе идеал врача, взявшего на себя тяготы земской службы в провинции. Несмотря на все испытанные лишения и трудности он не теряет ни свой юмор, ни веру в свое дело и профессию врача. После годичной службы он, благодаря 15.613 принятых им больных, имеет значительный опыт и оценивает свои способности как более усовершенствованные. Тем не менее, он готов продолжать учиться: «И год прошел, пройдет другой год и будет столь же богат сюрпризами, как и первый... Значит, нужно покорно учиться.» (364). Это заключительное предложение свидетельствует о том, что

силах подавить охватившего меня волнения; руки мои слегка дрожали (...) дрожащими от волнения руками ввел его вторично, но опять не туда. Я все больше терялся» (1, 299).

⁴¹⁸ «(...) ничего не выходило. Мне стало холодно, и лоб мой замок. Я остро пожалел, зачем пошел на медицинский факультет, зачем попал в эту глушь (...) Я вколол нож в горло, затем серебряную трубку вложил в него (...) Я видел, как Лидка синела. Я хотел уже все бросить и заплакать, как вдруг Лидка дико содрогнулась, фонтаном выкинула дрянные сгустки сквозь трубку, и воздух со свистом вошел к ней в горло (...)» (300-302).

он не чувствует разочарования ни в своей собственной деятельности, ни в медицине вообще, а наоборот, он полон убеждения продолжать начатый путь. Он видит прежде всего пользу, которую он лично, будучи врачом, приносит людям. Это чувство быть нужным позволяет ему устоять перед всеми появляющимися трудностями, сохраняя при этом свой оптимизм.

По мнению Трубецкой, в оппозиции стоят и концы произведений. Вересаев ставит улучшение положения врачей и больных в зависимость от глобальной, общей перемены общества – «Мы должны объединиться и бороться; конечно, это так. Но кто "мы"? Врачи? Мы можем, разумеется, стараться улучшить положение своей корпорации, усовершенствовать взаимопомощь, и другое в таком роде. (...) Но (...) Это была бы не борьба отряда в рядах большой армии, это была бы борьба кучки людей против всех окружающих (...) Да, выход в другом. Этот единственный выход – в сознании, что мы – лишь небольшая часть одного громадного, неразъединимого целого, что исключительно лишь в судьбе и успехах этого целого мы можем видеть и свою личную судьбу и успех» (1, 423)).

Булгаков в свою очередь, как приводит Л. Трубецкой, в образе врача, фельдшера и двух акушерок подчеркивает преобладающее значение интеллигенции, воплощающей в себе необходимые для прогресса моральную совесть и способности⁴¹⁹, которая борется за улучшения ситуации – «Потянулась пеленою тьма египетская ... в ней будто бы я ... не то с мечом, не то со стетоскопом. Иду ... борюсь. В глуши. Но не один. А идет моя рать: Демьян Лукич, Анна Николаевна, Пелагея Иванна. Все в белых халатах, и все вперед, вперед ...» (331); а также: «Возможно, что сейчас, когда я пишу эти строки, чья-нибудь юная голова склоняется к груди больного. Керосиновая лампа отбрасывает свет желтоватый на желтоватую кожу ... Привет, мой товарищ!» (248)). Врач у Булгакова, хотя несомненно размышляет и об общих вопросах и проблемах, старается в маленьком, в своей больнице бороться за улучшение ситуации и, в отличие от многих его коллег, как в произведениях Вересаева, так и Чехова, не разочаровывается. Герой Вересаева же ищет общий путь, общую идею для человечества вообще, что роднит его с интеллигентами 80-90-х гг. XIX в.⁴²⁰. М. Штейман отметил, что «"Записки врача"

⁴¹⁹ Troubetzkoy, С. 260.

⁴²⁰ См. также Штейман, С. 290.

Вересаева – наиболее проблемные своего времени. "Записки юного врача" Булгакова – по-настоящему увлекательные, художественно яркие рассказы о врачебном долге, о становлении личности»⁴²¹.

Несмотря на то, что произведение Булгакова выдержанно в более художественной форме, чем «Записки» Вересаева, в нем также присутствует и четкая документальность при описании врачебной деятельности, что роднит оба произведения. Клинические детали, которых в своих рассказах избегал Чехов, у Булгакова, подобно как у Вересаева, приводятся с максимальной точностью: вместе с рассказчиком читатель может следить за каждым его шагом при операции, становится свидетелем симптомов и заболеваний, видит то кровь, то разные части тела, чувствует атмосферу в больнице. И именно эта комбинация юмора и документальности делает «Записки юного врача» своеобразным произведением, проникнутом искренностью. Документальность при описании клинических деталей свойственна обоим «Запискам», у Булгакова же она с юмором сливается в одно художественное целое и делает его единственным в своем роде.

Вероятно, что Булгаков, высоко ценивший произведение Вересаева, при создании своих «Записок юного врача» ориентировался на записки Вересаева и, быть может, с ним полемизировал. Тем не менее, мне кажется, что взаимовлияние, которое несомненно существует, нельзя также переоценивать⁴²². «Записки врача» Вересаева по своей форме, концепции и цели сильно отличаются от произведения Булгакова. Обсуждаемые в них вопросы выходят далеко за сюжет по сравнению с булгаковскими рассказами. Булгаков также был врачом и многие из тех ситуаций, описанных обоими писателями в той или иной форме и различных оттенках, действительно переживает большинство начинающих медиков⁴²³. Как приводит Каган-Пономарев, описание

⁴²¹ Там же. С. 292.

⁴²² В том смысле и *Pervukhtina N.*, *Notes of a Young Country Doctor. A Haven in the Limelight* // *The Slavic and East European Journal*, Vol. 40, No. 4 (1996), С. 698: «(...) Veresaev combined the tradition of the 'physiological sketch' with a psychological analysis of the unfolding relationship between doctor and patient; since his intention was to reveal hidden truth about medical profession, he tends to portray it as an endless chain of miscalculations and failures. His optimism was projected in the future. In contrast to Veresaev's *Notes*, Bulgakov's stories are focused not on social or medical enlightenment, but on purely artistic goals».

⁴²³ См. напр. рассказ «Доктор» А.И. Куприна, где он почти идентично с Вересаевым и Булгаковым описывает переживания начинающего врача: «Боже мой, боже мой (...) ну, ровнехонько ничего в памяти не осталось. Сотни книг, тысячи лекций, сотни тысяч терминов – и в результате какой-то невообразимый хаос в голове. Даже некогда и повторить прослушанного в университете, потому что медицина идет вперед гигантскими шагами, и просто нет возможности следить за ее успехами. (...) Да

первого самостоятельно принятого больного, первый тяжелый случай, а также первые операции и роды – типичные сцены, которые можно найти в первых произведениях многих писателей-врачей⁴²⁴. Переживания и опыт докторов – бесконечный источник для писателей, одновременно занимающихся медицинской практикой. Именно они, в большей степени чем остальные литераторы, могут проникнуть во внутренний мир медицинских работников и отразить реальное бытие этой социальной группы сквозь призму художественного образа врача. А.П. Чехов в своих произведениях также обращался к образу медицинского деятеля, который выполнял различные сюжетные функции, и одновременно давал возможность читателю создать яркое представление о его положении в обществе. В своих произведениях писатель в общей сложности 107 раз обратился к фигуре медицинского деятеля⁴²⁵, что не удивляет если вспомнить какое важное место в жизни Чехова, несмотря на все его писательские успехи играла медицина.

4. «Жена-медицина» в жизни и творчестве А.П. Чехова. Очерк

Бесспорным остается тот факт, что медицина и врачебная практика занимали важное место в жизни Чехова⁴²⁶, что было не раз сказано и им самим в его письмах. Поговорка о «жене-медицине» и «любовнице-литературе» известна. В отличие от многих других писателей-врачей, как например Рабле и Шиллер, ушедших из медицины в литературу, А.П. Чехов медицину не оставил, занимаясь врачебной деятельностью с момента окончания медицинского факультета до ялтинского периода,

как еще подумаешь, что – что ни человек, то новый, совершенно отличный от другого организма и что поэтому от одной и той же болезни Ивана следует лечить иначе, чем Петра, так просто руки опускаются»; *Куприн А.И.*, Собрание сочинений в 5 томах. М., 1982. С. 358-359.

⁴²⁴ *Каган-Пономарев, С.* 48-51.

⁴²⁵ *Polakiewicz L.*, The Image of the Doctor in Čechov's Works. Wisconsin, 1978.

⁴²⁶ Медицине в жизни и творчестве Чехова посвящено много работ, см. *Казанцев Н.К.*, А.П. Чехов как медик // Клиническая медицина № 22 (1929) С. 1393-1405; *Хижняков В.В.*, Антон Павлович Чехов как врач. М., 1947; *Гейзер И.М.*, Чехов и медицина, М. 1954; *Меве Е.В.*, Болезнь человека в произведениях А.П. Чехова // Клиническая медицина № 1 (1960) С. 138-142; *Шурков Е.А.*, Слово о докторе Чехове. М., 1960; *Ober William B.*, Chekhov among the doctors: The doctor's dilemma // Bulletin of the New York Academy of Medicine 49 (1973), С. 62-76; *Шубин Б.М.*, Доктор А.П. Чехов. М., 1982; *Шульцев Г.П.*, Медицинская тема в письмах А.П. Чехова // Клиническая медицина № 12 (1985) С. 120-127; *Архангельский Г.В.*, Студенческое и врачебное окружение А.П. Чехова в московский период его жизни // Клиническая медицина № 5 (1986) С. 144- 148; *Меве Е.В.*, Медицина в творчестве и жизни А.П. Чехова. Киев, 1989; *Müller-Dietz Heinz*, Medizinische Sujets bei A.P. Čechov // *Kluge Rolf-Dieter* (Hg.) Anton P. Čechov – Werk und Wirkung. Wiesbaden. 1990, С. 464-475; *Мирский М.Б.*, Доктор Чехов. М., 2001; *Сухих И.Н.*, Агенты и пациенты доктора Чехова // Звезда № 7 (2004) С. 140-150.

когда ему по причине плохого здоровья уже невозможно было работать. Он, по словам В. Даля, «умело сочетал лиру с трубкою клистирной»⁴²⁷, «гоняясь за двумя зайцами» и «чувствуя себя бодрее и довольнее собой, что у него два дела (...)» (П. 2, 326)⁴²⁸. Хотя многие советовали ему оставить медицину, чтобы полностью сосредоточиться на литературной деятельности, советов такого рода Чехов не слушал: «Медицина – моя законная жена, литература – незаконная. Обе, конечно, мешают друг другу, но не настолько, чтобы исключить друг друга (...)» (П. 5, 169-170)⁴²⁹.

В своей автобиографии Чехов писал, что не помнит по каким соображениям он выбрал медицину, но он не раз подчеркивал, насколько врачебная деятельность и медицинские знания помогли ему как писателю. Благодаря медицинской практике он имел возможность непосредственно наблюдать за людьми, знакомиться с самыми разными характерами, поведением и ситуациями человеческой жизни.

Чехов поступил на медицинский факультет в 1879 г.. В то время преподавали блестящие клиницисты и видные ученые – среди них гигиенист Ф.Ф. Эрисман, труды которого Чехов подробно будет изучать перед своей поездкой на каторжный остров и на приведенные в этих трудах гигиенические нормы будет ссылаться в своей книге «Остров Сахалин»⁴³⁰, акушер-гинеколог В.Ф. Снегирев, гистолог А.И. Бабухин, патолог А.Б. Фохт, а также терапевты А.А. Остроумов и Г.А. Захарьин⁴³¹. Именно Захарьин со своим методом индивидуализации каждого отдельного случая сильно повлиял на студента Чехова, который сравнивал значительность Захарьина в области медицины с значительностью Толстого в литературе⁴³². Будучи еще студентом, Чехов во время каникул помогал в Чикниской земской больнице, где мог наблюдать за работой врачей, ухаживать за больными и таким образом ознакомиться с лечением самых разных заболеваний⁴³³.

⁴²⁷ Цитируется по *Казанцев Н.К.*, А.П. Чехов как медик // Клиническая медицина № 22 (1929), С. 1393.

⁴²⁸ Письмо Суворину от 11.9.1888.

⁴²⁹ То же сравнение было использовано уже несколько лет назад в письме Суворину от 11.9.1888: «Медицина – моя законная жена, а литература – любовница» (П. 2, 326).

⁴³⁰ *Меве*, С. 22.

⁴³¹ *Мирский*, Доктор Чехов. С. 15; к деятельности Захарьина *Самойлов*, С. 119-121.

⁴³² Письмо Чехова Суворину от 15.10.1889: «В русской медицине он (Боткин – *К.Т.*) то же самое, что Тургенев в литературе (...) Захарьина я уподобляю Толстому» (П. 3, 264); см. также автобиографический очерк, переданный Чеховым Вл. Тихонову: «Из писателей предпочитаю Толстого, из врачей Захарьина».

⁴³³ *Рейфилд Д.*, Жизнь Чехова. М., 2007. С. 108.

После окончания университета в 1884 г. Чехов сразу не только начал работать в больницах, но и занимался частной практикой в Москве⁴³⁴. В 1890 г. Чехов совершил поездку на Сахалин, чтобы «немножко zapлатить своей медицине» (П. 4, 31)⁴³⁵. Что толкнуло писателя на этот шаг до сих пор остается неизвестным и догадки продолжают до наших дней, но медицина, несомненно, была важным фактором при принятии решения поехать на Сахалин. Ведь именно произведение «Остров Сахалин» – это рассказ, в котором с первой до последней страницы слышен врач, описавший бледноту сахалинских детей, ослабление детского организма от низкой температуры, плохой пищи, объяснявший широкое распространения чахотки среди населения неблагоприятными условиями жизни, тяжестью каторжных работ, суровым климатом, всякими лишениями, недостатком жиров в пище, тоской по родине и т.д.. Чехов намеревался защитить диссертацию, что дало бы ему возможность приобретения ученой степени доктора медицины, и таким образом чтения лекций в университете.

В начале 90-ых гг. Чехов принимал участие в оказании помощи голодающим в Нижегородской и Воронежской губерниях⁴³⁶. Писатель купил участок в Мелихове и интенсивно занялся не только врачебной деятельностью, но и посвятил себя борьбе с холерной эпидемией и санитарным исследованиям⁴³⁷, а также общественной работе, уделяя особое внимание народному здравоохранению и просвещению⁴³⁸. Несмотря на интенсивную врачебную практику и общественную деятельность, именно мелиховский период считается и периодом активной литературной деятельности писателя. Именно жизнь в Мелихове дала ему много впечатлений для его произведений, как он по всей видимости и сам ожидал, потому что писал, приобретая участок: «Если я врач, то мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке с мангусом. Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек» (П. 4, 287)⁴³⁹.

⁴³⁴ Шубин, С. 38; Шульцев, С. 121; Мирский, Доктор Чехов. С. 69-71; Хижняков, С. 10.

⁴³⁵ Письмо Суворину от 9.3.1890; поездка Чехова на Сахалин была объяснена по разному – ее объясняли литературным разочарованием, творческим и идейным кризисом, недовольством собой, ощущением необходимости гражданской деятельности, желанием убежать от повседневной жизни и т.д; см. Громов М.П., Чехов, М. 1993, С. 237; Труайя С. 173; Rayfield D., Understanding Chekhov – A Critical Study of Chekhov's Prose and Drama. Wisconsin, 1999. С. 93; Меве, С. 104; Мирский, Доктор Чехов. С. 49.

⁴³⁶ Гейзер И.М., Чехов и медицина. М.1954. С. 37; Разумовский С. 63; Рейфилд, С. 315-318.

⁴³⁷ Гейзер, Чехов. С. 51; см. подробнее Виноградова К.М., Чехов в Мелихове. М., 1959. С. 31- 64.

⁴³⁸ Шубин, С. 44.

⁴³⁹ Письмо Суворину от 20.10.1891.

Чехов хотя и не написал «Записок врача», как его коллеги Вересаев, и позже Булгаков, тем не менее он создал в своих произведениях картину медицинского мира своего времени. Многие из вопросов и проблем, затронутых Вересаевым в его «Записках», обсуждает в своих произведениях и Чехов, хотя делает это обычно мимоходом, и без каких-либо медицинских подробностей и клинических деталей. В отличие от Вересаева, который в своем более публицистическом произведении обсуждает данные вопросы прямо и конкретно, у Чехова, который несомненно из личного опыта был знаком с большинством описанных Вересаевым переживаний, данные вопросы и проблемы не акцентируются явно, но обнаруживаются в одном из слоев проблематики произведения. В творчестве Чехова медицинская тематика играет большую роль, причем В.Ф. Стенина показала, что присущая данной тематике функция имеет большие отличия если сравнивать раннее и позднее творчество писателя. В раннем периоде процесс лечения часто оказывается в центре повествования⁴⁴⁰, между тем как в произведениях конца 80-ых начала 90-ых гг. ситуация «болезнь-лечение» становится лишь фоном для постановки общих и философских проблем. Это, по мнению исследовательницы, может быть объяснено тем, что ситуация болезни иногда ставит пациента и врача на грань между реальным и потусторонним миром, и таким образом, наделяет их особыми знаниями и опытом, которые позволяют им задуматься над жизнью и философскими вопросами⁴⁴¹.

У самого Чехова были очень высокие требования к человеку, посвятившему себя медицине: «Профессия врача – это подвиг, она требует самоутверждения, чистоты души и чистоты помыслов. Надо быть ясным умственно, чистым нравственно и опрятным физически»⁴⁴². Тем не менее, образы врачей в его произведениях часто далеки от его идеала медицинского работника: целую галерею врачей, созданных писателем, на

⁴⁴⁰ Стенина В.Ф., Мифология болезни в прозе А.П. Чехова, Дисс....канд.филолог.наук. Самара, 2006. С. 97. Стенина классифицирует произведения с данным сюжетом на те, в которых ситуация болезни и лечение является ядром повествования, к которым относит, например, рассказы «Симулянты» и «Хирургия», а также, где болезнь определяется наличием в тексте больного или доктора, который занят, однако, не медициной, как например, в рассказах «Страшная ночь», «Perpetum mobile» или «Надлежащие меры»; также произведения, в которых мифологема болезни выражена неконкретно или вербальным описанием недуга («человек без селезенки»), или фамилиями, которые говорят сами за себя (например Недорезов, Синерылов или Трупов), а также где болезнь описана сравнительным оборотом, репрезентирующим недуг («пьянистый, как тиф, стол» в рассказа «Справки»), см. Стенина С. 107-108.

⁴⁴¹ Там же. С. 192, 194, 198.

⁴⁴² Цитируется по Шубин, С. 66.

первый взгляд, соединяет лишь их профессия, а по своей натуре они являются равнодушными, спокойными, нервными, альтруистическими, эгоистическими⁴⁴³. Чехов показал различные типы врачей: самоотверженных идеалистов, полностью преданных своей профессии и обществу, интеллигентных, честных и трудолюбивых; карьеристов, эгоистов, хамов, работающих только для личной пользы или просто равнодушных к своему окружению.

В данной работе подробнее будут рассматриваться лишь избранные образы врачей и прежде всего образы врачей из более позднего периода творчества писателя.

5. Изображение врачей в произведениях – общие вопросы

5.1. Отношение общества к врачам – на примере произведений «Записки врача», «Зеркало» и «Враги»

В «Записках врача» Вересаев уделяет особое внимание преобладающим представлениям о медицине, а также отношению общества к врачам. Вопрос этот очень важный, так как восприятие врача обществом влияет и на то, как себя видит и сам врач. Общее доверие или недоверие, уважение или презрение к медицинским деятелям сказываются и на самоопределении врачей. Как подчеркивает Т.А. Ковелина, врач в мире своей профессии оценивает как результаты и значимость своего труда, так и степень собственной свободы, свою нужность обществу, и представления о самом себе⁴⁴⁴. Следовательно, не подлежит сомнению, что профессиональная группа, считающая свои труды недостаточно оцененными обществом, будет чувствовать себе использованной и, быть может даже оскорбленной, что может повлиять и на то, с какой мотивацией ее представители будут практиковать свою врачебную деятельность. Многие из того, что обсуждается в «Записках врача» в данном контексте, остается актуальным и в наше время, хотя безусловно надо учитывать, что за последние столетия в области медицины и организации здравоохранения многое изменилось.

Вересаев указывает на то, что в обществе царит сильное недоверие к медицине (1, 354). Я придерживаюсь мнения, что при объяснении причин надо проводить

⁴⁴³ Степанов А.Д., Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005. С. 196.

⁴⁴⁴ Ковелина, С. 18.

различие между сельским населением, которое до второй половины XIX века не имело никакого доступа к медицинской помощи, и из-за непривычки и засилья других, традиционных способов лечения относилось к врачам с недоверием⁴⁴⁵, а также представителями остальных слоев общества, для которых медицинская помощь была доступна и до развития земской медицины. Но даже среди последних, как замечает Вересаев, преобладала часто служащая предметом карикатур недоверчивость к медицине и врачам: «Здоровые люди говорят о медицине и врачах с усмешкою, больные, которым медицина не помогла, говорят о ней с ярою ненавистью» (1, 354). Больные и все люди вообще, естественно, всегда надеются и ожидают, что медицина им поможет. Эти ожидания, однако, оправдываются не в каждом случае: медицина в некоторых ситуациях оказывается беспомощной и не оправдывает ожиданий ни пациента, ни самого врача. Если врач ввиду этой беспомощности может потерять веру в пользу своей деятельности, то больной все свое разочарование и отчаяние часто направляет против врача и медицины вообще: «Медицина не оправдывает ожиданий, которые на нее возлагаются, – над нею смеются, и в нее не верят (...) человек, обучившийся этой науке (медицине – *К.Т.*), должен безошибочно узнавать и вылечивать болезни; если он этого не умеет, то либо сам он плох, либо его наука никуда не годится» (1, 355/356). Общество, подобно начинающему молодому герою «Записок», ждет от медицины все, и если она не помогает, то отрицает ее совсем. Вересаев это объясняет тем, что люди не имеют понятия об организме человека и о том, что каждый больной представляет собой новую, неповторимую болезнь, в которой и самому врачу иногда тяжело разобраться: «Люди не имеют даже самого отдаленного представления ни о жизни своего тела, ни о силах и средствах врачебной науки. В этом – источник большинства недоразумений (...)» (1, 356).

Неадекватное представление общества также наблюдается и в отношении к самым врачам. Образ врача в первую очередь является вследствие исторических и культурных обстоятельств созданным творением культуры, и в русской культуре врач –

⁴⁴⁵ См. *Капустин М.Я.*, *Земская медицина* // *Энциклопедический словарь*. СПб., 1894. Т. 12. С. 482: «В половине 60-х гг. (...) правильная врачебная помощь существовала почти исключительно в городах (...) Крестьяне видели докторов только при рекрутских наборах и при выездах на вскрытие мертвых тел, т.е. при обстоятельствах, наводивших на население панический страх (...) Врачи были по большей части немцы или поляки, что затрудняло их сближение с народом». Подробнее далее в связи с рассказом «Без дороги».

прежде всего человек долга и высокой моральной ответственности⁴⁴⁶. Представления общества о врачах, таким образом, основываются на гиппократовском образе, который выражается в необходимости борьбы за жизнь человека до конца, и, прежде всего, в бескорыстном служении людям⁴⁴⁷. Вересаев обращает внимание на то, что врач – не святой, а прежде всего обычный человек, с такой же жизнью как у остальных. «Обществу известны светлые образы самоотверженных врачей-бессребреников, и такими оно хочет видеть всех врачей (...) Средний врач есть обыкновенный средний человек, и от него можно требовать лишь того, чего можно требовать от среднего человека» (1, 406). Тем не менее, от врача, больше чем от представителей других профессий, ожидается и невозможное – в представлении общества он должен оказывать помощь всегда, когда в ней нуждаются, не обращая внимания на то, нужна ли эта помощь ночью или днем, в праздник, или в тот день, если и сам врач плохо себя чувствует.

Вересаев приводит пример уволенного со службы земского врача по причине смерти его пациента. Врач, после тяжелых продолжавшихся всю ночь родов, был полностью лишен сна. На следующий день после приема огромного количества пациентов, доктор позволил себе выпить вечером с друзьями. К больному старику, который послал за доктором, тот по причине своего пьяного состояния и утомленности отказался ехать, два раза послав лишь фельдшера. Фельдшер больному помочь не смог. Вересаев упоминает «Врачебный устав», по которому «всякий врач обязан по приглашению больных являться для подания им помощи (...) кто это не сделает (...) за такую неисправность и неуважение к страдавшему человечеству, подвергается штрафу (...) и к аресту (...)» (1, 410). «Но» – спрашивает себя герой-врач «Записок» – «неужели страдания человечества исчерпываются одними внезапными заболеваниями людей, и только в этом случае им нужна скорая безотлагательная помощь?» (1, 410). Если бесприютный человек замерзает в подъезде не занятой квартиры или умирает под окнами булочной, и никто ему не поможет, никто не будет наказан, но «если врач, истомленный дневным трудом и предыдущей бессонной ночью, откажется поехать к больному, является закон и запрятывает "бесчеловечного" врача в тюрьму» (1, 411). Как к медицине вообще, так и к врачам, общество предъявляет высокие требования – врач

⁴⁴⁶ Ковелина, С. 47-49.

⁴⁴⁷ Там же. С. 34.

видится как самоотверженный идеалист, который всегда может помочь и готов к самопожертвованию во имя своей профессии.

Не случайно, как показала В.Ф. Стенина⁴⁴⁸, в творчестве Чехова постоянно ставится под сомнение «человекоподобие», «нормальность» и «обычность» докторов и их работы: так, например, Надежда Николаевна из рассказа «Perpetuum mobile» восхищается врачами: «Я (...) благоговею перед докторами. Это *особенные* люди, *святые* люди» (2, 325); доктор из рассказа «Месть женщины» в свою очередь замечает: «Станный у вас, у публики, взгляд на труд врачей... ей-богу, странный... *Словно мы и не люди, словно наш труд не труд...*» (2, 331). В пьесе «Дядя Ваня» профессор Серебряков отзывается о докторе Астрове как о юродивом, подчеркивая, таким образом, его отчужденность от остального мира. Герой булгаковских «Записок юного врача», четверть века спустя, оправдывает себя перед читателем за прошенную им вторую рюмочку в день своего рождения, показывая на то, что он обычный человек: «(...) Ведь врач (...) *мы тоже люди!* Мы не видим целыми месяцами никого, кроме больных. Мы работаем (...)» (2, 321) /курсив везде мой – К.Т./.

Проблему высоких требований к врачу Чехов поднимает прежде всего в произведениях «Зеркало» (1885) и «Враги»⁴⁴⁹ (1887). В обоих произведениях от врача ожидается, что он поедет к больному, несмотря на то, что он сам находится в чрезвычайной для него личной ситуации.

В рассказе «Зеркало» Нелли приезжает к уездному врачу Степану Лукичу, прося навестить ее больного тифом мужа, который представляет для нее «смысл жизни, личное счастье, карьеру, судьбу» (4, 271). Врач, однако, только что вернулся из района эпидемии, где он работал трое суток и сам заразился тифом. У него высокая температура, ему хочется спать и отдыхать: он физически не в состоянии оказать помощь. Тем не менее, после долгого уговора со стороны Нелли, в нем побеждает «рефлекс врачебного долга»⁴⁵⁰, он едет к пациенту, которому он уже не в силах помочь: приехав в дом Нелли, Лукич находится в таком же состоянии, как и ее муж – он «лежит

⁴⁴⁸ Стенина, С. 107.

⁴⁴⁹ По строению конфликта рассказ «Враги» в литературоведении часто сравнивается с рассказом «Княгиня», см. Семкин А.Д., Моралист или проповедник? (Механизм конфликта и авторское нравоучение в рассказе «Враги») // Чеховиана. Из века XX в XXI: итоги и ожидания. М., 2007. С. 316.

⁴⁵⁰ Шубин, С. 75.

на диване и что-то бормочет», «у него такой же бред (...)» (4, 274).

В рассказе «Враги» описывается та же проблема, как и в рассказе «Зеркало», однако в более обостренной форме, так как по причине необоснованного приглашения врача на дом возникает конфликт между доктором и родственником мнимой больной⁴⁵¹. В этом рассказе Чехов не выдвигает вопрос об отношении общества к врачам на первый план, а применяет его как фон для других, общих вопросов, освещенных им – среди них, вопрос взаимной глухоты, невозможности понять друг друга (которая является наиболее распространенным видом антагонизма у Чехова⁴⁵²), жестокого поведения ослепленных собственным горем людей, психических реакций противоположных типов людей, и механизма формирования категоричных оценок, который часто приводит к взаимной ненависти⁴⁵³.

К земскому врачу Кирилову, только что потерявшего единственного сына от дифтерита, приезжает помещик Абогин. У Абогина заболела жена, он просит доктора поехать с ним. Но Кирилов, потрясенный смертью своего ребенка, сначала не понимает, чего посетитель хочет от него, затем сопротивляется ехать. Он не в состоянии думать и некоторое время даже игнорирует присутствие Абогина: «(...) в эти минуты у него не было ни намерений, ни желаний, ни о чем он не думал и, вероятно, уже не помнил, что у него в передней стоит чужой человек» (6, 32). Но Абогин умоляет доктора, апеллирует к его человеколюбию, говорит «несколько фраз о высоком призвании врача, о самопожертвовании и проч.» и обещает доставить его туда и обратно в один час (6, 35-36). Кирилов, зная, что «По XIII тому законов обязан ехать», наконец соглашается, хотя «не годен ... Даже говорить не в состоянии ...» (6, 35). Приехав в дом Абогина и узнав, что никакой больной жены нет, потому что она обманула мужа и убежала с любовником, Кирилов, по дороге думавший о своей оставшейся одной в тоске жене, чувствует обиду, негодование и гнев. Между оскорбленным и обманутым женой Абогиным и ощущавшим оскорбление и обман со стороны Абогина Кириловым, развивается конфликт, в течение которого оба персонажа говорят много

⁴⁵¹ К механизму развития конфликта с психологической точки зрения см. Семкин, С. 315-326.

⁴⁵² Катаев, Проза Чехова. С. 186-203. Исследователь указывает на то, что Чехов в таких ситуациях указывает на общность и скрытое сходство героев, приходящих в столкновение, убеждены в абсолютной противоположности своих правд.

⁴⁵³ Покусаев Е.И., Об идейно-художественной концепции рассказа А.П. Чехова "Враги" // От "Слова о полку Игореве" до "Тихого Дона". Сборник. Л., 1969. С. 187; также Семкин, С. 315. Семкин обсуждает сходства между рассказом «Враги» и рассказом «Княгиня».

несправедливого и неправдивого: прежде всего, врач упрекает Абогина за оскорбление, издевательство над человеческими страданиями и глумлением над личностью.

Рассказ «Враги» был расценен современниками и исследователями по разному – с точки зрения медицины⁴⁵⁴, социальной психологии⁴⁵⁵, и в советском литературоведении прежде всего с точки зрения классового конфликта⁴⁵⁶. Преобладающим мнением было то, что Чехов стоит на стороне врача Кирилова, который действительно описан с большой теплотой и сочувствием. Однако, нельзя без оговорок согласиться с мнением некоторых авторов, что Чехов показывает, что «Трагедия Кирилова не сопоставима с сентиментальными Абогина» и что «глубокое человеческое горе оскорблено пошлостью»⁴⁵⁷, что автор однозначно стоит на стороне врача⁴⁵⁸. В конкретной ситуации Абогин ничем не виноват: он, несмотря на все внешние отличия от Кирилова, находится в такой же ситуации⁴⁵⁹. И Абогин испытывает горе – его подлым способом покинула жена. И хотя, конечно, потеря ребенка – ни с чем не сравнимое несчастье, тем не менее и горе Абогина в тот момент большое (хотя нельзя не упомянуть, что Абогина более чем фактом, что его разлюбила жена, потрясен ее обманом). Абогин, приехав к доктору, искреннее боялся за жизнь жены и никакой пошлости или оскорбления в его поведении нет. В последнее время рассказ был интерпретирован тем образом, что Чехов не только не обвиняет Абогина в возникшем конфликте, но и возлагает большую часть вины на Кирилова, расценивая его поведение несправедливым⁴⁶⁰. Внимание при этом уделяется концу произведения, где Чехов не ставит точку, изобразив возникший между «врагами» и вызванный «эгоизмом несчастных» конфликт, а возвращается к доктору Кирилову. Это, вместе с прямым, в позднем творчестве Чехова отсутствующим авторским указанием на ложность представления или несправедливость реакции героя⁴⁶¹ и содержащей в последнем

⁴⁵⁴ Задера Г.П., Медицинские деятели в произведениях А.П. Чехова // Нива № 10 (1903), цитируется по ПССиП (6, 630).

⁴⁵⁵ Арсеньев К., Беллетристы последнего времени // Вестник Европы № 2 (1887), С. 770; цитируется по ПССиП (6, 630).

⁴⁵⁶ Ермилов В.В., А.П. Чехов. М., 1954.

⁴⁵⁷ Шубин, С. 76.

⁴⁵⁸ Мирский, Доктор Чехов. С. 145.

⁴⁵⁹ Также Паперный З.С., Враги // Чеховиана: Чехов в культуре XX века. М., 1993. С. 59-69.

⁴⁶⁰ Семкин, С. 315-327; также Катаев В.Б., Боборыкин и Чехов (К истории понятия «интеллигенция» в русской литературе // Русская интеллигенция – история и судьба. М., 1999. С. 393.

⁴⁶¹ Катаев, Проза Чехова. С.61.

абзаце моралью⁴⁶², приводится как подтверждение того, что Чехов приписывает Кирилову тягчайшую вину в конфликте.

Существенно, что для изображения конфликта такого рода Чехов выбрал именно ситуацию «врач-пациент-общество». Подобный сюжет мог быть создан и в условиях другой обстановки, с другими лицами. Не подлежит сомнению, что писатель выбрал фон действия по причине актуальности темы – как отмечено в примечаниях к ПССиП, в этом произведении нашли отражение вопросы, обсуждавшиеся на втором съезде русских врачей, который состоялся в 1887 году. На этом съезде обсуждался именно «вопрос об отношении (...) общества к врачам»⁴⁶³, а также о «необеспеченности населения врачебной помощью»⁴⁶⁴. Как точно заметил Г. Задёра: «(...) Тема эта (конфликт между врачом и пациентом – *К.Т.*) весьма жгучая, имеющая серьезное общественное значение. Публика то и дело жалуется на формализм врачей и отсутствие у них гуманности, врачи обвиняют публику в эксплуататорских поползновениях на их труд, свободу и т.д.»⁴⁶⁵.

Отношение между врачами и обществом в то время было очень актуальной темой, над которой размышляли и Вересаев, и Чехов. Как в рассказе «Враги», так и в рассказе «Зеркало», врачи находятся в такой ситуации, в которой бы каждого другого человека оставили в покое – никто бы не ожидал ни от заболевшего тифом человека с температурой почти 40 градусов, ни от только что потерявшего ребенка отца прихода на работу – их бы оставили в покое, чтобы выздороветь или вместе с женой оплакать потерю сына. Но Лукич и Кирилов – врачи: их деятельность состоит в лечении и спасении других. И в обоих рассказах есть больной тифом муж, и больна аневризмом жена⁴⁶⁶, которым срочно нужна врачебная помощь. Ситуация обострена тем фактом, что и для Нелли, и для Абогина даже нет другой возможности, как беспокоить Лукича и Кирилова – в обоих ситуациях другого врача нет: земский доктор живет около 80 верст

⁴⁶² Семкин, С.316; также Катаев, Боборыкин и Чехов. С.392-395.

⁴⁶³ Н.Н.В.(Вакуловский – *К.Т.*), По поводу предстоящего съезда врачей в Москве // Русский курьер № 2 (1887), цитируется по ПССиП (6, 630).

⁴⁶⁴ Н.Н.В.(Вакуловский – *К.Т.*), Второй съезд русских врачей // Русский курьер № 13 (1887), цитируется по ПССиП (6, 630).

⁴⁶⁵ Задера Г.П., Медицинские деятели в произведениях А.П. Чехова // Нива № 10 (1903), цитируется по ПССиП (6, 630).

⁴⁶⁶ Факт, что никакой больной нет, не меняет исходную ситуацию, т.е. ситуацию, в которой от врача, несмотря на личное горе и проблемы, ожидается оказание помощи, а приобретает значение лишь в связи со следующим конфликтом.

от дома Нелли (4, 273), а у Абогина альтернативы нет совсем: «Судите сам, к кому мне ехать? Ведь, кроме вас, здесь нет другого врача» (6, 32). Описание ситуаций типично для Чехова и находится в полном согласии с его высказыванием, что «Художник должен быть не судьей своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем» (П. 2, 280). Ситуации описаны не черно-белыми красками, а так, что для читателя становится совершенно понятным поведение родственников, требующих от врача помощи: для них врач – единственная надежда на спасение их близких. Ведь каждый в состоянии страха потери близкого ему человека сделал бы все возможное, чтобы его спасти, прибегая при этом и к крайним средствам. Таким образом, в обоих произведениях окончательная оценка происходящего между врачом и родственником больного полностью предоставляется читателю⁴⁶⁷.

Вероятно, Чехов при описании поведения отчаянных родственников использовал свой опыт врача – не подлежит сомнению, что с похожими ситуациями он столкнулся не раз. Поэтому не удивляет, что поведение Нелли и Абогина во многом соответствует друг другу. Оба персонажа в течение диалога проходят несколько фаз своего беспокойного состояния, между тем как врачи пребывают в более или менее неподвижном состоянии. В отношении рассказа «Враги» А. Семкин говорил о диалоге, протекающем «в режиме одностороннего общения», т.е. общения только со стороны посетителя⁴⁶⁸. Такая композиция диалога присутствует и в рассказе «Зеркало»: так, придя к постели спящего Лукича, Нелли сперва плачет, затем заставляет врача поехать с ней, и, задышавшись, объясняет не только болезнь мужа, но и свой невыразимый страх. Увидев неготовность доктора ехать, умоляет его и обещает деньги. Также Абогин, объясняя Кирилову происходящее дома, находится в возбужденном состоянии – он дышит быстро и говорит дрожащим голосом (6, 30). Врачи, с другой стороны, из-за физического изнеможения в одном, и психического потрясения в другом случае, не реагируют на волнения пришедших – Лукич спит, затем смотрит сонными и неподвижными глазами на Нелли и объясняет, что не может с ней поехать, показывая ей термометр, и с жадностью выпивая стакан холодной воды; Кирилов долго молчит, «как будто бы не понимал русской речи» (6, 32), апатично сообщает о смерти сына, затем

⁴⁶⁷ Это относится лишь к исходной ситуации требования визита доктора; вопрос, содержит ли конец рассказа «Враги» мораль в смысле осуждения Кирилова не принимается во внимание.

⁴⁶⁸ Семкин, С.319.

уходит в другую комнату.

В поведении Абогина и Нелли Чехов однако показывает и разницу между ними – если первый проявляет сочувствие горю врача, на момент колеблется, уйти или нет («(...) взялся за ручку двери (...) не знал, что делать (...)») и чувствует себя неловко («(...) мне стыдно, что в такие минуты пытаюсь овладеть вашим вниманием» (6, 32)), то последняя на болезнь и лихорадку доктора не реагирует: для спасения мужа она способна забыть все сочувствие, думает о своем горе и уверена, что «если бы он (доктор – *К.Т.*) знал, как дорог для нее муж и как она несчастна, то забыл бы и утомление, и свою болезнь» (4, 273). В дальнейшем Нелли грозит Лукичу судом и напоминает ему, что он обязан ехать, чувствуя, однако, что она несправедлива. Абогин же апеллирует к чувствам Кирилова, говоря, как-будто между прочим, «несколько фраз о высоком призвании врача, о самопожертвовании» (6, 35). И именно этим одним, почти незаметным, предложением, а также словами Нелли – «(...) Человек для ближнего должен жертвовать жизнью, а вы... вы отказываетесь поехать!» (4, 273), которыми она выражает негодование о том, что Лукич не готов пожертвовать собой ради спасения ее мужа – Чехов, по-моему, выражает преобладающие в обществе представления о врачах: самопожертвование и высокое призвание врача. Эти главные качества, упомянутые и Вересаевым, были определены как основные качества медицинского деятеля. Доктор, не соответствующий этим представлениям, какими бы не были его причины, не всегда встречает понимание со стороны общества: его назовут негуманным, бессердечным и эгоистичным. Вересаев приводит пример матери, которая в волнении за состояние заболевшего воспалением легких сына практически необоснованно на протяжении ряда дней заставляет врача посещать мальчика не только несколько раз в день, но и ночью. Подобное поведение родственников, конечно, понятно всем – эта мать, а также Абогин и Нелли боятся за жизнь своих близких, которые для них важнейшие люди в мире.

Врачи уже по одному выбору своей профессии, цель которой состоит именно в сохранении здоровья, продлении жизни, избавлении от болезни и, в целом, помощи другим, в большей степени проявляют готовность служить своим согражданам, чем представители других профессий. Поступив на медицинский факультет, они обычно чувствуют призвание к этому роду деятельности и, как правило, соблюдают врачебную этику. Даже Кирилов и Лукич, несмотря на их состояние, в конце концов сдаются и

решают посетить больного. У них проявляется долг в смысле «осознания профессиональных требований как добра и блага для других»⁴⁶⁹. Но наступают, конечно, и у врачей моменты, когда они, утомленные ежедневной работой и заботами, чувствуют, что делают благо больше остальных, и по причине этого постоянного требования от них помощи и постоянных высоких ожиданий, могут ощущать некоторую эксплуатацию со стороны общества.

Как будет чувствовать себя врач, который, как доктор Астров из пьесы, не первый раз «сломя голову скакал тридцать верст» (13, 69) по вызову больного, потом отказывающегося его принять? Или врач, диагноз и советы которого игнорируются больным, убежденным, что тот «столько же понимает в медицине», как он сам в астрономии, как в пьесе «Дядя Ваня»? Астров жалуется: «Я ему говорю – подагра, а он – ревматизм; я прошу лежать, он сидит» (13, 83). Вересаев приводит пример матери, вмешивающейся в процесс лечения и требующей от врача менее «шаблонного» лечения. Возможно у человека, сталкивающегося часто с похожими ситуациями, со временем возникнет чувство, что над ним издеваются и не ценят его труд. Чувство обиды и унижения становится постоянным спутником врача. Существенной в данном контексте является реакция Кирилова, когда он узнает, что к Абогину приехал напрасно: на его лице выражение «горькой обиды, негодования и гнева» (6, 41). Он чувствует себя униженным и оскорбленным, он упрекает Абогина в глумлении над личностью и издевательствах над человеческими страданиями, говоря несправедливые слова. В данной ситуации достоинство, которое В.С. Соловьев определял как личностную характеристику человека, которая «выражается и воплощается в его отношении к тому, что его окружает»⁴⁷⁰, т.е. способность правильно распорядиться собственной свободой, преодолеть пагубные мысли, чувства и мужественно перенести жизненные испытания и трудности, у Кирилова утрачено. Но именно достоинство вместе с самоуважением, не позволяющим врачу допускать грубых слов, унижающих других⁴⁷¹ и поэтому необходимым для врача, по мнению Ковелиной, требует и достойного отношения к нему со стороны общества⁴⁷². Но ведь слова, которые Кирилов говорит Абогину,

⁴⁶⁹ Ковелина, С. 117.

⁴⁷⁰ Соловьев В.С., *Оправдание добра*. М., 1999. С. 578.

⁴⁷¹ Ковелина, С. 126.

⁴⁷² Там же. С. 127.

свидетельствуют о том, что он, независимо от конкретной ситуации, не ощущал такого поведения Абогина по отношению к себе. Все описание Кирилова указывает на его утомленность, чем автор буквально подчеркивает, что он не только потрясен смертью ребенка, но и устал от своей жизни, и от деятельности врача. Вся его наружность «(...) своею черствостью наводило на мысль о пережитой нужде, бездолье, об утомлении жизнью и людьми» (6, 38). На фоне этого следует воспринимать многое из того, что сказано Абогину Кириловым. Кирилов не только чувствует конкретную обиду и оскорбление из-за того, что его, несмотря на смерть ребенка, пригласили на дом, где как оказалось, никакой больной нет, но он выражает и общий взгляд на отношение социального слоя, к которому принадлежит Абогин, к врачам: «Что я лакей, которого до конца можно оскорблять? (...) Я врач, вы считаете врачей, и вообще рабочих, от которых не пахнет духами и проституцией, своими лакеями и моветонами» (6, 41). Это высказывание выражает сложившееся в нем за годы своей работы впечатление, что люди сорта Абогина не уважают и недооценивают труд врачей. Кроме того, вспомним, что профессия врача, если не учитывать иностранных городских докторов, в России долгое время считалась непрестижной, что, быть может, также закрепились в головах и у следующих поколений врачей. Как было показано в первой главе, медицинскую профессию выбирали прежде всего представители небогатых слоев общества. Все эти факторы необходимо принимать во внимание при вопросе о самоопределении врачей, а также в связи с реакцией Кирилова, чувствующего себя оскорбленным со стороны не оскорбившего его Абогина.

Осознание того факта, что от врачей могли потребовать помощи в любой час, несомненно вызывало у них чувство постоянной напряженности, а также чувства, что они работают без перерыва. Эта постоянная готовность к работе в любое время суток, стирающая грань между свободным и рабочим временем, и отсутствующая у представителей других профессий, часто показана в произведениях писателей. Так, Кирилову, только что потерявшему своего сына, больному тифом Лукичу, Астрову, который очень хотел остаться на обед у Серебряковых и выспаться, земскому врачу из «Записок врача», несмотря на то, что его сын болен скарлатиной, и многим другим героям приходится посещать больного в ситуациях, в которых большинство людей и не думали бы совсем о своей работе. Покой они не находят даже ночью, как подтверждает

Астров, говоря, что «(...) ночью лежишь под одеялом и боишься, как бы к больному не потащили» (13, 63).

Комическое описание ненормированного рабочего дня и врачебного труда представлено на страницах рассказов из цикла «Записки юного врача» Булгакова, где доктора, который первый раз спустя месяц находит время, чтобы выкупаться, практически прямо из корыта вытаскивают в сани, чтобы во время вьюги отправиться в дорогу к больной. В другом эпизоде врача вызывают, когда он бреется, и ему приходится весь день ходить с полубритым лицом. Лишь доктор Рагин, давно отказавшийся не только от частной практики, но и от первичного призвания врача помогать больным, может ежедневно уходить из больницы с «приятною мыслью, что, слава богу (...) ему никто не помешает» (8, 86).

Высокие требования и неуважение труда врача со стороны общества, вместе с тяжелыми условиями работы и жизни, приводило к тому, что врачи начали видеть себя использованными жертвами, непонятыми своим окружением. Действительно, в произведениях Чехова не раз встречаются высказывания героев-врачей, подчеркивающие усталость, перегрузку работой, переутомление, разочарование и равнодушие⁴⁷³. Следует, таким образом, согласиться с В. Стениной, которая приходит к выводу, что в зрелой чеховской прозе обостряется как тема крайнего утомления доктора, так и непонимания окружающими особой тяжести его деятельности⁴⁷⁴.

В наши дни врачи также характеризуют свою профессию как тяжелый труд, сравнимый с трудом шахтера и металлурга⁴⁷⁵. Но, положение врачей, и прежде всего земских, в конце XIX века было намного труднее, что было наглядно описано Чеховым: «...прослужить врачом в земстве 10 лет труднее, чем 50 быть министром» (П. 7, 251). По причине недостаточного числа медиков, на одного участкового врача в среднем приходилось 15 тысяч человек, а разъезды часто превышали 15 вёрст⁴⁷⁶. Целый ряд земских врачей в произведениях Чехова жалуется на тяжелые условия работы и утомленность: «В десять лет я другим стал (...) заработался (...) От утра до ночи все на ногах, покою не знаю (...) За все время (...) у меня ни одного дня не было свободного»

⁴⁷³ Также Степанов, Проблемы коммуникации. С. 197.

⁴⁷⁴ Стенина, С. 195.

⁴⁷⁵ Ковелина, С. 58-59.

⁴⁷⁶ Меве, С. 209.

(13, 63), – говорит Астров; «Я работаю от утра до ночи, отдыха не знаю, я нужнее здесь (...) я потерял на работе здоровье (...)» (7, 153), – узнаем от доктора Овчинникова в рассказе «Неприятность». «Целый день то в больнице, то в разъездах, (...) не только что к любимой женщине съездить, но даже книжку не прочитать. Десять лет ничего не читал! (...)» (7, 492), – изливает свое горе доктор Соболев из рассказа «Жена». Буквально теми же словами жалуется земский врач, о котором говорит герой из вересаевских «Записок»: «Больные приходят, когда хотят, и днем, и ночью, как откажешь? (...) Участок у меня в пятьдесят верст, два фельдшерских пункта в разных концах, каждый я обязан посетить по два раза в месяц. Спишь и ешь черт знает как. И это изо дня в день, без праздников, без перерыву» (1, 413), а также сам герой: «Для меня нет праздников, нет гарантированного отдыха; каждую минуту, от сна, от еды, меня могут оторвать на целые часы, и никому нет дела до моих сил. И вот с каждым годом все больше обращаешься в развалину-неврастеника; пропадает радость жизни и любовь к ней; пропадает, еще страшнее, отзывчивость и способность горячо чувствовать» (1, 420).

Прежде всего, земским врачам пришлось не только справляться с тяжелым образом жизни и возложенными на них ожиданиями и требованиями. Им также пришлось постоянно добиваться доверия сельского населения. Кроме того, конфликты возникали часто между врачами и земскими деятелями, прежде всего из-за профилактики, способов лечения и количества употребляемых лекарств. Вспоминаются письма Чехова, написанные им в Мелихове – «Земство отличается медлительностью и всю тяжелую организаторскую работу взвалило на врачей», «Земство не дало мне на организацию пунктов ни копейки, клячу у богатых людей то того, то другого (...)» (П. 5, 104). О проблемах бюрократии речь идет в его рассказе «Много бумаги» (1886), в котором земскому врачу нужно закрыть школу, чтобы избежать эпидемии скарлатины. Но ему приходится бороться с бюрократией земства – и лишь после двухмесячной, затяжной корреспонденции с органами власти, когда эпидемия давно распространилась по участку, ему разрешается закрыть школу.

Слишком высокие требования к врачам и возможностям лечения со стороны общества, связанное с этим моральное давление на врачей, чувство, что они работают больше чем представители других профессий, тяжелые условия жизни и работы, а также конфликты с земскими деятелями, от которых зависела деятельность врачей, как

и не всегда простые отношения с народными массами – все эти обстоятельства приводили к тому, что врачи испытывали непонимание со стороны своего окружения, и как следствие, часто чувствовали одиночество. Но так как в произведениях Чехова и Вересаева от одиночества страдают не одни только врачи, обратимся к этому явлению позже, в связи с общественным настроением интеллигенции данного периода, однако не без того, что и приведенные обстоятельства при этом сыграли значительную, недооцениваемую роль.

5.2. О равнодушных врачах

Герой «Записок» подробно описывает процесс привыкания к страданию, а также меняющееся отношение к своим пациентам. В начале своей врачебной практики он сильно переживает увиденные страдания больных и находится в состоянии постоянного волнения: «Неожиданное ухудшение в состоянии поправляющегося больного, неизлечимый больной, требующий от тебя помощи, грозящая смерть больного, всегдашняя возможность несчастного случая или ошибки, наконец, сама атмосфера страдания и горя, окружающая тебя, – все это непрерывно держит душу в состоянии какой-то смутной, не успокаивающейся тревоги» (1, 398). Такое состояние постоянной напряженности, присущее врачам, иногда ведет к тому, что «хочется бежать, бежать подальше, всех сбить с рук, хотя на время почувствовать себя свободным и спокойным» (1, 398)⁴⁷⁷. Но со временем молодой врач начинает осознавать, что «нужно прежде всего выработать в себе глубокое, полнейшее *безразличие* к чувству пациента. Иначе двадцать раз сойдешь с ума от отчаяния и тоски (...) не нужно ничего принимать к сердцу, нужно стоять выше страданий, отчаяния (...)» (1, 401) /курсив мой – К.Т./. Однако этот процесс оказывается непростым (1, 395-396) и требуется многолетняя практика, пока у врача выработается особенное отношение к больным: «Я держусь с ними мягко и внимательно, добросовестно, стараюсь сделать все, что могу, но – с глаз долой, и с сердца долой (...) "Больной", с которым я имею дело как врач, – это нечто совершенно другое, чем просто больной человек, – даже не

⁴⁷⁷ Хотелось бы указать на письмо Чехова, в котором он подтверждает, что «У врачей бывают отвратительные дни и часы, не дай Бог никому этого. Среди врачей, правда, не редкость невежды и хамы (...) но те отвратительные часы и дни, о которых я говорю, бывают только у врачей, и за сие, говоря по совести, многое простить должно» (П. 4, 262).

близкий, а хоть сколько-нибудь знакомый; за этих я способен болеть душою, чувствовать вместе с ними их страдания; по отношению же к первым способность эта все больше исчезает» (1, 399).

Примеры такого «профессионального» равнодушия приводит и питавший глубокое недоверие к врачам Л.Н. Толстой в повести «Смерть Ивана Ильича», где, однако, эта необходимая для исполнения работы врача дистанция по отношению к больным превышает меру: так, один врач словами «я уже сказал вам то, что считал нужным и удобным (...) Дальнейшее покажет исследование»⁴⁷⁸ упорно игнорирует важнейший для каждого больного вопрос об опасности своей болезни, а другой уже так привык к выражению «что вот вы там чего-то напугались, а мы сейчас вам все устроим», что не может отказаться от него, даже навещая смертельно больного пациента, в отношении которого применяет фразы «вот вы, больные» и «эти больные выдумывают иногда такие глупости»⁴⁷⁹.

Такое развитие врача с течением времени вполне соответствует реальности: как показало исследование 64 врачей (из них 11 психиатров) В. Франклом, за время медицинского обучения цинизм, как правило, возрастает, а гуманность — уменьшается⁴⁸⁰. Циничными во всех областях жизни были описаны и некоторые врачи в произведениях Чехова. Так, Р.-Д. Клуге, изучая образы врачей в драмах Чехова, полагает, что, начиная с доктора Трилецкого («Безотцовщина»), насмехающегося над окружающими его и их нравственными сомнениями, оскорбляющего влюбленную в него студентку Грекову, а также игнорирующего свои профессиональные обязанности, до Чебутыкина, которому «все равно» и который ведет бессмысленные диалоги с Соленым, цинизм врачей, а также презрение, безразличие и насмешка с их стороны в отношении к другим людям проходят красной нитью сквозь все драматические произведения писателя. Клуге подчеркивал, что этот феномен объясняется тем, что

⁴⁷⁸ Толстой Л.Н., Собрание сочинений в 22 томах. М., 1982. Т. 12. С. 78.

⁴⁷⁹ Толстой, С. 94-96; нельзя не обратить внимание на то, что Толстой такого рода безразличие находит не только у врачей — сам Иван Ильич по собственной работе в суде хорошо знаком с таким отношением к подсудимым. Таким же образом, в романе «Воскресение» перед процессом Катюши Масловой председатель суда думает о том, как вечером пойдет в гостиницу с рыженькой швейцаркой-гувернанткой, один из членов суда о том, приготовит ли ему жена после утренней ссоры обед или нет, другой беспокоится о своем катаре желудка, а товарищ прокурор всю ночь не спал, так как провожал друга, много пил и посетил дом терпимости.

⁴⁸⁰ Франкл В., Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 85.

врачи как естествоведы – мировоззренческие материалисты и атеисты⁴⁸¹. Врачи в силу своей деятельности приучены к четкому и объективному наблюдению, их естественные знания и опыт жизни делают из них скептиков, пессимистов или циников, что и отражается в художественных образах врачей⁴⁸². Подобно подчеркивает цинизм доктора Астрова и П. Долженков не только в отношении к Елене Андреевне, а также к дяде Ване, который собирается покончить с собой⁴⁸³: «Пришла охота стрелять, ну, и палил бы в лоб себе самому. (...) Какая еще там новая жизнь! Наше положение, твое и мое, безнадежно. (...) если тебе, во что бы то ни стало, хочется покончить с собой, то ступай в лес и застрелись там. Морфий же отдай, а то пойдут разговоры, догадки, подумают, что это я тебе дал... С меня же довольно и того, что мне придется вскрывать тебя... Ты думаешь, это интересно? (13, 107-108).

В психологии признано, что профессия отражается на характере человека: «(...) профессия может постепенно существенно изменить характер человека. (...) Поэтому когда у людей определенной профессии заметны какие-то общие черты характера, их специфика может быть обусловлена (...) влиянием профессиональной роли (...)»⁴⁸⁴. Хотелось бы подчеркнуть, что и сам Чехов связывал профессию врача с цинизмом, как показывает его письмо Суворину: «(...) но даже чисто *по-медицински*, т. е. до *цинизма*, убежден, что от жизни сей надлежит ожидать одного только дурного – ошибок, потерь, болезней, слабости и всяких пакостей (...)» (П. 5, 117) /курсив мой – К.Т./. Предположим, что помимо определенного мировоззрения, присущего врачам по причине научного взгляда на человека, нельзя недооценивать именно тот факт, что они со временем привыкают к страданию.

Факт привычки к чужому страданию и вырабатывающееся вследствие этого дистанцированное отношение к больным отмечается Чеховым как, в принципе, естественное следствие опыта работы и, наверное, механизм защиты самого врача.

⁴⁸¹ Kluge, С. 97.

⁴⁸² Там же. С. 91.

⁴⁸³ Долженков П.Н., Чехов и позитивизм. М., 2003. С. 114-116. Долженков указывает на то, что Чехов, создавая Астрова, имел в виду Базарова: «И об Астрове, и о Базарове можно сказать: "циничный доктор". Оба умны и талантливы, оба работают, имея целью счастье всего человечества. Для Базарова это счастье зависит от науки, ее успехов, для Астрова – от физиологического воздействия окружающей среды (...); исследователь обращает внимание и на текстуальные совпадения со статьей Д.И. Писарева «Базаров».

⁴⁸⁴ Грановская Р.М., Элементы практической психологии. Л., 1988. С. 410.

Ведь доктора Астрова, видимо, обычно относившегося к пациентам и своей работе стойко, совсем сбивает с толку чувство, проснувшееся в нем после смерти стрелочника: «И когда вот не нужно, *чувства проснулись* во мне» (13, 64). Эта заметка свидетельствует о том, что Астров обычно относится к своим пациентам с некой дистанцией и смотрит на них лишь как на объект своей деятельности. Когда его вызывают к больному на фабрику, он не показывает никакого волнения, а лишь комментирует: «Покорно благодарю. Что ж, надо ехать... Досадно, черт подери...» (13, 71), еще находя время, чтобы с большим энтузиазмом рассказать про важность защиты и отрицательные последствия вырубания русских лесов. Но у Астрова равнодушие выходит за пределы медицины, охватывая всю жизнь, от которой он ничего не ждет, и уничтожая в нем способность сочувствовать ближнему: «(...) *чувства как-то притупились*. Ничего я не хочу, ничего мне не нужно, никого я не люблю (...) *притупились все чувства*, и, кажется, я уже не мог бы привязаться к человеку. Я никого не люблю и... уже не люблю (13, 64, 85) /курсив мой – К.Т./». Единственное, к чему Астров, как сам говорит, еще не стал равнодушным, это красота. Единственное, к чему остался неравнодушен доктор Старцев из рассказа «Ионыч» – деньги, которые он с наслаждением по вечерам вынимает из карманов и считает. В больных он, очевидно, начал видеть лишь источник доходов.

Чехов рассматривает проблему равнодушия врача и в проникнутой медицинским духом «Палате № 6». Известно и признано в литературоведении, что именно это произведение было написано Чеховым под впечатлениями его предыдущей поездки на Сахалин⁴⁸⁵. И действительно, сходства между рагинской больницей и Александровским лазаретом на каторжном острове очевидны. В XXIII главе «Острова Сахалин» описано, что «у хирургически больных повязки грязные», «скальпель (...) оказывается тупым», «ни таза, ни шариков ваты, ни зондов, ни порядочных ножниц, ни даже воды в достаточном количестве» (14-15, 370). Подобными красками выдержано описание больницы в «Палате № 6», где «В хирургическом отделении не переводилась рожа» и

⁴⁸⁵ Бердников Г.П., А.П. Чехов. М., 1970. С. 301; Роскин А.И., А.П. Чехов. Статьи и очерки. М., 1959. С. 215; Suchanek L., Пространство здоровья и пространство болезни (Палата № 6, 1892) // Kluge R.-D. (Hrsg.), Anton P. Čechov – Werk und Wirkung: Vorträge und Diskussionen eines internationalen Symposiums in Badenweiler im Oktober 1985. Wiesbaden, 1990. С. 64-65; Odesskaya M.M., 'Let Them Go Crazy': Madness in the Works of Chekhov // Brintlinger A./ Vinitsky I. (Hrsg), Madness and the Mad in Russian Culture. Toronto, 2007. С. 196; также комментарии к ПССП. Т. 8. С. 449.

«на всю больницу было только два скальпеля и ни одного термометра, в ваннах держали картофель» (8, 83). Также признано, что в «Палате № 6», как и в рассказах «Скучная история» и «Черный монах», важным мотивом является учение Марка Аврелия, к которому писатель относился серьезно⁴⁸⁶, изучая «Размышления» римского императора во второй половине 80-ых гг.⁴⁸⁷.

Сам Чехов видел равнодушие как положительное качество⁴⁸⁸: «Природа очень хорошее успокоительное средство. Она мирит, т.е. делает человека равнодушным. А на этом свете необходимо быть равнодушным. Только равнодушные люди способны ясно смотреть на вещи, быть справедливыми и работать (...)» (П. 3, 203). Соответственно, только тот врач, который освоил определенное равнодушие, сможет удовлетворительно выполнять свои профессиональные обязанности с возможностью не слишком переживать и волноваться по поводу того, чему он становится свидетелем.

В «Палате № 6» Чехов буквально с самого начала говорит о факте привычки врача к страданию: «Люди, имеющие служебное, деловое отношение к *чужому страданию*, например, судьи, полицейские, *врачи*, с течением времени, *в силу привычки*, закаляются до такой степени, что хотели бы, *да не могут относиться* к своим клиентам *иначе как формально*; с этой стороны они ничем не отличаются от мужика, который на задворках режет баранов и телят и не замечает крови» (8, 78) /курсив мой – К.Т./. Этим высказыванием в связи с размышлениями страдающего манией преследования Громова о судебных ошибках и опасением необоснованного его задержания, Чехов как бы подготавливал читателя к сюжету рассказа, указывая не только на тождество палаты № 6 и тюрем, но и на равнодушие медицинского деятеля. Позже Громов окажется заключенным не в тюрьме из-за равнодушия судьи, а в палате № 6 по распоряжению так же равнодушного врача Рагина, не мешающего «людям сходить с ума».

На основе данного предположения можно считать, что равнодушие Рагина связано с его деятельностью как врач и не может быть рассмотрено вне его профессии.

⁴⁸⁶ Собенников А.С., «Палата № 6» А.П. Чехова: Герой и его идея // Чеховские чтения в Оттаве. Сборник научных трудов. Тверь-Оттава, 2006. С. 89.

⁴⁸⁷ Долженков, С. 82; подробнее Urban P., „Wie soll man leben“ – Čechov und die „Selbstbetrachtungen“ des Mark Aurel // Anton P. Čechov – Philosophische und religiöse Dimensionen im Leben und Werk. Vorträge des Zweiten Internationalen Čechov – Symposiums Badenweiler, 20.-24.10.1994. München, 1997. С. 3-17; см. подробнее к функции и понятию «равнодушия» в жизни и творчестве Чехова. Thiergen P., Zum Begriff der „Gleichgültigkeit“ bei Čechov // Там же. С. 25.

⁴⁸⁸ Долженков, С. 81.

Страдание и некое равнодушие (или: попытка к равнодушию) – два неотъемлемых аспекта врачебной деятельности. Поэтому, быть может, исходную причину рагинских размышлений о необходимости страданий и его равнодушия к ним (в конце концов ведущего к отвержению этики врача и завета Гиппократ⁴⁸⁹, а затем и за пределами медицины охватывающего все области его жизни) надо искать именно в том обстоятельстве, что он с самого начала своей практической врачебной деятельности видел много страдания. В отличие от молодого героя «Записок», который со временем попытался найти золотую середину, чтобы, с одной стороны, не принимать чужое страдание слишком близко к сердцу, но, с другой, не становиться совсем безразличным и бесчувственным, Рагин довел свое равнодушие до крайности. Равнодушие постепенно овладевает всеми областями его жизни, начиная с его внешности: «не из скупости, а от полного невнимания (т.е. равнодушия – *K.T.*) к своей наружности» он одевается не по-докторски, носит одну и ту же пару лет по десяти, в одном и том же сюртуке и принимая больных, и обедая, и ходя в гости. Доктор Рагин по своему характеру – мягкий человек, который говорит «не басом, как ждешь, а тонким, мягким тенорком» (8, 82), поступь у него тихая и походка осторожная, «приказывать, запрещать и настаивать он положительно не умеет» (8, 84). Он предпочитает подчиняться и унижаться, чем создать себе авторитет, и, хотя и любит честность, не сможет устроить свою жизнь по правилам честности, так как «у него не хватает характера и веры в свое право» (8, 84).

Судя по данному Чеховым описанию, Рагин в принципе очень нежный, чувствительный человек: он не может отказаться дать Мойсейке копейку, придя случайно в Палату № 6, ему хочется приласкать и успокоить Громова, и он из жалости берет к себе в комнату плачущих детей своей хозяйки, что ему доставляет «большое удовольствие» (8, 144). О доброте Рагина дает сведение и то обстоятельство, что он отлично угадывал именно женские и детские болезни. А ведь для того, чтобы правильно поставить диагноз ребенку, нужно особенно тонкое чувство и способность проникновения. Однако именно в этой мягкости характера можно видеть и первичную причину для его жизненной концепции равнодушия, со временем захватившего всю его жизнь. Вероятно он, приступив к медицинской практике и ежедневно сталкиваясь со

⁴⁸⁹ *Suchanek*, С. 64.

страданиями, так же, как большинство начинающих врачей, переживал их сильно и пытался к ним привыкнуть. Может быть, для чувствительного Рагина, к тому же никогда не ощущавшего призвание к медицине, по сравнению с его коллегами, нелегкий процесс привыкания оказался для него намного тяжелее. А так как он мыслящий человек со страстью к философии, он, по всей вероятности, искал объяснения и смысл человеческого страдания, свидетелем которого он становился не по своей воле. Разработанная им, вслед за учением стоиков, теория, проповедующая необходимость страдания для совершенствования человека, помогла ему справиться со своими переживаниями. Но он в последствии не только привыкает к страданиям, но и начинает их идеализировать и мистифицировать⁴⁹⁰. Его теория все больше и больше проникает в его жизнь и приводит (вместе с другими обстоятельствами, о которых речь впереди) к тому, что он почти прекращает выполнять свой врачебный долг. Прекращение врачебной деятельности для Рагина вытекает из этой идеализации страдания: если страдание положительно влияет на человека и облагораживает его, то недопустимо уничтожать его путем лечения. Цитируя слова Марка Аврелия – «Боль есть живое представление о боли: сделай усилие воли, чтоб изменить это представление, откинь его, перестань жаловаться, и боль исчезнет» – Рагин проповедует презрение к страданию, подчеркивая, что «Покой и довольство человека не вне его, а в нем самом» (8, 100). Поэтому не важно, каковы внешние обстоятельства жизни – человек, объективно испытывающий ужасные страдания, может, согласно этой концепции, быть довольным: так как счастливо можно жить и в бочке, и жизнь в палате № 6 не отличается от жизни на свободе.

Однако Рагин проявляет равнодушие не только к страданиям, но и к существующим условиям в его больнице, которые ему хорошо известны и о которых он размышляет. Но вместо того, чтобы их действительно изменить, он сокращает прием больных на пять-шесть человек и прекращает ходить в больницу каждый день. Следует указать на то, что Чехов, со свойственной ему точностью, симметрично определяет и отношение Рагина к своему рабочему месту: так, «приняв должность, Андрей Ефимыч

⁴⁹⁰ *Suchanek L.*, Антон Чехов и философия встречи ("Палата № 6") // Anton P. Čechov – Philosophische und religiöse Dimensionen im Leben und Werk. Vorträge des Zweiten Internationalen Čechov- Symposiums Badenweiler, 20.-24.10.1994. München, 1997. С. 324. Исследователь полагает, что Рагин здесь близок как к мыслям Рикера, так и к теориям Шопенгауэра и Ницше.

отнесся к беспорядкам, по-видимому, довольно *равнодушно*» (8, 84), и когда ему предлагали подать в отставку, то он к этому тоже «(...) отнесся *равнодушно*» (8, 109) /курсив мой – К.Т./⁴⁹¹.

Долгое время отношения между Рагиным и Громовым – это отношения между врачом и пациентом. Первая встреча между ними состоится, когда Громова задержат после того, как он в страхе и ужасе от мнимого преследования, бежал по городу, и пошлют за Рагиным. Тот прописывает ему холодные примочки на голову и лавровишневые кали. О настоящем лечении здесь речи быть не может, наоборот: Рагин даже объявляет, что к этому пациенту больше не придет, «потому что не следует мешать людям сходить с ума» (8, 80). Быть может, эффективное лечение мании преследования действительно невозможно в маленьком городе в двухстах верстах от железной дороги. Вероятнее однако, что согласно философии Рагина, не нужны даже попытки его вылечить, так как страдание и болезни необходимы, а покой и довольствие есть в каждом человеке, независимо от того, здоров ли он или болен. Громов для него – один из 12 000 пациентов, которых он, по его рассуждениям, обманывает каждый год. Его личная жизнь Рагину неинтересна, и он действует по отношению к нему чисто профессионально, с присущими ему апатией и дистанцией. Следующие встречи состоятся уже в больнице: в палате для венерических больных⁴⁹², а затем в палате № 6, куда Громова перевели из-за беспокойного поведения. И именно там происходит сближение между персонажами и переход от профессиональных отношений к личным. Случайно попав в палату № 6 вместе с Мойсейкой, Рагин относится к Громову еще как врач, объясняя ему, что он болен и поэтому ему необходимо сидеть в палате; что в том, что он доктор, а Громов душевнобольной, «нет ни нравственности, ни логики, а одна только пустая случайность», но так как «существуют тюрьмы и сумасшедшие дома, то должен кто-нибудь сидеть в них» (8, 95-96). Но он, однако, не пытается лечить своего пациента, а предлагает ему свою жизненную концепцию как средство для счастливой

⁴⁹¹ Необходимо указать на то, что равнодушно к условиям в больнице относится не один Рагин, а весь город: обыватели также не реагируют на беспорядки в больнице, считая, что туда ложатся лишь мужики и мещане, у которых дома условия еще хуже. Это равнодушие со стороны всего городского общества, конечно, еще более поддерживает Рагина в его пассивности: «в другом же месте публика и газеты давно бы уже расхватали в клочья эту маленькую Бастилию» (8, 92).

⁴⁹² И здесь намек на сахалинские впечатления: в книге «Остров Сахалин» Чехов пишет о психически больном, помещённом вместе с больными сифилисом. Никакого основания для помещения Громова в комнату для венерических больных нет, так что можно предполагать, что Чехов этой деталью хотел подчеркнуть произвол при установлении диагноза и оценке, кто считается душевнобольным.

жизни: «Вы мыслящий и вдумчивый человек. При всякой обстановке вы можете находить успокоение в самом себе. Свободное и глубокое мышление, которое стремится к уразумению жизни, и полное презрение к глупой суете мира – вот два блага, выше которых никогда не знал человек. И вы можете обладать ими, хотя бы за тремя решетками» (8, 97). Но уже эта встреча для Рагина идет за пределы простого общения с пациентом. Так, он впервые обращает внимание на молодое, красивое лицо Громова и проявляет к нему нежное чувство – ему хочется его приласкать. Впервые ему доставляет удовольствие беседа с больным. И впервые он продолжает думать о нем и дома. Выработанное им за долгие годы практики равнодушие по отношению к пациентам в этом случае начинает терять свое влияние, потому что Громов «перестал быть для него (Рагина – *К.Т.*) объектом врачебного познания»⁴⁹³.

Посещение своего пациента и беседы с ним становятся для Рагина единственным наслаждением и развлечением в его монотонной, однообразной жизни. И если Громов сначала видел в Рагине врача, «дичился его, подозревал в злом умысле и откровенно выражал свою неприязнь» (8, 104), то со временем и он начал видеть в нем собеседника. Именно через эти разговоры читатель может полностью познакомиться с философией Рагина в отношении страдания, которое занимает в ней, так же как и концепция равнодушия, центральное место⁴⁹⁴. Все его размышления противостоят взглядам испытывавшего за свою жизнь много страданий Громова, не принимающего все сущее таким, как оно есть, а наоборот, тонко реагирующего на все несправедливости. «Презирать страдания значило бы (...) презирать самую жизнь» (8, 101) и «(...) жизни вы не видели, не знаете ее совершенно, а с действительностью знакомы только теоретически (...) Страдания презираете, а небось прищепи вам дверью палец, так заорете во все горло!» (8, 103), возражает он Рагину. И на самом деле, когда Рагин начинает испытывать на себе, что определение того, кто является душевнобольным и кого надо заключить в сумасшедший дом, действительно зависит от случая и что в этом нет логики, то его теория о равнодушии и необходимости приспособления ко всему сущему теряет почву⁴⁹⁵. И уже после часа, который он провел в палате № 6 как шестой

⁴⁹³ Suchanek L., Антон Чехов и философия встречи. С. 323.

⁴⁹⁴ Там же. С. 324-325.

⁴⁹⁵ Однако первый намек на то, что теория Рагина не сможет реализоваться на практике, Чехов приводит уже в самом начале, описывая, как «вид крови (...) неприятно волнует» Рагина и как от крика ребенка «у него кружится голова и выступают слезы на глазах» (8, 86). Ни кровь, ни крик маленького пациента

заключенный, он начинает осознавать, что жизнь в бочке и жизнь на свободе все таки две совсем различные жизни. Его равнодушие исчезает: «неужели здесь можно прожить день, неделю и даже годы, как эти люди? (...) Так и сидеть все время, как истукан, и думать? Нет. Это едва ли возможно» (8, 120). Сам став пациентом и жертвой никитинского насилия, доктор Рагин полностью теряет свое безразличие и реагирует, как прежде реагировал Громов. Лишь тогда у него открываются глаза, и «в голове его, (...) ясно мелькнула страшная, невыносимая мысль, что такую же точно боль должны были испытывать годами, изо дня в день эти люди (...) Как могло случиться, что в продолжение больше чем двадцати лет он не знал и не хотел знать этого?» (8, 125). У Рагина словно падает пелена с глаз, он начинает понимать, как он провинился перед жителями палаты № 6, когда на протяжении долгих лет закрывал глаза перед жестокой действительностью. В этот момент, его равнодушие исчезает полностью, он находит в себе смелость восстать против Никиты и установленного им порядка, и умирает в сознании того, что так долго не реагировал на происходящее рядом с ним.

Какой бы не являлась степень равнодушия врачей – смерть пациента всегда представляет для них чрезвычайный момент в их деятельности. Хотя врач в силу своей профессии часто сталкивается с рождением новой жизни и смертью, то суть его призвания – сохранять жизнь. Поэтому смерть пациента для каждого врача – не только профессиональный неуспех, который, в отличие от неудач в других профессиях, касается самого ценного и неоплатимого – человеческой жизни. И если для большинства людей смерть представляет собой нечто неведомое, трудно представляемое, то смерть пациента, который умирает у врача под рукой, может, как пишет Ковелина, восприниматься им как личная трагедия. Эта трагедия может проявиться в огромном чувстве вины у врача, а также вызвать в крайних случаях самоубийство, душевные расстройства или отказ от профессии⁴⁹⁶.

В «Записках врача» описываются переживания героя после того, как вследствие сделанной им ошибки умирает ребенок: «Весь день я в тупом оцепенении пробродил по улицам; я ни о чем не думал и только весь был охвачен ужасом и отчаянием. Иногда в сознании вдруг ярко вставала мысль: "да ведь я убил человека!". И тут нельзя было

не должны были бы как-то воздействовать на Рагина, если бы он нашел в себе ту гармонию и тот покой, которые он проповедует.

⁴⁹⁶ Ковелина, С. 119-120.

ничем обмануть себя; дело не было бы яснее, если бы я прямо перерезал мальчику горло» (1, 292). Герой из «Записок» молодой, только что начинающий врач, и, можно было бы полагать, что и к таким ситуациям со временем наступает привычка. Однако, совершенно подобно смерти пациента переживает и десять лет работающий земским врачом доктор Астров, обычно выделяющийся неким цинизмом по отношению к другим людям, и не впервые сталкивающийся с такой ситуацией. И он сильно переживает смерть своего пациента, даже упрекая себя за нее: «...и защемило мою совесть, точно это я умышленно убил его...» (13, 64). Он не может забыть этот случай и, закрывая рукой глаза и вздрагивая, вспоминает о нем: «...В Великом посту у меня больной умер под хлороформом...» (13, 85). Даже такого врача как доктора Чебутыкина из пьесы «Три сестры», сомневающегося в человеческом существовании («Может быть, нам только кажется, что мы существуем, а на самом деле нас нет» (8, 162)), которому «все равно» и который «(...) все позабыл, что знал», ничего, «решительно ничего» не помнит (8, 160), испытывает чувство вины после смерти пациентки: «(...) лечил на Засыпи женщину – умерла, и я виноват, что она умерла. Да... (...) и та женщина, что уморил в среду, вспомнилась... и все вспомнилось, и стало на душе криво, гадко, мерзко... пошел, запил... (...)» (8, 160).

Смерть больного – для врача является событием, выходящим за рамки привычного. Оно в состоянии преодолеть и выработанное многолетней практикой равнодушие. Этот аспект писатели подчеркивают во многих своих произведениях, показывая, как в силу своей практики врачи часто сталкиваются с тем, что видят смерть, но тем не менее не привыкают к ней.

6. «(...) Иди к униженным, Или к обиженным, Там нужен ты (...)»⁴⁹⁷ – О высоких намерениях докторов-интеллигентов

6.1. Об интеллигентах и писателях – связи А.П. Чехова и В.В. Вересаева с интеллигенцией

Все, что было сказано выше о врачах, связано с медициной, профессией врача в общем и тем, какое представление о врачах сложилось в обществе. Эти вопросы в той

⁴⁹⁷ Некрасов Н.А., Кому на Руси жить хорошо.

или иной форме актуальны и в других странах, и в другие времена. Но мне кажется, что произведения Чехова и Вересаева, и в том числе присутствующих в них героев-врачей, нельзя не рассматривать на фоне исторической действительности. Именно творчество Чехова в западном литературоведении часто видится вне исторической реальности⁴⁹⁸. Ввиду того, что обсуждаемые им жизненные вопросы и мысли поглощают человечество до наших дней, это вполне обоснованно. Тем не менее, творчество этих двух писателей-врачей приходится на канун XX века, и герои, не смотря на всю актуальность их поведения, отражают прежде всего общество России того периода.

Произведения Чехова и Вересаева тесно связаны с понятием «интеллигенция» – в произведениях обоих писателей именно эта группа нашла многочисленные облики: у первого в форме интеллигента, «изможденничавшемся душевно»⁴⁹⁹, разочарованном и пережившемся из идеалистического и подающего надежд молодого человека в опустошенного типа; у другого в форме также разочарованного обстоятельствами человека, ищущего правильный путь и новую идею. «Чехов был певцом безнадежности. Чехов только одно и делал: теми или иными способами убивал человеческие надежды», писал Л. Шестов⁵⁰⁰. «Грустной вереницей проходят бесславные потомки некогда славных отцов (...) Без веры, без воли, без желаний коротают они свой печальный век, – эти лишние люди», «Чеховские герои являются эпигонами поколений, сыгравших в свое время крупную историческую роль, их гибель – это заключительный эпизод в жизни целого общественного течения», отозвался В.В. Воровский⁵⁰¹. Профессор психиатрии Киевского университета И. Сикорский полагал, что «Высокое значение Чехова состоит именно в том, что он ярко нарисовал жизнь, лишенную идеалов, показал пальцем людей, которые погружены в тину жалкой действительности с ее ничтожными интересами и которые бессильны выйти из этой жизни, ибо лишены высших чувств. Скука, нуте, остановка жизни держит этих людей в безотрадном круге нравственной атрофии (...)»⁵⁰². Разницу между Чеховым и Вересаевым Сикорский

⁴⁹⁸ *Hielscher K.*, Weltsicht und antiideologische Textstruktur in A. P. Čechovs Erzählungen // Zeitschrift für slavische Philologie. Band 44 (1984). С. 239.

⁴⁹⁹ Выражение из письма Чехова к А.П. Плещееву от 14.05.1889 (П. 3, 213), цитируется по Катаев, Бобрыкин и Чехов. С. 391.

⁵⁰⁰ *Шестов Л.*, Творчество из ничего // А.П. Чехов: pro et contra. СПб., 2002. С. 567.

⁵⁰¹ *Воровский В.В.*, Лишние люди // А.П. Чехов: pro et contra. СПб., 2002. С. 614, 617.

⁵⁰² *Сикорский И.А.*, Успехи русского художественного творчества // Вопросы нервно-психической медицины. Т. 10 (1905). С. 499.

видел в том, что «Чехов рисует тот период в жизни людей конца минувшего столетия, когда еще в полной силе существовало тупое равнодушие к себе и окружающей действительности, Вересаев впервые изображает проснувшуюся от нравственной летаргии совесть и тем обозначает наступление нового периода в нравственной эволюции общества»⁵⁰³.

Чехов обратился к вопросу судьбы интеллигенции и народа прежде всего в произведениях зрелого периода, которые, как полагает Э.А. Полоцкая, можно разделить на три категории: на произведения, освещающие преимущественно интеллигенцию, как например «Дуэль», «Палата № 6» или «Черный монах»; на произведения, посвященные жизни в деревне как «Мужики», «В овраге», и «На святках»; и на такие, которые рассматривают общение интеллигенции и народа, как «Дом с мезонином», «Новая дача», а также «Случай из практики» и «По делам службы»⁵⁰⁴.

Чехов – внук крепостного и сын лавочника – представлял собой типичного интеллигента-разночинца. Тем не менее, его отношение к интеллигенции «амбивалентно»: хотя он своей жизнью и творчеством был воплощением значения данного термина, он, одновременно, был и ее большим критиком. В.Б. Катаев охарактеризовал отношение Чехова к интеллигенции как «интереснейший пример критики интеллигенции изнутри», а самого писателя как квинтэссенцию и антипод русского интеллигента⁵⁰⁵. На самом деле в его письмах не раз звучат нелицеприятные высказывания об интеллигенции как таковой: речь идет о «слизнях и мокрицах», «вялой, апатичной, лениво-философствующей, холодной» (П. 3, 308-309), «лицемерной, фальшивой, истеричной, невоспитанной, ленивой» (П. 8, 101), об интеллигенции, которая «не патриотична, уныла, бесцветна ... которая брюзжит и охотно отрицает все, так как для ленивого мозга легче отрицать, чем утверждать» (П. 3, 308-309). В эту интеллигенцию Чехов не верил: он видел спасение в «отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям – интеллигенты они или мужики» (П. 8, 101), отрицая таким образом характерное противопоставление мы (т.е. представители привилегированного класса и образованное общество) – они (крестьяне, народ)⁵⁰⁶.

⁵⁰³ Там же. С. 500.

⁵⁰⁴ Полоцкая Э.А., Антон Чехов // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х гг.). Книга 1. М., 2001. С. 396-399.

⁵⁰⁵ Катаев, Боборыкин и Чехов. С. 390.

⁵⁰⁶ Там же. С. 395.

Однако в другие моменты, как например в отношении к работе «врачей и вообще культурных людей» в борьбе с эпидемией холеры, он отзывался с большой похвалой: «Интеллигенция работает шибко, не щадя ни живота, ни денег; я вижу ее каждый день и умиляюсь» (П. 5, 104). В связи с рассказом «Новая дача» Чехов записал, что «Сила и спасение народа в его интеллигенции, в той, которая честно мыслит, чувствует и умеет работать» (17, 395), признавая, таким образом, ее долг перед народом и подчеркивая прежде всего ее обязанности⁵⁰⁷.

В.Б. Катаев полагал, что для Чехова два основных порока интеллигенции – несправедливость в смысле неспособности понять другого и встать на его точку зрения, а также партийность⁵⁰⁸. Прежде всего к партийности Чехов относился скептически со студенческих времен, когда избегал присоединения к каким бы то ни было группам, и никогда активно не участвовал в студенческих митингах, считая, что поступил в университет для того, чтобы учиться лечить больных, а не свергать существующий режим⁵⁰⁹. Его желание остаться свободным («Мое святое святым – (...) абсолютнейшая свобода от силы и лжи, в чем бы последние не выражались» (П. 3, 11)), писатель сохранил всю жизнь. Это отразилось и в том, что он с недоверием относился и к литературным кружкам⁵¹⁰. Он сторонился каких бы то ни было общественных течений, желая быть свободным художником: «Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником и – только (...)» (П. 3, 11). Так как Чехов считал, что «Большие писатели и художники должны заниматься политикой лишь настолько, поскольку нужно

⁵⁰⁷ Там же. С. 395-396.

⁵⁰⁸ Там же. С. 393.

⁵⁰⁹ *Труайя*, С. 54-55, 177.

⁵¹⁰ *Eekman T.*, Anton Tsjechov en de Russische Intelligentsia. Arnheim, 1951. Summary. С. 292; см. также письмо Чехова к Я.П. Полонскому от 18.01.1888, в котором он пишет о ненужности объединения вокруг «толстых» журналов: «имел еще смысл тогда, когда во главе изданий находились люди с ясно выраженной физиономией, люди вроде Белинских, Герценов и т. п., которые не только платили гонорар, но и притягали, учили и воспитывали, теперь же, когда вместо литературных физиономий во главе изданий торчат какие-то серые круги и собачьи воротники, пристрастие к толщине издания не выдерживает критики и разница между самым толстым журналом и дешевой газеткой представляется только количественной, т.е. с точки зрения художника не заслуживающей никакого уважения и внимания» (П. 2, 177-178); см. также И.И. Ясинском приведенное высказывание А. Чехова: *Ясинский И.И.*, Роман моей жизни (Книга воспоминаний) // *Одесская М.М.* (Сост.), Среди великих: Литературные встречи. М., 2001. С. 394-395: «Знаете, что я иногда думаю: хорошо бы нам, писателям-беллетристам, не участвовать совсем ни в каком журнале, чтобы быть независимыми (...)».

обороняться от нее» (П. 7, 168), он никогда не присоединился к каким-нибудь политическим группировкам или направлениям, не участвовал активно в политической жизни. Это позволяет согласиться с мнением Катаева, что «Ни народничество, столь характерное для литературы XIX века, ни поклонение к какому-либо другому классу или сословию над Чеховым власти не имели»⁵¹¹.

В этом свободолобии Чехова, воспринятом современными критиками ошибочно как аполитичность⁵¹², нужно видеть и самую основную разницу между двумя писателями. Вересаев, в отличие от Чехова, скорее был готов пожертвовать своей свободой во имя идеи, в которой он видел правильный путь и на которую он возлагал свои надежды. Он во время обучения с большим энтузиазмом участвовал в студенческих кружках, где обсуждались не только литературные и моральные, а прежде всего общественные вопросы (см. 5, 247); восторгался чтением политической литературы. Некоторое время он увлекался народническими теориями, затем марксизмом. В отличие от Чехова он, по меньшей мере в молодые годы, считал необходимым для писателя следовать какой-нибудь теории, как писал Горькому в 1899 г.: «Конечно, нужно только, чтобы она (теория – К.Т.) объясняла и определяла степень важности жизненных фактов, а не развивала из самой себя паутину логических силлогизмов. Для меня она дорога именно потому, что, по моему мнению, машину даже изломать нельзя без знания механики»⁵¹³.

Поиск правильного пути интеллигенцией стал важнейшим мотивом творчества Вересаева. Он писал о «проклятых вопросах»⁵¹⁴ и проследил разнообразные течения и веяния в обществе. Вересаев изобразил кризис либерального народничества в конце 80-х гг. – повесть «Без дороги», полный распад этого движения в конце 90-ых гг. – «Поветрие», процесс идеологического расслоения накануне первой русской революции

⁵¹¹ Катаев, В.Б., "Все мы" Чехова и "Мы" Евгения Замятина // Чеховиана: Чехов в культуре XX века. М., 1993. С. 71; см. также Полоцкая, С. 403.

⁵¹² Именно в позднем периоде творчества Чехова возрос его интерес к актуальным, общественным вопросам, к которым он обратился и в своем творчестве. После его поездки на Сахалин и публикации книги о каторжном острове, содержащей «(...) недвусмысленное обвинение правительству в бессердечном и жестоком обращении с населением (...)» (Полоцкая, С. 396), нельзя упрекать его в равнодушии к социальным проблемам; против несвободы и несправедливостей всякого рода он выступал и в своих произведениях.

⁵¹³ Письмо Вересаева Горькому от 22.12.1899, цитируется по *Фохт-Бабушкин*, Викентий Вересаев. С. 648.

⁵¹⁴ *Муромцева-Бунина В.*, Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 2007. С. 259.

– «На повороте», и после ее подавления – «К жизни», а также переживания русской интеллигенции во время гражданской войны – в произведении «В тупике»⁵¹⁵. Вересаева критики с первого же появления сборника прозы стали рассматривать как «Нестора» или «Летописца русской интеллигенции», как писателя, творчество которого отражало меняющиеся настроения и течения среди русских интеллигентов⁵¹⁶. «Вересаев – художник-интеллигент. На русскую действительность он смотрит глазами интеллигента, переживая все тревожнения, все горести и радости вечного скитальца-интеллигента. Если он с особой любовью останавливается на общественных течениях, то это потому, что он больше, чем другие наши писатели – художник-общественник (...) Вересаев – работник мысли и стремится путем своих художественных образов не забавлять читателя небылицами, а заражать его тьмы мыслями и чувствами, которыми заражены лучшие культурные люди его времени (...)» – так описал писателя критик-современник В. Львов⁵¹⁷.

Таким образом, в героях-врачах произведений Чехова и Вересаева нужно прежде всего видеть и представителей своего времени, которых надо рассматривать в связи с культурой и настроением интеллигенции конца XIX века. Слишком просто объяснять разочарованность, а также цинизм врачей лишь в силу профессии и выработанного материалистического мировоззрения. Невозможно вполне понять этих персонажей, не принимая во внимание чисто русского явления «интеллигенции», и в частности «земской интеллигенции». Большая часть героев-врачей, которых мы встречаем в произведениях данных авторов – или земские врачи, или, по крайней мере как-то связаны с земством, что требует прежде всего описания и этой категории докторов, так как именно фигура земского врача воплощала в себе как феномен интеллигенции, так и феномен развития русской медицины. Чехов также с молодых лет был тесно связан с земством: сначала как земский стипендиат, затем как гласный в земском собрании и, прежде всего, как врач⁵¹⁸, Вересаев, хотя и сам не поступил на земскую службу,

⁵¹⁵ Захарова В.Т., Интеллигенция и революция в романе В. Вересаева «В тупике» (К проблеме характера) // Проблемы традиций и новаторства русской и советской прозы. Нижний Новгород, 1990. С. 36.

⁵¹⁶ Наумова Н.Б., Миф об инициации в повести В.В. Вересаева «Без дороги» // Проблемы литературных жанров. Ч. 2. Томск, 2002. С. 14; Захарова, С. 36; Edgerton, С. 1.

⁵¹⁷ Львов В., Писатель-интеллигент. (К 10-летию литературной деятельности В. Вересаева) // Образование № 2, 13 (1904). С. 78.

⁵¹⁸ Глушков С.В., А.П. Чехов и земство (К постановке проблемы) // Чеховские чтения в Твери: Сборник научных статей. Тверь, 2000. С. 6-7.

общался с земскими врачами (припомним, что отец Викентия Викентьевича был одним из инициаторов ежегодных съездов земских врачей).

6.2. Русская интеллигенция – понятие и развитие

Понятие «интеллигенция», как собирательное понятие, имеющее значения «смелость мысли, критическое отношение к действительности, рационализм и общественный радикализм», и обычно сопоставляемое с понятием «народ», начало входить в России в общее употребление с 1860-ых гг.⁵¹⁹, когда оно стало и частью научных, публицистических и художественных работ писателей⁵²⁰.

Возникновение социальной группы «интеллигенция», по мнению Р. Пайпс, тесно связано с влиянием западноевропейской культуры: когда после 1762 г. обязанность служить государству была отменена, возникла социальная группа, состоявшая из состоятельных людей без постоянного занятия и сильно отличающаяся от народа как в воспитании и в образе жизни, так и своей ориентацией на европейскую культуру⁵²¹. Но если первое поколение интеллигентов, взявших на себя социальную функцию общественного самосознания от имени и во имя всего народа, состояло прежде всего из представителей дворянского слоя⁵²², то с 1860-ых гг. их начали сменять разночинцы, происходившие из среды этого народа, т.е. прежде всего дети купцов и духовных лиц, формально вышедшие из своего сословия и гордившиеся своим скромным и бедным происхождением⁵²³.

Процесс развития разночинца наглядно описал Чехов в письме Суворину: «Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою молодости. Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз

⁵¹⁹ Катаев, Боборыкин и Чехов. С. 386-387.

⁵²⁰ Pollard A.P., The Russian Intelligentsia: The Mind of Russia // California Slavic Studies. Vol. 3 (1964), С. 1, 8; Яворская Ю.А., Медицинская интеллигенция в социокультурном пространстве российской провинции: 1860-е – 1917 гг. Дисс...канд.истор.наук. Краснодар, 2003. С. 33.

⁵²¹ Pipes R., Die historische Entwicklung der russischen Intelligentsia // Pipes R. (Hrsg.), Die russische Intelligentsia. Stuttgart, 1962. С. 66.

⁵²² Степанов Ю.С., Константы: Словарь русской культуры. М., 2001. С. 20; Confino, С. 129.

⁵²³ Confino, С. 129; Степанов, Константы. С. 27.

сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, – напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая...» (П. 3, 133).

Именно «приход» разночинца, который был определен как «Человек неподатного сословия, но без личного дворянства и не приписанный ни к гильдии, ни к цеху»⁵²⁴, придал окончательный облик понятию «интеллигенция», которое позже характеризовало не происхождение, а общие и определенные идеи⁵²⁵. Именно это «второе» поколение, после реформ 1860-ых гг. и связанных с ними преобразований в обществе, подорвавших установленные ценности русской жизни, и вследствие открытия существующих несовершенств и несправедливостей «старой» системы, начало искать новых для себя путей, критикуя своих предшественников за отсутствие реализации мыслей и идеалов⁵²⁶. Эти «новые люди», появлявшиеся все чаще и в литературных произведениях того времени, отрицали всякую связь с предыдущим поколением и прошлым, и старались путем образования и самопожертвования следовать своим идеалам⁵²⁷. И как раз в эти годы с приходом разночинцев понятие «интеллигенция» приобрело социологический смысл и значение, отличающие его от западного «интеллектуала», представляющего собой специалиста умственного труда, однако без свойственной русскому интеллигенту «службы совести»⁵²⁸: исходное значение слова «интеллигенция» («интеллект») превратилось в более абстрактное: «сознание», «просвещение», «цивилизованность», «ум»⁵²⁹. Такое понятие «интеллигенции» как «совесть, душа, ум народа» – типично русское явление⁵³⁰, обозначающее ту часть общества, которая взяла на себя «миссию» выразителя и

⁵²⁴ Даль В.И., Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах. М., 1955. Т. 4. С. 41.

⁵²⁵ Pollard, С. 26; Fischer, С. 45-52; Pipes, Die historische Entwicklung. С. 261; Степанов, Константы. С. 679.

⁵²⁶ Confino, С. 130; Wortman R., The Crisis of Russian Populism. Cambridge, 1967. С. 188-189.

⁵²⁷ Wortman, С. 11.

⁵²⁸ Гаспаров М.Л., Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Русская интеллигенция – история и судьба. М., 1999. С. 9-10.

⁵²⁹ Pollard, С. 11, 27.

⁵³⁰ Медведева, С. 36.

«формирователя» самосознания нации⁵³¹.

Тем не менее, до сих пор понятие «интеллигенция» окружает некая неопределенность⁵³², так как оно в одно и то же время охватывало разнообразные как по происхождению (ученых, дворянство, врачей, учителей и т.д.⁵³³), так и по идеологии группы: интеллигентами считались не только исповедующие утилитаризм, либерализм, западничество, славянофильство, марксизм и другие течения люди, но также радикалы, консерваторы, умеренные, черносотенцы, социалисты, монархисты, старообрядцы и т.д.⁵³⁴.

Примечательно высказывание Б. Хазанова, что «(...) интеллигенция, это странное порождение русской жизни, не может быть описана ни как чисто социальный, ни как чисто культурный, ни как вполне психологический феномен. Интеллигент – это судьба»⁵³⁵. Определения понятия, хотя и отличаются от исследователя к исследователю, в общем дают представление о том, кто такой русский интеллигент. Так, З. Гимпелевич-Шварцман в своей монографии об интеллигенции в романах М. Булгакова и Б. Пастернака полагает, что интеллигенту свойственны, прежде всего, готовность служить

⁵³¹ Степанов, Константы. С. 24.

⁵³² Гаспаров, С. 6; также Соколов К.Б., Мифы об интеллигенции и историческая реальность // Русская интеллигенция – история и судьба. М., 1999. С. 149-152; Pipes R., Russia under the Old Regime². New York, 1995. С. 251; Morson G.S., What is the Russian Intelligentsia? Once More, an Old Russian Question// Academic Questions 6 (1993), С. 21. К происхождению, истории понятия и концепции слова «интеллигенция» см. Гаспаров С. 6-9; Степанов Ю.С., «Жрец» нарекись, и знаменуйся: «жертва» (к понятию «интеллигенция» в истории российского менталитета) // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999. С. 14-44; Степанов, Константы, С. 669-676; Балашов Н.И., Русская интеллигенция в ее классическом виде как важный субъект формирования живой культуры России XIX-XX вв. // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999. С. 230-231; также Катаев, Боборыкин и Чехов. С. 383-388.

⁵³³ Обычно в состав интеллигенции включаются педагоги, врачи, ученые, инженеры, писатели, художники, актеры и музыканты; см. Колоноцкий Б.И., Интеллигенция в конце XIX – начале XX века: Самосознание современников и исследовательские подходы // Из истории русской интеллигенции. Сборник материалов к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской. СПб., 2003. С. 189.

⁵³⁴ Соколов, Поколения русской интеллигенции. С. 153; Pipes, Die historische Entwicklung. С. 66.

⁵³⁵ Хазанов Б., Идущий по воде. Статьи и письма. München: Страна и мир, 1985. С. 55. Н. А. Бердяев охарактеризовал сущность интеллигенции следующим образом: „Интеллигенция (...) напоминала монашеский орден или религиозную секту со своей особой моралью, очень нетерпимой, со своим обязательным мирозерцанием, со своими особыми нравами и обычаями (...) Интеллигенция была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой, образовавшейся из разных социальных классов, сначала по преимуществу из более культурной части дворянства, позже из сыновей священников и диаконов, из мелких чиновников, из мещан и, после освобождения, из крестьян. Это и есть разнородная интеллигенция, объединенная исключительными идеями, и притом идеями социального характера. Во вторую половину XIX века слой, который именуется просто культурным, переходит в новый тип, получающий наименование интеллигенции»; см. Бердяев Н.А., Духовные основы русской революции. Истоки и смысл русского коммунизма. М. АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С.248-249.

универсальному добру, «еретическое» отрицание существующего порядка, демократизм, стоическая преданность избранной идее, жертвенность, идеализация народа, презрение к материальному благосостоянию, космополитизм, одиночество, и, на начальном периоде, атеизм⁵³⁶. М. Конфино также характерными чертами интеллигента считает его участие в решении проблем и вопросов общественного интереса. Чувство вины и ответственности за существующий порядок, часто сопровождается желанием изменить его, потому что этот порядок, по мнению интеллигента, не таков, каким он должен быть. Далее Конфино подчеркивает склонность интеллигента к квалификации возникающих политических и социальных вопросов как моральных, а также чувство обязательства приводить к логическим выводам как в мыслях, так и в жизни⁵³⁷. Р. Пайпс, определил интеллигента следующим образом – «кто не поглощен целиком и полностью своим собственным благополучием, а хотя в равной, но предпочтительно и большей степени печется о процветании всего общества и готов в меру своих сил потрудиться на его благо»⁵³⁸.

В основном интеллигента прежде всего отличают постоянные поиски «правильного» пути, неудовлетворенность настоящим и мысли о будущем⁵³⁹. Преданность идее, суть которой – сочувствие ближнему и желание служить общему добру – и которая вместе с чувством вины перед народом определяла готовность интеллигента к жертвам ради своей идеи⁵⁴⁰.

О чувстве «долга» перед народом среди студентов вспоминал и Вересаев: «(...) О великом долге, лежащем на нас перед народом, на счет которого мы учимся и живем, ни в чем себе не отказывая. Вот мы сейчас всю ночь шьемся, лодырничаем, а мужики спят, чтобы завтра встать с зарею на тяжелую работу на жалком клочке своей земли. А все эти пространные земли вокруг, – нам самим нечего беспокоиться, их обработают и

⁵³⁶ Гимпелевич-Шварцман З., Интеллигент в романах «Доктор Живаго» и «Мастер и Маргарита». Orange (Conn.), 1988. С. 21

⁵³⁷ Confino, С. 118; подобные черты находит в связи с ранней интеллигенцией и И. Берлин, см. *Berlin I., Russian thinkers.* London, 1978. С. 126-127.

⁵³⁸ Pipes, *Russia under the Old Regime.* С. 253; русский перевод: Пайпс Р., Россия при старом режиме. М., 1993. С. 330.

⁵³⁹ Гимпелевич-Шварцман, С. 21.

⁵⁴⁰ Там же. С. 21-29. Как приводит исследователь, русская литературная мысль XIX века отмечена постоянным раскрытием мысли о природной жертвенности интеллигента, что выражалось прежде всего в изображении «лишнего» человека, не нашедшего целей приложения собственной жертвенности.

уберут наемные люди, а мы, не трудясь, будем только пользоваться плодами их работы» (5, 261). Психологические корни «долга интеллигенции перед народом» были двоякие: так, чувство вины проявлялось у части привилегированного класса за те преимущества, которыми они пользовалась⁵⁴¹; но чувство вины возникало и у разночинцев⁵⁴²: сами получившие высшее образование и добившиеся выхода из своего прежнего сословия, они стремились добиться этого и для других, и тем самым распространить просвещение в народе⁵⁴³.

Народ стал объектом жертвенности русского интеллигента⁵⁴⁴: «Русский интеллигент не довольствовался выражением сочувствия трудовому народу. Его испущенный демократизм принял, по крайней мере у многих и лучших, самоубийственный характер; его безнадежная любовь вела его к мученическому венцу. Сострадание к униженным и оскорбленным, желание хоть чем-нибудь им помочь вылилось в готовность распять себя во имя любви к своему кумиру, принести в жертву народу все ценности, которыми владел интеллигент»⁵⁴⁵.

Как показал А. Поллард, развитие интеллигенции в первые годы второй половины XIX в. прошло несколько фаз развития: после воспламенения чувства вины перед народом наступила конфронтация со стойкостью правительства и установленного порядка, которое привело к чувству фрустрации и тщетности действий от понимания неспособности преобразить общество и изменить существующую ситуацию в ближайшее время. Затем однако, интеллигенция преисполнилась надеждой, что всяческие препятствия могут быть преодолены, если они обратятся к чистому, хотя и бедному и необразованному народу⁵⁴⁶. Разночинная интеллигенция, идентифицируя себя и связывая собственную судьбу и будущее с народом, обратилась к нему в стремлении изменить его темную реальность⁵⁴⁷. «Мы идем в народ, в курные избы, и

⁵⁴¹ Berlin, С. 126.

⁵⁴² Гаспаров, С. 12.

⁵⁴³ Там же.

⁵⁴⁴ Кредо разночинной интеллигенции выражает афоризм: «Все для народа, все в народ и все из народа. И ничего – вне народа» (М.А. Протопопов), цитируется по Соколов, Поколения русской интеллигенции. С. 388.

⁵⁴⁵ Хазанов, С. 68.

⁵⁴⁶ Pollard, С. 30-31.

⁵⁴⁷ Wortman, С. 6-7, 188-189; см. также А.П., Журнальные заметки. Цитируется по Воровский, Лишние люди. С. 626: «Разночинец чувствует свое бессилие в качестве самостоятельного общественного слоя, он ищет поэтому точку опоры для своих заветных целей, ищет ее в низинах, где так же страдают, как и он; он становится "народолюбив"».

будем там жить, будем там пахать и сеять – не современные идеи, а просто рожь, ячмень и пшеницу, а после уже и идеи, если достаточно удобрим почву, унавозим ее», такой была мечта интеллигенции⁵⁴⁸. Однако состоявшаяся в 1874 г. акция «хождения в народ»⁵⁴⁹, когда часть молодежи оставила свое академическое дело и бросилась в деревню, показала возлагающим всю надежду на народ интеллигентам подлинную крестьянскую действительность: крестьянство не только, как правило, уважало монархию и не изъявляло ни малейшего желания присоединиться к интеллигенции с целью совместного преобразования общества, но и приняло интеллигенцию не с энтузиазмом, а наоборот, с недоверием и враждебностью⁵⁵⁰. Кроме того, в русской деревне после освобождения крестьян возникли новые проблемы – прежде всего, экономические перемены, распространение денег и вызванный отменой организованного земледелия голод. Характерными для того периода были также широко распространенные социальные распады и истощение: большая крестьянская семья и равенство членов общины к тому времени уже стали фикцией и пустыми выражениями⁵⁵¹. Если у интеллигенции, которая искала причины неудачи «хождения в народ» в себе, и осталось уважение к народу, то к концу 70-ых и началу 80-ых гг. ее образ мира и оптимистические концепции социальных перемен начали разрушаться. Из-за преследования со стороны полиции и отсутствия активной поддержки как со стороны народа, так и со стороны общества, интеллигенты почувствовали сильную фрустрацию и разочарование. Единый социальный миф растворился во многих, единство группы начало теряться, так же как и когерентность идеалов и стремлений ее членов⁵⁵²: интеллигенты раздробились на разные течения, присоединяясь к революционным, анархистским, или либеральным группировкам.

Подающая надежды атмосфера предшествующих двух десятилетий, в 1880-ых гг. полностью изменилась – для интеллигенции начался период крушения надежд,

⁵⁴⁸ Мордовец. Знамение времени. С. 311. Цитируется по Воронский, Лишние люди. С. 628.

⁵⁴⁹ *Tompkins S.R.*, The Russian Intelligentsia – Makers of the Revolutionary State. Oklahoma, 1957. С. 110-112; *Pedler A.*, Going to the People. The Russian Narodniki in 1874-5 // The Slavonic Review, Vol. 6, No. 16 (1927). С. 130-141; *Polunov A.*, Russia in the nineteenth century: autocracy, reform and social change 1814-1914. Armonk (NY)/ London, 2005. С. 147-148. К значению слова «народничество» см. прежде всего *Pipes R.*, Narodnichestvo: A Semantic Inquiry // Slavic Review Vol. 23, No. 3 (1964), С. 443.

⁵⁵⁰ *Wortman*, С. 18; *Tompkins*, С. 111; к недоверию крестьян см. *Field D.*, Peasants and Propagandists in the Russian Movement to the People of 1874 // The Journal of Modern History, Vol. 59, No. 3 (1987), С. 416-419.

⁵⁵¹ *Wortman*, С. 31-32.

⁵⁵² Там же. С.188-189.

разочарований и поиска новых, более верных путей⁵⁵³. Вересаев, будучи в эти годы студентом петербургского университета, описал разные течения среди студенчества того времени, охарактеризованного им как «запутанный клубок отчаяния, неверия, бездорожья, черных мыслей о жизни, горьких самообвинений» (5, 268): «(...) царило полнейшее бездорожье, никаких путей не виделось, впереди и вокруг было все заткано, как паутиной, сереньким туманом, сквозь который ничего не было видно (...) Все больше ширилась проповедь "*малых дел*" (...) Идеалом общественной деятельности была сельская учительница, несущая народу "свет знания" – в тех пределах, которые разрешал становой пристав. (...) Большой интерес вызывало *толстовство* (...) Всего важнее – собственное нравственное усовершенствование, отказ от пользования преимуществами нашего привилегированного положения, непротивление злу насилием, отказ участвовать во всем, где применяется насилие (...) Прежнее боевое, революционное народничество теперь тоже принимало более пассивную окраску (...) отмечались все прогрессивные течения и начинания в крестьянской земельной общине, все попытки артельного объединения кустарей. Энергия исследователей с жадным вниманием устремлялась на изучение сектантства, особенно рационалистических сект – штундистов, молокан, духоборов (...) Самым любимым нашим публицистом в то время был Михайловский. Чувствовалось, – путей не было и у него. Но он дорог был революционной части молодежи за яркую борьбу с толстовством и с проповедью "*малых дел*", за упорные призывы не забывать широких общественных задач» (5, 262-264) /курсив везде мой – К.Т./.

Отсутствие общей идеи было известно и Чехову, писавшему об этом Суворину: «Разочарованность, апатия, нервная рыхлость и утомляемость являются непременно следствием чрезмерной возбудимости, а такая возбудимость присуща нашей молодежи в крайней степени. Возьмите литературу. Возьмите настоящее... Социализм – один из видов возбуждения. Где же он? (...) Где либерализм? Даже Михайловский говорит, что все шашки теперь смешались» (П 3, 111).

⁵⁵³ Так, например, в Северном Вестнике писалось о «болезни» современного общества: «"Эта болезнь есть глубокое уныние и внутренний разлад, происходящий от противоречия между воззрениями, с одной стороны, действительностью и поступками с другой (...) Под влиянием тоскливого настроения мрачным светом освещаются все явления, как природы, так и социальной жизни; а такое настроение и мирозерцание называется пессимизмом», см. *Иванюков*. Уныние и пессимизм современного культурного общества // Северный вестник. 1885. N 2. Отд. 2. С. 37.

Таким являлось настроение русского общества во время, когда на литературном горизонте появились произведения Вересаева и Чехова. Оба писателя в своих произведениях нанесли удар по все еще сильно распространенной в то время народнической теории – первый в повести «Без дороги», второй прежде всего в рассказе «Мужики»⁵⁵⁴. Изображать «разочарование в интеллигентских иллюзиях относительно народа»⁵⁵⁵ можно охарактеризовать как общее течение в литературе того периода. Разочарованность действительно была свойственна большей части образованного слоя, в том числе и врачам, которых тогда можно было разделить на три категории: на «постоянно визитирующих» – наиболее обеспеченная группа врачей, на городских, которые состояли на казенной службе и немного занимались частной практикой, и на земских, благодаря деятельности которых развивался весь строй земской медицины⁵⁵⁶. Именно последние нашли свое отражение в творчестве данных писателей.

6.3. Земский врач – воплощение интеллигентского идеала

Земские врачи, как и представители других профессий, согласно «Положению» 1864 г., были приглашены земскими управами «для исполнения таких по делам земств обязанностей, которые по свойству своему требуют особых познаний и подготовки»⁵⁵⁷. Эти люди под названием «*третий элемент*»⁵⁵⁸ входили в земское собрание и создали особую часть русской интеллигенции, которая выделялась именно своим положением среди народа при исполнении своей деятельности⁵⁵⁹. Как полагает А. Полунов, альтруизм и гуманизм во взглядах этой земской интеллигенции был дополнен

⁵⁵⁴ Как отметил В.Б. Катаев, Чехов «видел бездну, отделяющую интеллигенцию от народа (...) лучше многих знал тяготы народного положения («Мужики»), а также понимал тайны народного мышления, народной мудрости и народной культуры («В овраге»). (...) Человек из массы – мужик или интеллигент – для Чехова не предмет этнографического изучения, не объект поклонения или покаянных признаний, и не носитель конечных истин (...); см. Катаев, Проза Чехова. С. 62.

⁵⁵⁵ Фохт-Бабушкин, Викентий Вересаев. С. 630.

⁵⁵⁶ Меве, С. 66.

⁵⁵⁷ Материалы по земскому общественному устройству. СПб., 1885. Т. 1, С. 18; цитируется по Пирумова, С.3.

⁵⁵⁸ См. Большой Энциклопедический словарь: «Третий элемент»: в России условное название демократической интеллигенции, служившей в земстве по найму (врачи, учителя, статистики и др.), в отличие от администрации («1-й элемент») и земских гласных («2-й элемент»). Электронная версия: <http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/296794> (30.08.2010).

⁵⁵⁹ Пирумова, С. 23.

мессианскими элементами, что и приводило к готовности выполнять плохо оплачиваемую работу в глуши страны⁵⁶⁰.

Именно фигура земского врача со временем начала идеализироваться в обществе – возник образ альтруистического и самоотверженного «слуги народа», который во имя блага сельского населения, положение которого он пытался изменить, отказывался от комфорта, чтобы жить и работать в скромных условиях⁵⁶¹. В десятилетия после больших реформ, высокие идеалы, скромный образ жизни и самоотверженная работа стали признаками медицинских деятелей, подчеркивавших свое неаристократическое происхождение и скромные потребности⁵⁶². Врачи, воодушевленные надеждой помочь народу, поступали на земскую службу: «(...) Под служением ему (народу – *К.Т.*), мы понимали облегчение всяческих его нужд. Мы знали, что народ наш – только что (...) вышедший из-под векового крепостного ярма, невежествен, темен и забит. Поэтому мы считали, что все заботы интеллигенции должны быть направлены на просвещение народа, поднятие его личности, облегчение его материальных нужд, лечение физических недугов и проч.»⁵⁶³. Врачи поддерживали земскую медицину из мотивов идеологических и практических: так, половина врачей конца XIX в. имела опыт работы в земстве. Многие студенты медицинского отделения летом работали в земских больницах, а также оставались какое-то время на земской службе и после окончания университета⁵⁶⁴.

Особенностью земской интеллигенции, и в частности земских врачей, являлся общественный характер их профессиональной деятельности, их положение рядом с народом, в среде которого они жили и работали: «(...) земская служба дает врачу возможность личной инициативы и общественной деятельности (...) наиболее дает возможности для творчества, земское дело для врача становится его собственным

⁵⁶⁰ *Polunov*, С. 114.

⁵⁶¹ *Frieden*, *Russian Physicians*. С. 122.

⁵⁶² Там же. С. 125; *Confino*, С. 136.

⁵⁶³ *Белый Я.М.*, Из недавней старины: Воспоминания земского врача 70х годов. Новгород, 1907. цитируется по *Пурумова*.

⁵⁶⁴ *Frieden N.M.*, The politics of the zemstvo medicine, in: *Emmons T./ Vucinich W.S.* (Hrsg), *The Zemstvo in Russia – An experiment in local self-government*. Cambridge et al., 1982, С. 316-317. Так, из 92 человек, окончивших медицинский факультет вместе с А.П. Чеховым в 1884 г., 22 поступили на земскую службу; *Архангельский Г.В.*, Студенческое и врачебное окружение А.П. Чехова в московский период его жизни // *Клиническая медицина* № 5 (1986) С. 144-145.

делом, и он любит сделанное, как свое творение⁵⁶⁵». Между врачами и сельским населением возникали новые отношения: врачи старались победить страх и недоверие мужиков⁵⁶⁶, знакомились с их положением и образом жизни, в котором преобладали болезни, беда и бездорожье. Для врачей было необходимым понять суть крестьянской жизни: так, первый санитарный врач России И.И. Моллесон советовал изучать «весь *ensemble русской жизни* – нравы, обычаи, привычки, праздники (...) *Предрассудки* и понимание жизни (надежды, верования, намерения и ожидания), общественные отношения, народную медицину – убивающие и калечащие столько людей»⁵⁶⁷. Однако пропасть между врачами и крестьянами не всегда могла быть преодолена, как мы увидим в произведении «Без дороги», где герой Дмитрий Чеканов как раз представляет собой прототип русского интеллигента того времени.

Именно благодаря земским врачам, среди которых было много представителей разночинной интеллигенции, земская медицина смогла сохраниться и развиваться в первые десятилетия своего существования. С полным основанием фигуру земского врача называли «основной фигурой» медицины в России⁵⁶⁸, «первым просветителем народа – верным и преданным народному делу работником среди населения – для народа и вместе с народом»⁵⁶⁹. Служение в земстве действительно было воспринято как некая миссия и идеал не только самими врачами, но и современниками. Показательна заметка литературного критика А. Скабичевского, возражавшего Вересаеву в отношении врача в повести «Без дороги», герой которой жалуется на отсутствие идеалов: «(...) а служба в земстве, борьба с тифом и холерой – разве это не идея, не знамя, не путеводная звезда, не дорожка?»⁵⁷⁰.

Образ альтруистического земского врача, самоотверженно работавшего за скудное вознаграждение в «глухих углах» России, стал мифом русской культуры,

⁵⁶⁵ Козинцев М.И., Чем привлекательна для врача служба в земстве. Общественно-санитарное обозрение (1897). № 3. С. 54.

⁵⁶⁶ Frieden, Russian Physicians. С. 126.

⁵⁶⁷ Моллесон И.И., Земская медицина. Очерк. Казань, 1871. С. 49, 8: «Исследуйте дальше двор, амбары, погреба мужика, садитесь с ним (с мужиком – К.Т.) вместе за стол, ложитесь с ним спать, отправляйтесь шаг за шагом в поле, на работы и т.д., вы увидите везде все одно и то же: болезнь, болезнь и болезнь».

⁵⁶⁸ Слова председателя Первого Пироговского съезда Н.В. Склифосовского цитирует Сорокина, С. 273.

⁵⁶⁹ Слова Д.Н. Жбанкова на Международном съезде врачей в Москве в 1897г. цитирует Мирский, Медицина России. С. 309.

⁵⁷⁰ Скабичевский А., Литературная хроника. "Без дороги" Вересаева // Новости 14.09. и 21.09.1895; цитируется по Фохт-Бабушкин, Примечания // Вересаев, Сочинения. М., 1990. Т. 1. С. 592.

который оставил о себе добрую память. Но миф и реальность не совпадали, а наоборот, резко расходились: высочайшие идеалы не всегда могли устоять перед жесткой действительностью. И именно в этом идеалистическом восприятии службы в земстве заключалась и одна из главных причин разочарования врачей: закончившие медицинский факультет, они с высокими надеждами и ожиданиями бросались в народную среду, где, однако, их ждали обстоятельства, ввиду которых даже лучшие знания медицины оказывались беспомощными. Выше упомянутые тяжелые условия жизни и работы вместе с постоянным осознанием, что их борьба с болезнями походит на сражение с ветряными мельницами, привели к тому, что у многих врачей высокие идеалы начали разрушаться, пока у них не наступило состояние полного отчаяния и разочарования. Именно это необходимо иметь в виду, рассматривая героев-врачей в литературных произведениях того времени, и в частности, в произведениях Чехова и Вересаева, которые будучи докторами, лучше знали настроения своих коллег-медиков.

7. Доктора господина Чехова – Андрей Ефимыч Рагин, Михаил Львович Астров и Дмитрий Ионыч Старцев

7.1. О хамах и благородных врачах

Как указано выше, медицина занимала важное место в жизни А. Чехова, что отразилось и в его произведениях, в которых присутствует 107 героев-врачей, каждый из которых представляет единственный в своем роде, со своей индивидуальной историей, собственными чувствам и переживаниями персонажа. Отличаются они по их отношению к профессии, и по характеру, но ни в коем случае нельзя упрекнуть писателя в идеализации своих коллег по профессии: Чехов хорошо знал, что среди них «нередкость невежды и хамы» (П. 4, 262), что в них, как и в других людях, можно найти дурное и позитивное. Однако и у Чехова встречаются положительные образы врачей, представляющих идеал и не совершающих никаких ошибок. Среди таких, безусловно, доктор Дымов из рассказа «Попрыгунья» – скромный, душевно чистый и беззаветно преданный своему делу человек, а также любящих всех и вся врач из «Рассказа старшего садовника»⁵⁷¹. Тем не менее, такие «идеальные» личности – не норма в

⁵⁷¹ Мнение, что в этом персонаже нашли отражение некоторые черты выше упомянутого Ф.П. Газа было высказано *Шубиным*. С.80-81.

творчестве автора: в большинстве случаев врачи показаны во всей, каждому человеку присущей диалектичности, т.е. как люди, имеющие светлые и дурные черты характера, обладающие недостатками и достоинствами.

Из множества персонажей-врачей, каждый из которых безусловно заслуживает самого пристального анализа в равной степени, хотелось бы остановиться на троих, по сложившемуся убеждению – самых известных, работа над которыми осуществлялась в период не только интенсивнейшей врачебной деятельности писателя, но и глубинного философского осмысления вопросов, связанных с русской интеллигенцией⁵⁷².

Публикация этих произведений – «Палата № 6» (1892), «Дядя Ваня» (1897) и «Ионыч» (1898) – как раз совпала и с появлением на литературном поприще рассказов В. Вересаева.

7.2. «Зачем вообще мешать людям умирать»? или: «И в бочке живет хорошо» – Рагин и палата № 6

Доктор Андрей Ефимыч Рагин из рассказа «Палата № 6», действие которого разворачивается на фоне больничного пространства – симптоматичный пример разочарованного врача, со временем утратившего веру в полезность своей деятельности. Его падение вызвано комбинацией слабого характера и пассивной жизненной философией, хотя есть еще одно очень важное обстоятельство: как утверждал Р. Клуге, в «Палате №6» показана гибель русского интеллигента прежде всего вследствие невозможности изменить существующие обстоятельства⁵⁷³. Рагин – погибающий интеллигент, ставший, также как и многие его современники заложником времени, в котором он жил.

Американский исследователь М. Финк предположил, что гибель Рагина – следствие не добровольного, а навязанного, под влиянием идей 1860-ых гг., его отцом-хирургом выбора медицинской профессии, поэтому профессиональную неудачу Рагина

⁵⁷² Полоцкая, С.396: «Вопросы, касающиеся интеллигенции, народа и их общения, плодотворного и неплодотворного, предстали в шедеврах чеховской прозы этого десятилетия»; подробнее на эту тему см. там же. С.396-399.

⁵⁷³ Клуге Р.-Д., Отображение болезни в рассказах «Палата № 6» и «Черный монах» // Чеховиана — Мелиховские труды и дни. М., 1995. С.53.

следует рассматривать именно как следствие пассивного бунта сына против воли отца⁵⁷⁴. Быть может, отец Рагина действительно имел сильное влияние на своего сына и каким-то образом определял его жизнь. Это могло бы объяснить слабый характер и безволие последнего⁵⁷⁵, но видеть в игнорировании Рагиным своего врачебного долга лишь исход семейного конфликта и желание эмансипироваться от властного отца, было бы ошибочно, так как текст изобилует указаниями на его изначальное усердие и на то, что он в принципе хороший врач. Даже не доказанный факт, что он в молодости намеревался поступить в духовную академию, не нивелирует его пригодность и на профессию врача: как подчеркивают некоторые исследователи, профессии «врач» и «священник» пересекаются и имеют много общего, так как имеют дело с наиболее затаенными сторонами жизни человека – врач с тайнами тела, священник с тайнами души⁵⁷⁶. Медицина, придавая значение взаимосвязи между духом и телом (и здесь нельзя не видеть, что такую связь видит и Рагин, когда проповедует, что внутреннее спокойствие поможет не чувствовать страданий), до определенной степени претендовала и на то, что в принципе находилось в ведении религиозного контроля⁵⁷⁷. Объект медицины представляют те же самые люди, которые являлись и являются церковною паствой⁵⁷⁸. Врач и священник сходились у постели больного и становились свидетелями его кончины⁵⁷⁹. И именно в XIX веке, вследствие развивающейся позитивистской философии, «на смену семейному священнику приходит семейный врач»⁵⁸⁰, т.е. функции священника отчасти переносятся на врача⁵⁸¹.

⁵⁷⁴ *Finke*, С.115-116.

⁵⁷⁵ Следует указать на то, что в творчестве Чехова отсутствующему в произведении отцу часто уделяется значительная роль. См. по этому поводу *Одесская М.М.*, Отец как внесценический персонаж в драматургии Ибсена, Стриндберга, Чехова // Творчество Хенрика Ибсена в мировом культурном контексте. СПб, 2007. С.144-156.

⁵⁷⁶ *Неклюдова*, Образ доктора. С.64-65.

⁵⁷⁷ *Porter R.*, Religion and Medicine // *Bynum W.F./ Porter R.*, Companion Encyclopedia of the History of Medicine. New York, 1993. С.1449-1465. Хотелось бы подчеркнуть, что и Чехов, интересовавшийся психиатрией со студенческих лет, обращал внимание на единство психической и физической сфере жизни: «(...) психические явления поразительно похожи на физические, что не разберешь, где начинаются первые и кончаются вторые (...) А если знаешь, как велико сходство между телесными и душевными болезнями, что те и другие лечатся одними и теми же лекарствами, поневоле захочешь не отделять душу от тела» (П. 3, 208).

⁵⁷⁸ *Богданов*, С.83.

⁵⁷⁹ Там же. С.84.

⁵⁸⁰ *Долженков*, С.5.

⁵⁸¹ Такой перенос был отмечен уже одним из идеологов Французской революции, полагавший, что в республике врач должен занять место священника: «Они (врачи — *К.Т.*) – ангели-хранители целостности ваших способностей и чувств. Врач не будет требовать гонорара у тех, кого он лечит; помощь больным будет бесплатной и обязательной – народ обеспечит это как одну из своих

Кроме того, по мнению К. Богданова, «дублирование» социальных функций врача и священника в России поддерживалось еще и тем, что со времен Петра I врачами в основном становились выходцы из духовного сословия⁵⁸². Первые русские медицинские школы набирали студентов из среды учащихся семинарий и духовных академий, так как те знали необходимую в медицине латынь.

На основании этих взаимосвязей между медициной и религией, возможно, что Чехов не случайно связал Рагина с духовенством (припомним: выбор между медициной и духовной карьерой пришлось сделать не одному Рагину, а также доктору Топоркову из рассказа «Цветы запоздалые»)⁵⁸³. Рагин не чувствовал призвания к каким-либо специальным наукам, и хотя он вряд ли воплощает образ того идеального, готового полностью отдаться своему призванию врача, который сложился в нашем воображении, это не ведет неминуемо к занижению его врачебных способностей. Неопределенность в профессии указывает прежде всего на его безволие и отсутствие конкретных представлений о своем будущем и своей жизни.

Вероятнее всего, что Рагин – контраст не своего медика-отца, а антагонизм поколения шестидесятников и симптоматичный пример потерявшего иллюзии врача-интеллекта. Обращает на себя внимание единственный точно указанный в рассказе год: в 1863 г., – два года после знаменитых реформ – Андрей Ефимыч Рагин оканчивает гимназию и поступает на медицинский факультет. Год спустя вводится земско-хозяйственное самоуправление, способствовавшее развитию земской медицины, и вызывавшее большие надежды среди ожидавшей преобразование общества и изменения к лучшему интеллигенции. Студенту Рагину эти процессы и с ними связанные ожидания не могли оставаться скрытыми. Быть может, и он до определенной степени был воодушевлен высокими идеалами и пытал надежду на то, что вследствие данных преобразований жизнь для людей станет лучше, и он своей работой действительно сможет в это внести вклад и помочь.

священных задач (...) медицина должна бесконечно самосовершенствоваться, она соединится в утешении физических страданий со старым духовным назначением Церкви... И армии священников, которые заботились о спасении души, станет соответствовать такая же армия врачей, которые будут заниматься телесным здоровьем», цитируется по *Ковелина*, С.95.

⁵⁸² *Богданов*, С.84.

⁵⁸³ Кроме того, здесь можно видеть и отражение ситуации доктора Крупова – если Рагин был заставлен своим отцом идти в врачи, то Крупов, родившийся в семье дьячка, по желанию отца должен был продолжать духовное поприще, но был увлечен страстью к медицине.

Закончив медицинский факультет, Рагин приезжает в город в двухстах верстах от железной дороги, где, однако, сталкивается с совсем другими обстоятельствами чем в обеспеченном пространстве университета: осмотрев больницу, ему остается лишь сделать вывод, что его будущее место работы вредно для здоровья жителей, и что лучше было бы его закрыть. И так как у Рагина нет ни твердости характера, ни стойкости воли, с помощи которых ситуация возможно могла быть изменена, он относится к беспорядкам равнодушно, прося «только больничных мужиков и сиделок не ночевать в палатах» (8, 84). На этом часто останавливались критики и исследователи данного произведения, оставляя без внимания факт, что Рагин в рамках своих собственных возможностей боролся за изменение существующей ситуации, и что лишь неудача этой борьбы и невозможность что-нибудь изменить окончательно превращает его в равнодушного врача Рагина и ведет его в конце концов к нравственной гибели. Ведь он с начала работает «очень усердно» (8, 84), принимая ежедневно с утра до обеда и также занимаясь операциями и акушерской практикой. Он не раз просит городскую управу передать медицинскую часть в ведение земства (так как медицинское обслуживание было лишь необязательной функцией земства, оно могло заниматься им только по требованию городской управы), чему ее члены сопротивляются. Здесь показывается зависимость врачей от посторонних лиц – то от членов земства, то от членов городской управы – которые, хотя им не хватает специальных знаний, принимают касающиеся прямо медицинского обслуживания решения. Рагин как врач знает, что больница в ее состоянии не соответствует нужным стандартам, и что городу в принципе необходимы две больницы. Но против решений городской управы, не дающей согласия на передачу медицинской части земству, с одной, и против отказа земства открыть еще одну больницу с тем аргументом, что в городе уже есть одна больница, с другой стороны, он ничего не поделает. Единственное, чего он добивается – 300 рублей в год для усиления медицинского персонала, и, в частности, назначения в должность доктора Хоботова⁵⁸⁴. Однако для того, чтобы самому завести более гуманные условия в больнице, и, таким образом, попытаться хотя бы в существующих условиях

⁵⁸⁴ Доктор Хоботов, однако, в своем отношении к беспорядкам никак не отличается от Рагина, оставаясь так же бездейственным: «Совершенное отсутствие антисептики и кровососные банки возмущают его, но новый порядок он не вводит, боясь оскорбить этим Андрея Ефимича» (8, 93). Этим образом, и Хоботов для своего бездействия находит оправдание, проявляя те же поведение и образ мышления, что и Рагин.

изменить ситуацию к лучшему, ему не хватает мужества.

Рагин как будто бы перекручивал принцип «Измени то, что ты способен изменить, и принимай то, что изменить не в силах»: то, что он пытается изменить, не в его силах; изменить то, что было бы в его силах, ему не под силу. Чтобы остановить ограбление больных со стороны смотрителя, кастелянши и фельдшера, а также примененное Никитиным насилие, Рагин должен был бы сделать выговор этим людям, «сказать (...) смотрителю, чтоб он перестал красть, или прогнать его, или совсем упразднить эту ненужную должность» (8, 84). А именно этого он, как подробно описывается, не умеет. Он, даже стесняясь требовать обед у своей кухарки, не может добиться лучших условий для пациентов, хотя ему ясно, что для эффективного лечения больных нужны «чистота и вентиляция, а не грязь, здоровая пища, а не щи из вонючей кислой капусты, и хорошие помощники, а не воры» (8, 85).

Бросается в глаза, что не менее важным в процессе деградации Рагина является факт, что он с самого начала сталкивается с разладом между развивающейся в эти годы медициной, и окружающей его реальностью. Он много размышляет о контрасте между изученной им в университете медициной, находившейся тогда под угрозой участи «алхимии и метафизики», и той, которая, четверть века спустя, по ночам «трогает его и возбуждает в нем удивление и даже восторг» (8, 91). Его восхищают новые открытия, делающие возможным разнообразные операции и излечение всяческих болезней, приобретающая значение статистика, а также «наша русская земская медицина» (8, 92) и психиатрия с ее новыми методами. И хотя Рагин пытается внушать себе, что несмотря на все эти достижения люди и так будут болеть и умирать и желанное им бессмертие и так никогда не будет достигнуто («Что же из этого? И антисептика, и Кох, и Пастер, а сущность дела нисколько не изменилась. Болезненность и смертность все те же (...) на волю их (сумасшедших — *К.Т.*) не выпускают» (8, 92)), все-таки знание того огромного разлада между тем, каким все могло бы быть и каким оно является в его больнице, вызывает в нем «*скорбь* и чувство, похожее на *зависть*» (8, 92) /курсив мой — *К.Т.*/ А ведь именно эта деталь, это на миг зажигающееся чувство показывает, что именно осознание пропасти между «лучшею венской клиникой» и маленьким городком в глуши России способствует деградации Рагина, хотя сразу же делается оговорка («Это, должно быть, от утомленности» (8, 92)).

Как и молодой герой из «Записок» Вересаева ужасается ввиду разлада между точной медицинской наукой и практикой, ужасается Рагин от контраста между сказочными переменами в медицине и темной реальностью в городке далеко от железной дороги. В то время, как медицинская наука продвигалась и сильно развивалась, в его больнице время как будто бы остановилось: «(...) все больничное дело, как и 20 лет назад, построено на воровстве, дрязгах, сплетнях, на грубом шарлатанстве, и больница по-прежнему представляет из себя учреждение безнравственное и в высшей степени вредное для жителей» (8, 91) /курсив мой — К.Т./.

Рагин, что остается часто незамеченным, лишь старается успокоит себе тем, что весь прогресс в медицине не может устранить болезни, страдание и смерть людей, и что никакой разницы между лучшими клиниками и его больницей, где «томятся люди в болезнях и физической нечистоте (...) кто-нибудь не спит и воюет с насекомыми, кто-нибудь заражается рожей или стонет от туги положенной повязки» (8, 91), нет. На самом деле он хорошо знает, что разница существенна, и это знание, этот сохранившийся остаток врачебной этики и вызывает в нем печаль и мешает ему «быть равнодушным» (8, 92). Естественно, что врач, знающий про великие достижения в своей специальности, хотел бы применять их сам и благодаря ими приносить пользу пациентам. Но к чему Рагину развитие земской медицины со всеми ее выгодами для больных, если земство отказывается открыть земскую больницу «ни в городе, ни возле, ссылаясь на то, что город имеет уже свою больницу» (8, 83)? И что принес прогресс в области психиатрии жителям палаты № 6⁵⁸⁵? Рагин отдает себе отчет, что «такая мерзость, как палата № 6», где сторож бьет больных, совершенно противоречит новейшим методам лечения в психиатрии, начавшей развиваться как отдельная область медицинской науки именно к концу XIX в.⁵⁸⁶. Рагин размышляет о больших переменах в медицине, скорбя о том, что ему и его пациентам они недоступны. Одновременно он не может собрать силы и смелость, чтобы изменить то, что было бы в его власти. Для того, чтобы вступить на тернистый путь борьбы с ужасными условиями в больнице, которая, несомненно, в малом могла бы принести значительные результаты, у него не хватает стойкости воли, он слишком слаб. С вызовами реальной жизнью человек такого

⁵⁸⁵ В том смысле и *Odesskaya*, С.197: «Here Chekhov was polemizing with those who had high hopes that zemstvo activity would improve social medicine».

⁵⁸⁶ К развитию психиатрии в России и интересу Чехова в этой области см. там же. С. 194-196.

мягкого характера как Рагин не может справиться; все его идеалы и намерения, которые, быть может, у него с самого начала были, скоро начинают крушиться. Он осознает свою неспособность изменить существующую ситуацию даже усердным трудом (то есть неспособность что-нибудь изменить в рамках того, что он по своему характеру в состоянии сделать) и, следовательно, ставит цель всей своей деятельности под вопрос: «Сегодня примешь 30 больных, а завтра, глядишь, привалило их 35, послезавтра 40, и так изо дня в день, из года в год, а смертность в городе не уменьшается и больные не перестают ходить» (8, 84). Он начинает терять надежду, пока не наступает день, когда он, отвергая всякую этику врача и учение Гиппократова о необходимости борьбы за жизнь человека до конца, не видит смысла в своей деятельности вообще и рассуждает: «Да и к чему мешать людям умирать, если смерть есть нормальный и законный конец каждого? Что из того, если какой-нибудь торгаш или чиновник проживет лишних пять, десять лет? (...)» (8, 85). И отдаваясь таким рассуждениям и мыслям о бесполезности своей деятельности, «Андрей Ефимыч опустил руки и стал ходить в больницу не каждый день» (8, 85).

Все-таки, до определенной степени Рагин сохранил чувство вины – Р.Е. Лапушин видел в просыпающемся ночью чувстве скорби и зависти мотив вины, указывая на «избыток человечности», отличающий его от остальных жителей города и, в конце концов, ведущий к приходу Рагина в палату № 6⁵⁸⁷. Действительно, он чувствует, знает, что не ведет себя так, как следовало бы, и размышляет о своей нечестности, а также вине. Но он, помимо выше упомянутой теории о том, что страдание способствует совершенствованию человека и поэтому полезно приспособиться ко всему сущему, находит оправдания для своей бездеятельности еще в духе эпохи, в которой он живет: он убежден, что он «сам по себе (...) ничто», что он – «только частица необходимого социального зла», а в своей пассивности обвиняет время: «Родился я двумястами лет позже, я был бы другим» (8, 93).

Не менее важно, чем время – пространство и окружающая среда, которые равным образом способствуют гибели Рагина⁵⁸⁸: он чувствует, что в столицах происходят некое «движение», что там находятся «настоящие люди» (8, 98), но сам,

⁵⁸⁷ Лапушин Р.Е., Трагический герой в «Палате № 6» (От невольной вины к совести) // Чеховиана — Мелиховские труды и дни. М., 1995. С.63.

⁵⁸⁸ См. Клуге, С.52-59; также Suchanek, Пространство здоровья и пространство болезни. С.63.

живя далеко от цивилизации, в городе в двустах верстах от железнодорожной станции, где «томительно скучно» (8, 97), ощущает лишь общую тоску, скуку работы, а также своей собственной жизни, в которой каждый день проходит одинаково. Он жалуется на отсутствие умных людей, на то, что ему не с кем говорить, не с кем обмениваться мнениями, а почтмейстер, единственный человек в городе, компанию которого он сначала разделяет, со временем начинает его раздражать: «В городе томительно скучно... Не с кем слова сказать, некого послушать (...)» (8, 98). Рагин мечтает об обществе умных людей и беседах с ними, которых он не находит среди жителей города, и от которых со временем совершенно изолируется. «Совсем вы нас забыли, доктор. Впрочем, вы монахи: в карты не играете, женщин не любите (...)», упрекают его. Рагину скучно с людьми рода членов управы, им – с Рагиным. В результате, скучно всем: «Все заговорили о том, как скучно порядочному человеку жить в этом городе» (8, 107). Но если остальные жители города справляются с этим обстоятельством и смогут развеяться от скуки, отдаваясь игре в карты и прочим занятиям, то Андрей Ефимыч отстает от городской общественной жизни, обособляется, находя утешение лишь в чтении книг по философии и истории. Он полностью отделяет себя от общества, отказываясь от активной деятельности и отрекаясь от мира, замыкается в себе, что и является центральным мотивом произведения⁵⁸⁹. Не находя себе единомышленника, с которым возможно было бы заговорить на темы, занимающие его мысли, и не желая спуститься на уровень местных бесед, он остается одним. И лишь в Громе находил собеседника, разговоры с которым доставляют ему удовольствия.

Итак, можно сказать, что Рагин – раб как пространства, так и времени, влияние которых он привлекает к оправданию своей бездеятельности. Он слишком слаб, чтобы бороться с окружающими обстоятельствами. Тем не менее, какими бы ни были его разочарования настоящим, его мысли направлены на будущее: «Прошлое противно, лучше не вспоминать о нем. А в настоящем то же, что в прошлом» (8, 91). Как и многие другие герои произведений Чехова, размышляет он о времени в больших масштабах, воображая себе, как «мозговые центры и извилины (...) гений (...) миллионы лет без смысла и без цели носиться с землей вокруг солнца» (8, 90). Рагин уверен, что не только он был бы другим, лучшим человеком, если бы родился двумястами годами позже, но и

⁵⁸⁹ Клуге, С.54.

не сомневается, что человечество в целом ждет лучшее будущее: «(...) когда в далеком будущем закончат свое существование тюрьмы и сумасшедшие дома, то не будет ни решеток на окнах, ни халатов. Конечно, такое время рано или поздно настанет» (8, 96).

Если он и отдает себе отчет в том, что «сущность вещей» не изменится, что «законы природы останутся все те же» (8, 96), он все-таки верит в наступление более светлых времен. И хотя и сам активно ничего не делает для того, чтобы изменить к лучшему существующие условия, он предает себе размышлениям о том, что выгодно для человечества и последующих поколений. Ведь даже его теория о равнодушии к страданию, в конце концов, направлена на улучшение жизни: «(...) если человечество в самом деле научится облегчать свои страдания пилюлями и каплями, то оно совершенно забросит религию и философию, в которых до сих пор находило не только защиту от всяких бед, а даже счастье» (8, 85). Пропагандируя благотворный эффект страданий, он хочет предохранить людей от отступления от духовных убеждений, и, следовательно, от счастья. Склонный к долгим размышлениям Рагин не доволен действительностью, ему хотелось бы сделать жизнь более благополучной для всех, и долгое время его стоический взгляд на мир и усовершенствование человека путем страданий становится новой идеей, целью, к которой должно, по его мнению, стремиться человечество. Эта теория, в которую он долгое время верит, до ее крушения ввиду убеждения, создавшегося после осознания ее неустойчивости, заменяет ему медицину, которая в конкретной ситуации кажется ему бессмысленной, и от которой он в течение многих лет отдалился, разочарованный тем, что все ее достижения не смогут изменить ситуацию в больнице.

Существование Рагина – трагедия разочарованной, лишенной смысла жизни слишком слабого, но глубоко чувствующего, наконец, наряду с Громовым, – единственным в городе, кто также размышляет и не поддается праздной жизни, признанного сумасшедшим, человека. Его трагичная смерть в палате № 6, куда его заключили тогда, когда он в конце концов, после долгих исканий, нашел собеседника для своих размышлений, является лишь пиком и заключительной главой этого грустного бытия. Рагин умирает в сознании, что он слаб и дрянной. Из заколдованного круга, в который он попал, он не смог выйти, а все более и более был поглощен им.

7.3. «Одному богу известно, в чем наше настоящее призвание» – доктор Астров между врачеванием и лесоводством

В пьесе «Дядя Ваня» А. Чехов хотя и отказывается от подробного описания каких-либо медицинских деталей, все-таки посредством маленьких намеков формирует читателю, а соответственно и зрителю представление о жизни присутствующего в драме врача. Как отмечает М.Г. Розовский, в течение всей пьесы акцент ставится на профессии Астрова: вся его роль — постоянное страдание на поприще профессионального занятия медициной и преодоление страдания путем экологических (т.е. непрофессиональных) забот⁵⁹⁰. Благодаря умению Чехова четко выразить и описать то, что другие писатели изображают подробно, а также вследствие особого отношения автора к герою-врачу, связанному определенной профессией, и, безусловно, досконального знания писателем ежедневной жизни и работы медицинских деятелей, читателю становится возможным войти в ситуацию Астрова и до определенной степени прочувствовать его переживания и прошедшие в его душе изменения⁵⁹¹. И хотя перемены в Астрове проходят до действия драмы, они представляют ключевой аспект в изучении этого персонажа, так как значительно влияют на его характер, и превращают его в того человека, которым он стал: перед нами стоит доктор с притупившимися чувствами и ничего нехотящий, утомленный не только работой, но жизнью вообще, в которой ему остались лишь забота о красоте земли и желание о слиянии человека с природой.

Можно исходить из того, что приступив к медицинской практике, Астров был предан работе. Ввиду того, что к началу 1860-х гг., описанных К.А. Тимирязевым как годы «пробуждения естествознания»⁵⁹², можно было заметить возрастание интереса и к медицине, вполне обосновано мнение П. Долженкова, что Астров, обратившийся к медицине, видел в науке средство к достижению лучшего будущего⁵⁹³. Самоотверженно посвятил он круглосуточно работе земским врачом целых 11 лет жизни, без одного

⁵⁹⁰ Розовский М.Г., Читаем «Дядю Ваню» (Действие первое) // Чеховиана — Мелиховские труды и дни. М., 1995. С.172.

⁵⁹¹ Хотелось бы указать на то, что врачи, участвующие на VIII Пироговском съезде в 1902г., которым был показан спектакль «Дядя Ваня», узнали в жизни Астрова свою собственную жизнь, о чем дали сведения многочисленные телеграммы, посланные Чехову по этому поводу. См. *Мирский*, Доктор Чехов. С.153-154.

⁵⁹² Тимирязев К.А., Сочинения в 10 томах. М., 1939. Т.8. С.144.

⁵⁹³ Долженков, С.116.

свободного дня, не щадя своих сил и отказываясь от личных удовольствий навещал пациентов днем и ночью, качаясь по вязким дорогам и огромным расстояниям от больного к больному зимой и летом. Тяжелые условия работы, с которыми ему приходится бороться при исполнении своих профессиональных обязанностей, описывает не только он сам старой няньке; слишком очевидны, они не остаются скрытыми и для других: «(...) что за жизнь у этого доктора! Непролазная грязь на дорогах, морозы, метели, расстояния громадные, народ грубый, дикий, кругом нужда, болезни, а при такой обстановке тому, кто работает и борется изо дня в день, трудно сохранить себя к сорока годам чистеньким и трезвым...» (13, 88-89), замечает Елена Андреевна.

Обоснованно исходить из того, что человек, взваливший на себя службу в таких темных, безнадежных условиях, со своей деятельностью связывает какие-нибудь мечты, видит какие-нибудь цели и стремления, которых хочет достичь. Человек, не воспринимающий свою работу как некую миссию, связанную с каким-нибудь идеалом и надеждой, вряд был бы готов к такой беззаветной работе, как Астров. «Я работаю (...) как никто в уезде (...)» (13, 84), говорит он сам о себе. О том, что он трудолюбивый человек, не может быть никакого сомнения: труженик Астров считает необходимым иметь в жизни обязанности, а такую жизнь, какую ведет Елена Андреевна, которая «только ест, спит, гуляет, чарует всех (...) своею красотой – больше ничего» (13, 83), он не выносит. Считая, что «праздная жизнь не может быть чистою» (13, 83), он почти до самопожертвования отдается работе, пока не понял, что «постарел, заработался, испошился» (13, 85).

После десятилетней деятельности Астров хотя и сохранил такое отношение к труду, пропагандируя, что жизнь без сверхцелей не может быть прекрасной, и за исключением четвертого действия продолжая навещать больных, все-таки сильно изменился: у него «утомленное, нервное лицо», он постарел, пристрастился к водке. Слова, произнесенные им, свидетельствуют о разочаровании, испытанном им вследствие многолетнего и непрестанного труда, в конце концов не принесшим желанных результатов. Как многие его коллеги-врачи как в реальности, так и в других произведениях А. Чехова, Астрову со временем пришлось осознать, что все усилия и старания, не сочетаемые версты, преодоленные им за десятилетие на пути к больным,

не в силах принести значительного облегчения населению. Слишком непреодолимыми являются препятствия, мешающие достижению лучшего бытия. Астров чувствует, что сколько бы он ни работал, существенного изменения он никогда не достигнет своим трудом. В той глуши, в которой он призван лечить больных, условия жизни, мрачная реальность крестьянского быта значительно не меняются ни вследствие реформ 60-ых гг., ни трудом таких самоотверженных тружеников, как он сам. Стоит на этом месте приводить описание крестьянской жизни, изложенным на бумаге неким доктором П. Малиновском в 1846 г.: «Трудно найти что-нибудь грязнее, воняющее, нечистоплотнее чем житье крестьянина. В дождливое время вы должны благодарить бога, если вы доберетесь до его крыльца не завянув в грязи. Перейдя четыре или пять ступеней покрывшегося крыльца, вы ходите в сени: пол кривой, просвечивают огромные щели и на полу такая грязь, как на улице; у стен иногда два-три сундука, забросанные грязные изодранные одежды; летом, на оглобле, воткнутой за перекладину, поддерживающую потолок, висит колыбель и в ней пищит запачканный ребенок; в сенях вы непременно встретите овцу или свинью, да не одну, а несколько куриц; все эти животные украшают сени, чем они могут украшать и развивают неприятный запах»⁵⁹⁴. Если сравнить это описание со словами, вложенными Чеховым в уста Астрова более полувека спустя, то крестьянская жизнь и избы явятся такими же грязными и воняющими. Существенной разницы в высказываниях этих двух докторов нет, краски, которыми описывают то, свидетелями чего ежедневно они становятся при исполнении своей работы, одинаково темны: «В избах народ вповалку... Грязь, вонь, дым, телята на полу, с больными вместе... Поросята тут же...» (13, 64).

Работая в таких обстоятельствах Астров со временем стал другим, что заметно не только няньке, но и ему самому, когда он говорит какой скучной, глупой и грязной жизнь ему нынче кажется. Как утверждает Д. Рейфилд, главный мотив доктора в пьесе – огорчение условиями жизни вокруг него и чувство вины, что ни он, ни медицина, ни общество не могут справиться с существующими проблемами⁵⁹⁵. Жизнь в уезде остановилась, прогресса нет, и, как демонстрирует Астров, показывая Елене Андреевне картину уезда в настоящее время, «(...) на смену не пришли заводы, фабрики, школы, –

⁵⁹⁴ Малиновский П., Записки доктора, М., 1846, цитируется по Федотов Д.Д., Очерки по истории отечественной психиатрии, Вторая половина XVII и первая половина XIX века. Т.1. М., 1957. С.67с.

⁵⁹⁵ Rayfield, С.166.

в уезде те же болота, комары, то же бездорожье, нищета, тиф, дифтерит, пожары... (...)» (13, 95). От осознания того, что ничего не меняется к лучшему, он устал, разочарован и неудовлетворен жизнью, чувствует себя чужаком, ничтожным существом, чья деятельность врача с учетом общих проблем и темной реальностью является донкихотством. Донкихотством в уезде, обывательскую жизнь которого Астров терпеть не может и презирает всеми силами своей души. Именно эту «уездную», «русскую» жизнь он не любит. А именно эта жизнь, как он объясняет Войницкому, способствовала его душевной деградации: «Во всем уезде было только два порядочных, интеллигентных человека: я да ты. Но в какие-нибудь десять лет жизнь обывательская, жизнь презренная затянула нас; она своими гнилыми испарениями отравила нашу кровь, и мы стали такими же пошляками, как все» (13, 108). И в пьесе «Дядя Ваня» герой-врач видит причину своего разочарования в окружающих его обстоятельствах, подразумевая следовательно, что он был бы другим, если бы жил в другом месте или эпохе. И он как будто бы искал некое оправдание во влиянии пространства и времени, в которым ему придется жить, до определенной степени отвергая, таким образом, всякую личную ответственность за свою жизнь. Чужаком он стал из-за того, что живет в том же уезде, и если раньше считал чужаков больными, то со временем пришел к выводу, «что нормальное состояние человека – это быть чужаком» (13, 107) и сам стал приспособляться к течению провинциальной жизни: «Кругом тебя одни чужаки, сплошь одни чужаки; а поживешь с ними года два-три и мало-помалу сам, незаметно для себя, становишься чужаком. Неизбежная участь (...)» (13, 63).

Усталость Астрова вытекает прежде всего из того, что он больше не знает, для чего он должен трудиться. Путешествие темным лесом – метафора его жизни: «Знаете, когда идешь темною ночью по лесу, и *если в это время вдали светит огонек, то не замечаешь ни утомления, ни потемок, ни колючих веток, которые бьют тебя по лицу...* Я работаю, – вам это известно, – как никто в уезде, судьба бьет меня не переставая, порой страдаю я невыносимо, но *у меня вдали нет огонька*» (13, 83-84) /курсив мой - К.Т./. Огонек – синоним надежды, правды, идеи, показывающей путь, в который возможно было бы верить и который обогатил бы его жизнь высшим смыслом⁵⁹⁶. Ради реализации такой идеи Астров готов пожертвовать собой, преодолеть свое утомление и

⁵⁹⁶ В том смысле и Kataev V., *If Only We Could Know! An Interpretation of Chekhov*. Chicago, 2002. С.204.

не обращать внимания на тяжелые обстоятельства. Но огонек, который как прежде, давал бы ему силы выносить все трудности и препятствия, переносить все лишения и сохранять надежду на труд ради настоящей и продолжительной пользы для народа давно погас, оставляя героя пессимистом в убеждении, что его положение безнадежно. Отсутствие огонька у Астрова и с ним связанные последствия подчеркнул в своей статье «Лишние люди» и В.В. Воровский, который этого врача поставил в один ряд с другими героями Чехова, на примере которых тот показал заключительный эпизод в жизни целого общественного течения, гибель всего поколения⁵⁹⁷. «Это отсутствие огонька, отсутствие руководящей цели не может, в свою очередь, не парализовать действенной энергии, не может не вызывать полного упадка воли. Нет цели в жизни, нет воли работать, нет желания не только делать что-нибудь для ближнего, но даже любить этого ближнего. Апатия одолевает человека, осмысленная жизнь утрачивает всякую прелесть», отметил Воровский в отношении Астрова⁵⁹⁸. И действительно, он потерял способность привязаться, полюбить другого человека, и, как было отмечено выше, равнодушен к людям – схожее поведение демонстрирует он как к Войницкому, советуя ему покончить с собой в лесу, так и к двум женщинам в пьесе: Соню, питающую к нему искреннее расположение, он игнорирует и жестоким образом отвергает, между тем как пытается соблазнить Елену Андреевну к супружеской измене, наконец целуя ее «от нечего делать» (П. 8, 272).

Тем не менее, трактовка Астрова как лишнего человека, не испытывающего желания сделать что-нибудь для ближнего, так и не относится к нему. Действительно, Астров разочарован, устал, потерял прежнюю энергию, а жизнь, предстоящая перед ним, затягивает и наскучила ему так, что он частично душевно опустошен. Но он не опускает руки, и не только продолжает работать врачом, но и находит себе новую цель в жизни. Прежде мечтавший приносить пользу человечеству врачебной деятельностью, он, ставя под вопрос свое призвание к медицине, перенес свои надежды на другое занятие: новым наполнением его жизни стала защита русских лесов, которой он отдается с той же любовью, с которой, быть может, раньше отдавался медицине. Усталый и разочарованный работой земского врача, больше ничего хорошего для себя не ждавший, он полностью отдается борьбе за восстановление вырубленных лесов.

⁵⁹⁷ Воровский, С.617-618.

⁵⁹⁸ Там же. С.642.

Астров, объявлявший, что его чувства притупились так, что уже не смог бы привязаться к человеку, говорит о лесах с невероятным энтузиазмом и восхищением. Леса представляют для него не только необходимую предпосылку здоровому климату и сохранению природы, и, в том числе, здоровью человека, но более того: по мнению Астрова, они учат человека понимать прекрасное и внушают ему величавое настроение. Таким образом его борьба за сохранение лесов в то же время является и борьбой за улучшение человека: «Леса смягчают суровый климат. В странах, где мягкий климат, меньше тратится сил на борьбу с природой и потому там мягче и нежнее человек; там люди красивы, гибки, легко возбудимы, речь их изящна, движения грациозны. У них процветают науки и искусства, философия их не мрачна, отношения к женщине полны изящного благородства...» (13, 72). Неверно поэтому без оговорок приравнивать этого героя тем «лишним людям», мир которых – «мир бездеятельного прозябания, мир праздности и тунеядства»⁵⁹⁹. У Астрова остались пережитки общественного идеала, он единственный в драме кто действительно продолжает служить другим даже несмотря на понимание неплототворности его усилий⁶⁰⁰. Он не прекращает заботиться о благе людей, так как ведя борьбу за сохранение лесов хочет достичь лучшую жизнь для следующих поколений: «(...) когда я прохожу мимо крестьянских лесов, которые я спас от порубки, или когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти, и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я (...)» (13, 73).

Вообще, желание приносить «громадную пользу» человечеству – одна из ключевых характеристик личности Астрова. А ведь это его стремление разоблачает прежде всего испытываемый им страх перед тем, что будущие поколения не только не будут помнить о нем и его современниках, но и будут осуждать их за неумение изменить общество и жизнь к лучшему, подобно тому, как в 1860-ые гг. новое поколение интеллигентов критиковало предшествующее за отсутствие реализации мыслей и идеалов: «Те, которые будут жить через сто, двести лет после нас и которые будут презирать нас за то, что мы прожили свои жизни так глупо и так безвкусно» (13, 108). Но сколько бы Астров не стремился приносить пользу человечеству и успокоить свою совесть, он чувствует, что внесенный им вклад в улучшение мира остается

⁵⁹⁹ Там же. С.647.

⁶⁰⁰ В том смысле и *Kataev*. С.204.

минимальным: он знает, что его современники не извлекают никакой выгоды из его существования, и лишь с помощью алкоголя возвращает себе, прежние и давно уже потерянные мечтания и силы, что позволяет ему успешно совершать самые трудные операции, рисовать самые широкие планы на будущее, не видеть себя чудачком и верить, что он приносит человечеству «громадную пользу... громадную!» (13, 82). Настоящую жизнь он переносит лишь в пьяном состоянии, в трезвом же он пытается успокоить себя тем, что по крайней мере своей борьбой за восстановление лесов, этим «чудачеством», как говорит, пробивает дорогу тем, кто будет жить сто-двести лет, даже через тысячу лет после него. Это помогает ему не упускать руки и продолжать трудиться. Не для своих современников, а для будущего человечества. Как подчеркивает П. Долженков, для Астрова работа над картами уезда – отдых; «возвышенная цель» таким образом «отчасти превращается в средство, средство выдержать тяжесть пошлой, обывательской уездной жизни»⁶⁰¹.

Итак, мысли Астрова, направленные на будущее, которое для него потеряло реальные черты, воспринято им совершенно абстрактно. Он думает в веках и вечностью, размышляя о тех, кто будет жить после него. Судьбе будущих поколений он, никого не любящий, отдает столько, а быть может, даже больше размышлений, чем окружающим его людям. Среди своих современников Астров чувствует себя одиноким, ощущая, что отстает от них. Он не сможет слиться ни с интеллигенцией, ни с простым народом, занимая, таким образом, промежуточное положение: «Мужики однообразны очень, неразвиты, грязно живут, а с интеллигенцией трудно ладить. Она утомляет. Все они, наши добрые знакомые, мелко мыслят, мелко чувствуют и не видят дальше своего носа – просто-напросто глупы. А те, которые поумнее и покрупнее, истеричны, заедены анализом, рефлексом... Эти ноют, ненавистничают, болезненно клеветают, подходят к человеку боком, смотрят на него искоса и решают: "О, это психопат!" или: "Это фразер!" А когда не знают, какой ярлык прилепить к моему лбу, то говорят: "Это странный человек, странный!"» (13, 84). И именно это положение Астрова приводит его к одиночеству. Помимо этого чувствуется и некая надменность доктора, когда он говорит, что он и Войницкий представляли единственных интеллигентных людей во всем уезде; это чувство превосходства возвращается, когда он пьян: «(...) все вы,

⁶⁰¹ Долженков, С.117.

братцы, представляетесь такими букашками... микробами» (13, 82). Но обычно он видит себя ничтожным существом и говорит о себе словами, которыми говорит о себе Паратов из «Бесприданного» А.Н.Островского: «У Островского в какой-то пьесе есть человек с большими усами и малыми способностями... Так это я» (13, 71).

Наконец Астров, после отъезда профессора и Елены Андреевны и после месячного пренебрежения своим пациентам и лесам выпивает водку, от которой сперва оказался и затем снова требовал в первом действии, и от которой окончательно отрекся во втором. Сообщая о том, что пристяжная захромала, и что, «должно быть, в этой Африке теперь жарища», он уезжает, возвращается к своим лесам и жизни, от которой больше ничего не ждет, и оставляет любящую его женщину одну. Но несмотря на все жалобы доктора, жизнь Астрова не остается пуста – как подчеркивает П. Долженков, в пьесе «Дядя Ваня» «Чехов показывает, что только долг (...) и красота удерживают его героя на краю пропасти»⁶⁰². А ведь именно эти два качества – долг, ради которого он продолжает трудиться, и красота, замечаемая им как в природе, так и в людях – единственное, к чему Астров равнодушен, а именно эти качества удерживают его «от падения в пропасть полного душевного опустошения»⁶⁰³.

7.4. Превращение – Как стал из Старцева Ионыч

В рассказе «Ионыч» (1898) Чехов прослеживает превращение Дмитрия Ионыча Старцева – умного молодого земского врача – в ожиревшего, жадного и ведущего праздную жизнь доктора Ионыча. Писатель показывает его постепенную деградацию и, как подчеркнул Г.П. Бердников, изображает «драму крушения человека, слияние его со строем господствующих отношений (...) Сам того не заметив, он (Старцев – *К.Т.*) был покорен ненавистной ему жизнью, сам превратился в одного из наиболее отталкивающих, ужасающих обывателей (...) Никогда еще до этого не показывал Чехов так ярко убийственную опасность примирения с существующим строем, подчинения господствующим нравам, принятой морали»⁶⁰⁴.

Молодой Дмитрий Ионыч, сын дьячка, – типичный интеллигент-разночинец, по

⁶⁰² Там же. С.117-118.

⁶⁰³ Там же. С.117.

⁶⁰⁴ Бердников Г.П., А.П. Чехов: Идеи и творческие искания. М./Л., 1961. С.434-435.

окончанию медицинского факультета поступивший на земскую службу трудиться на пользу народу. Полон надежд, мечтавший о высоких идеалах, он поселяется в Дялиже, в девяти верстах от губернского города С., где живет в скромных условиях без собственных лошадей и далеко от городской цивилизации и культуры. Тем не менее, если прочитать приведенное в начале описание Старцева, то видно, что этот человек излучает оптимизм, довольствие, и жизнерадостность: после приема больных он пешком идет в С., напевает романсы и наслаждается природой. Факт, что он принимает пациентов и в праздник – «было Вознесение» (10, 25), иногда рассматривается как доказательство некоей страсти к деньгам и даже жадности. Однако это предположение ничем не обоснованно: Старцев еще не завел в этот момент частную практику, а принимает больных в качестве земского врача, так что деньги получает не от больных, а от земских управ. Таким образом, увеличенный прием пациентов не приносит ему дополнительного заработка. Нельзя поэтому исходить из каких бы то ни было характерных качеств, указывающих с самого начала на жадность героя. Скорее хотел писатель этим замечанием подчеркнуть его трудолюбие и тяжелые условия работы.

Итак, Старцев бодрый молодой врач, любящий несмотря на скромные условия жизнь и наслаждающийся ею. Естественно, что он ищет немного развлечения и в городе, и, возбужденный любопытством, желает познакомиться с семьей Туркиных, представленной ему самой образованной и талантливой во всем уезде. Следуя приглашению Ивана Петровича, он надеется найти в городе, и, в частности, в обществе этих людей, культурную почву, пространство умных бесед. Он рассчитывает на эту семью и местную интеллигенцию вообще, как на собеседников, с которыми можно поговорить и обсудить самые горячие темы и проблемы, высказать свои взгляды на текущие события. Пробыв у Туркиных первый раз, он может убедиться в знаменитых «талантах» членов семьи – Иван Петрович забавляет своих гостей анекдотами, мать читает написанные ей романы, дочь Екатерина играет на рояле трудные произведения. Но первое пребывание в обществе элиты города С. Старцеву нравится⁶⁰⁵: «После зимы, проведенной в Дялиже, среди больных и мужиков, сидеть в гостинной, смотреть на это молодое, изящное и, вероятно, чистое существо и слушать (...) культурные звуки, – было так приятно, так ново...» (10, 27). Старцеву нравится сидеть в уютном салоне, а

⁶⁰⁵ См. также *Rayfield*, С.208.

своих хозяев он пока не судит, а тихо наблюдает, надеясь, что найдет в этом доме желанное культурное общество, беседы. Лишь намного позже Старцев будет думать о Туркиных с осуждением и отвращением, поняв: «Если самые талантливые люди во всем городе так бездарны, то каков же должен быть весь город» (10, 39). При первом же посещении семьи он еще восторгается, причем следует указать на то, что это восторг не результат подлинных чувств, а скорее вызван общим восхищением остальными присутствующими. Ведь после игры Котика, которая Старцеву кажется однообразной и тягостной, звуки надоедливими, он говорит «прекрасно», «поддаваясь общему увлечению» (10, 27). Но после тяжелой службы и одиночества он рад обществу, которое ему, как земскому врачу, не хватает, и он в хорошем настроении пешком возвращается домой, с удовольствием вспоминая вечер, проведенный далеко от работы. Первый раз он не замечает пустоты разговоров, еще не становится ясным невысокий уровень мнимых талантов Туркиных, исчерпывающихся в писании наивных романов, средней игре на рояле, и рассказыванием анекдотов. А если даже он и заметил банальность, однообразие и ограниченность бесед, то пока это не вызывает в нем никакого раздражения.

Тем не менее уже при описании его первого пребывания в гостях чувствуется пропасть, разделяющая его не только от хозяев, но и от всего высшего общества города: его искренние вопросы, печатает ли Вера Иосифовна свои романы и кончила ли Екатерина Ивановна курс в здешней гимназии, полностью неуместны. Они звучат наивно, выдавая, с самого начала его инородность в этом кругу людей, к которому примыкают Туркины. Живя в городе, в обеспеченной среде и комфорте, далеко от народной беды, не позволяя дочери посещать гимназию, чтобы она не поддавалась какому-нибудь чужеродному влиянию, такие люди, сами никогда не сталкивавшиеся с бытием крестьянского населения, писали романы о народнической идиллии, «о том, как молодая, красивая графиня устраивала у себя в деревне школы, больницы, библиотеки (...)» (10, 26), словом, писали о том, чего такие труженики как Старцев действительно пытались достичь ежедневным трудом. Слушая чтение Веры Иосифовны, Старцев, проведенный всю зиму среди больных мужиков, уже понял, что в реальной жизни такой идиллии не бывает, что всяческие учения – народничество, теория малых дел и другие, не всегда устойчивы перед вызовами реальной жизни. Несмотря на это знание, ему еще

приятно слушать; наверное не так еще давно, когда он сам, поступив на земскую службу, верил в эту идиллию и питал надежду своей деятельностью улучшить положение народа. И хотя он уже осознал, что в реальности ситуация не так проста, как в теории и мечтах, чтение Веры Иосифовны об открытии школ и библиотек в деревне вызывает у него хорошие и покойные мысли, и, быть может, немножко пробуждает прежние мечтания.

В отличие от членов семьи Туркиных, Старцев своим трудом действительно служит народу, он знает, что такая самоотверженная работа, жизнь без личных удобств, полна лишений: полностью отдав себе больным, «он никак не мог выбрать свободного часа», чтобы снова собраться в город. «Прошло больше года таким образом в трудах и одиночестве» (10, 28). Но какими бы тяжелыми не были обстоятельства, Старцев любит работать врачом, о чем свидетельствуют слова Екатерины Ивановны, произнесенные ей пять лет спустя: припоминая ему высокое призвание земского врача, она вспоминает: «Вы так любили говорить о своей больнице» (10, 38). Очевидно, что Старцев, приступив к практике, не только что работал много и усердно, но, в отличие от позднейших лет, выполнял своих обязанностей с чувством искреннего убеждения и идеализма, думая о больных даже в свободное время, и желая разделять свой опыт с другими.

Старцев любит говорить о своей работе еще и после годовой службы в полном одиночестве и беде, окруженный разнообразными страданиями, когда, после второго пребывания у Туркиных соскучился по любви и обществу, стал бывать в городе чаще и с удовольствием наслаждаться обществом Екатерины Ивановны. Котик ему нравится, восхищает его ее наивность, грация, ум и развитость. И если и до определенной степени можно считать ее избалованной и капризной, все же примечательно, что она единственная во всем городе, кто подобно Старцеву не может выносить оставаться в этой скуке, где жизнь ей кажется пустой и бесполезной. Несмотря на то, что она росла защищенной, под строгим надзором матери, она, в отличие от всех остальных местных жителей, указывающих на то, какая у них в городе хорошая жизнь, хочет оттуда вырваться. И лишь с ней, невзирая на ее молодость и пробуждающийся еще время от времени детский нрав, Старцев «мог говорить о литературе, об искусстве, о чем угодно, мог жаловаться ей на жизнь, на людей (...)» (10, 29). С остальными жителями города,

однако, его не связывает ничего, он чувствует, насколько он отличается от них. В то же время, для него очень важно, что о нем думают, он хочет, чтобы его уважали. Намек на это приведен в тексте в связи с эпизодом на кладбище: получив записку от Котика, чтобы пришел туда в 11 часов вечера, Старцев радуется не всей душой, что сможет увидеть любимую женщину. Его мысли сначала сосредоточены на то, уместным ли для него следовать легкомысленному предложению. Он знает про идеализированный образ земского врача, преобладающий в эту эпоху, и видит себя как представителя именно этого «слуги народа», и размышляет: «И к лицу ли ему, земскому доктору, умному, солидному человеку, вздыхать, получать записочки, таскаться по кладбищам, делать глупости, над которыми смеются теперь даже гимназисты? К чему поведет этот роман? Что скажут товарищи, когда узнают?» (10, 30). Часто высказывалось мнение, что деградацию Старцева вызвал отказ со стороны Котика, ее нежелание выйти за него замуж. Но размышляет ли искренне влюбленный мужчина перед первым, хотя и потом не состоявшимся, свиданием о том, соответствующим это ли его положению поступок? И размышлял бы влюбленный мужчина несколько минут перед тем, как сделать предложение о том, сколько приданого ему дадут? Казалось бы, по крайней мере в идеальном случае, нет. Старцев не уверен в своих чувствах к Екатерине Ивановне, а, ждав в доме Туркиных, взвешивает все обстоятельства за и против брака с такой «избалованной» и «капризной» девушкой. И эти рассуждения, по-моему, дают и сведение о уже начавшейся перемене героя: с одной стороны, он гордится быть разночинцем, земским врачом, трудится ради народа, осознает, что Котик не годится для такой жизни, с другой, представление, что в случае свадьбы ее родня заставит его бросить земскую службу и жить в городе, ему приятна: «В городе, так в городе. Дадут приданое, заведем обстановку...» (10, 33). Неожиданный для него отказ Екатерины Ивановны прежде всего вызывает стыд и оскорбляет его самолюбие. В конце концов, он переживает не очень долго. Конечно, он любил Котика, надеялся на семейную жизнь, уют, но необоснованно видеть в неудавшемся браке единственную причину для опустошения героя. Перемена с ним началась до того – помимо уже начавшейся полноты, обрел пару лошадей, его мысли уже стали направляться на материальное благополучие, для которого он был бы готов бросать земскую службу. Но он продолжает работать в своей больнице, пока с восхищением рассказывает Котику про свою работу. Еще он питает надежду устроить себе жизнь, еще способный к любви, к

подлинным чувствам к красоте, да и к отчаянию, когда он, бродя по кладбищу чувствует настроение печали и покоя, впервые ощущает тот «мир, не похожий ни на что другое, – мир, (...) где нет жизни, нет и нет, но в каждом темном тополе, в каждой могиле чувствуется присутствие тайны, обещающей жизнь тихую, прекрасную, вечную» (10, 31). На фоне этого слияния человека с природой Старцев, ощущая тепло, мечтает о любви, задумывается и над своей жизнью: «Ох, не надо бы полнеть!» (10, 32). Постепенное набирание веса приобретает в рассказе метафорическое значение: оно представляет символ деградации Старцева, которую он начинает ощущать уже на кладбище, осознавая, что меняется, и размышляя о необходимости изменить что-нибудь.

Четыре года спустя перед читателем стоит действительно изменившийся Старцев. Однако произошедшая перемена пошла в противоположное направление: Дмитрий Ионыч видно изменился, «Он пополнил, раздобыл и неохотно ходил пешком (...)» (10, 35). И перемена, к сожалению, не ограничивается его физическим состоянием, она захватила и его характер, и отношение к работе. После пятилетней службы он лишен всякого признака идеализма, а все свои силы, внимание и время, которых раньше, когда он за весь год не успевал заехать в гости в город, отдавал бедным в Дялижской больнице, теперь отдает городским больным, которых лечит не из чувства какого бы то ни было высшего призвания, а ради денег. Накопление денег, которые он по вечерам вынимает из карманов и считает, наряду с винтом, в который играет каждый день, пытаясь таким образом сделать жизнь чуть более сносной, стало одним из оставшихся у Старцева наслаждений. Кроме этого у него ничего нет: лечение больных в городе воспринимается им лишь как средство к материальному благополучию, в земской больнице же принимает пациентов спешно, без всякого лишнего участия. Еще несколько лет и этот человек, будучи земским врачом, воплощением борьбы интеллигенции за благо народа, будет рассматривать назначенных к торгам домов этих бедняков, «не обращая внимания на не одетых женщин и детей, которые глядят на него с изумлением и страхом» (10, 40). Старцев отупел под влиянием окружения эмоционально, и, как утверждает В.Б. Катаев, подводя итоги судьбы этого героя, «(...) силы, делающие из беспечного юноши бесчувственного стяжателя, слишком превосходят возможности сопротивления отдельного человека. Никаких иллюзий,

показывает Чехов, не должен питать человек, желающий остаться человеком в этом враждебном ему мире: ни здоровье, ни работа, ни презрение к обывателям не оказались достаточным противоядием против превращения Старцева в одного из таких обывателей (...)»⁶⁰⁶.

Старцев, хотя и стал одним из обывателей, по-прежнему не принадлежит к ним. Несмотря на большую практику, позволяющую ему вступать в контакты с многими людьми, а также на игру в винт, он ведет уединенную жизнь, изолируется от остальных. Он одинок, одинок в следствие неумения слиться с местными жителями. Он ни с кем не сходится близко, «Обыватели своими разговорами, взглядами на жизнь и даже своим видом раздражали его (...) обыватели не делали ничего, решительно ничего, и не интересовались ничем, и никак нельзя было придумать, о чем говорить с ними» (10, 35-36). Старцев, с начала надеявшийся на город и общение с живущими там людьми, со временем осознал, какими ограниченными и примитивными они являются. Умный и образованный молодой врач с либеральными взглядами искал общества людей такого же склада ума, как и он сам, но не нашел ни одного собеседника, с которыми смог бы обсудить волнующие его темы на высоком интеллектуальном уровне. В городе, где никто не делает решительно ничего и где общая реакция на его слова о том, что «нужно трудиться, что без труда жить нельзя» (10, 36) – обида и сердитое чувство, что их упрекают в бездеятельности, умный человек как Старцев может чувствовать лишь раздражение, отчаяние. Ведь он в принципе верит в жизнь, верит, что человечество движется вперед, ждет прогресса в будущем. Но все попытки заводить разговоры с обывателями на превышающие ежедневную жизнь темы остались неудачными, вызывали у собеседников лишь недоверие и недоумение, и в конце концов привели к тому, что Старцева воспринимали как чудака, называя его «поляк надутый» (10, 36). В результате тот оставляет всякую надежду, замыкается в себе со своими прогрессивными, но не эквивалентными этой среде взглядами, избегает разговоров и при приглашениях глядит только в тарелку, закусывая, и, в следствие этого толстея все больше и больше. Все более и более он пустеет и душевно. Начав презирать обывателей, он становился похожим на них. И в этом вся трагедия его жизни: как подчеркивал З. Паперный, Старцев, «Отталкиваясь от Туркиных (которые представляют

⁶⁰⁶ Катаев, Проза Чехова. С.217.

синоним для всего города – *К.Т.*), (...) опускается гораздо ниже Туркиных. И в сущности, теряет какое бы то ни было право их судить»⁶⁰⁷. И он отходит «не только от окружающей среды, но и от самого себя, прежнего, способного любить, чувствовать, жить»⁶⁰⁸.

Трагедия Старцева в том, что в отличие от остальных, он умел вести наполненную жизнь: ведь он с начала действительно представлял собой того идеального, возвышенного и помогающего страдальцам земского врача, о котором ему говорит Екатерина Ивановна; врача, не потерявшего несмотря на тяжелую и интенсивную работу, радость жизни. Но со временем этот трудолюбивый, честный человек, подчеркивающий перед собеседниками необходимость труда, стал этим Ионычем, меньше и меньше работающим из идеализма или какого бы то ни было убеждения, но из простой скупости. Трагедия этого человека приобретает еще дополнительную окраску, если принять во внимание факт, что Старцев знает о своей маргинализации. Он знает про свою деградацию, неудавшуюся жизнь, собственную пошлость. Его существование представляется ему жалким, и он это осознает, жалуясь Котику: «Как мы поживаем тут? Да никак. Старимся, полнеем, опускаемся. День да ночь – сутки прочь, жизнь проходит тускло, без впечатлений, без мыслей... Днем нажива, а вечером клуб, общество картежников, алкоголиков, хрипунов, которых я терпеть не могу. Что хорошего?» (10, 38). В глубине души у него остался остаток прежнего, светлого Дмитрия Ионыча: разговаривая с Екатериной Ивановной он на миг чувствует, как «в душе затеплился огонек (...)», как «разгорался в душе, и уже хотелось говорить, жаловаться на жизнь...» (10, 38). И когда прежде любимая женщина напоминает ему о высоком призвании врача, об идеальном, возвышенном человеке, каким она его видела под впечатлением воспоминаний, Старцев «вспомнил про бумажки, которые он по вечерам вынимал из карманов с таким удовольствием, и огонек в душе погас» (10, 39). Слушая слова, рисующие ему его бывший идеал, он испытывает неловкость, он стыдится, осознавая, что между нынешнем Ионычем и прежним Дмитрием Ионыче больше нет ничего общего.

Несмотря на то, что Старцев неудовлетворен своей жизнью, как свидетельствуют

⁶⁰⁷ Паперный З.С., Записные книжки Чехова. М., 1976. С.52.

⁶⁰⁸ Там же.

вспыхнувшие на миг при разговоре с Котиком подлинные чувства и дающая о себе знать совесть, чувствует свою подлость, праздность своей жизни, он ничего не меняет. А это отличает Старцева от остальных жителей города, в этом лежит действительная трагедийность всего произведения: если бы он не знал про свою моральную деградацию, можно было бы рассматривать его просто как человека с плохим характером, не отдающим себе отчет в том, что живет неправильно. Старцев, однако, вполне осознает свое падение, по временам чувствуя стыд и угрызения совести. Но вместо того, чтобы остановиться и попытаться сопротивляться течению жизни в городе, он позволяет себе увлечь общим настроением, все более и более дает захватить себя скукой и пошлостью. После затеплившегося при разговоре с Екатериной Ивановной на секунду огонька, он не только возвращается в прежнюю колею, но и еще больше предается порокам: Старцев «еще больше пополнил, ожирел, тяжело дышит и уже ходит, откинув назад голову» (10, 40), приобрел одно имение и почти три дома, ведет громадную практику. И он становится все более несчастным, одиноким, озлобленным. Своим раздраженным поведением по отношению к окружающим его людям он как будто срывает на них злость за свою неудавшуюся, загубленную жизнь, жалость к самому себе. Но на самом деле ни больные, на которых он сердито кричит, ни Туркины, с которыми больше не общается, ни весь город С. не несут ответственность за несчастье Старцева. Он сам слишком слаб, не борется, чтобы устоять перед влиянием неблагополучной среды, а наоборот мирится со своим пошлым существованием. Образ жизни, так презираемый им у остальных, все более и более засасывает его, пока он не только уподобляется всем остальным, но и, быть может, опускается ниже них, продолжая свою печальную, убогую жизнь: «Он одинок. Живется ему скучно, ничто его не интересует» (10, 41).

8. Врачи в произведениях В.В. Вересаева – доктора Чуваев, Чеканов и Троицкий

8.1. Медицинский лейтмотив Вересаева

Основными лейтмотивами в творчестве Вересаева можно считать медицинскую тематику, а также судьбы и мысли интеллигенции. Эти основные мотивы часто связаны

между собой и перекликаются друг с другом в тех произведениях, в которых центральным персонажем является врач. Такие персонажи одновременно являются и представителями интеллигенции, и медицинскими работниками, и интересуются общественной жизнью и актуальными проблемами общества.

Способность глубоко переживать и анализировать окружающие его явления, определять свое отношение к ним, а также открытый взгляд не только на медицинские проблемы, но и на всю общественную действительность, характеризует и героя из «Записок врача»⁶⁰⁹. Но легендарные «Записки врача» – далеко не единственное произведение Вересаева из медицинского мира. Именно сюжеты ранних произведений писателя сосредоточены на персонажах или студента медицинского отделения, или врача, включая конечно, и их деятельность. Как писал Д. Дюррант, «Лейтмотив двойственного характера вересаевского персонажа, разрывающегося между медицинской профессией и растущим осознанием его писательского призвания, появляется, в конечном итоге, становится центральной темой повествования». Поэтому можно исходить из того, что «произошло слияние писателя и врача в процессе работы над направлениями развития в некоторых произведениях, затрагивающих вопросы духовного осуществления и социальных реформ»⁶¹⁰. Герои-врачи встречаются во многих повестях и рассказах. Медицинский лейтмотив присутствует и в неизвестной пьесе «В священном лесу», действие которой полностью происходит в больнице⁶¹¹. И хотя герои-врачи, за исключением второй части рассказа «Без дороги» и «Записок врача», обычно не показаны при исполнении своей врачебной деятельности, выбор их профессии не является случайным: естественно, что писатель с такой склонностью к документальности как Викетний Вересаев, стремился писать лишь о том, что он знал из собственного опыта, и поэтому в своих произведениях с предпочтением обращался к персонажам-врачам.

В моей работе я бы хотела заострить свое внимание лишь на трёх персонажах из многочисленных героев-врачей в творчестве Вересаева. Рассказы «Товарищи» (1892 г.), «Без дороги» (1894 г.) и «Поветрие» (1897 г.) были выбраны как с точки зрения их

⁶⁰⁹ В том смысле и *Штейман*. С. 290.

⁶¹⁰ *Дюррант*, С. 128.

⁶¹¹ Подробнее об этой пьесе, прежде всего о ее месте в истории русской драмы, а также о том, как пьеса была принята официальной стороной см. *Дюррант*, С. 144-158.

содержания, а также и по причине их возникновения в девяностые годы XIX века. Их появление на свет совпадает с пиком творчества Антона Чехова, который в то же десятилетие создал большинство своих творческих шедевров. Эта параллельность их возникновения позволяет сравнение присутствующих в произведениях героев-врачей.

8.2. «Давайте побеседуем о зайцах» – доктор Чуваев из повести «Товарищи»

В повести «Товарищи», которая была написана Вересаевым в 1892 г. и была опубликована в журнале «Книжки недели» в последующем году, встречается первый из целого ряда героев-врачей произведений писателя. Однако он показан читателю независимо от своей деятельности и является лишь одним из пяти протагонистов одинакового сюжетного значения. Как полагал Г. Бровман⁶¹², замысел к рассказу возник у Вересаева под впечатлением настроения студенчества еще во время обучения в петербургском университете, то есть в то время, когда он, по его словам, «замысливал повесть о тоскующем русском интеллигенте: как он задыхается от окружающей его пошлости и жестокости, как обличает их, – как горько пьянствует где-нибудь в трактирчике, заливал водкою ощущение одиночества и благородные страдания своей души» (5, 288-289). По другим сведениям замысел к произведению возник чуть позже, в 1890 г., когда Вересаев отметил в дневнике о своих товарищах по университету, которые «равнодушно растоптали» былые идеалы «как затасканную ветошку»⁶¹³. Данный сюжет был в эти годы весьма распространен среди писателей – стоит лишь припомнить себе толпу тоскующих интеллигентов, созданных Антоном Павловичем Чеховым.

В рассказе «Товарищи» Вересаев впервые затрагивает вопрос долга перед народом, который остро ощущался представителями интеллигенции⁶¹⁴. Писатель также показывает их слабость в достижении своих стремлений и крушение их идеалов.

Пять товарищей по университету, которые после его окончания все вместе оказались в Слесарске в должностях чиновников, собираются вместе у акцизного Василия Михайловича. Среди посетителей – его коллеги Зубаренко и Иванов, учитель

⁶¹² Бровман, С. 28.

⁶¹³ Бабушкин, Примечания // Собрание сочинений в 5 томах. М., 1961. Т. 1. С. 466.

⁶¹⁴ Бровман, С. 28.

прогимназии Егоров, и врач Чуваев. Все они, будучи студентами, чувствовали призвание к будущему делу, мечтали о работе, которая была бы пользой для общественного блага. Стих «Еще работы в жизни много, работы честной и святой» (1, 71) был когда-то для них девизом их будущего. Однако после двухлетнего пребывания в должности им всем приходится осознать, что бывшие намерения и мечты давно уже разбились и являются лишь отрывком воспоминаний далекого студенческого прошлого. Все ими когда-то выработанные намерения о служении добру не устояли перед препятствиями реальности и рухнули на фоне ежедневной жизни и быта, оставляя только пустоту и чувство бессмысленности: «дни вяло тянулись за днями, – скучные, бессмысленные; опротивевшая служба, бесконечные прогулки по комнате, выписки – и тупая тоска, из которой нет выхода, которая стала обычным состоянием... Неужели так всю жизнь прожить? А между тем впереди уже ничего нет» (1, 71).

Перед читателем предстают образы пяти товарищей, пяти человек в расцвете молодости, но все, что они чувствуют – это ничтожность своего существования, своего труда, отсутствие смысла в жизни. Вечера они проводят в пустых разговорах о зайцах и любовной жизни кухарки хозяина. Единственные оставшиеся им цели и желания – научиться играть в винт, чтобы «славно (...) вечера проводить» (1, 75) и таким образом, иметь возможность включиться в городскую жизнь. Вскоре после первых самостоятельных шагов вне безопасного пространства университета, представление о жизни, которое товарищи создали себе в студенческие годы при помощи книг, выработали определенные нравственные позиции, согласно которым жизнь должна быть «одним сплошным подвигом», оказалось не стойким перед реальностью: «(...) Но где взять для этого сил? Книга этих сил дать не могла, – она их предполагала уже существующими... И вот результат: она только искалечила нас и пустила по свету "с больной совестью"....» (1, 74).

Их больная совесть напоминает этим молодым людям о ранее испытываемом чувстве долга и необходимости служения народу, но это чувство оказывается в конфликте с неспособностью борьбы с обстоятельствами, проявляющимися в действительности. Слабость характера и тяжело преодолеваемая пропасть между бывшей мечтой и ее реализацией мешает осуществлению подвига, о котором им грезились раньше. И если совесть время от времени дает о себе знать, напоминая о

давно ушедших идеалах, товарищи оказываются слабыми даже для того, чтобы хотя бы попытаться осуществить их. Столкнувшись с трудностями, они опустили руки и им хватало лишь двухлетней работы, чтобы приспособиться к течению провинциальной жизни с винтом и пустыми разговорами.

Этот феномен весьма показательно описал А. Чехов в письме 1899 г.: «Пока это еще студенты и курсистки — это честный, хороший народ, это надежда наша, это будущее России, но стоит только студентам и курсисткам выйти самостоятельно на дорогу, стать взрослыми, как и надежда наша и будущее России обращается в дым, и остаются на фильтре одни доктора-дачевладельцы, насытые чиновники, ворующие инженеры» (П. 8, 101). Это высказывание не требует комментариев – именно о таких же студентах, которых Чехов критиковал в частной корреспонденции, Вересаев также говорит в повести «Товарищи».

Однако если интерес товарищей из рассказа Вересаева после самостоятельного выхода на дорогу жизни скоро повернулся от надежд к игре в карты так, что у них «все назади осталось, – и молодость, и вера, и идеалы ...» (1, 76), их чувства все-таки еще не притупились до того, чтобы не чувствовать разочарование и неудовлетворенность тем, что они не справились со своими намерениями. Эти чувства неудачи и разочарования просыпаются во всех, но, как правило, они остаются невысказанными, так как товарищи, не способные откровенно признаться остальным в своих переживаниях, скрывают их друг от друга и, таким образом, лишают себя взаимной поддержки, возможности высказаться и возможности быть понятыми. Каждый из них остается со своими мыслями и размышлениями наедине – давно уже «между ними легло что-то неискреннее и натянутое...» (1, 72); «никто не смотрел друг другу в глаза» (1, 74).

Один из пяти протагонистов повести, врач Чуваев, деятельности которого в произведении не уделяется никакого внимания, находится в таком же настроении, как и его друзья. У него те же переживания и он, по всей вероятности, вскоре после вступления в должность в Слесарске осознал, что намерения, с которыми он поступил на медицинский факультет и приехал на место работы, трудно осуществить. Быть может, подвиг жизни он видел именно в своей медицинской деятельности, быть может, он надеялся на развивающуюся в эти годы медицину, и быть может, он, закончив медицинское обучение, был готов пойти на многие жертвы, чтобы помогать больным и

приносить им пользу. Но во время действия рассказа, после его двухлетней работы врачом, Чуваева в первую очередь интересует подает ли хозяин пива, а затем он шутливо принимает участие в пустых разговорах о зайцах на дороге, и небрежно отзывается о последних сплетнях города. Так как его деятельность как врач не упоминается совсем и о его жизни не дается более подробной информации, можно лишь догадываться, какие моменты и события превратили молодого, полного надежд доктора в этого Чуваева, которого характеризует иронический юмор, острота и некий цинизм. Когда он серьезно рассказывает про находящихся на дороге и не собирающихся убегать зайцев, это звучит как пародия на все пустые разговоры, за которыми он и его приятели – умные, начитанные люди – проводят вечера, полностью осознавая трагический элемент такого существования.

Несмотря на то, что врач Чуваев является лишь одним из пяти протагонистов, Вересаев все-таки как бы выдвигает его, возлагая на него ключевые функции в произведении. Именно доктор своим поведением несколько раз в течение рассказа оказывает влияние на действие, то отводя разговор на другую тему, то раскрывая всеми скрываемую правду и выявляет таким образом всю трагедию этих молодых людей.

Во время одного из разговоров товарищей Зубаренко говорит о том, какими неподготовленными они все вступили в настоящую жизнь, не осознавая свои обязанности и что теперь они чувствуют свою «больную совесть». Во всех присутствующих слова Зубаренко вызывают неприятное ощущение и приводят к тягостному молчанию. Чуваев с усмешкой нарушает напряженную ситуацию, громко спрашивая, поставят ли еще пива. Предложение доктора помогает преодолеть неловкость, возникшую после того, как Зубаренко выдал всем тайну, которую все старательно скрывали друг от друга и влияет на «внимательно, враждебно и пугливо» слушавших товарищей, которые «вдруг неестественно» оживают (1, 74) и, хотя и не смотрят друг другу в глаза, быстро выводят разговор на текущие политические вопросы.

Если замечание Чуваева о пиве вызывает неестественное оживление, то вслед за тем, когда по просьбе остальных он начинает петь, он снова влияет на настроение товарищей и на ход действия. Однако на этот раз ситуация меняется положительно и изменения чувствуется не только в перемене общего настроения: перемена происходит

и с самим Чуваевым, который до этого момента проявил себя с бросающимся в глаза легкомысленным и шутливым поведением. Но напевая песню, буквально описывающую их собственную пустую жизнь, он выпрямляется, на его бровях становится видна скорбная складка, лицо смотрит сурово и необычно. На фоне этой перемены доктора, не подлежит сомнению, что он не меньше остальных знает про ничтожность их жизни, не меньше остальных не чувствует этого подвига, о котором мечтал вместе с остальными во время учёбы в университете.

Именно его, которого на первый взгляд ничего не волнует, который лениво и с шутливым тоном участвует в пустых разговорах и на вид хорошо приспособился к скуке провинциальной жизни, чрезвычайно трогает текст песни, которую он поет с несдерживаемой тоскою, и которая отражает все мысли и переживания товарищей: «Так жизнь молодая проходит бесследно, (...) И все, как посмотришь, так пусто, так бледно! ...» (1, 75). Именно эти строки, эта песня доктора «Просто, без всяких усилий (...) вдруг съютила их и сблизила; все переживали одно и то же, и переживали вместе, и хорошо всем было ...» (1, 75). Если слова Зубаренко о «больной совести» вызвали неловкое настроение, то пение Чуваева, наоборот, открывает то чувство, которое они обычно скрывают друг от друга – чувство неудавшейся жизни и провала перед вызовами жизни, разочарованности бездеятельным настоящим, чувство того, что их существование не оставит значительных для человечества следов. Песня сближает товарищей, и эта на миг ощутимая общность помогает им забыть обычное чувство одиночества. «Исчезла прежняя неловкость, все чувствовали себя свободно» (1, 75). Вместе они продолжают петь и всем с грустью вспоминаются прежние времена, когда они, товарищи по университету, видели еще в своей жизни цель. И у всех в памяти восстанавливаются прежние надежды, и кажется, на мгновение они как будто снова становятся теми полными надежд студентами, которыми были раньше.

Но эта для всех приятная ситуация вдруг меняется, когда Василий Михайлович печально констатирует, что «все назади осталось, – и молодость, и вера, и идеалы ...» (1, 76), одновременно осторожно заговаривая об идеалах. В этот момент доктор Чуваев опять активно вступает на первый план произведения, вмешиваясь и возражая ему: «Ну, оставьте, Василий Михайлович! Какие там идеалы! (...) О господи! Ну какие у вас "идеалы"?» (1, 76). Он, который лишь несколько минут назад с тоскою пел о

проходящей бесследно молодости, вдруг, и «с такую улыбкою, что выдержал бы ее только человек, много и крепко верящий в себя» (1, 76), напоминает всем, что идеалов у них действительно больше нет. Таким образом, он нарушает то чувство доверчивости, возникшее между ними благодаря старым песням и воспоминаниям. Напевая песни о святой работе, они как будто на момент снова начали верить в свое будущее, даже отчасти внушая себе, что идеалы у них остались. Но Чуваев своими высказываниями жестоко возвращает их назад в реальность, открывает им глаза: «Было (...) кто спорит! Только уж давно быльем поросло... Чего же вспоминать? Всякий заранее знает, что другой скажет: "Эх, господа, – было, а теперь нет... а могло бы быть...". И все-таки не будет... Старая это история (...)» (1, 77).

Чуваев единственный из пяти товарищей, кто не обманывается, поддаваясь мечтанию о прошлом, а наоборот, к негодованию остальных, прямо и резко напоминает им, каковой является их ситуация в действительности. И этими словами «Чуваев попал в точку. Он в двух словах исчерпал то, что другие собирались выразить в длинных речах, о чем готовы были плакать, хоть и пьяными, но искренними и горькими слезами. И вот теперь эти накипевшие слезы и речи уперлись в пустое место» (1, 77). После этого, все снова молчат, ощущая прежнее одинокое несчастье, непростительное, бездейтельное горе и повторяют себе постоянный вопрос: «Почему жить так тяжело?!» (1, 77). Вызванная высказыванием Чуваева неловкость и напряженность не проходит и наконец гости, чувствуя себе еще более чуждыми друг другу, поднимаются и уходят, причем доктор заканчивает действие, сердито ворча: «Пошехонцы едут, цыц!» (1, 78).

Таким образом, врач Чуваев, хотя он на первый взгляд ничем не отличается от своих товарищей, играет значительную роль. Именно он находит в себе смелость высказать правду об их жизни – в ностальгической ситуации он всем напоминает, что все их мечтания и воспоминания о бывших идеалах и целях не смогут изменить тот факт, что все это прошло, что их тоска по старым временам и попытка обновить надежды прошлого являются лишь наивными пустяками. Прямо и жестоко он вырывает своих погруженных в глубокое раздумье друзей из иллюзий, указав на то, что от старых идеалов ничего не осталось. Чуваев единственный из них, кто не обманывает себя тем, что все их намерения еще не пропали совсем, что можно было бы их опять оживить. Таким образом, Вересаев выделяет Чуваева среди остальных героев повести, доверяя

ему функцию носителя правды. Быть может Чуваеву была доверена эта миссия, потому что он врач и естествоиспытатель и поэтому в силу своей профессии привыкший точно и объективно наблюдать свое окружение⁶¹⁵, и именно поэтому смотрит на ситуацию как реалист, не поддаваясь никаким иллюзиям. Быть может, потому что он как доктор в своей деятельности еще более чем остальные сталкивается с пропастью между лучшими намерениями и существующими возможностями в действительности. Помимо общего несоответствия между медицинской наукой и медицинской практикой, к которой все молодые врачи должны привыкать, именно в провинции условия работы и медицинской помощи были тяжелыми и часто недостаточными, и это могло способствовать тому, что Чуваев более ясно осознал, что он сам своей работой может изменить очень мало. И все это, вместе с уже упомянутым «медицинским цинизмом» могло привести к тому, что он был первым, который признался самому себе, что всех этих идеалов ни у него, ни у его товарищей больше нет. Он единственный, кто признался в том, что для совершения указанной работы на благо народа, страны и для постоянного поиска подвига в жизни нет ни внешних условий, ни внутренней силы. Для борьбы с окружающими обстоятельствами не хватает сил. Хотя Чуваев, несомненно, иногда горюет о прошлых идеалах (это чувствуется, когда его страстное пение о старых временах захватывает и влияет и на чувства остальных), он принял ситуацию такой, какой она есть, не поддаваясь никаким лживым представлениям и не внушая себе надежды, что его жизнь, а также жизнь остальных все-таки имеет еще высшую цель.

Герой повести Чуваев – реалист, который способен признаться самому себе, что былые идеалы не устояли перед трудностями ежедневной жизни, что он и его товарищи не смогли жить в соответствии с бывшими намерениями, выработанными во время обучения. В пустой жизни, в которой ничего не осталось, и в одновременном чувстве провала и неспособности, вызывающих «больную совесть» – в этом лежит вся трагедия пяти товарищей. Личная трагедия врача Чуваева заключается в том, что он полностью и яснее остальных отдает себе отчет в том, что так будет всегда, что нет возможности вернуться к старому настроению надежды. И это знание не позволяет ему мечтать, превращая его в циника, не щадящего других, не стесняющегося назвать вещи своими

⁶¹⁵ *Rammelmayer*. С. 155; *Kluge*, С. 91.

именами, как бы ни было больно о них говорить.

8.3. О холере и «холерном» докторе Чеканове – «Без дороги»

Воплощением разочарования и отчаяния является главный герой повести «Без дороги», в котором соединены все главные черты интеллигенции – готовность к жертве во имя определенной идеи, начальная идеализация народа, поиск правильного пути, а также одиночество.

Повесть «Без дороги» написана в форме дневника главного героя – молодого врача Дмитрия Чеканова. После отказа редакции «Русской мысли», она была напечатана в первых номерах журнала «Русское богатство» в 1895 г. В общем, повесть была положительно оценена критикой⁶¹⁶.

Действие произведения охватывает период с 20 июня по 23 августа 1892 г. Сюжет повести по содержанию разделен на две части: в первой части Чеканов отдыхает в имении своего дяди в Касаткино, во второй он участвует в борьбе с холерной эпидемией. В этом произведении звучит типичная для Вересаева тематика – поиск жизненного пути главным героем. Выше упомянутый профессор психологии Киевского университета Сикорский, писал: «В произведениях Вересаева более чем у кого-либо из современных писателей выразилась жажда новой нравственной жизни, искание идеалов. То, чего так недоставало поколению 80ых гг.: чувства совести, чувства стыда, неустанной потребности нравственного обновления — все это с переизбытком видим у героев Вересаева. Они мучатся упреками совести, тонко прислушиваются к ее показаниям и стремятся насадить в своей душе идеальный порядок. (...) В этом художественном настроении, проникнутом глубоким чувством – виновности, стыда, совести, чести и нравственного достоинства, и в изображении этих чувств – содержится главное достоинство произведений Вересаева (...)»⁶¹⁷.

Поиск идеалов, чувства совести и стыда – это те качества, которые характеризуют героя повести Дмитрия Чеканова. Он – молодой врач, после окончания университета отказавшийся от научной карьеры. Под влиянием идеи «хождения в

⁶¹⁶ Бровман, С. 49.

⁶¹⁷ Сикорский, Успехи русского художественного творчества. С. 500.

народ» и народнического движения (несмотря на все неудачи все-таки оставшегося широким общественным течением и в 1890-е гг.⁶¹⁸) он, как многие студенты-медики того времени, решал поступить на работу в земство. Он был верен народническим идеалам и несмотря на все предостережения своего профессора о трудностях такой деятельности, был готов отдать свои силы общественному служению. Работа в земстве была для него действительно тяжелой и утомительной: «(...) работы мне, как земскому врачу, было много, особенно в последний год, – работы тяжелой и ответственной (...) я ушел туда, где много горя, много нужды и так мало поддержки и помощи (...) я и под дождем мокнул, и в полыньи проваливался, спеша в весеннюю распутицу к роженице, корчащейся в экламптических судорогах» (1, 81, 86, 104).

Три года Чеканов работал земским врачом и все более и более ему пришлось осознавать, что его деятельность не приносит заметное улучшение положения народа. Четыре месяца он работал день и ночь во время эпидемии голодного тифа, постоянно чувствуя отчаяние и беспомощность по поводу бесполезности своих усилий и неэффективности врачебного труда: «(...) требовалось лишь одно – кормить, получше кормить здоровых, чтоб сделать их более устойчивыми против заражения; но пособий едва хватало на то, чтоб не дать им умереть с голоду. И вот одного за другим валила страшная болезнь, а мы беспомощно стояли перед нею со своими ненужными лекарствами...» (1, 96). После того, как он сам заболел тифом, у него произошла стычка с председателем земства, во время которой Чеканов назвал председателя наглым и неотесанным фрондером, за что и был уволен со службы.

После трехлетней службы в земстве и интенсивной работы во время эпидемии Чеканов приезжает в имение к своим родственникам, чтобы поправиться после перенесенного заболевания тифом. Он, осознавший, что народу нужно больше простой медицинской помощи, разочарованный в своих идеалах и народнической теории, находится в состоянии душевного разлада. Он потерял веру в «святую миссию» интеллигента, просветительская работа которого среди народа якобы могла улучшить его жизнь, и размышляет о смысле своего существования. Видимо Чеканов, поступив на земскую службу, хотел, как многие интеллигенты, и в частности врачи того времени, своей деятельностью облегчить положение народа и таким образом, успокоить свое

⁶¹⁸ Пирумова, С. 233.

чувство вины перед ним. Поэтому фигура Чеканова представляет собой типичного интеллигента второй половины XIX века: он верил в народ, верил в идею, был готов отказаться от науки и обеспеченной жизни и взять на себя тяжелую жизнь земского врача. Ему свойственна и готовность к жертвенности: несмотря на предсказание профессора университета, что ввиду своего хрупкого здоровья он, работая земским врачом, рискует заболеть туберкулезом, Чеканов идет на этот риск; предсказание профессора, к сожалению, сбывается.

Из размышлений Чеканова в дневнике читатель узнает, как начали рушиться идеалы героя после его вступления в должность, и как он, ощущая горькое презрение к самому себе, находит спасение от своих душевных переживаний лишь в самоотверженной работе: «(...) единственное спасение для тебя – уничтожиться, уничтожиться телом, душой, всем, чтоб ничего от тебя не осталось... Можно ли с этим жить? Невесело сознаваться, но я именно в таком настроении прожил все эти три года (...) я пришел, наконец, к результату, о котором говорил: уничтожиться, уничтожиться совершенно – единственное для меня спасение (...) всем существом отдаться делу, наркотизироваться им, совершенно забыть себя – вот была моя цель» (1, 79-81). Чеканов чувствует общее отсутствие идеалов и тягостность эпохи, с уважением вспоминая слова тургеневского Базарова, уверенно в себе провозглашавшего: «Зачем я от времени зависеть буду? Пускай лучше оно зависит от меня».

В имении дяди, на фоне прекрасной природы и под влиянием веселого настроения своих младших родственников, Чеканову все-таки не удастся вполне развеселиться – его постоянно охватывают тоска и смущение, встает вопрос о цели в жизни: «(...) ну, а я-то, чем же я живу? (...) Время идет – день за днем, год за годом... Что же, так всегда и жить, – жить, боясь заглянуть в себя, боясь прямого ответа на вопрос? Ведь у меня ничего нет. К чему мне мое честное и гордое мирозерцание, что оно мне дает? Оно уже давно мертво (...)» (1, 119).

Чеканову Вересаев противопоставляет его двоюродную сестру Наташу. Наташа – бодрая и жизнерадостная девушка, она питает глубокое уважение к Чеканову, для нее его личность является примером для подражания. Митя для нее воплощением народнического идеала героического самопожертвования⁶¹⁹. Наташа, обучающая

⁶¹⁹ Edgerton, C.7.

деревенских детей грамоте, твердо намерена против воли своих родителей пойти по пути служения народу: она предана населению деревни, где «все ей приятели» (1, 100). Она страстно произносит слова «долг народу», «дело», «идея» и ждет от Чеканова ответа на все ее вопросы, а также указания правильного пути. Того однако, самого потерявшего свой путь и смысл жизни, мучают Наташины вопросы о его деятельности, отношении к мужикам, они «режут ухо, как визг стекла под острым шилом» (1, 100). Чеканов чувствует себя неловко из-за такого доверия и уважения, которые Наташа оказывает ему, но он советует ей работать сельской учительницей, убеждая ее в том, что это дело хотя и мелкое, дает великие результаты. В то же время он осознает фальшивость своих слов: «Я почти физически страдал: как все фальшиво и фразисто! Мне казалось, теперь Наташа видит меня насквозь; и казалось мне еще, что и сам я только теперь увидел себя в настоящем свете, увидел, какая безнадежная пустота во мне...» (1, 109). И лишь через несколько дней он находит в себе смелость признаться ей в своих переживаниях и в том, что он действительно чувствовал все эти годы, работая земским врачом. В его признании, когда он говорит Наташе о «смерти духа» (1, 122), звучит его «бездорожье» и отчаяние: «Я только обманывал себя "делом"; в душе все время какой-то настойчивый голос твердил, что это не то, что есть что-то гораздо более важное и необходимое; но где оно? Я потерял надежду найти. Боже мой, как это тяжело! Жить – и ничего не видеть впереди; блуждать в темноте, горько упрекать себя за то, что нет у тебя сильного ума, который бы вывел на дорогу (...) Жить для других, работать для других... Все это слишком общо (...) Я больше тебя читал, больше видел жизнь, но со мною то же, что с тобой: я не знаю! – в этом вся мука» (1, 121). При этом Чеканов знает, что он не единственный, кто находится в таком настроении: он убежден, что это проблема времени и поколения: «(...) я не один такой (...) все теперешнее поколение переживает то же, что я; у него ничего нет, – в этом его ужас и проклятие. Без дороги, без путеводной звезды оно гибнет невидно и бесповоротно...» (1, 122).

От этого общего настроения, угнетающего и мучающего его, Чеканов не может освободиться, хотя и не хочет чувствовать себя лишним. Ему хочется работать, он был бы готов снова пойти на жертву, если бы он только нашел свой путь. Однако пути он, после того как потерял свои бывшие идеалы, уже не видит. Все, во что он верил, превратилось для него просто во фразы и он, чувствуя лишь внутреннюю пустоту,

вместе с верой и идеей потерял и смысл личной жизни. По мнению В. Львова, разница между Чекановым и лишними людьми рода Обломовых, Печориных и Онегиных в том, что последние «скучают, а не скорбят, переживают безделье, а не бездорожье» и «стукают лбами своих поклонниц, отдаваясь игре в любовь всем своим существом». Люди же рода Чеканова «наркотизируются тем, что отдаются всем своим существом делу, в которое не верят»⁶²⁰.

Если Чеканов больше не видит жизненного пути, так как больше не верит «ни в народ, ни в возможность осуществления тех идеалов, которые он лелеял», то Наташа, которая после его исповеди упрекает его в том, что он сделался рабом времени, свой путь пока не нашла⁶²¹. Она найдет его в рассказе «Поветрие» – в марксизме.

Во время эпидемии холеры Чеканов подает заявление направить его работать в Слесарск. И в этот раз, как и при решении идти в земские врачи, он отдает себе отчет в том, каким опасностям он себя подвергает. Несмотря на предостережения знакомого акцизного из Слесарска, который рассказывает ему о том, что местное население под влиянием распространившихся слухов, будто доктора хотят отравить народ, возбуждено и готово к бунтам и насилию против врачей, Чеканов не боится за свою жизнь. Впервые после долгого времени он чувствует себя нужным, видит цель: «Как будто я теперь совсем другим стал. На душе светло и бодро, кругом все так необычно хорошо, хочется борьбы и дела» (1, 126).

С прибытием Чеканова в Чемеровку начинается вторая часть повести, в которой преобладает медицинская тематика – подробно описываются как симптомы холеры, так и методы ее лечения, а также отношения между врачом и населением.

Холера охватила Россию в 1892 г., вслед за голодом и эпидемией тифа. Как Чехов, так и Вересаев принимали участие в борьбе с этой болезнью. Вересаев все свои впечатления того времени отразил именно в данном произведении. Не подлежит сомнению, что многие из переживаний Чеканова свойственны самому писателю, признававшему, что «(...) по существу все отображено в моей повести "Без дороги". Только место действия, по композиционным соображениям, перенесено в Тулу, мастеровщину которой я знал достаточно хорошо» (5, 333).

⁶²⁰ Львов В., Писатель-интеллигент. С. 55.

⁶²¹ Овсянко-Куликовский Д., Итоги художественной литературы XIX века. М., 1912. С. 29.

На этом месте, однако, следует сначала обратиться к проблеме холерных бунтов, потому что именно они представляют собой кульминацию того, с чем земским врачам, живущим среди народа, при выполнении своей работы пришлось бороться ежедневно, – со страхом и подозрительностью сельского населения по отношению к докторам и современной медицине⁶²².

В течение XIX в. Россия пережила четыре холерные эпидемии, последнюю – с 1892 по 1895 г. Когда холера впервые охватила Европу в 1830-ые гг., ситуация во всех странах была похожей: так как никакого опыта по борьбе с этой новой болезнью не было, она оказалась окружена некой мистичностью и вызывала панику и истерию среди населения. Бунты и насилие, прежде всего против врачей, были распространенными явлениями почти во всех странах⁶²³. Однако когда эпидемия холеры стала распространяться в 1892 г., то ситуация в России явно отличалась от ситуации в Западной Европе: общее отсутствие санитарного развития, общая недоверчивость и суеверие большинства населения создавали условия для мистификации болезни и волны нового массового насилия.

Так как до конца XIX века патология холеры и механизм заражения были неизвестны и болезнь была окружена многими неясностями (именно тот факт, что некоторые из заболевших умирали, а другие нет, вызывал удивление и в медицинской науке), с холерой были созданы самые разные мифы, которые сохранились и после исследования ее сущности⁶²⁴. Р. Макгрю, рассматривая первую эпидемию 30-ых гг. XIX века, подчеркнул, что холера, для которой в народе использовались разные названия, например «гостья» или «бабка»⁶²⁵, впоследствии даже стала частью русской фольклорной традиции⁶²⁶. Кроме того, в народной культуре до определенной степени преобладало представление о взаимосвязи болезней и греха⁶²⁷. С этим представлением

⁶²² Богданов С. 383; Ramer, С. 284-285; Frieden, Russian Physicians. С. 126.

⁶²³ Frieden, Russian Physicians. С. 136. Автор приводит примеры из истории Венгрии и Испании.

⁶²⁴ К истории холеры в XIX веке см. Богданов, С. 345-393.

⁶²⁵ Там же. С. 387.

⁶²⁶ McGrew R.E., Russia and the Cholera. 1823-1832. Milwaukee, 1965. С. 153, цитируется по Богданов, С. 379; Богданов приводит упомянутое А.Н. Афанасьевым поверие, согласно которому холера явилась из-за моря и у нее две или три сестры; есть и сюжет о мужике, который, «отправляясь на базар, подвез с собою двух сестер-холер», одна из которых отправилась морить людей в Харьков, а другая – в Курск; холера также представлялась женщиной, летающей по воздуху, старухой, источающей яд и т.д.; подробнее см. Богданов, С. 386.

⁶²⁷ Frieden, Russian Physicians. С. 147-148; примеры см. Богданов, С. 379-380.

врачи регулярно сталкивались во время своей работы в сельской местности, и «лейтмотив, пронизывающий крестьянские представления о болезнях, тот, что все послано от Бога, что кому на роду написано или за грехи послано, тому и бывать»⁶²⁸, нередко приводил к отказу лечиться. Средством против всяких заболеваний, а также и против холеры, считались коллективные молебны и крестные ходы, между тем как принятые государством и местными чиновниками административные меры вызывали недоверие. Эти меры, предусматривающие насильственную госпитализацию, дезинфекцию жилых помещений и могил, а также ограничение религиозных собраний и обязанность хоронить умерших нетрадиционным для русского населения образом (то есть сразу и на отдельных, карантинных кладбищах) были непонятны широким слоям населения, возвращающимся при борьбе с эпидемиями к традиционным ритуалам. Это непонимание и недоверие народа и подогревали социальную истерию, и, как следствие этой истерии, бунты⁶²⁹. Ходили слухи о «ненастоящей» болезни, о том, что на самом деле признаки болезни были вызваны отравой, а также о злом умысле врачей и власти, сговорившихся против народа⁶³⁰. Представление о том, что врачи намеренно «запустили» болезнь, чтобы убить определенное число людей, было широко распространено⁶³¹. В некоторых частях провинции преобладали представления о том, что врачи в больницах убивают больных «ради жира»⁶³², или, что больных хоронят заживо⁶³³. Обо всех этих представлениях вспоминал и Вересаев: «В народе ходили страшные слухи: приказано морить простой народ, чтоб его было поменьше; доктора сыплют в колодцы отравные порошки; здоровых людей захватывают на улицах крючьями и отвозят в "бараки", откуда никто уж не возвращается; их там засыпают известкой и хоронят живыми (...) Мучник-лабазник Расторгуев убеждал народ не чистить ям и подальше держаться от докторов. – Холера от кого – от бога идет? Ну, и уповай на бога, молись, кайся во грехах. А для них что бог, что помойная яма – все одно» (5, 332).

⁶²⁸ Заленский Э.Я., Из записок земского врача. Деревенская эпидемия. Народное знахарство. Псков, 1908. С. 11.

⁶²⁹ Богданов, С. 377-378, 382, 385; также *Frieden*, Russian Physicians. С. 147-148.

⁶³⁰ Богданов, С. 379.

⁶³¹ *Frieden*, Russian Physicians. С. 147.

⁶³² Богданов, С. 382-383.

⁶³³ Это было усиленно тем фактом, что тело умершего от холеры еще некоторое время может продолжать некие рефлекторные движения; *Frieden*, Russian Physicians. С. 146.

Враждебное отношение к врачам и представителям власти вообще, было общим феноменом холерной эпидемии, показавшей всю пропасть между народной и европеизированной медициной⁶³⁴, а также между народом и интеллигенцией. Тем не менее, именно борьба с голодом в 1891 году и затем с холерной эпидемией были восприняты интеллигенцией как обновление движения «хождение в народ» и привело к повышению активности интеллигенции⁶³⁵: университеты в 1892 г. остались закрытыми до ноября, чтобы дать студентам возможность принять участие в работе по борьбе с эпидемией. Опять интеллигенция воспринимала помощь как служение, и опять она столкнулась с ужасной беднотой, невероятной отсталостью, и, как и 20 лет назад, с такой же пропастью между собой и народом, встречавшим интеллигенцию с тем же самым недоверием⁶³⁶. Тем не менее, в отличие от 1874 г., в 1892 г. интеллигенция большей частью сумела вступить в более тесный контакт с населением и поэтому смогла помочь. Эффективную работу так называемых «холерных» врачей оценило и правительство⁶³⁷. С большой теплотой отзывался о работе врачей и А.П. Чехов, который сам принимал активное участие в борьбе с эпидемией: «Теперь все работают, люто работают. В Нижнем на ярмарке делают чудеса, которые могут заставить даже Толстого относиться уважительно к медицине и вообще к вмешательству культурных людей в жизнь» (П. 5, 100). Чехов, отказавшись от оплаты за свою работу в Мелихове⁶³⁸, в это время полностью был занят только медицинской деятельностью и просил не считать его литератором, пока он будет работать в земстве. Он взял на себя обслуживание участка, в состав которого вошел район с 25 селами и деревнями, двумя заводами, пятью фабриками и монастырём – в общей сложности около 20 тысяч человек⁶³⁹. Помимо лечебной работы Чехов еще и строил бараки, осматривал школьные здания, фабрики, читал лекции, участвовал во множестве санитарных комиссий и изучал научную литературу о холере⁶⁴⁰. Не удивляет, что теме холеры уделено много места и в

⁶³⁴ Богданов, С. 383.

⁶³⁵ *Frieden*, Russian Physicians. С. 149; также *Wildman A.K.*, The Making of a Worker's Revolution: Russian Social Democracy. 1891-1903. Chicago, 1967. С. 6; *Mendel A.P.*, Dilemma of Progress in Tsarist Russia – Legal Marxism and Legal Populism. Cambridge, 1961. С. 119; *Fischer*, С. 72.

⁶³⁶ *Frieden*, Russian Physicians. С. 149.

⁶³⁷ Там же.

⁶³⁸ Меве, С. 202.

⁶³⁹ *Мирский*, Доктор Чехов. С. 83.

⁶⁴⁰ Там же. С. 84.

письмах Чехова того времени⁶⁴¹. Если Чехов и относился скептически к корреспонденции, касающейся холерных бунтов, и к злоупотреблению этими событиями в пользу каких-нибудь политических целей⁶⁴² (прежде всего попытке революционных народников использовать холеру и голод для своей пропаганды⁶⁴³), то он конечно знал и, наверное, размышлял о них. Свидетельствуют об этом как пометка в его записной книжке – «все новое и полезное народ ненавидит и презирает: он ненавидел и убивал врачей во время холеры» (17, 95)), так и его письмо Н.М. Линтваревой: «(...) мужики привыкли к медицине настолько, что едва ли понадобится убеждать их, что в холере мы, врачи, неповинны» (П. 5, 96)).

Однако нельзя не указать и на то, что Чехов работал в Мелихове, то есть в Московской области, где существовали совсем другие условия, чем в провинции. Прежде всего это было заметно относительно организации земских врачей, соединенных в советы и встречавшихся регулярно, что давало им возможность лучше координировать свою работу⁶⁴⁴. В Московской губернии удалось более или менее предотвратить распространение болезни – так, в чеховском участке не было ни одного случая заболевания⁶⁴⁵.

Вересаев, будучи в этот период еще студентом медицинского факультета, на борьбу с холерой отправился в Донецкий бассейн, где два месяца он заведовал холерным баракком недалеко от Юзовки⁶⁴⁶. Именно там ситуация оказалась гораздо хуже, чем в других регионах. Юзовка была поселком, построенным для рабочих в угледобывающих компаниях, и лишь в небольшом размере располагала социальными учреждениями. Следует упомянуть, что в то время большинство жителей городов, а также окрестной местности были крестьяне в поисках дополнительного заработка. Разочарование и неоправданные надежды этих людей способствовали

⁶⁴¹ См. например письмо Чехова Суворину от 3.-4 июля 1892 г. (П. 5, 88), Лейкину от 13 июля 1892 г. (П. 5, 92), Н.М. Линтваревой от 31 июля 1892 г. (П. 5, 99).

⁶⁴² См. письмо Чехова Суворину от 1-ого августа 1892 г.: «О холерных бунтах уже ничего не слышно. Говорят о каких-то арестах, о прокламациях и проч. Говорят, что литератор Астырев приговорен к 15-летней каторге. Если наши социалисты в самом деле будут эксплуатировать для своих целей холеру, то я стану презирать их. Отвратительные средства ради благих целей делают и самые цели отвратительными» (П. 5, 101).

⁶⁴³ Глушков, С. 10.

⁶⁴⁴ См. подробнее *Frieden*, Russian Physicians. С. 141-142, 152.

⁶⁴⁵ Шульцев Г.П., Медицинская тема в письмах Чехова // Клиническая медицина № 12 (1985). С. 122.

⁶⁴⁶ Гейзер, В.В. Вересаев. С. 126-127.

возникновению насилия и бунтов, которые нельзя считать лишь холерными⁶⁴⁷. Вересаев, у которого были хорошие отношения с шахтерами, лично убедился на опыте в возможности возникновения бунта: как в повести «Без дороги» к герою, так и в реальной жизни к писателю прибежал его помощник, предупреждая его, что толпа собирается убить «холерного» доктора. В отличие от художественного произведения, в реальности толпа не пришла.

В повести доктор Чеканов еще перед первыми холерными заболеваниями сможет убедиться в недоверии со стороны населения. Несмотря на вывеску о бесплатном приеме больных, лишь трое обращаются к нему за помощью. Он чувствует общее подозрение по отношению к нему и скоро начинает терять свою бодрость: «(...) уже знают меня в лицо и знают, что я доктор. Когда я иду по улице, зареченцы провожают меня угрюмыми, сумрачными взглядами. Мне теперь каждый раз стоит борьбы выйти из дому; как сквозь строй, идешь под этими взглядами, не поднимая глаз (...) Я стараюсь уверить себя, что не боюсь, но при каждой пьяной песне на улице, при каждом стуке сердце неприятно вздрагивает» (1, 128). Появляются слухи о странном поведении Чеканова – то утверждают, что его видели ночью сыпавшим порошок в молчановской колодезь, то говорят, что ему ночью привезли гробов и крючьев. Затем он получает анонимное письмо с сообщением, что собираются разгромить его квартиру.

Когда в городе появляется первый случай заболевания холерой, Чеканов посещает больного на дому. И больной, и его жена относятся с большим недоверием к врачу. Пациент отказывается принять лекарство, пока Чеканов не сделает глоток из чашки больного. Чеканов, желая спасти больного и добиться его доверия, пьет из его чашки, рискуя заразиться сам. Этому первому случаю холеры Вересаев уделяет особое внимание. Он не только подробно описывает симптомы заболевания – «мускулы икр судорожно сокращались и были тверды, как камень» (1, 132), «(...) опять началась рвота. Больной слабел, глаза его тускнели, судороги чаще сводили ноги и руки» (1, 133) – но также и методы лечения, применяемые Чекановым и все непонимание со стороны больного и его жены. Именно это непонимание представляет собой самое большое препятствие при борьбе с эпидемией. Жена больного отказывается дезинфицировать

⁶⁴⁷ Подробнее см. *Friedgut T.H.*, Labor Violence and Regime Brutality in Tsarist Russia: The Iuzovka Cholera Riots of 1892 // *Slavic Review* Vol 46, Nr 2 (1987). С.245-265.

дом и, невзирая на запрещение Чеканова, она вытирает пол и моет посуду и таким образом, разносит заразу по всему дому. Ее непонимание подкреплено словами, что «(...) все это от бога! (...) Бог не захочет, ничего не будет (...) Бог даст, и так все живы будем» (1, 136-137). Этот пример показывает всю пропасть, лежащую между усилиями врачей и представлениями народа. Чеканов проявляет большую решимость в желании добиться доверия своих пациентов. Он хочет, чтобы они поверили ему, поэтому он отказывается прибегать к насильственным методам и помощи полиции, чтобы не спровоцировать умалчивания случаев заболевания, и, вследствие, содействовать более быстрому распространению болезни. Отношение Чеканова к населению отличается большим терпением. Он, сталкиваясь с подобным пренебрежением к назначенным им распоряжениям, снова и снова объясняет, что нужно как можно раньше за ним посылать, какие меры предосторожности необходимо соблюдать, снова и снова убеждает жителей в том, что он хочет помочь. И действительно, Чеканов медленно добивается доверия, люди начинают к нему обращаться и приходят добровольно лечиться в барак.

Однако у самого Чеканова остаются сомнения в пользе своей деятельности. Он чувствует, что на самом деле его усилия по-прежнему непонятны большинству населения: «(...) всё, что мы делаем, всё это бесполезно и ненужно, всем этим мы лишь обманываем себя. Какая, например, польза от нашей дезинфекции? Разве не ясно, что она лишь тогда имеет смысл, когда само население глубоко верит в ее пользу? (...) как заставить их убедиться в пользе того, что для них делаешь? Как дезинфицировать отхожее место, если его нет, и зараза беспрепятственно сеялась по всему двору и под всеми заборами улицы? (...) Если мои советы и исполняются, то все-таки исполняющий глубоко убежден в их полной бесполезности. Он делает одолжение мне лично, потому что я "хороший человек", мои же советы и всю мою "господскую" науку он не ставит ни в грош. Я указываю ему на факты, значения которых он не может не понимать, – факты, ясные десятилетнему ребенку; он принужден согласиться со мною; но согласие остается внешним, оно не в силах ни на волос пошатнуть того глубокого, слепого недоверия к нам, которое насквозь проникает душу зареченца» (1, 143, 145).

Тем не менее, работа захватывает Чеканова, он испытывает душевный подъем из-за того, что не даром тратит силы. Но после пятинедельной работы во время эпидемии,

его постигает та же судьба, что и многих его коллег: неожиданно для него в праздничный день к нему прибегает его помощник Степан с вестью, что толпа пьяных мужиков собирается бить его. Чеканову сначала удастся остановить толпу терпеливыми словами и объяснениями о том, сколько людей благодаря его помощи остались в живых. Он смог успокоить толпу настолько, что мужики согласились посетить барак, чтобы убедиться в том, что там никого не морят. Но возбужденные приходом новых товарищей, они все-таки реализуют свое намерение: они избивают Чеканова до потери сознания. Несколько дней спустя тот умирает.

Последние дни жизни в больнице Чеканов не может прекратить думать о случившемся, чувствуя горькую обиду оттого что народ, который он так любил, бил его. Он размышляет о той пропасти между народом и интеллигенцией и приходит к выводу, что было наивно думать, что возможно было бы ее преодолеть: «Я в пять недель думал уничтожить то, что создавалось долгими годами. С каких это пор привыкли они встречать в нас друзей, когда видели они себе пользу от наших знаний, от всего, что ставило нас выше их? Мы всегда были им чужды и далеки, их *ничто* не связывало с нами. Для них мы были людьми другого мира, брезгливо сторонящимися от них и не хотящими их знать. И разве это не правда? Разве иначе была бы возможна та до ужаса глубокая пропасть, которая отделяет нас от них?» (1, 156-157). Лишь на краю смерти Чеканов полностью осознает, признает себе размер пропасти, отделяющей его от народа, который никогда не умел всерьез отличать интеллигенцию от власти⁶⁴⁸. Высказывание Чеканова будут повторять и авторы сборника «Вехи», вышедшего в свет 14 лет после публикации повести «Без дороги»: «Народ не чувствует в нас людей, не понимает и ненавидит нас (...) Мы даже не догадывались об этом. Мы были твердо уверены, что, если бы не препятствия, которые ставит власть, мы бы давно уже перелили в него наше знание и стали бы единой плотью с ним»⁶⁴⁹.

Отношения между интеллигенцией и народом действительно были нелегкими, они сопровождались недоверием и непониманием. И смогли убедиться в этом, прежде всего, представители земской интеллигенции, работавшие среди народа, в том числе врачи. Именно они должны были преодолевать недоверие населения не только по

⁶⁴⁸ Померанц Г., Долгая дорога истории // Померанц Г., Выход из транса. М., 1995. С. 253.

⁶⁴⁹ Гершензон М.О., Творческое самосознание // Вехи: Из глубины. М., 1991. С.86-87.

причинам этой принадлежности к разным социальным группам. Врачам пришлось воевать и за доверие своих пациентов, как правило возлагавших надежды на народную медицину и традиционный образ лечения. И если врачам со временем и удавалось достичь нужного, необходимого доверия населения, то некая дистанция оставалась, которая, хотя и в редких случаях, приводила все-таки к таким печальным исходам как в повести Вересаева «Без дороги».

Чеканов – это воплощение самоотверженного, альтруистического врача, который до собственного истощения мог ухаживать за больными холерой на протяжении нескольких дней, пока им были нужны его помощь и внимание. Его мотивы для такой самоотверженной работы лежат не только в преданности к профессии. Эти мотивы, как он сам излагает в дневнике, обуславливают именно его разочарование тем, что народническая идея, в которую он так верил, поступив в земскую службу, не приносит ту пользу населению, на которую он надеялся. Он осознал, что сколько бы он ни работал, положение больных и страдающих не может улучшиться. Он пытается наркотизироваться делом, вытесняя таким образом отчаянные и мучившие его мысли о неустойчивости идеи народничества ввиду действительности. Он не видит правильного пути, не знает, как и зачем продолжать жить. Самоубийственный фатализм Чеканова проявляется не только в течение трехлетней земской службы. Самоубийственный характер носит и его решение пойти на борьбу с эпидемией холеры. Лишенный идеала, который заполнил бы его жизнь целью, он идет на все, не щадя ни свое здоровье, ни, в конце концов, свою собственную жизнь. Трагическая смерть Чеканова – пик его несчастья, с которым он остался один на один: ощущая внутреннюю пустоту он чувствует себя одиноким в кругу своих родных, смотрящих на него с огромным уважением и гордостью за его работу для общего блага, даже не подозревая о той борьбе, которую он ведет сам с собой. Для них он служит примером, с ними он не может разделить ни свои переживания, ни свои сомнения. Призыв к работе в районе эпидемии для него представляет освобождение – впервые после долгого времени он чувствует некий смысл в жизни. А так как ему, больному туберкулезом, нечего терять, он с энтузиазмом отправляется в Чемеровку, которая станет ему роковой.

Чеканов готов был отдать многое во имя идеи, которой он восхищался. Не подлежит сомнению, что сознание того, что идея не воплотима в жизнь для него

представляла еще большее крушение: для Чеканова потеря идеала явилась той трагедией, которая отняла у него радость к жизни. Его ужасная смерть представляет не только его конец: она символизирует и конец народнической идеи, не реализуемой в жизни.

Парадоксальным является тот факт, что повесть была напечатана именно в журнале «Русское богатство», который возглавлял Н.К. Михайловский, один из признанных идеологов народничества. И ни сам Михайловский, ни многие из критиков не заметили противонароднический пафос произведения, которое, по их мнению, выделяло Вересаева из толпы других начинающих литераторов того времени и благодаря которому он вошел в «большую литературу»⁶⁵⁰. Но ведь слова Чеканова о глубокой пропасти между народом и интеллигенцией ясно выражают неустойчивость и лживость идеи похода в народ. Важнейший мотив произведения «Без дороги» – кризис народнической идеологии, в которую Чеканов верил, поступая на земскую службу, но веру в которую он потерял, столкнувшись с реальной жизнью. Он осознал, что его собственная деятельность не только не приносит желанную пользу народу, но еще и воспринимается им не всегда как помощь, а скорее как угроза. Нереализуемость идеи стала для героя роковой. Стала она роковой и для всего движения народничества, которое с 80-ых гг. пошло на убыль и потеряло прежнее господство среди общественных течений.

8.4. «Что-то они сделают?» – Предчувствия доктора Троицкого («Поветрие»)

В 1897 г. Вересаев написал рассказ «Поветрие», который непосредственно продолжает повесть «Без дороги» и с которой он связан сюжетно. Произведение выделяет его особая форма, так как оно почти полностью лишено действий и состоит из одних диалогов. Произведение относится к лету 1896 г., «когда в Петербурге вспыхнула знаменитая июньская стачка ткачей, отметившая собою зарождение у нас организованного рабочего движения» (1, 158). В поздних изданиях Вересаев дополнял рассказ заметкой, в которой указал на то, что «показать представителей молодого поколения в *действии* было по тогдашним цензурным условиям совершенно

⁶⁵⁰ См. *Фохт-Бабушкин*, Викентий Вересаев. С. 629-630.

немыслимо».

Рассказ «Поветрие», в котором писатель столкнул в прямой полемике народников и марксистов, и, как он позже писал в воспоминаниях, «решительно порывал с прежними своими взглядами и безоговорочно становился на сторону нового течения»⁶⁵¹, отказались опубликовать как в журнале «Русское богатство», так и в «Мире божим». Не удалось напечатать его и «Новому слову», закрытому до публикации. В итоге произведение было включено в первый сборник вересаевских рассказов, вышедшем в 1898 г.

В рассказе «Поветрие» Вересаев показал недоумение старшего поколения, примыкавшего к народничеству, по поводу нового, в 90-ые гг. быстро распространявшегося среди молодежи марксистского движения. Сюжет произведения, состоящего почти исключительно из дискуссии и разговора, прост: к врачу Троицкому, возвратившемуся домой из больницы, приезжают гости. Гости – его товарищ по университету и организатор кустарных артелей Киселев, дочь соседнего помещика Наташа Чеканова из прежней повести «Без дороги», и студент-технолог Даев, сын местного дьячка. Предвкушение предстоящей беседы рассеивает в Троицком, как правило сумрачном и молчаливом, «обычные его заботы и горести» (1, 159), вызывает в нем чувство бодрости, молодости и радости. К Наташе он относится как к родной дочери. Из рассказа читатель узнает, что случилось с девушкой после трагической смерти Дмитрия Чеканова в конце повести «Без дороги»: после окончания гимназии она против воли отца уехала в Швейцарию, затем в Петербург и неожиданно, после четырехлетнего отсутствия, вернулась домой. Троицкий доволен тем, что, как ему сначала кажется, она «нашла дорогу и верит в жизнь» (1, 160), что она, раньше с тоскою ждавшая от него, чтобы он показал ей правильный путь, наконец нашла его. Только в течение беседы он с ужасом осознает, что она, также как и Даев, примкнула к марксистскому движению, что ее захватила эта, как он говорит, «проклятая зараза» (1, 171). В течение спора именно Наташа выступает на первый план, доказывая и защищая свои взгляды.

Позже Вересаев признавался, что рассказ очень плох, указав на то, что героиня

⁶⁵¹ *Бабушкин*, Примечания //Вересаев, Собрание сочинений (1961). Т.1. С. 462. Однако как было показано в первой части работы, это сильно распространенное мнение нельзя оставить без оговорок.

появилась «исключительно для того, чтобы заявить себя марксисткою и отбарабанить свое новое “credo”»⁶⁵².

Современный Вересаеву критик В.Л. Львов-Рогачевский обратил внимание на то, что «в длинных и утомительных спорах (...) намечаются несколько схематично два поколения и два лагеря. Лагерь сентиментальных и мягкосердечных филантропов-восьмидесятников, подменивших самопожертвование просто пожертвованиями, подменивших служение народу хлопотам "о мнози службе", и лагерь революционных марксистов, отвергающих компромиссы, непримиримых, с энтузиазмом говорящих о "работе" вполне определенной»⁶⁵³.

Полемика между двумя лагерями или, как это видел В. Воцяновский, между отцами и детьми⁶⁵⁴, начинается с оживленного описания своей деятельности Киселевым. Он гордится своим народолюбием и стойкой верой в спасительность артелей, указывает на то, что это «живое и плодотворное дело», которое доставляет ему нравственное удовольствие. С его мнением по поводу артелей не согласны Наташа и Даев, которые до определенной степени признают благотворительность намерений Киселева, но считают, что артель не имеет будущего, так как ввиду исторического хода вещей, ввиду роста заводов в период капитализма, роль артели станет незначительной. По политической экономии, возражают они, артелями революции не достигнуть, поэтому они смысла не имеют: «(...) что можете вы дать вашим кустарям? В лучшем случае вам удастся поставить на ноги два-три десятка бедняков, и ничего больше. Это будет очень хорошим, добрым делом. Но какое же это может иметь серьезное общественное значение?» (1, 164-165).

Как полагает исследователь В. Эджертон, в течение дискуссии постепенно становится ясным, что конфликт между старым и молодым поколением по существу представляет конфликт между философией на основании этики с одной, и философией, на основании того, что считается моральными и неизменными историческими

⁶⁵² Вересаев, Литературные портреты. С. 352.

⁶⁵³ Львов-Рогачевский В.Л., В.Вересаев // Русская литература XX века. 1890-1910 (Под. Ред.С.А. Венгерова). М., 2004. С. 95.

⁶⁵⁴ Воцяновский, В погоне за смыслом жизни. С. 242: «'Поветрие' написано на старую тему тургеневских «отцов и детей». Отцы г. Вересаева выступают в роли докторов и устроителей артелей, а дети — конечно, в роли марксистов. С точки зрения исторической перспективы, если хотите, это вполне верно. Ведь Базаров, «дитя» времен Тургенева, теперь, если бы не умер, наверное, был бы «отцом» и служил бы в земстве врачом».

законами, с другой стороны⁶⁵⁵. Так, Киселев говорит: «Я вижу только одно, господа,(...) вы не любите человека и не верите в него. Ну, скажите, неужели же вправду так-таки невозможно понять, что дружная работа выгоднее работы врозь, что лучше быть братьями, чем врагами? Вы злорадно указываете на неудачи... Что ж? Да, они есть! Но знаете ли вы, в каких условиях приходится жить мужику? Могут ли широко развиваться при них те задатки любви и отзывчивости, которые заложены в его душе? А задатки в нем заложены богатые, смею вас уверить! Вы смеетесь над этим. Но меня вот что удивляет: вы молоды, жизни не знаете, знакомы с нею только из книг, – и в рабочих людях видите зверей. Я знаю их, живу среди них вот уже пятнадцать лет, – и говорю вам, что это – люди, хорошие, честные люди! (...) – Как для вас, господа, все эти вопросы с высоты теории легко решаются! (...) Для вас кустарь, мужик, фабричный – все это отвлеченные понятия, а между тем они – люди, живые люди, с кровью, нервами и мозгом. Они тоже страдают, радуются, им тоже хочется есть, не глядя на то, разрешает ли им это "исторический ход вещей" (...)» (1, 165-166). Этому мнению Даев возражает: «Мы утверждаем, что Россия вступила на известный путь развития и что заставить ее свернуть с этого пути ничто не в состоянии; докажите, что мы ошибаемся; но вы вместо этого на все лады стараетесь нам втолковать, что наш взгляд "возмутителен". Странное отношение к действительности! Пора бы уже перестать судить о ее явлениях с точки зрения наших идеалов (...) Жизнь развивается по своим законам, не справляясь с вашими идеалами; нечего и приставать к ней с этими идеалами; нужно принять те, которые диктует сама действительность» (1, 169-170).

Спор между двумя сторонами продолжается до отъезда Киселева. В споре обсуждаются переселенческие и экономические вопросы и доктор Троицкий начинает чувствовать, что его положение в дискуссии неблагоприятное, так как он не разбирается в обсуждаемой тематике в той степени, как его противники. Взгляды Наташи и Даева ему кажутся все более и более противоречивыми. «Эти новые люди – народ отпетый, с ними брат, не столкуешься. Нам их с тобою не понять, – всех этих декадентов, символистов, марксистов, велосипедистов...» (1, 162), заключают они вместе с Киселевым.

Если основную и более активную роль в споре автор уделяет Киселеву, то

⁶⁵⁵ Edgerton, C. 25.

доктора Троицкого он подробнее описывает со стороны его переживаний и его внутреннего мира – автор характеризует его и раскрывает читателю его размышления. Врач, также как и его друг, не может понять точки зрения молодых, но возмущает его прежде всего пренебрежительно-учительское поведение Даева по отношению к Киселеву. Повествование Киселева о том с каким восхищением и преданностью он занят своим делом, вызывает у врача восторг, благодаря которому на его душе «опять стало тихо, хорошо и радостно» (1, 163). И если он сам и не верит с таким энтузиазмом в чудеса артели, чувствуется, что он тем не менее преклоняется перед тем, что его товарищ так верит в свое дело, что его жизнь наполнена этой целью. У доктора Троицкого же такой веры нет. На вопрос Наташи, верит ли он в общины или нет, ему ничего не останется, как ответить, что он не знает. Он не верит ни в старые, народнические идеалы, ни в новое учение, что и вызывает укоризненное возражение Наташи: «И вы стоите перед этим хаосом, потеряв под ногами всякую почву; старое вы бы рады удержать, но понимаете, что оно гибнет бесповоротно; к нарождающемуся новому не испытываете ничего, кроме недоверия и ненависти. Где же для вас выход? На все вы можете дать только один ответ: "Не знаю!" Ведь перед вами такая пустота, такой крошечный мрак, что подумать жутко!» (1, 174).

В. Львовым было отмечено, что врач Троицкий напоминает врача Чеканова из повести «Без дороги»: «оба они отвечают: "не знаю" на проклятые вопросы Наташи»⁶⁵⁶. Разницу современники видели в том, что «Чеканов с этим незнанием не может жить, а Троицкий может, выработавши формулу перехода к очередным делам»⁶⁵⁷. Идя по проторенным путям, он утешается тем, что «нельзя гоняться за какими-то отвлеченными историческими задачами, когда так много насущного дела и так мало работников» (1, 173). В отличие от Чеканова, Троицкий больше не ищет правильного пути и подвига, он просто смирился с жизнью такой, какой она есть. Он продолжает свою работу врача, без прежних исканий дорог: «великий вопрос заменял на малые дела»⁶⁵⁸. Он потерял веру в народничество, осознав, что несмотря на его многолетнюю работу земским врачом среди мужиков, народная душа ему осталась чужой. Прежде всего Троицкий понял, что невозможно в какой бы то ни было теории или идеи видеть

⁶⁵⁶ Львов, Писатель-интеллигент. С. 59.

⁶⁵⁷ Там же.

⁶⁵⁸ Львов-Рогачевский, В. Вересаев. С.95.

всемогущее средство для преодоления всех проблем и вызовов жизни, которая «сложнее всяких схем» (1, 173). Он советует Наташе: «И не оставайтесь, Наталья Александровна, ищите дорогу! Когда вы ее найдете, мы первые же с радостью пойдем за вами. Но вместо того, чтоб искать, вы зажимаете глаза, самоуверенно объявляете: "Мы знаем!" – там, где знать ничего не можете, и с легким сердцем готовы губить все, что не подходит под вашу схему. Разве это значит найти дорогу?.. Нет, Наталья Александровна, колоссальный успех вашей, с позволения сказать, "программы" я могу лишь объяснить совсем другим, – тем всеобщим одичанием, которое вызвано теперешним безвременьем» (1, 174). Дорогу, какую Наташа для себя не нашла, он не принимает: слишком бессердечным и чудовищным кажется ему новое учение.

Троицкий ощущает общее безвременье, у него на душе «тяжело и смутно» (1, 176), но он больше не отчаивается по поводу безвременья, не ищет подвигов. Наоборот, его «тихая» жизнь ему дорога и близка, он чувствует удовлетворение, отдавая свои силы служению другим. Не об отчаянии ввиду своей незначительности, а о пользе думает он, когда размышляет о Киселеве и о «сотнях рассеянных по широкой русской земле безвестных работников, делающих в глуши свое трудное, полезное и невидное дело ...». Он примирился с тем, что невозможно найти универсальное решение, общезначимую идею, благодаря которым все проблемы и вызовы жизни могли бы быть решены. Он осознал, что независимо от неблагоприятной действительности, каждый сам может своим трудом добиться пусть не очень значительных, но благотворных результатов. В отличие от доктора Чеканова из предыдущего произведения он не ставит акцент на свою незначительность ввиду общей ситуации и неспособность что-нибудь изменить. Его мнение заключается в том, что Киселевым и всеми людьми, а также им самим, «делающих в глуши свое трудное, полезное и невидное дело» «уже сделано кое-что, они с гордостью могут указать на плоды своего дела» (1, 178).

Фигура доктора Троицкого пропитана безмерной любовью к ближнему. Он видит «живых людей» не как орудие для своих целей, как полезный объект. Именно в этом пункте он упрекает Наташу. Для него важным является каждый человек. И хотя он осознает ту дистанцию, которая отделяет его от народа, то живет он все-таки ради него: «Через всю свою жизнь, полную ударов и разочарований, он пронес нетронутым одно – горячую любовь к народу и его душе, облагороженной и просветленной великою

властью земли. И эта любовь, и его тоска перед тем, что так чужда ему народная душа, – все это для них смешно и непонятно. Им смешны сомнения и раздумье над путями, какими пойдет выбивающаяся из колеи народная жизнь. К чему раздумывать и искать, к чему бороться? Слепая историческая необходимость – для них высший суд, и они с трезвенною покорностью склоняют перед нею головы...» (1, 178).

Отдельного человека Троицкий ставит выше всякой теории и ученья. Той позиции, которую поддерживают Наташа и Даев, он не может понять, не хочет согласиться с ними. По отношению к новому течению он говорит о «чудовищной черствости» и «бессердечии» (1, 169), о «проклятой заразе». Представителей «жестокосного» нового учения он характеризует «узкими и черствыми» (1, 178). Нельзя не обратить внимание на то, что в конце рассказа писатель останавливается именно на фигуре врача Троицкого, в раздумье и в смутном настроении гуляющего по деревенской улице. Он думает о своей горячей любви к народу, о том, что народная душа все-таки осталась ему так чужда. И бросается в глаза тот факт, что рассказ заканчивается предупреждением перед новым движением: «Да, что-то они сделают?», говорит он, «мрачно глядя в темноту» (1, 178). Если предыдущие вересаевские врачи отчаивались при виде темноты перед собой из-за отсутствия идеи и пути, которых не могли найти, то Троицкий отчаивается по поводу нового течения, которое не может принять. Таким образом, он остается без пути, разочарованный в прежней идее, но и не понимающий нового веяния. Он осознал, что самое главное в жизни – не поиск каких бы то ни было теорий, а любовь к ближнему и честный труд, какими маленьким и незначительными не были бы их непосредственные результаты. И именно этим он отличается от других рассмотренных персонажей врачей.

9. Выводы

9.1. Общие замечания

А.П. Чехов и В.В. Вересаев на протяжении многих лет совмещали профессии врача и писателя. Тем не менее, они в своем творчестве не колебались показать и отрицательные стороны представителей врачебной гильдии. Хотя оба автора в целом описывают врачей с большой теплотой, все-таки героизацию этих персонажей и их деятельности читатель ищет зря. Скорее основное внимание уделяется реальному показанию их жизни; выделяются проблемы, с которыми они сталкивались при исполнении своей работы. Помимо того, подчеркиваются прежде всего внутренние переживания и размышления героев о жизни, обществе и будущем.

После отдельного рассмотрения избранных героев-врачей в творчестве обоих авторов можно, подводя итоги, присмотреться к вопросу, насколько представители медицинской профессии в их творчестве отличаются от созданных писателями-предшественниками врачей. Принимая во внимание период, в который возникли данные произведения, можно приступить к сравнительному анализу персонажей, их особенностей и характеристик.

9.2. Изменение образа врача в творчестве А.П. Чехова и В.В. Вересаева по сравнению с русской литературой первой половины XIX века

Как было показано в первой главе, во второй половине XIX века одновременно с ростом значения медицины и докторов в обществе, разраставшимся интересом к естественным наукам, а также развитием в России института земской медицины менялся и образ врача в русской литературе. Черты, в ранних произведениях присущие героям-врачам (например, выше упомянутые второстепенность, пассивность, неподвижность и расположение врача рядом с главным героем) начали смягчаться или вообще теряться. Доктор все чаще и чаще выдвигался в центр повествования и приобретал активную роль, становился подвижным персонажем.

Итак, начатое во второй половине XIX в. изменение образа врача было продолжено и А. Чеховым, и В. Вересаевым, в контексте произведений которых доктора

нередко выдвигаются на первый план и играют главную или одну из главных ролей. Можно полагать, что в связи с этими двумя авторами данный феномен обусловлен не только общим течением в русской литературе, наделявшим медицинских деятелей новыми задачами в произведениях, но и совпадением профессий писателя и врача. Как полагает М. Каган-Пономарев, «для литераторов-врачей характерно частое упоминание медработников, медицинских учреждений, медицинских приборов, инструментов и прочих аксессуаров, а также нередкое использование медицинских терминов (...)»⁶⁵⁹.

Тем не менее, и в творчестве этих двух писателей проявилась общая тенденция к тому, что медицинская тематика, в том числе работа врача, обычно не выходит на первый план, а подчиняется главному сюжету. Доктора, как правило, показаны не в процессе лечебной деятельности, а в ситуациях повседневной жизни, прежде всего как участники бесед или дискуссий. Особенно характерно это для творчества А. Чехова. Как было показано А. Степановым, общей чертой разных по характеру и другим качествам героев-врачей является тот факт, что они в большинстве случаев не лечат: обращение к врачу, то есть просьба о помощи, обычно не удовлетворяется⁶⁶⁰. Если у Чехова медики почти не лечат, то в произведениях Вересаева этот феномен, хотя и существует⁶⁶¹, но проявляется в смягченной форме. Так, подробно описывается работа Дмитрия Чеканова на эпидемии холеры во второй части повести «Без дороги», а также завершение горлосечения Сергеем Троицким в рассказе «Поветрие». Выделяются в этой связи «Записки врача», жанр и цели которых обуславливают развернутую характеристику работы врача. Рассматривая становление личности героя на протяжении обучения и первых шагов на профессиональном поприще, а также существующие проблемы в медицинской практике, автор с особым вниманием описывает применение всяческих лечебных методов и ход операций.

В отличие от Вересаева, который при описании врачебной деятельности вдается в подробности, не щадя читателя, и изображает глубокие раны, различные надрезы, судороги, операции, самые страшные страдания и недуги, А. Чехов уклоняется от подобных деталей и в тех редких произведениях, где врач показан на практике.

⁶⁵⁹ Каган-Пономарев, С.245.

⁶⁶⁰ Степанов, Проблемы коммуникации. С.196.

⁶⁶¹ Гейзер, В.В. Вересаев. С.132.

Если в более ранней литературе врачи в основном были иностранного происхождения, то эта черта у Чехова и Вересаева утрачена: в творчестве этих авторов мы почти исключительно встречаем русских врачей, часто выходцев из разночинного сословия, что, как кажется, имеет особое значение в связи с их личностью и подходом к своей деятельности. В дополнение к прежней роли конфидента в рассмотренных произведениях акцент ставится прежде всего на роль врача как дальновидного мыслителя, вникающего в философию и общие вопросы бытия. Как полагает Т. Ковелина, долгие и тонкие рассуждения о жизни типичны для докторов, которые вынуждены глубоко размышлять ввиду противоречия между общими законами медицинской науки и конкретным их проявлением в природе больного человека. Кроме того, врач, сталкивающийся со случаями на грани жизни и смерти, постоянно находится в состоянии философских раздумий над проблемами человеческого существования. Умение понять мир другого человека кажется необходимым для медиков, которые должны обладать способностью вчувствоваться в переживания своих пациентов, если хотят выполнять свои обязанности добросовестно⁶⁶². Не удивляет поэтому, что и в литературных произведениях отразилось это свойственное докторам качество, которое в то же время отчасти пересекается с одной из главных черт, приписанных представителям русской интеллигенции, к которой, безусловно, принадлежат и герои-врачи. Долгие размышления и участие в решении проблем и вопросов общественного значения отражают принадлежность врачей как к определенной профессии, так и к единственной в своем роде группе, вокруг которой возникло столько тайн и мифов: к представляющей особенность русской культуры интеллигенции.

9.3. Герой-доктор – разочарованный интеллигент

Если в некоторых произведениях второй половины XIX века врачи соединяли в себе воплощение прогресса и надежды⁶⁶³, то данные писатели скорее указывают на утомленность, потерю жизнерадостности, даже отчаяние, то есть на чувства, испытанные с 80-х годов многими представителями русской интеллигенции. Мнение Л. Трубецкой, что именно в русской литературе 1880-1910 гг. наблюдается склонность к

⁶⁶² Ковелина, С.74.

⁶⁶³ Богданов, С.236.

изображению врача как представителя интеллигенции⁶⁶⁴, вполне применимо и к творчеству Чехова и Вересаева. В рассмотренных произведениях врачи действительно олицетворяют типичные черты, приписываемые интеллигентам. Одиночество, жертвенность, участие в решении проблем и вопросов общественного характера, чувство ответственности за существующий порядок и в то же время ощущение полной беспомощности и неспособности изменить что-нибудь – это качества, которыми в целом обладают и данные герои-врачи.

Особый акцент оба писателя делают на одиночестве докторов, которое, как было показано выше, выделяло и героев-врачей у авторов-предшественников. По отношению к предшественникам это явление было обусловлено иностранным происхождением, использованием латыни, а также особыми знаниями, касающимися человеческого тела и грани жизни и смерти, на которой деятельность медиков разворачивается. Однако при рассмотрении произведений конца XIX века нельзя ограничиться прежними причинами, объясняя ощущения непонятности со стороны окружения и одиночества. Следует обратить внимание на не менее важный дополнительный элемент: «природное одиночество» – один из основных признаков интеллигента⁶⁶⁵. Симптоматично тут объяснение одиночества интеллигенции, приведенное И. Берлином: «They were a small group of literateurs, both professional and amateur, conscious of being alone in a bleak world, with a hostile and arbitrary government on the one hand, and the completely uncomprehending mass of oppressed and inarticulate peasants on the other (...)»⁶⁶⁶. Именно земская интеллигенция, и в том числе врачи, работа которых была на грани разных общественных слоев и влекла за собой общение прежде всего с пациентами «из народа», больше чем остальные интеллигенты осознавала, что они в принципе не принадлежат ни к народу, на который надеялись и которому так хотели оказать помощь, ни к высшему обществу и представителям авторитарного государства.

Итак, доктора ощущают свою отделенность от народа, которому своей деятельностью хотят помочь. И Чехов, и Вересаев подчеркивают дистанцию, отделяющую интеллигенцию, а именно врачей, от крестьянского населения. Идеализацию этого отношения читатель будет искать зря. Таким образом, оба писателя

⁶⁶⁴ Trubetzkoy, С.254.

⁶⁶⁵ Гимпелевич-Шварцман, С.38.

⁶⁶⁶ Berlin, С.126.

нанесли ущерб идеологиям «хождения в народ», народничества, и теории малых дел⁶⁶⁷. Несмотря на то, что они сами занимались «малыми делами», сами посвятили себя службе народу, – Чехов прежде всего в Мелихове, Вересаев при борьбе с холерой – они, соблюдая объективную манеру описания, не колебались указать на существующую пропасть⁶⁶⁸. Так, доктор Астров, жалуясь на одиночество и уездную русскую жизнь, замечает, что «мужики однообразны очень, неразвиты, грязно живут» (13, 84). Его реплика о том, что «озябший, голодный, больной человек, чтобы спасти остатки жизни, чтобы сберечь своих детей, инстинктивно, бессознательно хватается за все, чем только можно утолить голод, согреться, разрушает все, не думая о завтрашнем дне...» (13, 95), также показывает расхождение между интересами народа и намерениями интеллигентов, какими бы благородными они не были: борьба Астрова за восстановление вырубленных лесов ввиду элементарных потребностей людей кажется ненужной. Кому думать о следствиях разрушения лесов на климат, о мягкости и красоте человека, о процветающей науке, если неизвестно, чем накормить ребенка и как выжить на следующий день? Какими бы возвышенными ни были стремления Астрова, простому народу они не могут быть понятны. В рассказе «Ионыч» тот факт, что Старцев, осматривая выставленные на продажу дома, не только не обращает внимание на убогих людей, но и извлекает выгоду из бедствия других, звучит как издевательство. Рагин встречает мужиков лишь в больничных коридорах; именно они «взяли его за руки и за ноги и отнесли в часовню» после смерти (8, 126).

Высказывание В.Б. Катаева о том, что «Чехов видел бездну, отделяющую интеллигенцию от народа, (...) знал тяготы народного положения (...)»⁶⁶⁹ вполне можно применить и к Вересаеву, особенно трагически описавшему пропасть между народом и интеллигенцией в повести «Без дороги», заканчивающейся рассуждениями героя о том, что для народа представители интеллигенции были людьми «другого мира», чуждыми и

⁶⁶⁷ Как писала Э. Полоцкая в связи с произведениями «Мужики», «В овраге», «На святках», «мрачная картина деревенской действительности, беспросветная нужда, грязь, грубость и раздоры – опровержение еще одной идеологической иллюзии, народнической веры в животворную силу общинных устоев деревни»; *Полоцкая*, С.399.

⁶⁶⁸ В. Катаев в связи с рассказом Чехова «Дом с мезонином», в котором протагонисты ведут спор о нужности и смысле «малых дел», подчеркивал, что «для Чехова неприемлема не доктрина как таковая, а претензия на ее абсолютизацию в качестве единственной и всеобщей истины»: писатель убеждает своего читателя «в невозможности принять любую из данных позиций за всеобщую истину»; *Катаев*, Проза Чехова. С. 230.

⁶⁶⁹ Там же. С.62. Об амбивалентном отношении Чехова к интеллигенции см. выше.

далекими. Рассказ «Поветрие» также завершается сожалением врача Троицкого, после разговора с мужиком Капитоном раздумывающего о том, что несмотря на многолетнюю тягу к народу «так чужда ему народная душа» (1, 178).

Неспособность слиться ни с народом, ни с презиравым интеллигентами бюрократическим аппаратом проявляется в произведениях как Чехова, так и Вересаева и является главной причиной одиночества героев-врачей. Хотя в творчестве А. Чехова от одиночества страдают не одни только врачи, именно в связи с ними это явление особенно резко бросается в глаза и является одной из самых явных характеристик представителей этой профессии. Одиноки они все (Рагин, Астров, Ионыч), все они жалуются на то, что им не с кем поговорить⁶⁷⁰, страдают от однообразия жизни в «глухих углах России». Дмитрий Тимофеевич Савельев, товарищ и друг Чехова, сетуя, так описал провинцию: «(...) отсутствие товарищества и вообще какого-либо интеллигентного общества доводит до совершенного отчаяния (...) весь мой кругозор здесь – больница и моя убогая квартира (...) три месяца меня буквально разрывают на части (...) годы такой деятельности я не выдержу: или сойду с ума или повешусь»⁶⁷¹. Почти так же отзываются чеховские герои-врачи о своей жизни.

Антон Павлович часто подчеркивает и географическую удаленность от цивилизации. Так, Рагину приходится жить в городе в двухстах верстах от железной дороги, Старцеву – в девяти верстах от губернского города, Астрову – в уезде, где скучная и обывательская жизнь. Наряду с этим одиночество вызвано прежде всего отсутствием интеллигентного общения. Рагин желает общества умных людей и жалуется Громову: «Если бы Вы знали, друг мой, как надоели мне всеобщие безумие, бездарность, тупость (...)!» (8, 105). То же самое происходит с Астровым, воспринимающим всех окружающих его – и, вследствие этого, и самого себя – как чудаков, а также со Старцевым, ни с кем не сходящимся близко, направляющим всю свою энергию на еду и деньги и избегающим разговоров с не интересующимися ничем обывателями, взгляды которых на жизнь раздражают его.

⁶⁷⁰ А.Д. Степанов указывает на то, что, «когда чеховские герои (...) жалуются на то, что им не с кем поговорить, они имеют в виду – не с кем обмениваться мнениями, то есть, по большому счету, спорить», причем исследователь определяет спор как «диалог, в котором один из говорящих предлагает некий тезис (...) а собеседник приводит факты, этому тезису противоречащие, или выявляет его логические погрешности, выдвигая тем самым антитезис»; *Степанов, Проблемы коммуникации. С.122-123.*

⁶⁷¹ *Шубин, С.67.*

По отношению к интеллигенции из уст врачей звучат критические слова. Рагин указывает на то, что «уровень ее развития, уверяю вас, нисколько не выше, чем у низшего сословия»; Астров считает, что представители интеллигенции утомительны и «просто-напросто глупы» (13, 84), а Ионыч не выносит бездарных взглядов обывателей, среди которых, наверное, тоже есть представители интеллигенции⁶⁷².

Итак, работающие вдали от интеллектуальных центров страны и загруженные тяжелым трудом, врачи томятся в одиночестве. Жизнь без умных бесед воспринимается героями пустой и вызывает в них тоску по собеседникам, приводя, в конце концов, в отчаяние. Тем не менее, необходимо указать на то, что врачи до определенной степени сами не хотят поддерживать отношения, не желают слиться с местным обществом. Как подчеркивал А. Собенников в связи с Рагиным, тот относится к жителям города «с позиции интеллектуального превосходства»⁶⁷³. Высокомерно держится не только Рагин, но и Астров, у которого бывают моменты, когда он смотрит на окружающих свысока, как на ничтожных «микробов». И Старцев начинает презирать обывателей города до такой степени, что прекращает общаться с ними. Отчуждение героев, в свою очередь, чувствуют и остальные жители, от которых врачи хотят дистанцироваться. Так, Рагина упрекают в том, что он монах, Ионыча называют «поляком надутым», а об Астрове профессор Серебряков отзывается как о юродивом.

Невзирая на то, что чеховские врачи критикуют окружающих и знают, что обыватели ведут пошлую жизнь, они сами не всегда могут избежать подобных ошибок. В связи с рассказом «Палата № 6» П. Дебрецены спрашивает: «О ком говорят Иван Дмитрич и Андрей Ефимыч, когда они горько жалуются на то, что интеллигенция в городе не возвышается над пошлостью»? Не самых ли себя имеют в виду?»⁶⁷⁴. И действительно, не является ли пошлым поведение доктора Рагина, не соблюдающего профессиональной этики, прекращающего выполнять свой врачебный долг и оставляющего психически больных на произвол Никиты с его кулаками? Если Астров, в отличие от Рагина, продолжает работать и заботиться о благе человечества, хотя и сам

⁶⁷² Сахаров В.И., Доктор Чехов и доктор Старцев: перечитывая Ионыча // *Balkan Rusistics*, см. <http://www.russian.slavica.org/modules.php?name=News&file=article&sid=3030> (03.03.2010).

⁶⁷³ Собенников, С.90.

⁶⁷⁴ *Debrezeny P.*, «Палата № 6» – притча или патологическое исследование? // *Anton P. Čechov – Philosophische und religiöse Dimensionen im Leben und Werk. Vorträge des Zweiten Internationalen Čechov – Symposiums Badenweiler. 20.-24.Oktober 1994. München, 1997. С.88.*

признает, что со временем стал пошляком, то в повести «Ионыч» тема деградации сгущена: Старцев все более и более становится похожим на тех людей, которых он так презирает. Он не только становится похожим на всех этих Туркиных, но и опускается даже ниже их. В итоге для этих трех героев-врачей останутся, хотя и в разных степенях, лишь одиночество и изоляция от окружающих их людей, останется лишь страдание от однообразной замкнутой жизни без умственного наслаждения. Итак, Рагин полностью замыкается, отдаваясь философии и философским раздумьям, а Астров - отдаваясь защите русских лесов и рисованию картин; замкнутость Старцева проявляется в накоплении денег и еде.

Одиночеством страдают и врачи в произведениях Вересаева, начиная с рассказа «Товарищи», где доктор, так же, как и его товарищи, чувствует, что он не сливается с жителями города, и надеется сблизиться с ними, научившись играть в карты. Но не только он отстает от других: пять выпускников одного университета, с одинаковым прошлым и былыми мечтаниям, чувствуют себя одинокими и в маленьком дружеском кругу. К этому привела неспособность откровенно признаться в своих переживаниях, тоске и разочарованиях, которые всех пятеро скрывают друг от друга. Доктору Чеканову из повести «Без дороги» тоже кажется, что «никто никогда не переживал ничего подобного, что ты – какой-то странный урод, выброшенный на свет теперешним странным, неопределенным временем...» (1, 81). Он испытывает одиночество и среди своих родных, которым не может и не хочет открыть свои тревожнения и отчаяние.

В литературных произведениях врачи становятся изолированными персонажами, отстоящими от других героев. Это, как было показано выше, следствие высоких требований к собственной личности, неоправдавшихся ожиданий, чувства непонятости окружающими и сильного недоверия к ним. Стоя на грани двух общественных слоев, врачи не принадлежат полностью ни к одному из них. Таким образом, чувство одиночества – свойственная врачам черта.

Помимо того, что врачи чувствуют себя одинокими среди окружающих, бросается в глаза их сильное разочарование своей жизнью и работой. Это разочарование вытекает, прежде всего, из любви к своей профессии и первоначальной веры в могуществом медицины. Медицинскую деятельность можно считать идеей, целью жизни, которой герои первоначально были преданы. Медицина – символ

возможного прогресса. Врачи готовы к самоотверженному труду, воодушевленные жаждой помогать людям. Глубокая вера в медицину и восхищение достижениями в этой области чувствуются почти у всех героев, от Рагина, которого эта наука волнует, удивляет и восторгает по ночам, и Ионыча, любящего рассказывать любимой женщине о своей больнице, до Чеканова, и особенно героя из «Записок врача», предсказывающего науке блестящее будущее и замечающего: «я верю в медицину, – верю, хотя она бессильна, во многом опасна, многого не знает. И могу ли я не верить, когда то и дело вижу, как она дает мне возможность спасать людей (...)» (1, 358). Именно сильная любовь к своей профессии отчасти помогает им продолжать работать в тяжелых условиях, вопреки тому, что их деятельность не приносит той пользы, на которую они надеялись.

Они готовы к жертвам во имя медицины и идеи, не ради собственной выгоды, а ради гуманистической цели помочь людям, попавшим в беду. Жертвенность – одна из сильнейших сторон русского характера и психологии, которая, начиная с мученической гибели первых русских святых, Бориса и Глеба, оставила свой след в русской жизни и культуре. Готовность к жертвам свойственна и рассмотренным врачам, готовым отдавать все свои силы до истощения. Так, Астров работает непрерывно день и ночь, продолжая свою деятельность несмотря на усталость; Старцев первое время лечит столько людей, что за весь год не находит ни одного свободного дня, чтобы заехать в город; и даже Рагин сначала работает очень усердно, принимая пациентов ежедневно до обеда, делая операции и занимаясь акушерской практикой.

Вересаев, в свою очередь, в своих произведениях раскрывает глубокую, беззаветную любовь героев к людям. Его герои-врачи, прежде всего, Дмитрий Чеканов, готовы посвятить себя лечению больных. Несмотря на свою хрупкую конституцию, Чеканов отказался от научной карьеры и поступил на тяжелую, полную лишений земскую службу, отдавая себе отчет в том, чем это может ему грозить. Он признает идею жертвенности, едет в холерное место по неотступному требованию внутреннего голоса, готов отдать не только свое здоровье, но, в конце концов, и свою жизнь. И Троицкий работает много и с искренней самоотдачей; самоотверженная работа заменяет ему погоню за историческими задачами, успокаивает его и до определенной степени наполняет его жизнь.

Несмотря на всю преданность героев-врачей своей профессии и идее, наступает момент, когда все они, без исключения, начинают разочаровываться, чувствуя, что их медицина не может достичь того, чего они желали и ожидали, приступив к практике. Оба писателя делают акцент на том, что врачи, быть может, в большей степени, чем другие представители интеллигенции, могли убедиться в беспомощности своих усилий перед лицом народных бедствий. Ведь врач при выполнении своей работы сталкивается с самыми разными людьми. Вспоминается герой «Записок врача», встречающий заболевшего столбняком огородника, конюха, разбитого параличом после повреждения спины, больного чахоткой рабочего бумагопрядильной фабрики, страдающую чахоткой учительницу, мелочного лавочника с сыпным тифом, а также жену суконного фабриканта – и это лишь несколько примеров. И врач, наверное, сильнее других осознает, что медицина сама по себе не может изменить социальные условия, не может бороться с темной стороной бытия. «Медицина не может делать ничего иного, как только указывать на те условия, при которых единственно возможно здоровье и излечение людей; но врач, – если он врач, а не чиновник врачебного дела, – должен прежде всего бороться за устранение тех условий, которые делают его деятельность бессмысленною и бесплодною; он должен быть общественным деятелем в самом широком смысле слова, он должен не только указывать, он должен бороться и искать путей, как провести свои указания в жизнь» (1, 366-367), – читаем в «Записках» Вересаева. Но именно это стремление можно считать одной из причин, ведущей у многих врачей к осознанию того, что они в принципе не могут ничего изменить. Герой «Записок» все больше и больше убеждается в том, что «(...) медицина есть наука о лечении одних лишь богатых и свободных людей»; в отношении ко всем остальным «она являлась лишь теоретической наукой о том, как можно было бы вылечить их, если бы они были богаты и свободны» (1, 363). Подробно описываются прачка с экземой рук, ломовой извозчик с грыжей, прядильщик с чахоткой, которым врач может назначить мази, порошки и т.д., одновременно зная, что полного выздоровления при продолжении необходимой им для жизни тяжелой работы никак не будет. С большой теплотой и сочувствием герой отзывается о страдающем головокружением и обмороками мальчике-сапожнике с зелено-бледным лицом: «И в шесть часов утра и в одиннадцать часов ночи я вижу в окошко склоненную над сапогом стриженую голову Васьки, а кругом него – таких же зеленых и худых мальчиков и подмастерьев;

маленькая керосиновая лампа тускло горит над их головами, из окна тянет на улицу густую, прелую воню, от которой мутит в груди. И вот мне нужно лечить Ваську. Как его лечить! Нужно прийти, вырвать его из этого темного, вонючего угла, пустить бегать в поле, под горячее солнце, на вольный ветер, и легкие его развернутся, сердце окрепнет, кровь станет алою и горячею.(...) И единственное, что мне остается, – это прописывать Ваське железо и мышьяк и утешаться мыслью, что все-таки я "хоть что-нибудь" делаю для него» (1, 363-364).

В повести «Без дороги» Чеканов, в свою очередь, вспоминает, каким беспомощными он и его коллеги-врачи чувствовали себе перед эпидемией тифа, которую легко было бы предотвратить, если бы люди не страдали от голода: «(...) мы беспомощно стояли перед нею со своими ненужными лекарствами (...)» (1, 96).

В произведениях Чехова врачи также осознают пропасть между теоретическими и практическими возможностями медицины. Так, Рагин, зная про новые открытия в своей области, должен спрашивать себя, какую пользу все эти достижения приносят пациентам в его больнице. Астров и Ионыч не заговаривают открыто на эту тему, однако Астров затрагивает проблему нереализуемых возможностей в более широких рамках: из его пояснений к своим картинам становится ясно, что и он страдает от глубокого расхождения действительности и возможного прогресса. И хотя он напрямую не ссылается на медицину, есть все основания предполагать, что и он имеет в виду ее беспомощность в данных обстоятельствах.

Не подлежит сомнению, что человек, посвятивший свою жизнь служению людям и помощи ближним, может со временем, ввиду общего бедствия и видимой бессмысленности своей деятельности, начать считать свой труд бесполезным и ненужным и в конце концов потерять веру не только в свою работу, но и, быть может, в смысл собственного существования. Как отмечает И. Сироткина, в 1911 г. психиатр М.Ю. Лапушин указал на «появление большого количества "патологических альтруистов" – людей благородных и стремящихся к самопожертвованию. Однако в "русских исторических условиях" они не могли реализовать этих стремлений (...) их альтруизм принимал уродливые, патологические формы; страдая от "надрыва" и душевной дисгармонии, эти люди становились замкнутыми, и, в конце концов могли

превратиться в пациентов-психиатра»⁶⁷⁵. Потеря бывших идеалов и веры в изменение действительности была, безусловно, естественным результатом, который часто приводил к прекращению работы, разочарованию, бегству в обывательский образ жизни, пустой и без мыслей, и, в конце концов, к эмоциональной и нравственной гибели молодого человека. В крайних случаях разочарование могло привести и к самоубийству. Это происходило и с врачами. Самоубийство было, наряду со смертью от сыпного тифа, дифтерии, холеры, сапа, гриппа и чахотки⁶⁷⁶, одной из главных причин высокой смертности среди докторов. Эта тема обсуждалась в медицинских журналах, статьях и т.п. того времени. Современники объясняли тот факт, что процент самоубийств внутри этой профессиональной группы явно превышал их долю среди остального населения, следующим образом: «Чем труднее достигается какое-нибудь звание или положение, тем более требуется умственных и нравственных сил, чтобы добраться до него. Звание врача – одно из наиболее трудно достижимых; обязанности его одни из труднейших и опаснейших; (...) *разлад между принципами и стремлениями*, с одной стороны, *и внешними условиями жизни*, с другой, в сословии врачей дает себя чувствовать *особенно сильно*, о чем свидетельствует целый ряд статей, разбирающих быт русского врача – надо полагать, что именно в этом разладе и лежит первоначальное причинное условие столь грустного факта (...) всякий согласится признать невеселым знамение времени тот факт, что именно среди одного из наиболее живых сословий русской интеллигенции замечается такая относительно большая смертность от самоубийства»⁶⁷⁷ /курсив мой — К.Т./.

Хотя герои-врачи в произведениях Чехова и Вересаева не доходят до крайности и не расстаются добровольно с жизнью, их сильное разочарование описано и этими авторами. Именно сквозь творчество Чехова красной нитью проходит образ врача, не могущего ничего сделать или изменить и, поэтому больше не прикладывающего никаких усилий⁶⁷⁸. Если нельзя добиться желаемого и все усилия бесполезны, то не стоит даже пытаться что-нибудь изменить. Это, по мнению некоторых исследователей,

⁶⁷⁵ Сироткина, С.162.

⁶⁷⁶ Зеланд Н.Л., О смертности русских врачей // Врач 1894. № 28. С.790.

⁶⁷⁷ Там же. Подобно см. Фадпеев А.А., Из текущей печати // Врач 1896. № 38. С.1057.

⁶⁷⁸ Rayfield, С.109; в том смысле и Ober W., Chekhov among the doctors: the doctor's dilemma // Bulletin of the New York Academy of Medicine 49 (1973), С.71: «(...) he (Chekhov – К.Т.) presents them as incomplete men in an advanced state of copelessness».

общее кредо чеховских героев-врачей. Поэтому П. Долженков отметил в связи с творчеством Чехова, что писатель для изображения деградировавшего героя часто обращается к образу доктора⁶⁷⁹.

Тем не менее, у Чехова, верного своему принципу отказа от генерализации, каждый из врачей по-своему реагирует на испытанное разочарование. Если Рагин, подсчитывающий, сколько больных им обмануто каждый год, решает, что нельзя мешать людям умирать и сходить с ума, и потому прекращает ходить в больницу, то Ионыч продолжает усердно работать, но находит мотивацию для этого в деньгах. Астров же, которому лишь в пьяном состоянии кажется, что он приносит людям огромную пользу, работает дальше, но перемещает свое прежнее восхищение и восторг на заботу о лесах.

Вересаев еще очевиднее и более подчеркнуто выдвигает отчаяние и разочарование врачей на первый план. В отличие от Чехова Вересаев напрямую делает акцент на крушении бывших надежд и прежних идеалов героев, оставшихся именно поэтому «без дороги». Поиски нового пути и упадок духа – лейтмотив трех рассмотренных произведений Вересаева. В рассказе «Товарищи» друзья, и среди них герой-врач, не могут смириться с тем, что не удалось устроить жизнь так, как представлялось во время учебы, и страдают от того, что их идеалы остались позади. Доктор Чеканов, осознавший, что идея, в которую он верил, не устоит перед реальностью, впадает в такое отчаяние, что теряет всякий смысл жизни и не знает, «куда деваться от тоски», ведь у него «ничего нет» (1, 119). Но в отличие от товарищей из одноименного рассказа, предавшихся обывательской жизни и пустым разговорам, Чеканов, напротив, еще больше уходит в работу, чтобы погубить себя. С доктором Троицким у Вересаева связана менее мрачная картина. Троицкий находит успокоение в своей работе, хотя тоже ничего «не знает». И он потерял веру в свою идею и осознал: жизнь настолько сложна, что нельзя легкомысленно отдаваться той или другой теории. Но он остался верен своему труду, уверенный, что занимается полезным делом.

Наряду с разочарованием (следствием несбывшихся надежд, неудавшейся жизни и неосуществленных целей) во врачах просыпается и чувство вины, свойственное интеллигентам. Вересаев намного сильнее Чехова подчеркивает это чувство и

⁶⁷⁹ Долженков, С.116.

связывает его с осознанием долга перед народом. В повести «Товарищи» врач Чуваев вместе с другими героями размышляет о своей «больной совести». И Чеканов думает о долге, у него на душе горькое презрение к самому себе; использованные Наташей слова «долг народу» и «идея» ему «режут ухо» (1, 100).

У Чехова мотив некой вины героев-врачей тоже присутствует, однако не подчеркнуто, а в более скрытом виде. Так, просыпающееся ночью у Рагина чувство скорби и зависти можно охарактеризовать как чувство вины⁶⁸⁰. Рагин, а также Старцев чувствуют, что ведут себя не так, как следовало бы. Они знают про свою неудавшуюся жизнь и осуждают, хотя и редко, свое поведение и свою слабость. Поэтому у них время от времени дает знать о себе совесть: если у Рагина это чувство просыпается ночью, то у Старцева оно появляется при словах Екатерины Ивановны о высоком призвании врача. Астров же боится, что те, кто будет жить через сто, двести лет после него, будут презирать, осуждать его и его современников за глупо и безвкусно прожитую ими жизнь. Однако у Астрова чувство вины и «больной совести» смягчено. Ввиду того, что этот доктор трудится на пользу человечества путем защиты лесов, ему одновременно кажется, что и он немного содействует счастью будущих поколений.

Это просыпающееся чувство вины герои часто пытаются оправдать временем и пространством, то есть обстоятельствами, в которых им придется жить. Пространство отделяет их от цивилизации и жизни, кипящей в городах, а время мешает им быть такими, какими им хотелось бы быть в мечтах. Особенно Чехов делает акцент на ощущении врачами тягости и дурного влияния времени. Так, Рагин был бы другим, родился он на двести лет позже. Астров и Старцев тоже считают, что жизнь будет лучше через несколько веков, в отдаленном будущем.

Влияние среды и времени рассматривается и в произведениях Вересаева, особенно в повести «Без дороги», где Чеканов с огорчением констатирует, что «(...) сила времени – сила страшная и не по плечу человеку» (1, 80). «Безвременье придавило всех, и напрасны отчаянные попытки выбиться из-под его власти» (1, 122). Он с большим уважением вспоминает тургеневского Базарова, восхищается его верой в себя и жалеет о том, что сам он не может бороться со временем: «я, кажется, настоящим образом в одно только и верю – это именно в неодолимую силу времени (...) Время тяжелое,

⁶⁸⁰ См. Лапушин, С.63.

глухое и сумрачное со всех сторон охватывало меня, и я со страхом видел, что оно посягает на самое для меня дорогое, посягает на мое мирозерцание, на всю мою душевную жизнь...» (1, 80). Из уст доктора Троицкого тоже звучат слова о мучительном времени, вызывающие сильные возражения у Даева: «На время грех жаловаться (...)» (1, 169).

На самом деле то, что действительно мешает героям-врачам жить плодотворно, — это не столько время или пространство, сколько, прежде всего, их собственная слабость воли, препятствующая борьбе с неблагоприятными влияниями извне. Н.А. Бердяев отмечал: «Русского человека слишком легко 'заедает среда'. Он привык полагаться не на себя, не на свою активность, не на внутреннюю дисциплину личности, а на органический коллектив, на что-то внешнее, что должно его подымать и спасать»⁶⁸¹. Хотя нельзя недооценивать тот факт, что в исторических условиях идеалистическим и альтруистическим намерениям врачей не суждено было сбыться. Эти намерения было тяжело осуществить, и именно ощущение бессмысленности личного труда и существования, несомненно, способствовало возникновению сильной фрустрации. При этом следует указать и на фактор слабости воли и отказа от борьбы за реализацию своих желаний. Когда жизнь разрушает идеалы героев, они сдаются и подчиняются течению жизни, в той или другой форме приспособляясь к своему окружению и примиряясь с житейской пошлостью.

Тема слабой воли была весьма популярна не только в русской литературе, но и среди психиатров конца XIX века. Нерешимость в этой связи часто обозначалась понятием «гамлетизм», означавшим неспособность к действиям и неготовность к поступку, сильное сомнение и несовпадение желаний и слабоволия. «Гамлетизм» стал одним из свойств русской интеллигенции⁶⁸², а Гамлет — ее прототипом. Гамлетовский характер типичен для переходного времени, каким были и последние десятилетия XIX века⁶⁸³. Кроме того, в эти годы возник новый диагноз, поставленный, в первую очередь, «работникам умственного труда»⁶⁸⁴ сначала в США, а затем в Европе, — «неврастения»,

⁶⁸¹ Бердяев Н.А., Судьба России. М., 2005. С.117.

⁶⁸² Сироткина, С.162-163; Шах-Азизова Т.К., Немного о гамлетизме // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999. С.220.

⁶⁸³ Сироткина, С.163-164.

⁶⁸⁴ Там же. С.172.

или нервное истощение⁶⁸⁵. Неврастеников психиатры находили и в России, причем в таком количестве, что среди современников даже говорилось о неврастении как о «русской болезни»⁶⁸⁶. И. Сироткина цитирует суждение харьковского психиатра Н.И. Мухина, высказанное в конце 1880-х гг.: в отличие от других стран в России вырождение – прежде всего продукт социальный, так как основная масса русских – «лихорадочно трудящаяся, терпящая всевозможные недостатки, отовсюду принимающая удары стойкой нервной системы». Неврастения же – та почва, на которой «пышным цветом развиваются цветы вырождения»⁶⁸⁷. Типичный русский неврастеник был охарактеризован как тяжело работающий интеллигент, бедный и ослабленный физически, зажатый рамками репрессивного строя и страдающий от нереализованного желания служить обществу⁶⁸⁸.

Именно А. Чехов, глубоко интересовавшийся психиатрией⁶⁸⁹, отразил в своем творчестве много вариантов неврастения и интеллигентского гамлетизма⁶⁹⁰, причем эти явления и слабость воли в разной степени свойственны и рассмотренным героям-врачам. Так, Рагин, зная, какие условия царят в его больнице, бездействует и лишь вырабатывает себе пассивную жизненную философию, оправдывающую его поведение. Он даже признает свою слабость и напрямую говорит Громову «Слабы мы, дорогой... Был я равнодушен, бодро и здраво рассуждал, а стоило только жизни грубо прикоснуться ко мне, как я пал духом... прострация... Слабы мы, дрянные мы...». Старцев в глубине души тоже отдает себе отчет в том, что он ведет себя пошло и, в принципе, ничем не отличается от остальных жителей города. Но ему также не хватает сил и решимости, чтобы измениться. Напротив, он все больше и больше погружается в обывательскую жизнь. Астров же является самым светлым из трех чеховских героев-врачей. Он единственный из них, кто борется за внесение вклада в общую жизнь. Он решительно отдается спасению лесов, хотя и чувствует сильное истощение и разочарование в жизни, от которой больше ничего не ждет.

⁶⁸⁵ Там же. С.160.

⁶⁸⁶ Ковалевский П.И., *Folie du doute* // АПНСП. 1886. № 2. С.38; цитируется по Сироткина, С.161.

⁶⁸⁷ Мухин Н.И., *Неврастения и дегенерация* // АП. 1888. № 1. С.49, 67; цитируется по Сироткина, С.161.

⁶⁸⁸ Сироткина, С.172.

⁶⁸⁹ Об интересе писателя к психиатрии см., например, *Мирский*, Доктор Чехов. С.106-107; *Меве*, С.128-136.

⁶⁹⁰ *Шах-Азизова*, С.224; *Никинин М.П.*, Чехов как изобразитель больной души; цитируется по Сироткина, С.159.

О слабости воли говорилось и в связи с вересаевскими «Записками врача», герой-рассказчик которых был охарактеризован И. Сикорским как «неполный и недоразвившийся характер»⁶⁹¹, как колеблющийся, раздваивающийся, нерешительный и неспособный управлять собою человек. По мнению исследователя, этот тип, «хорошо известный в русской литературе», представляет собой «основную национальную черту русского человека, склонного к страданию, нерешительного, часто непрактичного». Одновременно Сикорским было подчеркнуто, что слабость этого героя – «обратная сторона его нравственного поиска и стремления к идеалам»⁶⁹². Сам герой связывает свое нервное состояние именно с профессией: «Семь лет я врачом (...) Все время нервы напряжены, все время жизнь бьет по этим нервам; чтоб безнаказанно переносить такое состояние, нужна громадная нервная сила, а между тем жить приходится так, что и самая железная устойчивость должна разрушиться. Для меня нет праздников, нет гарантированного отдыха; каждую минуту, от сна, от еды, меня могут оторвать на целые часы, и никому нет дела до моих сил. И вот с каждым годом все больше обращаешься в развалину-неврастеника; пропадает радость жизни и любовь к ней; *пропадает*, еще страшнее, отзывчивость и *способность горячо чувствовать*» (1, 420) /курсив мой – К.Т./.

Слабостью воли страдают до определенной степени и герои-врачи предыдущих произведений Вересаева. В рассказе «Товарищи» доктор, так же, как и остальные герои, знает, что ведет обывательский образ жизни вместо того существования подвигов, о котором он мечтал, будучи студентом. Доктор, в отличие от его товарищей, осознает, что их бывшие благородные идеалы действительно потеряны навсегда. Тот факт, что он не обманывает себя и не пытается внушать себе каких бы то ни было надежд, указывает на его слабость: для того, чтобы вести насыщенную жизнь, он слишком слаб. Так ясно показана пропасть между сознанием и волей героя. Единственное желание, оставшееся у него, – научиться играть в винт.

О Чеканове тоже говорилось как о несостоявшемся, поверженном и «угасшем в душе» человеке⁶⁹³. Тем не менее, этого персонажа, так же, как и Троицкого, нельзя

⁶⁹¹ Сикорский И.А., О книге В. Вересаева «Записки врача». С.485.

⁶⁹² Там же. С.505-507.

⁶⁹³ Кондрашова И.И., Природа художественного синтетизма в творчестве В. Вересаева // Вестник Адыгейского государственного университета. 2007. – С. 186-190. Электронная версия: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2007.3/535/kondrashova2007_3.pdf (26.04.2010).

считать слабым в традиционном смысле слова. Эти герои продолжают бороться за улучшение жизни народа и не опускают рук. По отношению к этим персонажам писатель скорее подчеркивает потерю ими целей в жизни и связанные с этим особенности поведения. Слабость героев состоит в том, что они в разной мере страдают из-за крушения своих идеалов и не могут справиться с реальной жизнью. Поэтому в их мире нет стойких идей, а их труд на благо человечества – бегство от этой душевной пустоты.

Таким образом, при изучении героев-медиков в творчестве данных писателей следует учитывать все эти факторы, обусловленные историческим периодом, в который возникли произведения. Вечные вопросы русской интеллигенции «Зачем жить» и «Что делать» остаются актуальными и в связи с этими персонажами. Неспособность найти ответ на эти «проклятые» вопросы ведет у героев к бессилию, неудовлетворенности, общему пессимизму и разочарованию в жизни.

Однако несмотря на все сходства, которые могут быть найдены у героев-врачей Чехова и Вересаева (в глаза бросаются, прежде всего, одиночество, разочарование и некоторое чувство вины), есть и существенные различия, до определенной степени объяснимые личностью авторов. Так, Вересаев оставляет своих героев в тупике, в полном «бездорожье». Безуспешно ищущие правильный путь и идею, они спрашивают себя, зачем им жить, и не видят смысла в своем существовании. Можно присоединиться к мнению исследователя В. Эджертон, полагавшего что это бездорожье вересаевских героев вызвано тем, что они ищут общую идею: «(...) in these pre-Revolutionary stories, the characters in whom he himself (Вересаев – *K.T.*) shows the greatest interest, seem inevitably to go „astray“; and I have ventured to suggest that this loss of faith resulted in large measure from their effort to make an all-embracing philosophy, a religion (...)»⁶⁹⁴. И сам Вересаев в студенческие годы и позже искал свой путь среди существующих общественных направлений и был готов отдаться теории, в которую он поверил бы. Так и герои этого писателя ищут приемлемый для всех путь и общую идею среди политических и общественных течений своего времени. Не находя его, они теряются, впадают в отчаяние и остаются «без дороги». Так, доктор Чуваев, так же, как и его товарищи, будучи студентом, ожидал жизнь, полную подвигов, и остался в состоянии

⁶⁹⁴ Edgerton, C.112.

пустоты, когда это ожидание рухнуло перед лицом реальности. Чеканов теряет жизнерадостность и смысл жизни, утратив веру в народнический идеал. Даже борьба с холерой, которой он отдает свою жизнь, не сможет заполнить его душевную пустоту. Доктор Троицкий также ищет идею среди существующих течений, но не верит ни в народничество, ни в кустарное дело Киселева, ни в марксизм Наташи и Даева. Он уже осознал, что фактически невозможно найти теорию, способную решить все жизненные и общественные проблемы. И хотя он находит утешение в работе, ему все же не хватает руководящей идеи. Как отмечено выше, герой «Записок врача» в финале осознает необходимость общей трансформации общества, говорит о потребности объединиться и о том, что личная судьба и успех вытекают из судьбы и успеха целого. Таким образом, герои, возлагавшие все надежды на общие перемены и универсальные теории, вследствие неудач не находят личного счастья и спокойствия, а испытывают сильную фрустрацию, приводящую к бездорожному, безвыходному состоянию.

Если герои-врачи в произведениях Вересаева приходят в полное отчаяние из-за крушения идей и ощущения бессмысленности существования, то у Чехова, несмотря на все, картина не явится столь мрачной. Доктора последнего тоже находятся в состоянии разочарования, и, как было показано, страдают от обстоятельств, делающих невозможным прогресс. Однако Чехов, избегавший обобщений какого бы то ни было рода и, следовательно, всегда уклонявшийся от политических группировок, не желал, чтобы его считали поклонником того или иного общественного течения, и показал своим героям возможный выход. Они не ищут никакой общей идеи, а находят себе другую сферу занятий, которая вновь придает их жизни смысл после крушения надежд на медицину. Ведь Астров, хотя и отдаляется от своей идеи, от медицины, все же находит новую цель, новый путь в жизни, посвящая себя борьбе за восстановление вырубленных лесов. Рагин, тоже оставивший медицину, отдает себя философии, вырабатывает философскую теорию, в которую верит и которая успокаивает его. Лишь Старцев, избравший обывательский образ жизни, останется без новой, благородной цели.

Кроме того, сквозь творчество Чехова красной нитью проходит мотив светлого будущего, придающий уверенность в том, что каким бы безнадежным ни было настоящее, будущее обещает лучшую жизнь. Как было отмечено В.Б. Катаевым в связи

с рассказом «Палата № 6», упование героев на будущее – это «форма самоутешения, бессильная хотя бы что-то изменить в действительности»⁶⁹⁵. Мысли героев-врачей во многом направлены на грядущее, которое им кажется многообещающее, чем настоящее. Так, Астров думает о будущих поколениях, которые будут жить через сто или двести лет, больше, чем о своих современниках, Рагин видит далекое будущее, в котором нет тюрем и сумасшедших домов, и даже Старцев говорит о том, что «человечество, слава богу, идет вперед и что со временем оно будет обходиться без паспортов и без смертной казни» (10, 35).

Таким образом, Чехов рисует своих героев более исполненными надежды, чем Вересаев: если на вопрос «Зачем жить?» Астров, Старцев и Рагин отвечают: «Для будущих поколений», то именно такая вера отсутствует у рассмотренных докторов из произведений Вересаева. Те не смотрят вперед, а оказываются в тупике, без дороги, без надежды. У Чуваева, Чеканова и Троицкого «впереди ничего нет», они замкнуты в своей отчаянной ситуации, не знают, зачем жить дальше, не смотрят в будущее, а, чувствуя тупую тоску, «из которой нет выхода» (1, 71), считают, что вся будущая жизнь пройдет таким же образом. А именно эта разница в восприятии смысла жизни и наделяет произведения Чехова тем элементом надежды, который в них все-таки чувствуется, несмотря на всю изображенную тоску, несмотря на апатичность и индифферентизм, которые Н.К. Михайловский приписал героям писателя⁶⁹⁶ и которые, без сомнения, свойственны и его докторам.. Быть может, именно эта вера в будущее и наделяет произведения тем элементом, который обеспечивает читательский интерес и популярность чеховских произведений до наших дней.

Итак, подводя итоги, следует указать на то, что врачей в произведениях как А.П. Чехова, так и В.В. Вересаева необходимо видеть в связи с той эпохой, в которую они жили, так как писатели в этих персонажах отразили общее явление русской литературы перелома веков, которая, в отличие от 60-х/70-х гг., страдала отсутствием ярких героев, совершающих подвиги и ставящих перед собой широкие общественные задачи. В отличие от «золотого века», данные авторы воплощают тот известный в русской литературе тип колеблющегося человека, когда-то в молодости потерявшего

⁶⁹⁵ Катаев. Проза Чехова. С.191.

⁶⁹⁶ Михайловский, цитируется по Henry P.A., Hamlet of His Time: Vsevolod Garshin. The Man, His Works, and His Milieu. Oxford, 1983. С.166-167.

жизнерадостность и способность бороться, прежде всего в образах героев-врачей.

Тем не менее, несмотря на общее, охарактеризованное бессилием, неудовлетворенностью, пессимизмом и разочарованием настроение целого поколения и слоя русского общества, частью которого являются герои-врачи, следует, изучая этих персонажей, учитывать и дополнительные факторы, связанные именно с медицинской профессией и с развитием медицины. Общий пессимизм и разочарование, преобладавшие тогда среди интеллигенции, вызывавшие сомнения и колебания и, в конце концов, приводившие к диагнозу неврастения, у врачей усиливались из-за смешения с разочарованием и равнодушием, связанными, как было показано выше, с медицинской практикой вообще.

Особенности деятельности земского врача, проходившей среди народа и, таким образом, со всей полнотой вскрывавшей трудность и неосуществимость нужных перемен, к тому же усиливали у этой профессиональной группы крушение надежд и чувство неудовлетворенности жизнью более, чем у интеллигентов, работавших в умственных центрах страны. Можно исходить из того, что эти общие переживания врачей, которых в своих произведениях так незаметно выдвинули Чехов и Вересаев, обострили безвыходную картину, которая создается у представителей этой профессии. Несмотря на вневременную актуальность проблем и вопросов, затронутых в творчестве данных писателей в связи с докторами, таких как, прежде всего, поиск смысла жизни и становление личности, вопрос об осуществлении мечтаний и надежд, реализации идеалов, именно совпадение литературной и медицинской деятельности обоих писателей требует принятия во внимание исторических и профессиональных условий при рассмотрении этих персонажей. Есть основания полагать, что эти авторы вследствие собственной медицинской деятельности сами знали и, наверное, в той или другой форме и испытали все эти явления, которые они с искренней правдивостью и достоверностью отразили в своем творчестве.

Разница в восприятии мира и управлении внутренними переживаниями при всем сходстве все-таки отличающихся друг от друга героев-врачей Чехова и Вересаева отражают разные характеры самих авторов. Если Чехов при решении проблем избегает общих шаблонов и воздерживается от генерализации, то герои Вересаева пытаются найти спасение среди существующих путей.

Итак, помимо взаимодействия профессий врача и писателя у А.П. Чехова и В.В. Вересаева, свой отпечаток на докторов-героев наложил, прежде всего, дух времени. Стараясь своей деятельностью изменить темную действительность, они, как и многие их современники, сами не справились с реальностью, а опустили руки, когда надо было бороться и устоять перед ней. Они оказались слабыми, когда пришлось быть стойкими, и, таким образом, в конце концов, вместо того, чтобы реализовать свои стремления и высокие идеалы, они постепенно растеряли свои душевные силы, надломились и, поддаваясь обстоятельствам, сломались в жизни.

Упадничество, пессимизм и убеждение в невозможности изменить что-нибудь, которые стали характерными для представителей интеллигенции накануне XX века, выделяют и героев-врачей в произведениях Чехова и Вересаева, поэтому необходимо, обращать внимание и на период, представителями которого являются эти персонажи. После введения земской медицины, которая впервые сделала доступной организованную медицинскую помощь для сельского населения, врачи, как и вообще интеллигенты того времени, питали надежду, что в новых условиях они смогут помочь народу, облегчить его положение. Но скоро они начали осознавать свою беспомощность ввиду беды. Они видели, что их усилия являются лишь каплей в море и что они своей деятельностью, в принципе, ничего не могут изменить. В связи с тяжелыми условиями работы в уездах без перспектив многие или покидали земскую службу, или теряли веру в лучшее будущее, становились равнодушными к своему окружению и к своей работе. Таким образом, много идеалов и надежд было разрушено, что, по- моему, показывают оба писателя, по собственному опыту хорошо знавшие и все эти переживания врачей, и настроение своих коллег-медиков.

10. Deutsche Zusammenfassung

Angesichts der Tatsache, dass sowohl die Person als auch das literarische Werk Vikentij Vikentievič Veresaevs (eigentlich Smidovič) trotz seines 60-jährigen schriftstellerischen Tätigseins heute – sowohl in Russland selbst, als auch im Ausland – so gut wie unbekannt sind, wird im ersten Abschnitt der Arbeit auf diesen Schriftsteller und dessen Leben näher eingegangen, ehe im zweiten Teil das eigentliche Thema der Diplomarbeit – das Arztbild im Werk von A.P. Čechov und V.V. Veresaev – behandelt wird.

V.V. Veresaev wird gegenwärtig lediglich mit seinem legendären Werk „Zapiski vrača“ („Aufzeichnungen eines Arztes“) aus 1901 in Verbindung gebracht, seiner Person werden vor allem die Beisätze Revolutionär und Marxist zugeschrieben. Doch verzerrt ein derartiges Bild des Autors die Realität – Veresaev schuf in seinem 78-jährigen Leben eine Vielzahl von Werken verschiedener Genres und sticht auch als Persönlichkeit durch Weitsichtigkeit, klares Denken und Streben nach Gerechtigkeit hervor.

Neben den existenten, zum Teil veralteten Biografien wurde für diese Arbeit insbesondere auf das im RGALI aufbewahrte Archiv des Autors zurückgegriffen, welches nach dem Jahr 2000 durch aufschlussreiche Briefe Veresaevs an seine Bekannte M. Novickaja, zu der er über Jahrzehnte hinweg in enger Beziehung stand, ergänzt wurde. Gerade dieser jahrzehntelange, bis zum Tode Veresaevs dauernde Briefwechsel gibt einzigartige Aufschlüsse über den Charakter und die persönlichsten Überlegungen und Gefühle des Schriftstellers.

Veresaev wurde 1867 in die kinderreiche Familie eines Tuler Arztes geboren und zeigte bereits früh Interesse an Literatur. Bereits im Kindesalter verspürte er den Wunsch, Schriftsteller zu werden, und bereitete sich durch die gewissenhafte Lektüre sämtlicher Werke russischer und westeuropäischer Autoren darauf vor. Als Gymnasialschüler widmete er sich dem Verfassen von Gedichten und entdeckte seine Liebe zu Übersetzungen, zu denen er vor allem in späteren Jahren wieder zurück fand, als die strenge Zensur des *Glavlit* die Freiheit der Schriftsteller derart eingrenzte, dass man, wie Veresaev in einem Brief betonte, lediglich nach einem bestimmten Muster schreiben konnte.

1884 begann Veresaev sein Studium an der historisch-philologischen Fakultät der Petersburger Universität, nach dessen Abschluss er, motiviert durch sein Ziel, Schriftsteller zu

werden, den Entschluss fasste, Medizin zu studieren: Er hoffte, durch den Beruf des Arztes die für einen Belletristen notwendige Menschenkenntnis zu bekommen. 1892 beteiligte sich der Medizinstudent im Donecker Becken am Kampf gegen die Cholera-Epidemie, nach erfolgter Promotion 1894 an der deutschsprachigen Universität zu Derpt arbeitete er als Arzt zunächst in Tula, dann in Sankt Petersburg.

Veresaev nahm seit jungen Jahren Anteil an der Lösung gesellschaftlicher Probleme, litt unter der Atmosphäre der allgemeinen Unterdrückung sowie ausweglosen Situation der Landbevölkerung, vor der er sich, wie viele seiner Zeitgenossen, angesichts seiner privilegierten Stellung schuldig fühlte. Getrieben von dem Streben, den „richtigen Weg“, eine Lösung für die bestehenden Ungerechtigkeiten und Probleme zu finden, setzte er sich eingehend mit sämtlichen politischen und gesellschaftlichen Strömungen seiner Zeit auseinander. Doch weder die „Theorie der kleinen Dinge“, noch die Lehren L. Tolstojs oder die Bewegung der „narodniki“ konnten die Antworten geben, die Veresaev suchte. Auch der Marxismus fand zunächst keinen Befürworter in dem jungen Autor. Erst ab 1896 erweckte die neue marxistische Strömung sein Interesse, sodass er sich in ihren Dienst stellte und im revolutionären Untergrund tätig wurde. Dennoch scheint es, dass Veresaev bei all seiner Begeisterung nie die Fähigkeit verlor, Ungerechtigkeiten, von wem auch immer diese begangen wurden, aufzuspüren, und gegen sie seine Stimme zu erheben, wovon er in späteren Jahren immer wieder Gebrauch machte.

1901 wurde Veresaev wegen revolutionärer Tätigkeiten vom Dienst suspendiert und nach Tula verbannt, danach verbrachte er eine gewisse Zeit im Ausland. Nach seiner Rückkehr nach Moskau und dem Ausbruch des russisch-japanischen Krieges wurde er einberufen und als Militärarzt in der Mandschurei eingesetzt. 1914 wurde er erneut mobilisiert und leitete bis 1917 die militärisch-sanitäre Desinfektionsabteilung der Moskauer Eisenbahnzentrale.

Von 1918 bis 1921 lebte Veresaev mit seiner Frau auf seiner Datsche in Koktebel', wo er Zeuge des Bürgerkriegs wurde und zum Teil als Arzt arbeitete. Ab 1921 lebte er, mit einer Unterbrechung 1942-43, als das Ehepaar die ersten Jahre des Großen Vaterländischen Krieges in Georgien verbrachte, durchgehend in Moskau, wo er 1945 starb.

Veresaevs vielseitiges Werk umfasst neben einer Reihe von Erzählungen auch Romane, ein Theaterstück, Übersetzungen aus der deutschen und antiken Literatur,

literaturwissenschaftliche Arbeiten über Tolstoj, Gogol' und Puškin, sowie zahlreiche Werke, die den Charakter von Memoiren tragen. Die Gesamtheit seines Schaffens, das durchgehend stark von autobiographischen Elementen geprägt ist, ist von nicht zu unterschätzendem dokumentarischen Wert. Veresaevs Streben, lediglich das wiederzugeben, was ihm aus eigener Erfahrung bekannt war, führten dazu, dass sein Hauptmotiv die Darstellung des Schicksal der russischen „intelligencija“ wurde, und folglich Gefühlsleben, Überlegungen und Erfahrungen, sowie die Entwicklung dieser gesellschaftlichen Gruppe über Jahrzehnte hinweg widerspiegelt.

Neben den drei im zweiten Teil der Arbeit genauer behandelten Erzählungen „Tovarišči“ (1892), „Bez dorogi“ (1894) sowie „Povetrie“ (1897) sowie des wohl am bekanntesten Werkes „Zapiski vrača“ (1901), welches unmittelbar nach seiner Erscheinung nicht bloß in Russland, sondern auch in anderen europäischen Staaten die Wogen hochgehen ließ, verdient auch sein Roman „V tupike“ („In der Sackgasse“) aus 1923 ausführliche Erwähnung. Die Arbeit an diesem Werk begann Veresaev während seines dreijährigen Aufenthaltes auf der Krim und beendete sie 1922 in Moskau. Die Veröffentlichung des Romans, in dem der Autor seine Eindrücke und Erfahrungen, die er während des Bürgerkrieges, der gerade auf der Halbinsel mit besonderer Härte und Ausdauer ausgetragen wurde, verarbeitete, stellte sich als schwierig heraus. Zu objektiv war die Darstellung der von beiden kämpfenden Seiten verübten Gräueltaten, und auch die Beschreibung der *bolševiki* war so ambivalent, dass man den Autor, wie Veresaev selbst sagte, für manche Szenen einsperren, für andere die Mitgliedschaft in der Partei anbieten konnte. Im Ausland wurde der Roman als konterrevolutionäres Werk angesehen, in der Sowjetunion waren die Reaktionen gespalten. Schließlich fand in der Kremler Wohnung des Vorsitzenden des Moskauer Sowjets der Deputierten der Werktätigen (*Mossovet*) L. Kamenevs im Beisein fast des gesamten Rats der Volkskommissare eine Lesung des Werkes statt, und nach langen Diskussionen der Anwesenden wurde „V tupike“ schließlich zum Druck freigegeben, obwohl gleichzeitig vom *Glavlit* die Darstellung der Willkür der Bolschewiken angemerkt und von der Notwendigkeit einiger Änderungen gesprochen wurde. In den 20er-Jahren wurde der Roman einige Male in neuen, Modifikationen der Zensoren enthaltenden Auflagen gedruckt. 1933 erschien in einmaliger, streng zensurierter Auflage Veresaevs neuer Roman „Sestry“, dessen Thema der erste Fünfjahresplan, der Alltag und die Überlegungen junger Komsomolzen, sowie die

Diskrepanz zwischen kommunistischer Ideologie und Realität ist, und der auch eine indirekte Kritik an der Kollektivierung enthält. Die offizielle Kritik beschuldigte den Autor der verleumderischen Darstellung des Komsomol, politischer Fehler und des Avantgardismus; der Roman wurde verboten. Allerdings blieb das Verbot nicht allein auf den Roman „Sestry“ beschränkt – aus dem Verkauf wurde schließlich auch der Vorgängerroman „V tupike“ genommen und bis in die 90er-Jahre in sämtlichen Quellen und Büchern über die russische Literatur schlicht ignoriert.

Nach diesem Verbot fasste Veresaev den Entschluss, künftig keine belletristischen Werke mehr zu schreiben – es war unmöglich geworden, die Realität ehrlich und wahrheitsgetreu darzustellen, den Bedingungen der Zensoren unterordnen aber wollte er sich nicht. Bis zu seinem Tode zwölf Jahre später schrieb er in der Tat keine einzige Erzählung mehr, sondern widmete sich gänzlich seinen literaturwissenschaftlichen Arbeiten und Lesungen über Puškin sowie Übersetzungen – als 70-Jähriger begann er 1937 die „Ilias“ und die „Odyssee“ ins Russische zu übersetzen.

Ungeachtet dessen, dass Veresaev nach dem Verbot seiner Romane eine gewisse Ungnade von offizieller Seite zu spüren bekam, wurde ihm dennoch 1943 für „langjährige Verdienste im Bereich der Literatur“ die Stalinprämie ersten Grades verliehen, eine Verleihung, die den Autor selbst wunderte und ihn, nach Angaben seiner Verwandten, fragen ließ, welche Niedertracht er in seinem Alter begangen haben konnte, für die er von Stalin belohnt würde.

Veresaev beteiligte sich Zeit seines Lebens an zahlreichen literarischen Vereinigungen und stand in Kontakt mit vielen seiner Zeitgenossen und Kollegen. Mit einigen, etwa M. Vološin, I. Šmelev, V. Brjusov, F. Sologub, L. Andreev, M. Gor’kij, M. Bulgakov, und S. Grin, führte er, zum Teil über Jahrzehnte hinweg, Briefkontakt, der Aufschluss über seine Persönlichkeit gibt. An humanistischen Idealen erzogen, seinem Charakter nach hilfsbereit, zögerte er nicht, seine in Not geratenen Kollegen zu unterstützen, sei es durch Geldzuwendungen, sei es durch Hilfe bei der Publikation oder sonstige Intervention bei einflussreichen Personen. Veresaevs Charaktereigenschaften wurden von vielen seiner Zeitgenossen hervorgehoben, er selbst als ehrlicher, aufrichtiger Mensch beschrieben.

Ehrlichkeit zählte Veresaev zu einer der wichtigsten Eigenschaften, der er auch in seiner schriftstellerischen Tätigkeit stets treu blieb. In seinem 1921 verfassten Aufsatz „Čto

nužno dlja togo, čtoby stat' pisatelem“ unterstrich er mehrmals, dass ein Schriftsteller sich selbst und der Wahrheit treu bleiben und auf seine eigenen Gefühle vertrauen sollte. Er selber folgte diesen Prinzipien auch in Zeiten strengster Zensur und weigerte sich, von seinem Postulat, bloß über das zu schreiben, was er in eigener Erfahrung erlebt hatte, abzuweichen. Unter der Atmosphäre allgemeiner Unterdrückung, Zensur und Kontrolle litt er – zunächst unter dem zaristischen Regime, später, in weitaus größerem Ausmaße, unter sowjetischer Herrschaft. Bereits nach der Februarrevolution 1917 befürchtete er den Versuch, unter dem Deckmantel der Revolution eine Tyrannei durch eine andere zu ersetzen und warnte vor der Einschränkung der Meinungsfreiheit. Russland, so befürchtete er, stünden Zeiten des Hasses gegenüber jeglichem abweichenden Denken bevor.

Obwohl Veresaev nach der Oktoberrevolution versuchte, sein literarisches Schaffen fortzusetzen und in sowjetischen Zeitschriften mitarbeitete, so erhob er doch einige Male seine Stimme gegen die vorherrschenden Einschränkungen künstlerischer Tätigkeit. 1925 prangerte er die den Autoren für eine Publikation von höheren Instanzen auferlegten Forderungen an und bedauerte, dass Künstler wie Sologub, Vološin und Achmatova lediglich deshalb schweigen mussten, weil sie ideologisch nicht der herrschenden Partei nahe stünden. Würde Dostojewskij in die Gegenwart versetzt werden, betonte Veresaev weiter, so müsste wohl auch er eines seiner Manuskripte nach dem anderen mit dem Verbotsstempel des *Glavlit* in seinem Schreibtisch verstauen. 1927 protestierte er nicht gegen den von einer anonym gebliebenen Gruppe sowjetischer Literaten an I. Bunin in Paris gesendeten Brief, in denen diese gegen den bolschewistischen Terror der Zensur auf bekehrten.

Selbst 1941, als Veresaev sich längst seinen Übersetzungen zugewandt hatte, wollte er in der Zeitung „Literaturnaja Gazeta“ einen Artikel zum Problem des Verhältnisses zwischen Schriftstellern und Redaktoren veröffentlichen. Bereits der erste Satz „Dies sind zwei verfeindete Lager“ gibt Aufschluss über die Absicht des Autors, der zwar in erster Linie sprachliche Einmischungen seitens der Redaktion kritisierte. Angesichts der von Veresaev gewählten Formulierungen und Beispielen besteht aber kein Zweifel, dass er insbesondere die inhaltliche Einflussnahme im Sinne hatte. Genauso verstand den Aufsatz auch der erste Sekretär des Schriftstellerverbandes A. Fadeev, der ihn mit dem Vermerk „Streng geheim“ in das Zentralkomitee weiterleitete. Veresaevs Aufsatz wurde schließlich verboten, und fand seinen Weg in die „Literaturnaja Gazeta“ lediglich mit einer Verspätung von 56 Jahren.

Veresaev blieb das Schicksal einiger seiner Kollegen erspart – von gravierenden Repressionen und Ausfälligkeiten gegenüber seiner Person blieb er verschont. Dies ist zum Teil mit seiner eigenen revolutionären Vergangenheit und seinen vielseitigen Kontakten zu einflussreichen Personen zu erklären. Nicht außer Acht zu lassen dürfte wohl auch die Tatsache sein, dass Veresaevs Cousin Mitglied des Allrussischen Zentralexekutivkomitees (VZIK) war und in gewissem Ausmaß wohl auch seine schützende Hand über seinen Verwandten gelegt haben dürfte. Veresaev trat öffentlich nie ausdrücklich antisowjetisch auf, sondern prangerte ganz allgemein Ungerechtigkeiten und die Nichtachtung der menschlichen Würde an. Obwohl er sich nie politischem Konformismus hingab, erkannte er ab einem gewissen Zeitpunkt selbst, dass ein ehrliches Schaffen nicht mehr möglich war. Seine fundierte humanistische Bildung ermöglichte es ihm, sich einem anderen, nicht politisierten Gebiet der Literatur zuzuwenden. Seinem Credo, wonach ein Künstler stets er selbst bleiben sollte, blieb er bis zu seinem Tode treu. Veresaev hinterließ ein breit gefächertes Oeuvre, welches, obwohl heute in Vergessenheit geraten, nicht bloß ein unverzichtbares Dokument über die russische Gesellschaft und, dank Veresaevs Liebe zu Memoiren, über viele seiner Zeitgenossen, sondern insbesondere einen zeitlosen Aufruf zur gegenseitigen Achtung darstellt.

Der zweite Teil dieser Arbeit ist gänzlich dem Arztbild im Werk von Čechov und Veresaev gewidmet. Zwischen Literatur und Medizin bestand seit jeher ein enger Zusammenhang, medizinische Themen in literarischen Werken sind als allgemeines Phänomen der Weltliteratur anzusehen. Die beiden behandelten Autoren waren Schriftsteller und Ärzte zugleich, sodass sich ihre Kenntnis der medizinischen Welt wahrheitsgetreu auch in ihren Werken widerspiegelt. Die Zeit, in der sie lebten, war eine Zeit großer Umbrüche nicht bloß in gesellschaftlicher Hinsicht, sondern auch im Bereich der Medizin. Insbesondere in Russland änderte sich nach der den Reformen der 1860er-Jahre folgenden Einführung der Zemstvo-Medizin die medizinische Versorgung, die erstmals weiten Teilen der Landbevölkerung zugänglich wurde, von Grund auf. Damit einhergehend kam es in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts zu einer zunehmenden Emanzipation der ärztlichen Berufsgruppe.

Medizinische Themen stehen in literarischen Werken allerdings meist nicht im Zentrum, sondern bilden den Hintergrund für die eigentliche Handlung. Der Arzt erfüllt in der

Regel gewisse Funktionen, sei es als Vertrauens- oder Mittelsmann bzw als Vertreter einer bestimmten gesellschaftlichen Strömung oder Idee.

In Russland wandte sich die breite Bevölkerung bei gesundheitlichen Beschwerden über Jahrhunderte hinweg an Heiler (*znachari, povituchi*). Die wenigen Ärzte, die bei Hof residierten, waren zum Großteil ausländischer Herkunft, sodass mit deren Person folglich ein gewisses Unverständnis russischen Lebens verbunden wurde. Darin liegt auch einer der Hauptgründe, warum den Ärzten von der Landbevölkerung lange Zeit Misstrauen entgegengebracht wurde. In der Folklore und in Puppentheatern wurde der Arzt lange Zeit als Sonderling dargestellt, dem nicht nur die Fähigkeit zu heilen, sondern auch jene die „Krankheit einzulassen“ zugeschrieben wurde. In der russischen Literatur der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts finden sich, wie auch im realen Leben, viele Ärzte ausländischer Herkunft – man denke etwa an Christian Ivanovič Gibner aus Gogols „Revizor“ oder die Ärzte Rutenšpic und Gercenštube, um nur zwei der insgesamt zwölf Ärzte mit deutschem Namen bei Dostoevskij zu nennen, die im Wesentlichen eine zweitrangige Rolle spielen – sie stehen neben den Hauptpersonen und der Haupthandlung, ohne an dieser aktiv teilzuhaben. Zudem werden sie als einsame Menschen ohne Familie dargestellt.

Ab der Mitte des 19. Jahrhunderts kann jedoch, einhergehend mit den Umwälzungen der medizinischen Versorgung und der Idealisierung des Arztberufes in der Gesellschaft, eine Änderung des Arztbildes in der russischen Literatur beobachtet werden. Es entstand das Bild eines altruistischen und selbstlosen Zemstvo-Arztes als typischen Vertreters der russischen *intelligencija*, der in abgelegenen Provinzen des Reiches Not und Elend der Landbevölkerung zu lindern half. L. Trubetzkoy hat in ihrem Artikel über „Zapiski vrača“ V. Veresaevs und „Zapiski junogo vrača“ M. Bulgakovs vertreten, dass in der russischen Literatur der 1880-1910er-Jahre der Arzt als typischer Vertreter der *intelligencija* dargestellt wurde, der in Opposition zum Not leidenden Volk, des *narod*, stand. Dieser Ansicht kann durchaus gefolgt werden.

Vor der Analyse ausgewählter Arztfiguren aus dem Werk Čechovs und Veresaevs wird anhand der „Zapiski vrača“ des letzteren ein Einblick in die damalige medizinische Ausbildung und die ersten Jahre eines jungen Arztes gegeben. Dieses Werk, welches nach wie vor als das Bekannteste aus Veresaevs Feder gilt, erweckte nach seiner Publikation 1901 großes Interesse der Leser und wurde weit über Russlands Grenzen hinweg auch Gegenstand

unzähliger Dispute innerhalb der Ärzteschaft. Anhand von Erörterungen aus der medizinischen Wissenschaft und Ethik, Details aus der ärztlichen Praxis und philosophischen Überlegungen, sowie zahlreicher autobiographischer Elemente, die das Werk an die Schnittstelle mehrerer literarischer Genres bringen, zeigt Veresaev das Werden eines Arztes von den ersten Studienjahren bis hin zu den ersten selbständigen Schritten in der Praxis. Der Leser erhält die intimsten Einblicke in das Innenleben des Doktors. Der Autor spricht Probleme und Situationen aus dem Leben des Arztes an, die in der einen oder anderen Form auch von Čechov aufgegriffen werden. Obwohl dieser anders als sein Kollege Veresaev keine Aufzeichnungen eines Arztes verfasst hatte, wurden dennoch viele mit dem ärztlichen Beruf zusammenhängende Fragen in seinen Erzählungen und Dramen erörtert. So sprechen etwa beide Autoren das von Misstrauen und zu hohen Erwartungen geprägte Verhältnis der Gesellschaft zum Arzt an. Während Veresaevs Held seine Erfahrungen mit der bei den Leuten vorherrschenden Vorstellung vom altruistischen Arzt, der selbstlos anderen dient, und seiner eigenen Unfähigkeit, diesem Bild zu entsprechen, berichtet, hat Čechov dieses Problem vor allem in den Erzählungen „Zerkalo“ (1885) und „Vragi“ (1887) hervorgehoben, in denen von den Protagonisten in für sie außergewöhnlichen Situationen – in der ersten ist es die eigene Typhuserkrankung des Arztes, in der zweiten der Tod des einzigen Sohnes – erwartet wird, dass sie sich zu ihren Patienten aufmachen. Die Tatsache, dass Ärzte zu jeder Tages- und Nachtzeit ihrer ärztlichen Pflicht nachkommen müssen, wird darüber hinaus in vielen anderen Erzählungen Čechovs aufgegriffen – eine Reihe seiner Ärzte-Protagonisten klagen darüber, dass sie selbst in der Nacht nicht vor einem anstehenden Patientenbesuch verschont blieben, zu keinerlei Freizeitvergnügen Zeit fänden etc.

Ein weiteres allgemeines Thema, welches sich wie ein roter Faden durch Veresaevs „Aufzeichnungen“ zieht, ist die sich mit der Zeit beim Arzt einstellende Gleichgültigkeit gegenüber menschlichem Leid, und, in Extremfällen, gegenüber anderen Menschen. Auch dieses Thema wurde von Čechov einige Male angesprochen – am Betontesten wohl im Zusammenhang mit Doktor Ragin aus „Palata № 6“, dessen von den stoischen Lehren Mark Aurels beeinflusste Lebenseinstellung schließlich dazu führt, dass er seine ärztlichen Pflichten gänzlich vernachlässigt. „(...) wozu die Menschen am Sterben hindern, wo der Tod doch das normale und gesetzmäßige Ende eines jeden ist?“⁶⁹⁷.

⁶⁹⁷ Tschechow A., Ariadna. Erzählungen 1892-1895 // Gesammelte Erzählungen in vier Bänden. Düsseldorf/ Zürich 2004. Band III. S.97.

Während einiger dieser Probleme mit dem Arztberuf an sich verbunden und daher auch in der Gegenwart als bestehend angesehen werden können, müssen die Werke dieser beiden Schriftsteller-Ärzte dennoch im historischen Kontext gesehen werden. Die zweite Hälfte des 19. Jahrhunderts war eine Zeit großer Veränderungen nicht nur in Bezug auf die medizinische Versorgung: Nach den Reformen der 1860er-Jahre durch Alexander II kam es zu wesentlichen Umbildungen in der russischen Gesellschaft selbst. Der bis dahin die Gruppe der *intelligencija* prägende Adel begann in der 2. Hälfte des 19. Jahrhunderts zunehmend an Bedeutung zu verlieren, die *intelligencija* wurde verstärkt mit den sog. *raznočincen*⁶⁹⁸ in Verbindung gebracht. Wie R. Pipes schreibt, kam die *intelligencija*, die sich wesentlich von Intellektuellen im westeuropäischen Sinn unterscheidet, insbesondere in den Jahren nach den Reformen als Vorkämpfer für den Fortschritt in einer rückständigen Gesellschaft zur Entfaltung⁶⁹⁹. Da die Gruppe in sich sehr verschieden war und sowohl Vertreter verschiedener Berufe und Stände, aber auch politischer Ansichten umfasste, erweist sich die Formulierung einer eindeutigen Definition bisweilen als schwierig. Dennoch wurden gewisse Merkmale formuliert, die für die *intelligencija* als typisch angesehen werden, so vor allem eine Unzufriedenheit, fast schon Ablehnung der bestehenden gesellschaftlichen Ordnung, der Wunsch, dem allgemeinen Wohl zu dienen, die stoische Hingabe einer gewählten Idee, die Bereitwilligkeit zur Selbstaufopferung, die Idealisierung des Volkes sowie Einsamkeit.

Ärzte, vor allem jene, die in den durch die Reformen geschaffenen Selbstverwaltungskörpern, den sog. *zemstvos*, arbeiteten⁷⁰⁰, bildeten eine Sonderklasse innerhalb der russischen *intelligencija*: Getrieben von dem Wunsch, die Lage des Volkes zu verbessern, begaben sie sich in die abgelegensten Orte des Russischen Reiches in der Hoffnung, einen produktiven Beitrag zur Schaffung einer besseren Gesellschaft für alle zu leisten. Durch die unmittelbare Nähe zum Volk aber konnten sie sich von sämtlichen bestehenden Problemen und Schwierigkeiten, von dem zum Teil unüberwindbaren Misstrauen, welches die Landbevölkerung ihnen gegenüber an den Tag legte, sowie angesichts des Elends, von der eigenen Machtlosigkeit überzeugen, was bei vielen zu tiefster

⁶⁹⁸ *Raznočincy* kamen aus verschiedenen Ständen. Es waren dies Kinder von Kaufleuten, Ärzten, Geistlichen, niederen Beamten etc, die eine Ausbildung erhalten und einen sozialen Aufstieg geschafft haben.

⁶⁹⁹ Pipes R., Die historische Entwicklung. S.67.

⁷⁰⁰ Von diesen wurden vor allem Personen mit gewissen Fachkenntnissen zur Arbeit eingeladen. Ein Prototyp dieses sog. „Dritten Elements“ (unter dieser Bezeichnung waren sie Bestandteil der *zemstvo*-Versammlungen) war die Lehrerin; weiters wurden auch Ärzte, Statistiker etc. herbeigezogen.

Enttäuschung und Resignation führte.

Die meisten Ärzte, die in den Werken von Čechov und Veresaev vorkommen, sind eben solche *zemstvo*-Ärzte, was bei der Analyse dieser Figuren Beachtung finden sollte. Den untersuchten Doktoren ist gemeinsam, dass sie ihre zunächst vorhandene Hoffnung, durch ihre Tätigkeit etwas bewirken zu können, verloren haben, von ihrem Beruf, und, darüber hinaus, sogar von ihrem eigenen Leben enttäuscht sind. Zum Teil sind sie Zyniker, zum Teil legen sie eine abschreckende Gleichgültigkeit an den Tag, die in gewissem Maße durch diese Ernüchterung und den Verlust einer Idee, an die sie glaubten, hervorgerufen wurden.

Während es durchaus viele gemeinsame, die Arztfiguren Čechovs und Veresaevs auszeichnende Elemente gibt, lassen sich dennoch auch Unterschiede insbesondere in der, zum Teil mit der Persönlichkeit der Autoren zu erklärenden Art finden, wie im Werk mit der erdrückenden Realität umgegangen wird: Während Ärzte bei Čechov, ungeachtet aller Enttäuschung in der Überzeugung, dass die Welt in ein paar hundert Jahren besser sein wird, in die Zukunft blicken, gibt es für jene bei Veresaev kein Morgen. Diese suchen verkrampft nach einer allgemeingültigen Lösung, nach einer politischen und gesellschaftlichen Strömung, für die sie sich mit aller Kraft einsetzen würden, und zerbrechen im Endeffekt daran, dass sie den wahren Weg nicht finden können.

Sowohl Čechov, als auch Veresaev haben in ihren Werken Arztfiguren geschaffen, die sich wesentlich von den in der früheren russischen Literatur existierenden Doktoren unterscheiden. Zweifelsohne ist dies durch das Zusammenfallen beider Berufe zu erklären – beide haben Ärzte zu Hauptfiguren gemacht und ihren beruflichen Kollegen und Zeitgenossen dadurch ein Denkmal gesetzt.

11. Указатель литературы

11.1. Архивные источники

РГАЛИ Фонд 1041	<u>Опись 1</u>	Ед.хр. 26
	<u>Опись 2</u>	Ед.хр.1. Л.1, 1об Дело 473. Л. 12, 17, 18, 22
	<u>Опись 4</u>	<i>Мелешко О.Ф.</i> , Предисловие Ед.хр. 4. Л.1-1об Ед.хр. 34 Ед.хр.65. Л.20, 21 Ед.хр. 122. Л.16 Ед.хр.215. Л.5 Ед.хр.273. Л.1. Дело 463. Л. 28 Дело 465 Дело 468. Л.78-81об Ед.хр. 500
	<u>Опись 5</u>	Ед.хр. 13. Л.22, 25, 28, 28 об, 38 Ед.хр. 14. Л.2, 4 Ед.хр. 15. Л.21 об Ед.хр.17. Л.4, 12, 12об, 42 Ед.хр. 19. Л.14 Ед.хр. 20, Л.42 Ед.хр. 22. Л.21, 21 об, 22 об Ед.хр. 23, Л. 33 Ед.хр. 25. Л.1, 1об, 10об

РГАЛИ. Фонд **127** Опись 1 Заметка Н.Н.Грин. Ед.хр. 84. Л.1
Ед.хр. 84. Л.1-2, 11-12

РГАЛИ Фонд **464** Опись 1 Ед.хр. 37. Л.1, 2, 2 об, 6, 7

11.2. Печатные источники

Булгаков М.А., Собрание сочинений в 8 томах. М. 2008. Т.2.

Вересаев В.В., Автобиографическая справка // Вересаев В., Сочинения в четырех томах. М. 1990. Т.1.

Вересаев В.В., Записи для себя // Вересаев В.В., Собрание сочинений в 4 томах. М. 1985. Т.4.

Вересаев В.В., К художественному оформлению быта (Об обрядах старых и новых) // Красная Новь № 1 (1926)

Вересаев В.В., О детском писателе И. Василенко // Литературная газета от 11.11.1944

Вересаев В.В., Она выстрелила дважды. Об авторах и редакторах // Литературная газета № 50 (1997).

Вересаев В.В., Что нужно для того, чтобы быть писателем? Лекции для литературной студии // Собрание сочинений в 4 томах. М. 1990. Т.1.

Вересаев В.В., Бей его! (О самосудах). М. 1917

Вересаев В.В., В двух планах. Статьи о Пушкине. М. 1929

Вересаев В.В., В тупике // Огонек № 30 (1988)

Вересаев В.В., Литературные портреты. Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Фохт-Бабушкина. М. 2000

Вересаев В.В., Московский литературно-художественный кружок // Московский Парнас: Кружки, салоны, журфиксы Серебряного века (1890-1922). Сост. примеч. указ. Т.Ф.

Прокопова. М. 2006

Вересаев В.В., Поэт. М. 1924

Вересаев В.В., Темный пожар (О свободе слова). М. 1917

Герцен А.И., Доктор Крупов // Герцен А.И., Избранное. М. 1989

Гиппократ, Избранные книги. М. 1994

Гоголь Н.В., Собрание сочинений в 8-и томах. М. 1984. Т. 4

Копелев Л.З., Святой доктор Федор Петрович. Лондон 1985

Лермонтов М.Ю., Собрание сочинений в 4 томах. М. 1976

Платон, Сочинения. М. 1971. Т. 3. Ч. 1.

Тимирязев К.А., Сочинения в 10 т. М. 1939. Т.8

Толстой Л.Н., Собрание сочинений в 22 томах. М. 1982. Т. 12.

Чехов А.П., Собрание сочинений и писем в 30 томах. М. 1974-1983

Эренбург И.Г., Собрание сочинений в 9 тт. М. 1966. Т.8.

11.3. Исследования

Berlin I., Russian thinkers. London 1978

Caswell P. / Goodwin S.W., Death and the Individual // *Seigneuret J.-CH.*, Dictionary of Literary Themes and Motifs. New York 1988, С. 328-346

Chamberlin W.H., Russian Recollections // Russian Review Vol. 21, Nr 4 (1962)

Chamberlin W.H., Soviet Russia. Boston 1930

Chamberlin W.H., The Tragedy of the Russian Intelligentsia // Russian Review Vol 18, Nr 2

(1959)

Confino M., On Intellectuals and Intellectual Traditions in Eighteenth- and Nineteenth-Century Russia // *Daedalus* Vol. 101, Nr 2, Intellectuals and Tradition (Spring 1972)

Debreczeny P., «Палата № 6» – притча или патологическое исследование? // Anton P. Čechov – Philosophische und religiöse Dimensionen im Leben und Werk. Vorträge des Zweiten Internationalen Čechov – Symposiums Badenweiler. 20.-24.Oktober 1994. München 1997

Donat S., „Es klang aber fast wie deine Lieder...“. Die russische Nachdichtungen aus Goethes „West-östlichen Divan“. Göttingen 2002

Durrant J.S., V.V. Veresaev's Reaction To Nietzsche // *Germano-Slavica – A Canadian Journal of Germanic and Slavic Comparative Studies* 5 (1987)

Edgerton W., The Evolution of the Russian Intelligentsia as reflected in the Works of V.V. Veresaev. Columbia University 1949

Eekman T., Anton Tsjechov en de Russische Intelligentsia. Arnheim 1951. Summary.

Engelhardt D./ Gerigk H.J., Ärzte // *Von Jagow B./ Steger F.* (Hrsg.), Literatur und Medizin. Ein Lexikon. Göttingen 2005, C. 15-23.

Field D., Peasants and Propagandists in the Russian Movement to the People of 1874 // *The Journal of Modern History*, Vol. 59, No. 3 (1987), C. 416-438

Finke M.C., Seeing Chekhov: life and art. Ithaca/ London 2005.

Fischer G., Russian Liberalism – From Gentry to Intelligentsia. Cambridge 1958

Freeborn R., The Russian Revolutionary Novel – Turgenev to Pasternak. Cambridge 1982

Frieden N.M., Russian Physicians in an Era of Reforms. Princeton 1981

Frieden N.M., The politics of the zemstvo medicine. in: *Emmons T./ Vucinich W.S.* (Hrsg), The Zemstvo in Russia – An experiment in local self-government. Cambridge et al. 1982 C. 315-341

Friedgut T.H., Labor Violence and Regime Brutality in Tsarist Russia: The Iuzovka Cholera Riots of 1892 // *Slavic Review* Vol 46, Nr. 2 (1987). C.245-265

Henry P.A., Hamlet of His Time: Vsevolod Garshin. The Man, His Works, and His Milieu. Oxford 1983

Hielscher K., Weltsicht und antiideologische Textstruktur in A. P. Čechovs Erzählungen // Zeitschrift für slavische Philologie. Band 44 (1984)

Kataev V., If Only We Could Know! An Interpretation of Chekhov. Chicago 2002

Klimenko M., Prozhnost' by Viacheslav I.Ivanov, Aleksandr Blok/ Andrej Belyj by Ivanov-Razumnik, V tupike by V.Veresev // The Slavic and East European Journal 13 (1969) 380-382

Klimpel V., Schriftsteller-Ärzte. Biographisch-bibliographisches Lexikon von den Anfängen bis zur Gegenwart. Hürtgenwald 1999

Kluge R.-D., Zynische Ärzte in A.P. Čechovs Dramen // *Kataev V.B./ Kluge R.-D./ Nohejl R.*, Anton P. Čechov – Philosophische und religiöse Dimensionen im Leben und Werk. Vorträge des Zweiten Internationalen Čechov-Symposiums Badenweiler, 20.-24. Oktober 1994. München 1997

Lauer R., Kleine Geschichte der russischen Literatur. München 2005

Lo Gatto E., Histoire de la littérature russe – des origines à nos jours. Paris 1965

McGrew R.E., Russia and the Cholera. 1823-1832. Milwaukee 1965

Mendel A.P., Dilemma of Progress in Tsarist Russia – Legal Marxism and Legal Populism. Cambridge 1961

Merten S., Die Entstehung des Realismus aus der Poetik der Medizin. Die russische Literatur der 40er bis 60er Jahre des 19.Jahrhunderts. Wiesbaden 2003

Morson G.S., What is the Russian Intelligentsia? Once More, an Old Russian Question // Academic Questions 6 (1993)

Müller-Dietz H., Medizinische Sujets bei A.P. Čechov // *Kluge R.-D.* (Hg.) Anton P. Čechov – Werk und Wirkung, Wiesbaden 1990

Ober W., Chekhov among the doctors: the doctor's dilemma // Bulletin of the New York Academy of Medicine 49 (1973)

Odesskaya M.M., 'Let Them Go Crazy': Madness in the Works of Chekhov // *Brintlinger A. / Vinitsky I.* (Hrsg.), Madness and the Mad in Russian Culture. Toronto 2007

Passage Ch., Character names in Dostoevsky's fiction. Ardis 1982

Pedler A., Going to the People. The Russian Narodniki in 1874-5 // *The Slavonic Review*, Vol. 6, No. 16 (1927)

Pervukhtina N., Notes of a Young Country Doctor. A Haven in the Limelight // *The Slavic and East European Journal*, Vol. 40, Nr. 4 (1996), C. 658-699

Pipes R., Die historische Entwicklung der russischen Intelligentsia // *Pipes R.* (Hrsg.), Die russische Intelligentsia. Stuttgart 1962

Pipes R., Narodnichestvo: A Semantic Inquiry // *Slavic Review* Vol. 23, No. 3 (1964) C. 441-458

Pipes R., Russia under the Old Regime². New York 1995

Polakiewicz L., The Image of the Doctor in Čechov's Works. Wisconsin 1978

Pollard A.P., The Russian Intelligentsia: The Mind of Russia // *California Slavic Studies*. Vol. 3 (1964)

Polunov A., Russia in the nineteenth century: autocracy, reform and social change 1814-1914. Armonk (NY)/ London 2005

Porter R., Religion and Medicine // *Bynum W.F./ Porter R.* (Eds.), Companion Encyclopedia of the History of Medicine. New York 1993

Ramer S.C., The zemstvo and public health // *Emmons T./ Vucinich W.S.* (Eds.), The Zemstvo in Russia – An experiment in local self-government. Cambridge 1982

Rammelmeyer A., Arzt, Kranker und Krankheit in der russischen schönen Literatur des 19. Jahrhunderts // *Artelt W./ Rüegg W.* (Eds.), Der Arzt und der Kranke in der Gesellschaft des 19. Jahrhunderts. Stuttgart 1967

Rayfield D., Understanding Chekhov – A Critical Study of Chekhov's Prose and Drama. Wisconsin 1999

Rousseau G.S., Literature and Medicine: The State of the Field // *Isis* 1981, Vol. 72 (3), C. 406-424

Shmuel G., The liberation Movement in Russia 1900-1905. Cambridge 1973

Suchanek L., Антон Чехов и философия встречи ("Палата № 6") // Anton P. Čechov – Philosophische und religiöse Dimensionen im Leben und Werk. Vorträge des Zweiten Internationalen Čechov – Symposiums Badenweiler. 20.-24.10.1994. München 1997

Suchanek L., Пространство здоровья и пространство болезни (Палата № 6, 1892) // Kluge R.-D. (Hrsg.), Anton P. Čechov – Werk und Wirkung: Vorträge und Diskussionen eines internationalen Symposiums in Badenweiler im Oktober 1985. Wiesbaden 1990

Thiergen P., Zum Begriff der „Gleichgültigkeit“ bei Čechov // Anton P. Čechov – Philosophische und religiöse Dimensionen im Leben und Werk. Vorträge des Zweiten Internationalen Čechov – Symposiums Badenweiler. 20.-24.10.1994. München 1997

Tompkins S.R., The Russian Intelligentsia – Makers of the Revolutionary State. Oklahoma 1957

Trautmann J./ Pollard K., Literature and Medicine: An Annotated Bibliography. Pittsburgh 1982

Troubetzkoy L., Récits de deux médecins: Veresaev et Bulgakov // Revue des Études Slaves 65 (1993). C. 253-262

Urban P., „Wie soll man leben“ – Čechov und die „Selbstbetrachtungen“ des Mark Aurel // Anton P. Čechov – Philosophische und religiöse Dimensionen im Leben und Werk. Vorträge des Zweiten Internationalen Čechov – Symposiums Badenweiler. 20.-24.10.1994. München 1997

Vucinich A.C., Science in Russian Culture, 1861-1917. Stanford 1970

Walker B., Maximilian Voloshin and the Russian Literary Circle. Culture and Survival in Revolutionary Times. Bloomington 2005

Wildman A.K., The Making of a Worker's Revolution: Russian Social Democracy. 1891-1903. Chicago 1967

Wortman R., The Crisis of Russian Populism. Cambridge 1967

Ангарская М.Н., По следам отца. [Об обществ. деятеле, просветителе, критике и изд. Н. С. Клестове-Ангарском]. М.1992

Антюфеева И.Н., Писатели-врачи Д.Н. Жбанков, А.П. Чехов, В.В. Вересаев // Культура. Филология. Методика: Сборник трудов в честь 60-летия профессора Г.С. Меркина. Смоленск 2000

Ареништейн А., Ранним московским утром. М.1967

(Аноним) Большая Советская Энциклопедия. 3-е издание. М.1976. Т.23

Архангельский Г.В., Студенческое и врачебное окружение А.П. Чехова в московский период его жизни // Клиническая медицина № 5 (1986)

Бабиченко Д.Л.(Сост.), "Счастье литературы". Государство и писатели. 1925-1938. М.1997

Бабиченко Д.Л., Писатели и цензоры. М.1994

Балашов Н.И., Русская интеллигенция в ее классическом виде как важный субъект формирования живой культуры России XIX-XX вв. // Русская интеллигенция. История и судьба. М.1999

Белоусов И., Ушедшая Москва // Московский литературно-художественный кружок // Московский Парнас: Кружки, салоны, журфиксы Серебрянного века (1890-1922). Сост. примеч. указ. Т.Ф. Прокопова. М.2006. С.182-221

Бердников Г.П., А.П. Чехов. М. 1970

Бердников Г.П., А.П. Чехов: Идеиные и творческие искания. М.,Л. 1961

Бердяев Н.А., Духовные основы русской революции. Истоки и смысл русского коммунизма. М. АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006

Бердяев Н.А., Судьба России. М.2005

Берзер А.С., История одной статьи // Вопросы литературы 11 (1984)

Блюм А.В.(Сост.), Цензура в СССР. Документы 1917-1991. Бухум 1999

Блюм А.В., Index Librorum Prohibitorum русских писателей 1917-1991 (Часть 1. А-Ж) // Новое литературное обозрение № 53 (2002)

Богданов К.А., Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры

XVIII-XIX веков. М. 2005

Бородина М.А., Ранняя проза В.В. Вересаева в литературном контексте журнала «Мир Божий», Автореф. дисс.канд.филол. наук. Тверь 2008

Боть В.И., Гражданская война в жизни и творчестве В.В. Вересаев // Материалы II Вересаевских чтений. К 130-летию со дня рождения В.В. Вересаева. Тула 1997

Боцяновский В.Ф., В погоне за смыслом жизни // Бурлак Д.К. (Отв.ред), Максим Горький: pro et contra. СПб. 1997

Боцяновский Вл., Смидович // Энциклопедический словарь. Т.IV, дополнительный. СПб., Брокгауз-Ефрон, 1907

Бровман Г.А., В.В. Вересаев. Жизнь и творчество. М.1959

Булгакова Е.С., Из дневниковых и мемуарных записей 1933-1970гг // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.1988

Быстров В.Н., Вересаев // Русская литература XX века – Прозаики, поэты, драматургия, Библиографический словарь в 3 томах (под ред. Н.Н. Скатова). М. 2005. Т. 1.

Виленский Ю.Г., Доктор Булгаков. Киев 1991

Виноградова К.М., Чехов в Мелихове. М. 1959

Волков А., Очерки русской литературы конца XIX и начала XX веков. М.1952

Волкова Н.Б., Последний мой крик – спасите. Письма И.С. Шмелева В.В. Вересаеву 1921 г. // Встречи с прошлым. Вып. 8. М.1996

Воровский В.В., Лишние люди // А.П. Чехов: pro et contra. СПб. 2002

Воронский А., «В тисках», цитируется по Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т.1.Ч.2. Москва и Петроград. 1921-1922 гг. М. 2005

Вржосек С., Жизнь и творчество В. Вересаева. Л.1930

Галушкин А.Ю. (отв.ред.), Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т.1. Ч.1. Москва и Петроград 1917-1920 гг. М.2005

Гаспаров М.Л., Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Русская интеллигенция – история и судьба. М.1999

Гейзер И.М., В.В.Вересаев: Писатель-врач. М.1957

Гершензон М.О., Творческое самосознание // Вехи: Из глубины. М., 1991

Гимпелевич-Шварцман З., Интеллигент в романах «Доктор Живаго» и «Мастер и Маргарита». Orange (Conn.) 1988

Глушков С.В., А.П. Чехов и земство (К постановке проблемы) // Чеховские чтения в Твери: Сборник научных статей. Тверь 2000

Горький А.М., Письма к писателям и И.П. Ладыжникову // Архив А.М. Горького. Т. VII. М.1959

Грановская Р.М., Элементы практической психологии. Л. 1988

Громов М.П., Чехов. М. 1993

Даль В.И., Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах. М. 1955. Т. 4

Дмитренко С.Ф., Российские литературные премии // Николюкин А.Н. (главный ред и сост), Литературная энциклопедия. М.2001

Долженков П.Н., Чехов и позитивизм. М. 2003

Дружинин В.Н., Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие. М. 2001

Дюррант Д.С., «В священном лесу»//Вересаев В.В., В священном лесу : Драма в 9 картинах. Екатеринбург 1995

Ермилов В.В., А.П. Чехов. М. 1954

Жбанков Д., О врачах. По поводу «Записок врача» // Мир божий 1902, № 7

Завьялов С., Вячеслав Иванов – переводчик греческой лирики // Новое литературное обозрение № 95 (2009)

Зайончковский Е.А., Реабилитировать литературное наследие В.В.Вересаева // Материалы II Вересаевских чтений. К 130-летию со дня рождения В.В. Вересаева. Тула

1997

Заленский Э.Я., Из записок земского врача. Деревенская эпидемия. Народное знахарство. Псков 1908

Захарова В.Т., Интеллигенция и революция в романе В. Вересаева «В тупике» (К проблеме характера) // Проблемы традиций и новаторства русской и советской прозы. Нижний Новгород 1990

Захарьин Г.А., Клинические лекции и избранные статьи. М. 1889

Зеланд Н.Л., О смертности русских врачей // Врач 1894. № 28

Иванова Е.В., Добролюбов А.М.//Русские писатели XX века. Биографический словарь. М.2000

Иванюков. Уныние и пессимизм современного культурного общества // Северный вестник. 1885. N 2. Отд. 2

Кабанова Н.П., Вересаев // Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь. М. 1989. Т. 1. С. 423-426

Каган-Пономарев М.Я., Литераторы-врачи: Очерки и подходы с приложением Библиографического словаря. М. 2007

Казанцев Н.К., А.П. Чехов как медик // Клиническая медицина № 22 (1929) С. 1393-1405

Капустин М.Я., Земская медицина // Энциклопедический словарь, СПб. 1894, Т. 12

Карамзин Н.М., Русская старина // Вестник Европы № 20 (1803)

Катаев В.Б., Бобрыкин и Чехов (К истории понятия «интеллигенция» в русской литературе // Русская интеллигенция – история и судьба. М. 1999

Катаев В.Б., Проза Чехова – проблемы интерпретации. М. 1979

Катаев В.Б., Реализм и натурализм // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Книга 1. М.2001

Катаев, В.Б., "Все мы" Чехова и "Мы" Евгения Замятина // Чеховиана: Чехов в культуре XX века. М. 1993

Клуге Р.-Д., Отображение болезни в рассказах «Палата № 6» и «Черный монах» // Чеховиана — Мелиховские труды и дни. М.1995, С.52-59

Ковелина Т.А., Образ врача в культуре. Ростов-на-Дону 2006

Козинцев М.И., Чем привлекательна для врача служба в земстве. Общественно-санитарное обозрение (1897). № 3.

Колоноцкий Б.И., Интеллигенция в конце XIX – начале XX века: Самосознание современников и исследовательские подходы // Из истории русской интеллигенции. Сборник материалов к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской. СПб. 2003. С. 181-200

Кондаков Б.В., Вересаев Викентий Викентьевич // Русские писатели 20 века. Биографический словарь. М.2000

Королева Л.И., Книга и чтение в жизни В.В. Вересаева (по страницам «Воспоминаний») // Материалы II Вересаевских чтений. К 130-летию со дня рождения В.В. Вересаева. Тула 1997, С.46-56

Кузнецова Л.И., В.В. Вересаев в годы Великой Отечественной Войны // Материалы II Вересаевских чтений. К. 130-летию со дня рождения В.В. Вересаева. Тула 1997

Куприн А.И., Собрание сочинений в 5 томах. М. 1982

Лапушин Р.Е., Трагический герой в «Палате № 6» (От невольной вины к совести) // Чеховиана — Мелиховские труды и дни. М.1995, С.60-65

Лесс А., Непрочитанные страницы. М.1966

Лидин В., Люди и встречи. Цитируется по *Фокин П./ Князева С.*, Серебрянный век. Портретная галерея культурных героев рубежа XIX-XX веков: в 3 томах. СПб., 2007. Т. 1.

Лотман Ю.М., Структура художественного текста. М. 1970

Лотман Ю.М., Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // *Лотман Ю.М.*, Избранные статьи в 3 тт. Таллин 1993. Т. 3

Львов В., Писатель-интеллигент. (К 10-летию литературной деятельности В. Вересаева) // Образование № 2, 13 (1904)

Львов-Рогачевский В.Л., Новейшая русская литература. М.-Л. 1926

Львов-Рогачевский В.Л., В.Вересаев // Русская литература XX века. 1890-1910 (Под. Ред.С.А. Венгерова). М.2004

Максименков Л., Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие). Часть II. Теория и практика восприятия советского эксперимента западной интеллигенцией // Вопросы литературы 3 (2004)

Марков А., Магия старой книги. Записки библиографа. М.2004

Меве Е.Б., Медицина в творчестве А.П. Чехова. Киев 1989

Медведева Л.М., Художественная литература как саморефлексия медицинской интеллигенции // Сборник II Межвузовской конференции студентов и молодых ученых Волгоградской области 1995 г. Волгоград 1995

Милонов Н.А., В.В.Вересаев и Тула. Тула 1987

Милюков П.Н., Очерки по истории русской культуры. Т.2. Париж 1931

Мирский М.Б., «Медицина России X-XX веков – Очерк истории». М., 2005

Мирский М.Б., Доктор Чехов. М. 2003

Мирский М.Б., Хирургия от древности до современности. Очерки истории. М. 2000

Михайловский Б.В., Русская литература XX века. С девяностых годов XIX века до 1917 г. М.1939

Моллесон И.И., Земская медицина. Очерк. Казань 1871

Муратова К.Д., Вересаев // История русской литературы, в 10 тт., АН СССР, М./Л., 1954, Т.10

Муромцева-Булнина В., Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М. 2007

Наумова Н.Б., Миф об инициации в повести В.В. Вересаева «Без дороги» // Проблемы литературных жанров. Ч. 2. Томск 2002

Неклюдова Е.С., «воскрешение Аполлона» - literature and medicine - генезис, история, методология // *Богданов К./ Мурашов Ю./ Николози Р.*, Русская литература и медицина. М. 2006

Неклюдова Е.С., Домашний врач и женские тайны // *Богданов К.А./ Панченко А.А.*, Мифология и повседневность: гендерный подход в антропологических дисциплинах (Материалы конференции 19-21 апреля 2001 г.). СПб. 2001

Неклюдова Е.С., Образ доктора в русской литературе XIX века // *Русская филология*, № 10. Тарту 1999

Нольде В.М., Вересаев – жизнь и творчество. Тула 1986

Нольде В.М./ Зайончковский Е.А., Азбука гласности. В.В.Вересаев «В тупике» // *Огонек* № 30 (1988)

Нольде В.М./ Зайончковский Е.А., Комментарий к воспоминаниям Вересаева «В тупике» // *Огонек* № 30 (1988)

Нольде В.М./ Зайончковский Е.А., Лжи не будет // *Вересаев В.*, В тупике. Сестры. М.1990

Овсянко-Куликовский Д.Н., Итоги художественной литературы XIX века. М. 1912

Овсянко-Куликовский Д.Н., Базаров как отрицатель и как общественно-психологический и национальный тип // *Овсянко-Куликовский Д.Н.*, История русской интеллигенции. Собрание сочинений в 9 томах, Т. 8.

Одесская М.М., Отец как внесценический персонаж в драматургии Ибсена, Стриндберга, Чехова // *Творчество Хенрика Ибсена в мировом культурном контексте*. СПб 2007

Пайпс Р., Россия при старом режиме. М. 1993

Паперный З.С., Враги // *Чеховиана: Чехов в культуре XX века*. М. 1993

Паперный З.С., Записные книжки Чехова. М.1976

Паустовский К.Г., Как я писал «Колхиду». М. 1972

Перхин В.В., Русская литературная критика 1930-х годов. Критика и общественное сознание эпохи. СПб 1997

Петелин В.В., Комментарии // Булгаков М.А., Собрание сочинений в 8 томах. М.2004. Т.5.

Пирумова Н.М., Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М.1986

Писарев Д.И., Мыслящий пролетариат // Литературная критика в 3 томах. Статьи и рецензии 1864-1865. Л. 1985. Т. 2.

Письма М.А. Булгакова В.В. Вересаеву // Знамя № 1 (1988)

Покусаев Е.И., Об идейно-художественной концепции рассказа А.П. Чехова "Враги" // От "Слова о полку Игореве" до "Тихого Дона". Сборник. Л. 1969

Полоцкая Э.А., Антон Чехов // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х гг.). Книга 1. М. 2001

Померанц Г., Долгая дорога истории // *Померанц Г.*, Выход из транса. М. 1995

Попов Г., Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева. СПб. 1903

Пруссакова И.В., Речь очевидца. В. Вересаева. «В тупике» // Нева № 11 (1994)

Рейфилд Д., Жизнь Чехова. М. 2007

Розовский М.Г., Читаем «Дядю Ваню» (Действие первое) // Чеховиана — Мелиховские труды и дни. М.1995. С.169-201

Роскин А.И., А.П. Чехов. Статьи и очерки. М. 1959

Руднев А.П., В. Вересаев и Л. Андреев: к истории личных и литературных отношений // Материалы II Вересаевских чтений. К 130-летию со дня рождения В.В. Вересаева. Тула 1997

Русская литература XX века. Дооктябрьский период. Пособие для студентов. М.1985

Русские советские писатели-прозаики. Библиографический указатель. М.1971. Т.7 (доп.). Ч.1.

Самойлов В.О., История российской медицины. М. 1997

Семкин А.Д., Моралист или проповедник? (Механизм конфликта и авторское нравоучение в рассказе «Враги») // Чеховиана. Из века XX в XXI: итоги и ожидания. М. 2007

Сикорский И.А., Успехи русского художественного творчества // Вопросы нервно-психической медицины. Т. 10 (1905)

Сикорский И.А., О книге В. Вересаева «Записки врача» (Что дает эта книга науке, литературе и жизни) // Вопросы нервно-психической медицины. Т. 7. 1902

Сироткина И., Классика и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX века. М. 2009

Скатов Н.Н., Русская литература XX века. Биографический словарь в 3 томах. М. 2005. Т.1.

Собенников А.С., «Палата № 6» А.П. Чехова: Герой и его идея // Чеховские чтения в Оттаве. Сборник научных трудов. Тверь-Оттава 2006

Соколов А.В., Поколения русской интеллигенции. СПб. 2009

Соколов К.Б., Мифы об интеллигенции и историческая реальность // Русская интеллигенция. История и судьба. М.1999

Солнцева Н.М., Иван Шмелев. Жизнь и творчество. Жизнеописание. М.2007

Соловьев В.С., Оправдание добра. М. 1999

Сорокина Т.С., История медицины: В 2 томах. М. 1992. Т. 2

Старостина В.О., Из истории родословной В.В. Вересаева // Материалы II Вересаевских чтений. К 130-летию со дня рождения В.В. Вересаева. Тула 1997. С.14-19

Стенина В.Ф., Мифология болезни в прозе А.П. Чехова, Дисс....канд.филолог.наук. Самара 2006

Степанов А.Д., Проблемы коммуникации у Чехова. М. 2005

Степанов Ю.С., «Жрец» нарекись, и знаменуйся: «жертва» (к понятию «интеллигенция» в истории российского менталитета) // Русская интеллигенция. История и судьба. М.1999

Степанов Ю.С., Константы: Словарь русской культуры. М. 2001

Страшун И.Д., Полвека земской медицины // Очерки истории русской общественной медицины. М. 1965

Струмилин С.Н., Проблемы экономики труда. М. 1957

Тамарченко Н.Д., Герой // *Николюкин А.Н.*, Литературная энциклопедия терминов и понятий. М. 2001

Телешов Н., Записки писателя. «Среда». Литературный кружок // Московский Парнас: Кружки, салоны, журфики Серебряного века (1890-1922). Сост. примеч. указ. Т.Ф. Прокопова. М.2006

Труайя А., Антон Чехов. М. 2007

Трухачева И.А., Работы В.В. Вересаева о Пушкине в контексте современности // Материалы II Вересаевских чтений. К 130-летию со дня рождения В.В. Вересаева. Тула 1997

Фадпеев А.А., Из текущей печати // Врач 1896. № 38

Федоров И.В., Из воспоминаний профессора А.Б. Фохта об А.П. Чехове и московском университете // Клиническая медицина № 1 (1960)

Федотов Д.Д., Очерки по истории отечественной психиатрии, Вторая половина XVII и первая половина XIX века. Т.1. М.1957

Фидлер Ф.Ф., Из мира литераторов: Характеры и суждения. М.2008

Фохт-Бабушкин Ю.У., Викентий Вересаев // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Книга 1. М. 2001

Фохт-Бабушкин Ю.У., Миссия писателя – служение литературе и людям // *Вересаев В.В.*, Литературные портреты. М. 2000

Фохт-Бабушкин Ю.У., Комментарии // *Вересаев В.В.*, Литературные портреты. М.2000

Фохт-Бабушкин Ю.У., В.В.Вересаев – Легенды и реальность // *Вересаев В.В.*, Сочинения в четырех томах. Т.1. М.1990

Фохт-Бабушкин Ю.У., Примечания // *Вересаев В.В.*, Собрание сочинений в 4 томах. М.1985. Т.4.

Франкл В., Человек в поисках смысла. М. 1990

Фрезинский Б.Я., Писатели и советские вожди. Избранные сюжеты 1919-1960 годов. М.2008

Хазанов Б., Идущий по воде. Статьи и письма. München: Страна и мир. 1985

Хижняков В.В., Антон Павлович Чехов как врач. М. 1947

Цветаева А., Воспоминания. М. 1998. Т.2.

Чудакова М.О., О мемуарах и мемуаристах (Вместо послесловия) // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М. 1988

Чудакова М.О., Жизнеописание Михаила Булгакова. М. 1988

Шах-Азизова Т.К., Немного о гамлетизме // Русская интеллигенция. История и судьба. М. 1999

Шестов Л., Творчество из ничего // А.П. Чехов: pro et contra, СПб. 2002

Шруба М., Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890-1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение. 2004

Штейман М.С., В. Вересаев и М. Булгаков (Проблема традиции и новаторства) // Вестник Елецкого государственного университета им. И.А.Бунина. Вып. 9. Елец 2005

Шубин Б.М., Доктор А.П. Чехов. М. 1982

Шульцев Г.П., Медицинская тема в письмах А.П. Чехова // Клиническая медицина № 12 (1985) С. 120-127

Эджертон В., Актуальность романа В.В.Вересаева «В тупике» // Русская литература XX века. Исследования американских ученых. СПб 1993. Под.ред. Аверина Б. И Нитраура Э.

Яблоков Е.А., Комментарии // Булгаков М.А., Собрание сочинений в 8 томах. М. 2008. Т. 2

Яворская Ю.А., Медицинская интеллигенция в социокультурном пространстве российской провинции: 1860-е – 1917 гг.. Дисс...канд.истор.наук. Краснодар 2003

Ясинский И.И., Роман моей жизни (Книга воспоминаний) // *Одесская М.М.*(Сост.), Среди великих: Литературные встречи. М. 2001

Юдин Б.Г., Человек в медицинском эксперименте: перечитывая В.В. Вересаева // Вопросы истории и естествознания и техники, № 4 (2001). С. 24-37

11.4. Источники из Интернета

Аникин А.А., Образ врача в русской классике. Электронный ресурс: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37293.php> (06.10.2009)

Кондрашова И.И., Природа художественного синтетизма в творчестве В. Вересаева // Вестник Адыгейского государственного университета. 2007. – С. 186-190. Электронная версия: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2007.3/535/kondrashova2007_3.pdf (26.04.2010)

<http://opentextnn.ru/censorship/russia/sov/libraries/books/blium/ilp/?id=306> (30.9.2009)

Liste des schädlichen und unerwünschten Schrifttums, Stand vom 31. Dezember 1938. Leipzig 1938; http://www.berlin.de/rubrik/hauptstadt/verbannte_buecher/detail.php?referer=%2Frubrik%2Fhauptstadt%2Fverbannte_buecher%2Fsuche.php&id=72777&page=0&author_nachname=Weressajew&author_vorname=W.& (30.05.2010)

Большой Энциклопедический словарь. Электронная версия: <http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/296794> (30.08.2009)

Запрещенные книги русских писателей и литературоведов 1917-1991. Электронный ресурс <http://opentextnn.ru/censorship/russia/sov/libraries/books/blium/ilp/?id=306> (30.9.2009).

Партис З., Приглашение к Бунину//Слово № 56; <http://magazines.russ.ru/slovo/2006/52/pa21.html> (08.03.2010)

12. Abstract (deutsch)

A.P. Čechov und V.V. Veresaev waren Zeitgenossen, die nicht nur die schriftstellerische Tätigkeit, sondern darüber hinaus auch der Arztberuf verband. Doch während ersterer es zu Weltruhm brachte, seine Erzählungen und Theaterstücke von neuen und neuen Generationen entdeckt und geschätzt werden, steht letzterer im Schatten seiner Vorgänger und Nachfolger in der russischen Literatur und wird selbst in Russland nur marginal wahrgenommen.

Angesichts des geringen Bekanntheitsgrades der Persönlichkeit und des Schaffens Veresaevs wurde meine Arbeit in zwei Teile geteilt. Im 1. Teil wird auf das lange Leben sowie die bedeutendsten Werke des Schriftstellers eingegangen, wobei ein Schwerpunkt auf seinem Roman „In der Sackgasse“ („V tupike“) liegt, der nicht nur das erste Werk in der russischen Literatur war, das den blutigen Bürgerkrieg auf der Krim thematisierte, sondern seit den 30er-Jahren des 20. Jahrhunderts in der Sowjetunion nicht mehr herausgegeben wurde. Darüber hinaus werden im ersten Teil Veresaevs Teilnahme in verschiedenen literarischen Vereinigungen sowie seine Kontakte zu anderen Schriftstellern beleuchtet. In einem eigenen Kapitel wird auch seine Haltung zum sowjetischen Regime erörtert – eine Frage, die bislang nicht ausreichend aufgegriffen wurde.

Inhalt des 2. Teils der Arbeit bildet das Arztbild in ausgewählten Werken der beiden Autoren. Ziel einer solchen Darstellung ist es, mittels einer Analyse der Arztfiguren Übereinstimmungen und Unterschiede zu finden und aufzuzeigen, inwiefern diese durch die historische Situation sowie Besonderheiten der russischen Medizin des ausgehenden 19. Jahrhunderts geprägt sind.

Ausgehend von literarischen Werken der 1. Hälfte des 19. Jahrhunderts wird ein Überblick über die bis zum Erscheinen der Erzählungen beider Autoren vorkommenden Ärzte sowie deren Funktion gegeben. Es wird gezeigt, wie sich die den Doktoren zugewiesene Rolle vor dem Hintergrund der Entwicklung der medizinischen Versorgung im Russischen Reich geändert hat.

Eine kurze Erörterung des Begriffes und Entstehens der eine russische Besonderheit darstellenden Gruppe der *intelligencija*, deren Bedeutung sich von jener der Intellektuellen im eigentlichen Sinn unterscheidet, erlaubt eine Einordnung der Ärzte in einen weiteren

gesellschaftlichen Kontext.

Nach einer getrennten Untersuchung von sechs ausgewählten Arztfiguren wird zusammenfassend darauf eingegangen, inwiefern sich diese im Werk der beiden Schriftsteller-Ärzte nicht nur von den Vorgängern, sondern auch jeweils voneinander unterscheiden. Durch Anwendung der typischen, Vertretern der *intelligencija* üblicherweise zugeschriebenen Eigenschaften auf die Ärzte wird gezeigt, dass sie nicht nur zu dieser Gruppe gezählt, sondern sogar als deren Prototypen angesehen werden müssen.

Traunmüller Karin, Mag.iur; geb.1984,
2002-2007 Studium der Rechtswissenschaften Universität Wien und
Alcalá de Henares (Schwerpunkt Völker- und Europarecht)
seit 2007 Doktoratsstudium Rechtswissenschaften
2003-2010 Studium der Slawistik Universität Wien und Moskau (RGGU)
Teilnahme an Konferenzen: *Mai 2008*: Molodye issledovateli
Čechova. Melichovo; *April 2009*: Čechovskie čteníja v Jaltě
Publikationen: „Obraz vrača v proizvedenijach A.P. Čechova“ //
Molodye issledovateli Čechova. Sbornik statej. M. 2009.